

C15 Сакиа-муни (Будда): Его жизнь и философская деятельность; Конфуций: Его жизнь и философская деятельность; Савонарола: Его жизнь и общественная деятельность; Торквемада («Великий инквизитор»): Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции; Игнатий Лойола: Его жизнь и общественная деятельность. / Оформ. худож. А. В. Малафеева.— СПб: «ЛИО Редактор», 1993.— 368 с. (Жизнь замечательных людей).

ISBN 5-7058-0199-8

Переиздание книг из известной биографической библиотеки Ф. Ф. Павленкова, выпускавшейся в России в конце XIX — начале XX века.

63.3(0)

К. М. Карягин
САКИА-МУНИ (БУДДА)
КОНФУЦИЙ

А. К. Шеллер
САВОНАРОЛА

М. В. Барро
ТОРКВЕМАДА

А. А. Быков
ЛОЙОЛА

Биографические очерки

Издание осуществлено за счет средств
«ЛИО Редактор» и газеты «Народная правда»

Ответственный за выпуск *Е. В. Стукалин*
Редакторы *Е. И. Васьковская, Г. В. Горянова, Е. В. Шестакова*
Художественный редактор *В. И. Круговая*
Технический редактор *Е. В. Траскевич*
Корректор *Л. В. Мальцева*

Сдано в набор 21.05.92. Подписано в печать 24.02.93.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Печ. л. 23. Тираж 50200 экз.
Заказ 195.

«ЛИО Редактор», 190008, С.-Петербург, канал Грибоедова, 170;
«Народная правда», 193060, С.-Петербург, Смольный.

Оригинал-макет изготовлен в издательстве «Путь»,
189630, С.-Петербург — Колпино 5, а/я 239.

Фабрика «Детская книга» № 2 Министерства печати и информации.
193036, Санкт-Петербург, 2-я Советская, 7.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Ф. ПАВЛЕНКОВА

◆ БУДДА
◆ КОНФУЦИЙ
◆ САВОНАРОЛА
◆ ТОРКВЕМАДА
◆ ЛОЙОЛА

1
—
◆

Санкт-Петербург
1993

*Текст книги воспроизводится в новой орфографии.
В необходимых случаях изменены написания имен
и географических названий.*

САКІА-МУНИ

БУДДА

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Н. М. Карягина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія и Хромолитографія А. Траншель, Стремянная, 12.

1891.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В подавляющем числе фактов жизнь человечества представляет печальную и грустную картину, конечно, если рассматривать ее таковой, какова она в действительности, не предаваясь обманчивым иллюзиям. Среди узкоэгоистических стремлений, среди беспощадной борьбы за существование совершенно исчезают присущие нравственной стороне человечества стремления к идеалу любви и солидарности между людьми. Но, к счастью, для человека среди этого мрака зла и эгоизма, как спасительные маяки, разливающие свет в ночной темноте, время от времени являются люди, отдающиеся всецело служению человечеству и побеждающие в себе эгоистические стремления. Эти люди так или иначе пытаются направить человека на забытый им путь к правде, воскресить в нем веру в покинутый им идеал любви. Как люди они, конечно, могли ошибаться и попадать на ложный путь в достижении истины, но это не умаляет их заслуги как двигателей развития человеческой мысли и пробудителей человеческой совести. К таким людям принадлежал и Сакиа-муни,* религиозный реформатор Индии и основатель пессимистического учения. Предметом предлагаемого биографического очерка и будет описание жизни и деятельности этого мудреца древности. Приступая к описанию его жизни, мы должны сказать, что воспользуемся при этом только строго историческими фактами, отбросив все вымыслы и чудеса, которыми в изобилии снабдила жизнь великого учителя плодовитая и пылкая фантазия его ревностных последователей и которые заставляют сомневаться в существовании Сакиа-муни как исторического лица (Senart. Essai sur la legende du Buddha). Но сомневаться в историческом существова-

* Здесь сохранена орфография первоисточника. В современном написании — Шакья-Муни.

нии Сакиа-муни нет повода, хотя, конечно, того Сакиа-муни, о котором идет речь у буддистов, никогда не могло быть в действительности.

Для уяснения той среды, в которой приходилось жить и действовать Сакиа-муни, и во избежание сносок и отступлений при изложении его жизни и учения, мы предпосылаем по возможности полное, по крайней мере в деталях, касающихся жизни и учения индусского мудреца, изложение социального, политического, морального и религиозного быта Индии до Сакиа-муни. Считаем это тем более необходимым, что, как это будет видно, учение Сакиа-муни является логическим развитием господствовавших в Индии до него философско-религиозных доктрин. Как материалами при составлении очерка мы воспользовались сочинениями следующих авторов:

1. *Вейс*. Внешний быт народов древнего мира. Т. I. М. 73 г.
2. *Арнольд*. Свет Азии. перев. под ред. В. Лесевича. СПб. 1890 г.
3. *M. Müller*. History of ancient sanscrit literature. L. 1859.
4. *Lénard*. La philosophie orientale v. I. P. 1889 г.
5. *Ольденберг*. Будда, его жизнь, учение и община. М., 1884 г.
6. *Труды пекинского миссионерского общества: «Жизнеописание Будды», о. Палладия.*
7. *Sénart*. Essai sur la légende du Buddha. P. 1875 г.
8. *Burnouff*. Introduction à l'histoire du Bouddhisme. Indien. P. 1876 г.
9. *Barthélemy*. Saint-Hilaire. Le Buddha et sa religion. P. 1868 г.
10. *Васильев*. Религии востока.
11. *Хрисанф*. Религии древнего мира. Т. I.
12. *H. Ollcott*. A buddhist catechisme. L. 1881 г. и некот. другие.

ВВЕДЕНИЕ

Краткий очерк социального и политического быта Индии до Сакиа-муни. Религия, мораль и философия Индии до Сакиа-муни.

Со времен глубочайшей древности Индия привлекала к себе внимание всех народов. В их воображении эта страна с ее роскошной растительностью и почвою, скрывающей в своих недрах неиссякаемый источник плодородия и неисчислимые сокровища, казалась земным раем, полным таинственных чудес. Еще в эпоху, о которой сохранились в истории одни лишь смутные сведения, сюда проникли арийцы, впоследствии принявшие название индусов (что значит «синий», «смуглый»), и, постепенно покорив черных аборигенов страны, выработали здесь в продолжение тысячелетий свою своеобразную цивилизацию, своеобразную именно той общей всем восточным цивилизациям чертой, что она также страдает недостатком прогрессивного развития — восток по преимуществу является царством неподвижности и застоя.

Эта черта восточных цивилизаций обусловливается главным образом, как мы увидим далее на примере Индии, тесною связью социального быта восточных народов с их религиозными воззрениями.

Кроме того, самые климатические и физические условия Индии сильно влияли на развитие культуры арийцев. Помимо туземцев арийцам приходилось здесь бороться с могучей природой Индостана и бороться с неодинаковым успехом — местами одолевал человек природу, местами сам покорялся ей. Величественные горные хребты, громадные реки, непроходимые леса и болота — рассадники губительных болезней, джунгли, подобные лесам, засухи, наводнения, разного рода дикие кровожадные звери и, наконец, самый климат страны, жаркий и зной-

ный,— все это препятствовало успешной культуре страны. Но, в конце концов, человек, хотя и с громадной затратой сил, оказался победителем, он выработал свою культуру, довел ее до известной степени совершенства, но на этой степени и остановился, подавленный созданными самим же им религиозными и нравственными воззрениями.

Героическую эпопею этой борьбы арийцев с природой страны и с подобными себе и постепенное покорение шаг за шагом последних первыми можно проследить по древнейшим литературным памятникам, принадлежащим Индии,— «Ведам» и «Законам Ману». Веды представляют произведения целых веков и поколений. Существенные элементы их принадлежат глубочайшей древности, по крайней мере в своих первоначальных частях. Эти произведения состоят из собрания гимнов, полных живой и детски наивной поэзии, хотя местами и монотонной. По ним легко можно представить себе картину религиозной и социальной жизни арийцев той эпохи, когда они только что оставили свое прежнее отечество и жили по берегам Инда, не распространяясь на восток и юг страны, и когда образ их жизни отличался простотой нравов патриархального быта, еще не знавшего позднейшего разделения на касты и сословия. Этот период истории арийцев называется «ведийским».

Кодекс законов, известный под названием «законов Ману», рисует нам картину следующей эпохи истории арийцев — периода «браманского». Законы Ману по степени важности и значения для религиозной и социальной жизни арийцев занимают первое место после Вед. В них собраны все постановления, определившие и установившие все отношения религиозной, политической и общественной жизни индусов. По этим двум памятникам мы и попытаемся представить картину жизни арийцев до Сакьямуни.

Первоначальной единицей арийского общества, как и всех других древних патриархальных обществ, была семья. Семья находилась под абсолютною властью отца — отец был ее царем, судьей и жрецом, но при всем своем абсолютизме он не был личным владыкой семьи, а только воплощением или представителем ее прав и обязанностей. Доблести и подвиги каждого отдельного члена семьи

распространялись на всю семью, за все его проступки и обязательства отвечала также вся семья.

Семья была неделима, и как бы ни была она многочисленна, она тем не менее оставалась одним юридическим лицом, а ее имущество — земля и проч., общим и нераздельным под управлением отца, обязанности которого после его смерти переходили к сыну.

Развиваясь из семейства, всякое патриархальное общество существовало на принципе кровного родства. Этот принцип, как мы увидим далее, особенно строго применялся у арийцев. В патриархальном обществе все взаимные отношения, права и обязанности были основаны на факте действительного или предполагаемого происхождения от одного общего предка, и, разумеется, если к такому обществу примыкали почему-либо люди чужого рода, то они не пользовались правами и преимуществами родственных членов, за исключением случаев усыновления. Подобное присоединение чуждого элемента положило начало социальной дифференциации, разделению общества на сословия.

Когда и как случился у арийцев переход от патриархального быта к быту с определенным государственным устройством, трудно точно сказать — уже издавна из среды арийского общества стали выделяться семьи, на которых лежали известные обязанности. Исполнение этих обязанностей переходило от отца к сыну и считалось наследственным, а со временем эта наследственность получила и религиозную санкцию. Вследствие этого арийское общество постепенно разделилось глубокими пропастями на четыре сословия или касты: касту жрецов, или браманов (чистых), касту воинов, или кшатриев, касту вайсьев, или ремесленников, купцов и земледельцев, и касту судр. Последняя каста образовалась из покоренных народов и составляла самую многочисленную часть народонаселения Индии: этим народам арийцы в противоположность себе дали название «млечча» — нечистые (слово «ариец» означает «благородный»).

Желая сохранить чистоту крови своего племени и опасаясь, что вследствие своей малочисленности они могут быть легко поглощены массой покоренных народов, арийцы строго исполняли законы, касающиеся подразделения на касты. Во всяком обществе, во всяком государстве существовало и существует неравенство меж-

ду людьми. Везде к естественным неравенствам прибавляли еще искусственные. Повсюду сильные притесняли и притесняют слабых, но нигде это неравенство не имело такого строгого, резкого, систематического характера, как у индусов.

Законы, касающиеся каст, простирали свою строгость до того, что предписывали смотреть на членов низших каст как на существа нечистые — прикосновение их к кшатрию или браману оскверняло последних и требовало очищения. Особенно строго применялся матримониальный закон, повелевавший брать жену только из своей касты, — брак признавался законным только между членами одной и той же касты. Дети, родившиеся от принадлежавших к различным кастам родителей, считались ниже животных и назывались чандалами.

По Ману, происхождение каст и их обязанности объясняются следующим образом: браманы были созданы из уст Брамы, верховного существа, кшатрии — из его рук, вайсьи — из лядвей, судры — из ног; сообразно этому происхождению, обязанности брамана заключались в проповеди священного слова, и его прирожденными нравственными качествами были умеренность, непорочность, терпение, мудрость; обязанности кшатрия заключались в охране общества, и им присвоены были слава, отвага, великодушие и добрая нравственность; обязанности вайсьи — в производстве жизненных продуктов, и судры — в служении трем высшим кастам. Члены трех первых каст назывались дважды рожденными, потому что при достижении юношеского возраста над ними совершался торжественный обряд принятия и посвящения в касту, что считалось вторым рождением. Посвящение состояло в торжественном возложении священного шнура, отличительного признака высших каст. Этот шнур надевался через левое плечо поперек груди. У судр подобного шнура не было. Браманы носили шнур хлопчатобумажный, кшатрии — сделанный из волокон конопли, и вайсьи — шерстяной. Таким образом, мы видим, что, по законам Ману, не только власть и уважение, но даже самые добродетели распределены между людьми неровно и являются привилегией двух высших каст; мы видим, что самые возвышенные из добродетелей представляют неотъемлемую собственность браманов, самые блестящие из них принадлежат кшатриям; что же касается низших

каст, то они, собственно говоря, не обладают добродетелями, а только обложены повинностями, — ваисьи должны обрабатывать землю и ходить за скотом или промыслять, судры же — исключительно служить высшим кастам. Впрочем, ваисьи имели и более возвышенные обязанности — благотворительность, приношение жертв, чтение священных книг; у судр же, низведенных на последнюю ступень унижения, не было даже и этих обязанностей.

Подобный социальный порядок вначале благоприятствовал развитию жизни арийского общества как в умственном, так и в политическом отношении; культура страны достигла высокой степени развития; но с течением времени тот же порядок парализовал дальнейшее ее развитие — она развилась настолько, насколько допускали пределы, положенные религией. Мы уже упоминали, что социальный строй индусского общества основывался на религии, а так как религия везде рассматривается как нечто постоянное и неизменяемое, то и основания социального быта, построенные на религиозных началах, являлись неизменяемыми. В самом деле, цивилизация индусов, насколько она выражается в успехах умственной жизни народа, — в успехах науки, философии и искусства, остановилась на пределе, указанном религией. Сдерживаемая тесными рамками религиозных догматов, наука и философия погрузились в дебри отвлеченных вымыслов, а искусство, не имея простора, необходимого для творческой фантазии художника, нашло себе исход в изображении чудовищных фантастических форм. Оно отличалось мистическим характером — символика преобладала в живописных, скульптурных и архитектурных произведениях. Музыкальное искусство, очень любимое этим кротким и меланхолическим народом, было единственным, пожалуй, избегнувшим влияния религии, чего нельзя сказать о поэзии. Поэзия была очень развита у индусов; в ней преобладали эпические и лирические произведения, отличающиеся глубоким чувством; многие дорогие человеческому сердцу привязанности, а также человеческая скорбь изображаются в них в высшей степени трогательно. Но и на поэтические произведения религиозное влияние наложило свой глубокий отпечаток.

По свидетельству греческих историков, Индия за 6—7 веков до Р. Х. представляла следующую картину политического и культурного состояния: в это время в Ин-

дии уже было множество богатых и больших городов, принадлежавших более или менее обширным и могущественным государствам с деспотическим правлением, или бывших самостоятельными республиками.

Чтобы дать понятие о городах и городской жизни того времени, мы приведем здесь поэтическое описание одного из таких городов: «Три широкие, всегда чисто содержимые улицы, выровненные по шнуру, тянулись во всю его длину. Дома, построенные один возле другого, окружались светлыми дворами, длинными колоннадами и великолепными террасами. Над домами горожан, подобно горным вершинам, возвышались купола дворцов. В разных местах города виднелись площади, парки с прудами и прекрасные сады. Высокие насыпи и глубокие рвы окружали его отовсюду. В его стенах, обложенных разноцветными камнями, наподобие шахматной доски, сделаны были крепкие ворота с прочными запорами. На гребне стен стояли лучники на страже «у смертоносного оружия». Улицы города были полны движения: по ним постоянно ходили и ездили множество чужеземцев, послы иностранных государств, купцы со слонами, лошадьми и повозками. Из домов неслись звуки тамбуринов, флейт и стройного пения; воздух был напоен курящимися благовониями, запахом цветов и жертвенных приношений. По вечерам сады и парки наполнялись толпами гуляющих, а на портиках собирались молодые люди и девушки для веселых танцев».

Из государств того времени наиболее значительными были Косала (современный Ауд), занимавшая плодородные поля по берегам реки Сараджаны, и Магадха, нынешний Бихор. Цари Косалы имели свое пребывание то в их древней столице Аджадхии, то в новой — Сравасти. В конце шестого века в Косале правил царь Прасенаджати.

В Магадхе столицей был гор. Раджагриха (царский дом). Он был расположен к югу от современного города Патна; развалины г. Раджагрихи до сего времени служат местом паломничества буддистских пилигримов. Магадха была самым могущественным и обширным владением того времени; она простиралась от Бенгальского залива и Брахмапутры до Бенареса. На юге ее границей были Виндийские горы, а с севера Гималаи. В Магадхе при Саккиа-муни царствовал Бимбисара, вступивший на престол в 603 г. до Р. Х.

Из менее важных государств назовем царство Каси, лежавшее около нынешнего Бенареса, тогда называвшегося Варенаси, страну Малласов с г. Кусинагарой и г. Вайсали, торговую республику.

Исторические памятники той эпохи рисуют блестящими и роскошными красками картину жизни привилегированных классов — царей, вельмож, браманов, кшатриев.

Золотая и серебряная домашняя утварь, великолепные шелковые одеяния, вытканые золотыми нитями, оружие, отделанное драгоценными камнями, составляли неизбежную принадлежность их жизни. Роскошные дворцы царей и вельмож утопали в тенистых садах, в которых свежесть поддерживалась многочисленными прудами, покрытыми бесчисленными лотосами — священными растениями, символом производительных сил природы. Эти лотосы поражали своею красотой зрение и наполняли воздух благоуханиями. Вне города цари и вельможи имели обширные парки, куда они выезжали великолепными кортежами на лошадях и слонах, и здесь в тиши и удалении от городского шума, в тени магнолий и пальм, наслаждались весельем и отдыхом от забот правления. Гаремы царей и вельмож были многочисленны: кроме двух или трех главных жен, у них было обыкновенно множество наложниц, и рождавшиеся дети часто отдавались на попечение разом нескольких кормилиц. Бесчисленное множество разного рода служащих — медиков, астрологов, танцовщиц, музыкантов, фокусников и других находилось при дворах царей и вельмож. Благодаря этой роскоши жизни привилегированных классов, промышленность и торговля сильно развились. По стране беспрестанно двигались торговые караваны; по ее дорогам постоянно тянулись целые вереницы нагруженных товарами верблюдов, слонов, быков, ослов и даже людей. Наиболее распространенными товарами были разного рода предметы роскоши — шелковые ткани, сандаловое дерево, драгоценные камни, духи и проч. Торговцы из жажды барышей часто решались даже пускаться в открытое море, например посещали остров Цейлон, и между купцами встречались обладавшие несметными сокровищами. Торговыми операциями занимались преимущественно вайсьи — это было, как мы знаем, их прямая обязанность, по закону Ману, но тот же Ману

разрешил заниматься торговлей и браманам, чем последние пользовались, являясь опасными конкурентами вайсьям, ввиду того, что браманы не обязаны были платить какие-либо подати или повинности. Но все предметы роскоши, циркулировавшие в торговле и промышленности, потреблялись только высшими классами; на остальной массе лежала исключительно обязанность доставлять средства высшим классам для приобретения этих предметов роскоши, и в то время как высшие касты в роскоши блестящей внешней жизни находили временное утешение и забвение от давивших все индусское общество религиозных воззрений, народная масса находилась в самом жалком положении убийственного поголовного рабства, подавляемого двойным игом деспотизма государственного и деспотизма религиозного. Тем не менее народ с кротостью переносил свою плачевную судьбу и строго выполнял все то, что требовали от него нравственные правила и религия, к изложению сущности которых мы сейчас и перейдем.

Религия индусов представляла собою идеалистический пантеизм и отличалась крайним мистицизмом. Идеализм, созерцательность и фантазия были издавна свойственны нравственному и умственному складу арийского племени. Арийцев не удовлетворяла грубая и прозаическая действительность окружающей их жизни, «они стремились к иному идеальному миру», и их пылкая, проникнутая глубокой поэзией фантазия населила весь мир богами и обоготворенными героями. Агни (бог огня), Индра, царь неба, воинственный и грозный бог, вокруг которого группируются Маруты, не менее грозные боги молнии и урагана, сыновья бога Рудры, покровителя, Вишну, Брахамати и многие другие боги составляли пантеон арийских божеств в период воинственной жизни арийского племени, когда он нуждался в защите грозных и воинственных богов. Кроме обоготворения природы и ее сил, в религиозный культ арийцев входили верования в переселение душ и поклонение душам умерших предков. Верование в переселение душ принадлежит почти всем древним религиям. Человеку трудно было примириться с мыслью, что жизнь его есть нечто временное, проявляющееся в вечности лишь на мгновение и затем исчезающее навсегда, и он создал это верование. Он верил, что жизнь, этот величайший дар природы, вечна, что она,

изчезнув со смертью человека, переходит в тела других одушевленных существ и после целого ряда переселений опять воплощается в человеческом существе. Он думал, что страдания и горести настоящей жизни есть следствие несовершенства жизни предыдущей, и что благодаря заслугам он может возродиться для более счастливой жизни.

Таковы были религиозные воззрения арийцев в патриархальную и воинственную эпоху их жизни.

Но период завоеваний миновал, наступило время мирной, земледельческой жизни и прочного государственного строя. Благодаря кастовому порядку, высшие классы имели возможность отдавать духовной жизни более времени, чем в предшествовавшую эпоху, и фантазию арийцев перестали привлекать грандиозные мифологические образы. Они пошли далее в развитии пантеизма, и он стал первым и последним словом всей религии индусов. Они стали представлять божество как вселенную в ее целом, как общую совокупность явлений природы, стремились отыскать божество в понятии о бесконечном. Отличаясь страстной и пылкой фантазией, к которой впоследствии присоединилось горькое разочарование в земной жизни, арийцы стали искать в жизни только то, что считали в ней непреходящим, неизменным, стали представлять ее только призраком бытия и прониклись мыслью о ничтожестве человеческой жизни.

Выразителями и истолкователями этих пессимистических взглядов на жизнь были браманы.

По их учению, истинное, действительное бытие заключалось только в единой всеобщей сущности, в мировой душе, бесконечной и неизменной, Бrame; в нем был центр и источник бытия; вне Бrame были только иллюзия, обман, заблуждение, и всякое отдельное существование было лишено всякого самостоятельного значения. От этой мировой души все происходит, и к нему все возвращается. Душа человека тождественна мировой душе и является частицей этой души, ее излиянием, и главным желанием человеческой души должно быть стремление возвратиться к своему первоначалу, путем нравственного усовершенствования; в противном случае душа никогда не освободится от переселений из одной телесной оболочки в другую.

По учению браманов — Брама заключал в себе три начала — начало творческое, начало сохранения и начало

разрушения — Брамму, Вишну и Шиву. Эта тройственность в браманской теологии известна под именем «Тримурти». Все в мире совершалось по законам, установленным Брамой или, скорее, Тримурти, но время от времени порядок нарушался и тогда для восстановления гармонии божество воплощалось и сходило на землю под именем Кришны. Воплощения эти имели различные причины: иногда они совершались для того, чтобы исправить расстройство в видимой материальной природе, иногда, чтобы направить жизнь человеческую к ее целям или же искоренить зло, воцарившееся среди человечества.

Доктрина браманов всецело царила над умами арийцев, и все их усилия устремлялись к достижению нравственного и религиозного идеала — соединению с Брамой. Пути к соединению с Брамой, по учению браманов, служили или подвиг — умерщвление плоти разного рода физическими истязаниями, или созерцание, т. е. стремление путем разного рода мистических обрядов к уничтожению души в сущности Браммы. Впрочем, надо заметить, что то и другое было только достоянием касты браманов, потому что они только могли надеяться на соединение с мировой душой, члены остальных каст могли рассчитывать только на возрождение в браманской касте или же в одной из высших, и на них лежала только обязанность исполнять предписания, данные браманами. Заметим здесь, что вышеупомянутые религиозные воззрения принадлежали преимущественно двум высшим кастам; простой народ менее ревностно относился к этому культу. Метафизические воззрения браманов были ему чужды, и он продолжал придерживаться древнего культа обожания природы; занятый непосильным трудом, он не имел времени вникнуть в отвлеченные тонкости браманской теологии, и в то же время находясь в постоянном общении с природой и чувствуя на каждом шагу ее влияние и могущество, он из среды древних богов выбрал тех, которые наиболее отвечали его желаниям и потребностям. Народ, как было сказано, уже пережил воинственный период своей истории и перешел к мирному возделыванию полей — и он забыл воинственного Индру и стал призывать Вишну, бога земли и света, ход которого регулировал времена года и который совместно с другим богом, Гора, считался покровителем земледелия. Но верование в переселение душ проникло глубже в сознание

народа, и, вследствие этого, он, подобно высшим кастам, безропотно покорялся предписаниям браманского ритуала, хотя значение этого ритуала было для него темным. Он с кротостью выполнял тяжелые покаяния, приносил бесчисленные жертвы (всех необходимых жертвоприношений, по Ману, было пять разрядов; совершение этих жертвоприношений считалось обязательным для каждого и притом каждое утро и вечер), одним словом, исполнял все предписания браманов в надежде улучшить свое будущее бытие, возродиться при лучших условиях в будущей жизни. Предписания же браманов доходили до мелочей и касались не только духовной, но и физической жизни арийцев, например ими было предусмотрено, какая пища, одежда и даже постель и способ приготовления этой постели должны соблюдаться в той или в другой касте.

При малейшем нарушении этих предписаний каждый рисковал возродиться в низшей касте и при самых тяжелых условиях новой жизни, и подобная оплошность могла быть искуплена только путем строгих и жестоких покаяний.

Разумеется, эта бесконечная неутешительная перспектива беспрестанных возрождений при тех же самых плачевных условиях страшила народ и лежала на нем, и без того уже задыхающемся под давлением системы каст, тяжелым бременем, и народ постепенно слабел, и стремление к покою, общее племенам жаркого пояса, выразилось в нем особенно сильно и подавляло в нем все остальные чувства. Этот народ, противно всем законам человеческой природы, инстинктивно боящийся, как злейшего врага, смерти, страстно жаждал ее, его пугала возможность «прожить еще сто долгих зим» и приводила в отчаяние необходимость и неизбежность перерождений, а стало быть, новой жизни, новых страданий, новых мучений. Идеалом народа сделалось стремление покинуть этот мир, который был, по его мнению, бездной, неисполненной зла и страданий.

Подобное мировоззрение, кажется, пожалуй, еще более странным, когда мы узнаем правила нравственности, приводимые в законах Ману. Эти правила также тесно связаны с религией и считались откровением божества. Они отличаются в некоторых случаях кротким и снисходительным характером. Из них первое место занимают любовь и уважение ко всем живым существам, что было

следствием верования в переселение душ. Законами Ману счастье обещается тому, кто щадит жизнь животных, причем браманам предписано пользоваться такими средствами пропитания, которые не соединены с вредом для одушевленных существ или которые причиняют им как можно менее зла. Эта заботливость доходит до того, что браманам запрещено даже раздавливать без всякой причины глыбы земли и срывать травки. Тем более следует воздерживаться причинять людям зло. «Никогда не следует показывать дурного расположения духа, если бы мы даже были обижены, ни стараться вредить другим, ни даже помышлять об этом; не должно произносить ни одного слова, которое могло бы кого-нибудь оскорбить». «Тот, кто кроток, терпелив, чужд общества злых, получит доступ на небо за свою любовь к ближнему». «Кто прощает брань огорченным людям, почтен на небе. Кто мыслит о мщении, тот потерпит наказание». Вот некоторые черты морали браманов, приводимые в Ману. В других рекомендуется сострадание к несчастью и уважение слабости. «Дети, старцы, бедные и больные,— говорит Ману,— должны считаться властелинами земли». Женщине, как существу слабому, также должно быть оказываемо уважение. «Везде, где женщины пользуются уважением, там общество удовлетворено»; в противном случае все благочестивые дела напрасны. Но надо заметить, что Ману же дает относительно женщины и другие постановления, вызванные сознанием слабохарактерности женщин. «Женщина никогда не должна вести себя, как ей хочется». «Женщина никогда не должна исполнять своего желания, даже в своем доме». Наконец, женщина называется ничем иным, как только собственностью мужа, и притом это право выражено в очень грубой форме. В ней женщина уподобляется полю, а засев и урожай принадлежат владельцу поля. По Ману же мы можем представить себе и семейные отношения индусов.

«Муж составляет одно лицо с своею женою». «В каждой семье, в которой муж нравится жене, а жена мужу, счастье упрочено навсегда». Союз девушки с юношей, основанный на обоюдном согласии, называется браком небесной гармонии. Жене предписывается любить и уважать своего мужа и по смерти его не произносить даже имени другого мужчины, и за это ей обещается полное блаженство в будущей жизни. Вот взгляд арийцев на отца и мать:

«отец изображает собою творца вселенной, мать изображает землю». «Отец, говорится в другом месте, достойнее ста наставников, мать достойнее тысячи отцов; для того, кто не уважает их, всякое благочестивое дело не имеет никакого значения. Вот в чем заключается главная обязанность, всякая другая является уже второстепенною». Мы привели несколько черт нравственности, касающихся всех классов народа. Посмотрим теперь, какова была нравственность двух высших каст. Мы знаем, что законы Ману приписывали браманам самые высшие нравственные качества и, между прочим, рекомендовали им избегать всяких мирских почестей и находить унижение столь же приятным, как амброзия, но это притворное смирение скоро заменилось самой наглой надменностью. Рождение брамана стало считаться священным событием — это воплощение справедливости; он — самодержавный властелин всех существ; все, что находится в мире, все составляет его собственность, он имеет право на все существующее. Остальные люди пользуются земными благами только благодаря великодушию брамана. Наконец, браман, будь он учен или неучен, есть могущественное божество. Но браманы сами по себе не были в состоянии защищать свои преимущества, поэтому они освятили религией и сделали священными преимущества касты воинов и взамен этого требовали от последней себе поддержки. Но, принимая защиту воина, браман все-таки не признавал его себе равным. Вот как говорит об этом Ману: «браман 10 лет, а кшатрий 100 лет считаются один — отцом, другой — сыном, и из них браман есть отец и к нему должно питать сыновнее уважение».

Итак, браманы неограниченно господствовали над народом; но, несмотря на преобладание браманов, правление в Индии не было теократическим, а монархическим, хотя власть царей и ограничивалась влиянием тех же браманов. Индусы смотрели на царя, как на божество в образе человека. По их верованиям, верховное существо создало царя из частиц богов Индры, Анилы, Сурии, Ямы, Агни и других божеств, и вследствие этого царь, как существо, созданное из сущности главнейших богов, превосходит остальных смертных. О монархе нельзя отзываться презрительно, хотя бы даже он был ребенком, и говорить о нем: «ведь это простой смертный».

Но и божественное происхождение не освобождало царей от уважения браманам. Царь обязан был свидетельствовать им свое почтение, как только встанет от сна, должен был сообщать им о всех своих делах, доставлять им пропитание и отдавать часть от всех приношений. Если царю доставалось какое-нибудь сокровище, то половина его принадлежала браманам, если же браманам, — то они имели право оставить себе все. Собственность браманов — в случае смерти и неимения наследников переходила к браманам, но ни в каком случае не к царю, точно также, за неимением наследников у кого-либо из лиц других каст, наследство поступало в пользу браманов. Имущество браманов было священно, царь не мог его касаться, даже в величайшей нужде он не должен брать подати с брамана. Все эти правила сопровождаются самыми страшными угрозами тем, кто отважится притеснять людей, «способных в своем гневѣ образовать другой мир и другие страны мира и превратить богов в смертных». Таким образом, цари были в руках браманов и их власть касалась только двух низших каст, лишенных всякой свободы и всякого влияния. Царь должен был принуждать их исполнять свои обязанности, потому что если бы они хотя на минуту уклонились от исполнения этих обязанностей, то были бы виною разрушения мира. Низшие касты должны были беспрекословно исполнять свои обязанности, потому что творец отдал весь род человеческий под защиту браманов и кшатриев. Ваисьи, например, ни в каком случае не должна приходить в голову мысль: «Не хочу ходить за скотом». Это была его обязанность, и он должен был исполнять ее. Судра же даже не имел права владеть собственностью, он был раб, а так как раб не имеет никакой собственности, то у него нет ничего, чем бы господин его не мог завладеть. Понятно, что при такой социальной системе, основанной на деспотизме и рабстве, на всех ступенях общественного строя охранительным началом служило наказание, и действительно, наказание прославляется и превозносится наравне с божеством. «Наказание есть могучий властелин, оно искусный правитель, мудрый применитель законов: в нем лучшее ручательство в исполнении четырьмя кастами их обязанностей. Наказание управляет человеческим родом и покровительствует ему; оно бодрствует в то время, когда все спит, наказание есть сама справедливость». «Наложное осмотрительно и

кстати, оно доставляет людям счастье, но примененное неосторожно, совершенно его парализует». «Если бы наказание не исполняло своей обязанности — мир пришел бы в смятение, все преграды (между кастами) были бы низвергнуты». И древнее законодательство не скупится на самые страшные и строгие меры наказания — смертная казнь, лишение какого-либо члена тела, изгнание, конфискация имущества играют между ними преобладающую роль.

Как мы видим, в основных чертах морали браманов смешиваются самым странным образом ужаснейший деспотизм и порабощение низших каст с трогательными началами учения, страшнейшие угрозы с правилами, твердящими о сострадании.

Преобладающей идеей в учении браманов была, как мы знаем, идея о ничтожестве земной жизни и о соединении с вечным — Брамой. Подобное мировоззрение создало в среде браманов характерное явление — это отшельничество. Оно было очень развито в Индии и пользовалось большим сочувствием со стороны всего общества, потому что идеи страданий и освобождения от них были общи всем классам арийского общества. Сперва только одни браманы, а со временем люди других каст, всецело отдавшиеся идее желанного освобождения от влияния на душу всего чувственного, разрывали связь с миром и удалялись в уединение, где подвигами суровой жизни стремились заблаговременно приготовить себе блаженство в будущей жизни. Нередко сами цари на склоне лет оставляли свое завидное положение и в тиши лесов предавались благочестивым размышлениям. Звание отшельника было священно в глазах народа, и он охотно доставлял им пропитание. Цари и вельможи также покровительствовали им и осыпали щедрыми подаваниями. Конечно, при таких благоприятных условиях число отшельников быстро увеличилось во всей Индии. Они разделились на несколько групп — одни, произвольные труженики, налагавшие на себя всевозможные более или менее тяжелые истязания, например они сидели более или менее продолжительное время между четырьмя пылающими кострами и с постоянно воздетыми к небу руками, спали на горячем пепле или на утыканной гвоздями доске, выдерживали долгий и строгий пост и т. д.; другие — созерцатели, искавшие покоя в бездействии духа и тела; третьи — соединявшие и

мученические истязания и созерцание; четвертые — скитальцы, бродившие по деревням и эксплуатировавшие суеверие народа разного рода гаданиями и фокусами. Главный притон отшельников был в Магадхе. Отшельники жили в ущельях и пещерах горы Гридракута, находившейся в окрестностях г. Радусагрихи, в лесах, простиравшихся на юг и юго-восток от г. Радусагрихи до г. Гайи, развалины которого известны под именем Будда-Гайи, и по берегам реки Ниранотжиры; в лесах обитали преимущественно пустынноики-созерцатели. Образ жизни отшельников был различен — некоторые из них придерживались полного уединения и тщательно избегали всякого сближения с остальным миром, другие старались держаться вблизи один от другого и время от времени собирались для совместных бесед; наконец, третьи жили общинами с строго установленными правилами общежития.

Как было сказано, отшельничество явилось результатом мрачных воззрений на жизнь человека, проповедуемых браманами, и в свою очередь послужило началом реакции против основных догматов учения браманов. Среди отшельников некоторые, обладавшие выдающимся и критическим умом, не удовлетворялись началами браманской теологии, философии и морали и выработали свои новые философско-религиозные доктрины. Конечная цель этих новых школ была та же, что и у браманов, т. е. стремление к счастью в этой и загробной жизни, т. е. к приучению души относиться бесстрастно к явлениям жизни, ее скорби и радости, и таким образом освободить душу от переселения, но они расходились с браманами в средствах достижения этой цели. Из этих новых философских школ, сбросивших с себя схоластические путы браманизма и отвергнувших его мертвящую ум и чувство обрядность, мы укажем только на философию Санкхьи, основателями которой были Капила и Патанджали, потому что их философия имеет некоторые сходные черты с учением Сакиа-муни. Философия Санкхьи являлась рационалистической реакцией против чрезмерных требований браманов, она нападала на учение браманов о Тримурти, не признавала значения жертвоприношений и внешней обрядности, критически относилась к теологии и авторитету Вед, доходила даже до отрицания существования богов, которым адресовались жертвы, и сильно подорвала значение браманской касты учением, что каждый

человек, к какой бы касте он ни принадлежал, может освободить свою душу от переселений. По учению Капилы и Патанджати, душа существовала сама по себе, она была отлична от природы, явления мира не производились ею и не касались ее, они были делом верховного существа, душа же являлась только орудием его. Чтобы освободиться от переселения, душа должна постигнуть эту истину и тогда она может относиться к явлениям жизни совершенно равнодушно, и хотя волнения мира не могут не восприниматься чувством, сознанием, разумом, но в душе, постигшей истинное познание, все эти волнения отражаются как образ в кристальной воде, нисколько не волнуя ее. По смерти тела душа, сознавшая свое отличие от природы, освободится от всех вещественных уз, как чуждого ей начала, и не возвратится в круговой круг переселений, но перейдет в первобытное состояние чистого духа. В своем развитии эта философия впадает в крайний экзальтированный мистицизм, и в этом отношении ее можно сравнить с философией мистиков всех времен и сект. Как мы видим, она учила, что душа может достигнуть своего освобождения только познанием, но не внешним, приобретаемым путем наведения и наблюдения, а внутренним познанием самого себя, самосозерцанием. Мы знаем, что созерцание входило и в учение браманов, как путь к духовному соединению с Брамою, но к созерцанию они присоединили еще умерщвление плоти: чтобы достигнуть полного бесстрастия ко всему внешнему, видимому, они учили: «кто, подобно слепому, видя, не видит, подобно глухому, слыша, не слышит, подобно дереву, бесчувствен и неподвижен, о том знай, что он достиг покоя». Но философия Санкхьи не признавала умерщвления плоти и стремилась достигнуть бесстрастия путем созерцания. При содействии некоторых внутренних и внешних средств они достигали этого психического состояния. Такими средствами служило продолжительное задерживание дыхания, известное положение тела, сосредоточенное на самом себе созерцание, исключительное обращение мысли на один какой-нибудь предмет. При таком сосредоточенном положении наступает глубокий покой чувств, и созерцатель испытывает целый ряд мистических ощущений. На первой ступени этого мистического созерцания аскет освобождался от всех земных желаний и весь отдавался одной мысли о слиянии с

верховным существом — им постепенно овладевало сладкое чувство блаженства, разливавшееся по всему его существу. Затем вследствие сосредоточенности на одной мысли и вследствие совершенного покоя, аскет начинал терять способность различать и рассуждать, он ни о чем уже не мог мыслить, кроме верховного существа. Далее он переходил в состояние полного безразличия даже по отношению к испытываемому им блаженству — в нем оставалось только неопределенное чувство физического блаженства. Наконец, исчезает и это чувство физического удовольствия, исчезает вместе с тем всякое чувство скорби и радости и наступает глубокое самосозерцание — аскет теряет память и делается свободным от всякого страдания, от всякого чувства удовольствия и неудовольствия — он впадает в состояние бесстрастия. При этом глубоком покое чувств, душа наполняется светом и в ней возбуждается чудодейственная сила *вибути* (ясновидения) и вместе с тем способность к единению с всемирным духом (йоги). От слова единение (йоги) последователи доктрины Санхьи называются йогистами. Как читатель может видеть, это психическое состояние индусских аскетов является одним из явлений гипнотизма или сомнамбулизма, еще недостаточно выясненной стороны человеческой природы, обратившей на себя внимание в Европе за последнее время, в Индии же известное среди браманов и буддистов уже за несколько сот лет до Р. Х. Самоусовершенствование и высшее духовное развитие основывалось у них на этом психическом акте. Как известно, в сеансах гипнотизирования экспериментатор повергает испытываемую личность в глубокий сон, заставляя ее устремлять все ее внимание на какой-либо предмет. Вследствие этого испытываемым субъектом овладевает состояние гипнотизма, состояние, характеризующееся отсутствием личной воли — гипнотизатор может подчинить своей воле испытываемое лицо и делать ему какие угодно внушения, и оно против желания исполняет их тотчас же или же спустя долгое время после сеанса уже в бодрствующем состоянии. Подобным же образом поступали и поступают и индусские аскеты, только с тем различием, что они соединяют в одном лице и гипнотизатора, и объект опыта — сосредоточением мысли на одном предмете они усыпляют себя и, совершенно отдавшись созерцанию своих идей, они приходят в состояние экстаза.

В этом психическом состоянии аскетов значительную роль играли, как это наблюдается и теперь, чисто патологические явления, следствия физического утомления от строгой отшельнической жизни, чрезвычайное душевное возбуждение, отзывавшееся на их нервной системе и вызывавшее в них явления галлюцинации слуха и зрения, неистощимую пищу которым доставляла их богатая фантазия. Такова сущность учения философской школы Санкхьи. К этой школе принадлежала при Сакиа-муни эклектикофилософская школа Ниргранта.

Кроме этих школ были школы философии Ньяйя Гаутамы и продолжателя его Канады, эпикурейская школа Локайятики и другие.

В начале пятого века до Р. Х. в Индии появилась новая философско-теологическая доктрина, выделившаяся из браманизма: это доктрина Сиддартхи Гаутамы, известного более под названием Сакиа-муни (что значит мудрец из рода Сакиев), или Будды, наименование, данное ему впоследствии его восторженными последователями и означающее человека, превосходящего всех остальных людей своими умственными, нравственными и даже физическими качествами. Таких будд до будды Гаутамы насчитывается у буддистов до 94-х, и они являются ничем иным, как заимствованием из верований браманов в воплощения Браммы под видом и формой Кришны.

ГЛАВА I

ЖИЗНЬ САКИА-МУНИ ДО ОТКРЫТИЯ ИМ ОСНОВ ЕГО УЧЕНИЯ

Место рождения Сакиа-муни, его генеалогия, рождение, детство, воспитание.— Вступление в брак.— Нравственный кризис.— Причины его по буддийским и историческим данным.— Сакиа-муни отшельник.— Его жизнь в отшельничестве.— Открытие им основных истин его учения.

На северо-западе от царства Косала, между непальскими предгорьями Гималаев и средним течением реки Рапти, на восточном берегу незначительной речки Рохини, притока р. Рапти, находилось небольшое царство Капилавасту, с главным городом того же имени. Оно лежало на плодородной равнине, орошаемой бесчисленными речками и потоками, стекавшими с вершин Гималаев.

Этим незначительным царством владел род Сакиев, еще в древние времена эмигрировавший сюда с дельты Инда.

Цари Сакиев, гордость которых вошла в поговорку, вели свою генеалогию от царя Икшвакулы, сына законодателя Ману, и в числе своих предков насчитывали даже одного святого мудреца по имени Готама. Он него они приняли свое фамильное прозвание Гаутама (Гаутама значит происходящий от Готамы, готамид).

Страна Сакиев, управляемая мудрыми и справедливыми царями, достигла очень высокой степени благосостояния и процветания. Главное ее богатство составлял рис, в изобилии произраставший на плодородных полях страны с ее богатым естественным орошением.

В стране среди великолепных бальзаминовых лесов всюду пестрели желтые поля риса. Многочисленные селе-

ния лежали среди этих полей, скрываясь в темной зелени магнолий и тамаринд. Бесчисленные торговые пути пересекали это царство и благодаря постоянному приливу караванов еще более увеличивали ее благосостояние и богатство.

Во второй половине шестого века до Р. Х. в этом благоденственном уголке земного шара правил славившийся своею справедливостью царь Суддходана. «Царь закона, он управлял по закону. В стране Сакиев не было ни одного царя, более почитаемого и уважаемого всеми классами его подданных», — говорят про него летописи.

Первая, главная жена Суддходаны обладала необыкновенной физической красотой и выдающимися нравственными и умственными качествами. За ее красоту ее прозвали Майя, что значит «призрак», «иллюзия».

В 623 году * до Р. Х. у Майи родился сын, ребенку дали имя Сирватасиддартха, сокращенно Сиддартха, что значит «совершенный во всех вещах».

При его рождении, разумеется сопровождавшемся различного рода чудесами, на изобретение которых не поскучилась фантазия буддистов, один отшельник по имени Асита, предсказал, что новорожденному предстоит в будущем высокая судьба быть властелином всего мира, если он изберет светскую жизнь, или «совершенным, великим» Буддой, если он отречется от мира. Предсказание это Асита сделал на основании найденных им на теле новорожденного 32 главных знаков и 80 второстепенных, характеризующих, по народным воззрениям, великого человека.

Предсказание Аситы произвело сильное впечатление на родителей Сиддартхи и послужило источником тревог и беспокойства для честолюбивой души Суддходаны.

Мать Сиддартхи умерла через семь дней после рождения сына.

О детстве Сиддартхи сохранились очень сказочные сведения. Как сообщает одна древняя летопись, детские годы мальчика прошли среди приволья родных полей, где он часто отдавался ранним размышлениям под тенью ду-

* Надо заметить, что летописи буддистов противоречат одна другой в вопросе о времени рождения и смерти их учителя и цифры годов возрастают по мере возрастания благоговения к памяти великого учителя и реформатора. Исторически верный год рождения Сакиа-муни — это 623.

шистого дерева «джамбу» и, конечно, в то же время он был окружен тою сказочною роскошью, о которой теперь трудно себе составить и понятие. В другой летописи говорится, что мальчик отличался кротким, добрым и задумчивым характером и унаследовал от матери ее физическую красоту.

Когда минул детский возраст, молодого царевича стали обучать различным искусствам и наукам; он быстро усваивал все, чему его учили, и вообще обнаружил блестящие способности как к умственным, так и физическим упражнениям. Отец отделил ему часть своих владений, окружил их блистательным двором и построил для него три великолепных дворца, по числу трех сезонов климатического года Индии — летнего, зимнего и осеннего. Сиддартха жил в этих дворцах в обществе своих сверстников, сыновей знатнейших фамилий страны.

Когда Сиддартхе наступил шестнадцатый год, отец решил женить его и выбрал ему в супруги дочь удельного сакийского князя Сопрабудды, красавицу Ясодхиру.

Но прежде чем сделаться супругом прекрасной Ясодхиры, царевич должен был по древнему арийскому обычаю выдержать состязание на турнире со всеми претендентами на руку Ясодхиры.

Состязание это обыкновенно состояло в стрельбе из лука, в плавании, верховой езде и других гимнастических упражнениях, требующих ловкости и силы.

Царевич вышел победителем из этого состязания.

Кроме Ясодхиры у Сиддартхи впоследствии были еще две жены и несколько наложниц из бывших при его дворе девушек — танцовщиц и музыкантш. Вторую жену его звали Гопа, и по преданиям, она принадлежала не к касте кшатриев, как того требовал закон, а к касте судр — отец ее был брадобреем.

При выборе второй жены Сиддартха просил, чтобы ему нашли невесту, отличающуюся умственными и нравственными качествами, не обращая внимания на ее происхождение. Черта, очень характерная и вполне допустимая в будущем отрицателе кастовых предрассудков.

Окруженный любящими женами и преданными придворными Сиддартха прожил в своих роскошных дворцах, предаваясь всевозможным удовольствиям и наслаждениям, до 29-летнего возраста.

На 29-м году жизни в царевиче произошел резкий нравственный перелом, в силу которого он решил оставить прежний образ жизни и отдаться новому.

Когда произошел в нем этот нравственный кризис и какие причины побудили его принять это решение, достоверно решить нельзя. Буддийские легенды объясняют это решение так: царь Суддходана, боясь, чтобы царевич действительно не сделался отшельником, как предсказал ему Асита, старался держать сына вдали от всего, что могло бы внушить ему мысль о несчастьях и бедствиях, наполняющих этот мир, и царевич до 29 лет прожил в полнейшем неведении о зле и печали, о смерти и страданиях, и даже о старости и болезнях. Но вот прогуливаясь однажды в сопровождении своего верного возничего Чанна в садах, окружавших его дворцы, он случайно встретил согбенного бременем лет старика, худого, с выступающими наружу жилами, с выпавшими зубами, все члены старика дрожали и от слабости он едва мог говорить.

Пораженный никогда не виданным до сих пор зрелищем, Сиддартха с удивлением спросил Чанну, что это за странное существо? Чанна ответил ему, что это старик... «Что же он и родился в таком виде и такое состояние есть принадлежность его рода?» — продолжал спрашивать царевич. «Нет, — отвечал Чанна, — когда-то и он был так же юн и цветущ, как и ты!»

Царевич, все более и более удивляясь, продолжал предлагать вопросы возничему. «Существуют ли еще подобные люди и каким образом они доходят до такого жалкого положения?» — говорил он. Чанна отвечал, что таких людей очень много и что уже таков порядок вещей, что люди стареются и дряхлеют, если не умирают молодыми. «Так же и я, Чанна?» — спросил в заключение царевич. — «И ты, господин», — ответил ему возничий. Эта встреча произвела на Сиддартху сильное впечатление, — вся красота окружающей его природы потеряла для него всякое значение, и, погруженный в глубокое и печальное размышление, он возвратился домой. Не успело заглухнуть в душе Сиддартхи впечатление первой встречи, как вторая, случившаяся также во время прогулки, еще более открыла глаза царевичу на так тщательно скрываемую от него мрачную сторону челове-

ской жизни. Он увидел человека, больного проказой, все тело несчастного было покрыто язвами и ранами, а в скором времени после этой встречи он увидел похоронное шествие. Когда ему объяснили значение и этих непонятных для него явлений болезни и смерти и сказали ему, что болезнь и смерть есть удел каждого человека и не щадят никого, он воскликнул: «О горе, к чему же служат царский блеск, роскошь и удовольствия, если они не могут предохранить человека ни от старости, ни от болезни, ни от смерти!? Как несчастны люди! Неужели нет никакого средства прекратить навсегда страдания и смерть!» Одним словом, эти три случая открыли глаза царевичу и произвели на него глубокое впечатление. Он увидел, что в этом лучшем из миров не все так прекрасно, как ему казалось до сих пор. Он убедился в ничтожестве удовольствий молодости и утех жизни, обманчивых и скоропреходящих, он увидел суетность всех забав и наслаждений, которым он так страстно предавался, и покинул их. Он стал размышлять о зле, наполняющем мир, о несчастной судьбе человека, подверженного болезням, старости и смерти. Все его помыслы были устремлены к решению вопроса, как избавить мир от зла, и, наконец, четвертый случай — встреча с покинувшим все земные блага отшельником, поразившим его достоинством, сосредоточенным спокойствием своего вида, указал ему путь, по которому, как он думал, всего легче возможно было достичь решения мучивших его вопросов.

Он решил покинуть свои дворцы, жен, сына, только что родившегося у него, и удалиться в уединение, чтобы там обдумать причины зла, смущающего людей, и найти средство, если не уничтожить это зло, то по крайней мере смягчить его.

Это решение, разрушая честолюбивые замыслы и надежды, возлагаемые Суддходаной на своего наследника, не могло понравиться ни царю, ни всему гордому роду Саккиев, которые относились к отшельникам с крайним пренебрежением и презрением и нисколько не уважали их. «Нельзя и требовать этого уважения, — говорил впоследствии Сакиа-муни, — от потомков Кшатрия, благородного и высокого рода».

Царь всеми доступными ему средствами пытался отклонить Сиддартху от принятого им намерения. Он окружил его еще большим великолепием, приказал

развлекать его танцами, пением, играми, надеясь, что эти средства отвлекут царевича от гнетущих его мозг мыслей и он забудет о них.

Но, несмотря ни на что, царевич остался непреклонным, и в одну ночь после роскошного празднества, тайно покинул дворец, сопровождаемый только своим верным Чанной. На своем любимом коне Кантаке скакал он в продолжение целой ночи и только на рассвете остановился на берегу реки Аномы, в окрестностях города Кумнигары, в стране Маллаав. Здесь он отдал свои драгоценности и коня слуге и отправил его обратно в Капилавасту.

Так повествуют буддийские легенды о душевном кризисе Сиддартхи. И действительно, весьма возможно, что однообразие бездеятельной жизни и пресыщенность наслаждениями возбудили в богато одаренной натуре царевича стремление нарушить эту жизнь, вызвали в нем жажду борьбы ради достижения высших целей. Безграничная доброта и искреннее сострадание к человеку, о которых свидетельствует все учение Сиддартхи, также могли послужить побудительными мотивами покинуть светскую жизнь. Он, конечно, ясно сознавал невозможность достигнуть желанных целей среди суеты мирской жизни и ничего не дающих, кроме утомления, наслаждений, и потому принял решение, как требовали понятия того времени, порвать все родственные и семейные узы и в уединении отыскать желанное осуществление заветных стремлений.

Но вместе с тем, наравне с хорошими побуждениями, здесь могли играть роль и другие, менее блестящие стороны человеческого характера, и весьма возможно, что принятое Сиддартхой решение было естественным результатом политических условий его родины, а также, как предполагает профессор Васильев, семейных неурядиц.

Дело в том, что отчизна Сиддартхи, Капилавасту, и несколько других мелких самостоятельных государств и вольных городов Средней Индии являлись не более как уцелевшими остатками существовавшего некогда союза государств и городов. Эти небольшие владения по своему географическому положению с течением времени малопомалу входили в состав постепенно усиливавшихся царств Косалы и Магадхи, находившихся в центре

Средней Индии. Как то, так и другое государство стремились образовать одну общую монархию. Государи Косалы сильно стеснили граничащее с их владениями царство Капилавасту с его западной и юго-западной границы. Они даже охотились на земле Сакиев, как на своей собственной, а современник Суддходаны и Сиддартхи насильно заставил Сакиев выдать за себя девицу из их рода, по имени Моли, что было против обычая, издавна практиковавшегося у потомков Икшвакулы, не выдавать девушек своего рода замуж в чуждый род, а также не брать себе жен из чужого рода. Это насилие было тем более оскорбительно для гордого рода Сакиев, что государи Косалы не могли похвалиться своими предками: они происходили из низкой касты.

Сакии чувствовали свое бессилие и на притеснения и унижения своего рода могли отвечать только чувством глубокой ненависти к притеснителям.

При таких-то обстоятельствах наследник Суддходаны отказался от своих прав на престолонаследие — бегство Сиддартхи как раз совпадает со временем нанесенного его роду оскорбления. Сиддартха, конечно, хорошо сознавал непрочность политического положения своей родины и предвидел скорое ее падение, что действительно и случилось еще при жизни Сиддартхи.

Но какие бы ни были причины, побудившие царевича принять решение отдаться служению человечеству, оно далось ему, конечно, не без тяжелой нравственной борьбы. Мирская жизнь представляла для него так много привлекательного, что отрешиться от нее раз навсегда было нелегко — ему пришлось покинуть могущество, власть, честь, славу, богатство, любовь — одним словом, все, что делает жизнь человека прекрасной, и изменить это спокойное существование на суровую и аскетическую жизнь отшельника; но как бы то ни было Сиддартха расстался навсегда со своим прежним положением и сделался отшельником.

Прибыв в окрестности города Кусинагары, он прежде всего обменялся с встретившимся ему нищим своим царским одеянием, оставив для себя только желтый охотничий плащ, который он постоянно носил (желтый цвет был присвоен в Индии одежде членов царских фамилий), и обрезал свои длинные волосы (тоже знак высокого и благородного происхождения).

Он пробыл в окрестностях Кусинагары семь дней, обдумывая, куда направить ему дальнейший путь, и, наконец, решил направиться к г. Раджагрихе. Сиддартха, конечно, слышал об отшельниках, живших вблизи этого города и славившихся своею мудростью.

Прибыв сюда, он сперва вступил в общество произвольных тружеников и сделался преврачумкой (так назывались люди, покидавшие мир с душеспасительной целью) под именем аскета Гаутамы.

Под руководством тружеников он усердно принялся изнурять свое тело жестокими истязаниями, с величайшим терпением переносил зной полуденного солнца и холод тропических ночей, бури и дожди, голод и жажду, и вообще все, что предписывалось правилами аскетизма для умерщвления плоти, но в конце концов увидел, что все эти истязания нисколько не приближают его к желанной цели; он убедился в их бесплодности, и жар к труженичеству охладел в нем; он покинул общество произвольных тружеников и перешел к созерцателям, последователям философа Санкхии.

Во главе созерцателей в то время стояли два брамана — Алара и Уддаха. Как мы знаем, все усилия созерцателей устремлены были к достижению бесстрастия; они думали, что достигнут совершенства, приучая душу к твердому и безмятежному покою.

Спокойный образ жизни созерцателей очень понравился Сиддартхи, и он решился пробыть среди них возможно долгое время. Под их руководством царевич постепенно стал усваивать метод их усовершенствования; он прошел все степени символической лестницы мистических созерцаний, с помощью которых постепенно умиротворял свой дух, научился освобождать его от чувственных волнений и мыслей, предохранять от влияния внешних впечатлений и водворять в нем непоколебимый покой.

Целые дни проводил Сиддартха в бездействии, с наслаждением погружаясь в мечтательный мир, и так полюбил это занятие, что не оставлял его в продолжение всей своей жизни.

Но и учение созерцателей не удовлетворило Сиддартху; он не мог согласиться с главным принципом их учения, что душа созерцателя, его «я», восходя по степеням созерцания, остается неизменной и что в самых выпренных самопогружениях, когда прекращается вся-

кая деятельность и всякое движение в душе, «я» могло также существовать.

Поэтому он покинул и созерцателей и решил в одиночестве совершить труд предварительного подвижничества.

Он направился на юг Магадхи и поселился в окрестностях города Гайи, в лесу, вблизи деревни Урувелы. Здесь он в полном уединении с большей страстью стал предаваться столь полюбившимся ему созерцаниям...

В одно из подобных самосозерцаний Сиддартха наконец нашел разрешение всех мучивших его ум и совесть вопросов, разрешение, которое он тщетно искал до сих пор. Он понял наконец и разгадал тайну страданий, удручающих человека; он нашел и средство к избавлению его от этих страданий. В этом мгновенном разрешении мучивших Сиддартху вопросов нет ничего удивительного и сверхъестественного: люди, одаренные чувствительною и восприимчивою натурою, с сильно развитою фантазией, способны переживать подобного рода ощущения и под влиянием сильного нравственного или умственного возбуждения или потрясения, под влиянием внезапно озарившей их мысли при этом возбуждении они приходят к решению занимавших их ум вопросов, находят ответы на эти вопросы. Сиддартха-Гаутама, как и большинство индусов, обладал крайне чувствительной и восприимчивой натурой и пылкой фантазией, отшельническая жизнь могла только развить в нем эти качества, и весьма естественно, что при одном из сильных психических экстазов в его мозге могла зародиться идея, разом осветившая, как ему казалось, все то, что до того времени было для него темным и неясным. С этого времени Сиддартха-Гаутама сделался Буддою, т. е. просвещенным, а со временем его восторженные поклонники совместили в нем все совершенные нравственные, умственные и физические качества, какие только возможно допустить в человеке. Сам новоявленный Будда не думал так высоко о себе, но тем не менее был глубоко убежден в верности и основательности открытых истин и надеялся, что с помощью их ему удастся искоренить предрассудки и заблуждения рода человеческого. Он смотрел на себя только как на единственного и общего руководителя в духовной жизни и мудрого наставника в изыскании истины. Рассмотрев всесторонне озарившую его идею, Сакиа-муни

выработал свой собственный взгляд как на философию, так и на аскетику и составил новое учение, значительно отличавшееся от существовавших при нем философско-религиозных систем.

Легенды повествуют, что Сакиа-муни долго обдумывал вопрос, должен ли он возвестить достигнутое им с таким трудом знание человечеству, скованному цепями неведения и греха, или нет, и что, наконец, движимый состраданием к страждущему миру, решил возвестить ему свое учение.

ГЛАВА II

СУЩНОСТЬ УЧЕНИЯ САКИА-МУНИ

Сходные черты учения Сакиа-муни и браманов.— Догматическая часть его учения: 4 истины о страдании и избавлении от них.— Нирвана.— Закон непостоянства.— Закон воздаяний и справедливости.— Мораль или аскетика учения.— 10 нравственных правил.— 10 цепей.— Отношение к кастам.— Взгляд на некоторые вопросы метафизики.— Форма изложения учения.— Односторонность учения Сакиа-муни.

Учение свое Сакиа-муни разделил на три части: теорию, или догматику, нравственность, или аскетику, и практику, или созерцание. По своей сущности учение Сакиа-муни являлось собственно логическим выводом из учения браманов и выделившейся из браманства философии Санкхьи. Его учение также проникнуто мыслью, общей всем индусам и не чуждой всем вообще людям в известные моменты душевного состояния, о ничтожестве жизни и о том, что род человеческий обречен на страдания. Сакиа-муни только развил эту идею более глубоко и приложил ее ко всему, что имело какую бы то ни было форму существования. Все его учение сосредоточивается преимущественно на этом одном чувстве ничтожества жизни и стремления освободиться от нее — с ней он является на проповедь своего учения и с ней и умирает.

Также нет большого различия между стремлениями браманов к поглощению души в соединении с вечным — Брамию и конечным пунктом учения Сакиа-муни — уничтожением, поглощением души в Нирване, между требованиями браманов насильно убить в себе все чувственные порывы жестокими самоистязаниями и созерцанием и требованием Сакиа-муни уничтожить их одним только самосозерцанием. Наконец, признаваемое

обоими учениями верование в переселение душ и закон воздаяния были также общими чертами учения браманов и учения Сакиа-муни.

Но этим сходство и ограничивается.

В дальнейшем развитие учения Сакиа-муни является вполне самостоятельным и несогласным с догматами браманской теологии. Сакиа-муни совершенно отрицал браманский центр бытия, мировую душу, Брахму; он понял, что сущность бытия браманов не что иное, как отвлеченное представление, пустота, и что на самом деле существуют только дробные явления, не имеющие никакой устойчивости, подвергнутые вечному изменению.

Отсутствие постоянства в мировой и земной жизни составляет одну из максим учения Сакиа-муни и, по его мнению, есть величайшее из всех зол — это «огонь, пожирающий весь мир».

Слова его, когда он касался этой максимы, поражают своею безнадежностью и горьким, печальным тоном. Он говорил: «сложное должно рано или поздно распасться, родившееся — умереть». Явления исчезают одно за другим, прошедшее, настоящее и будущее уничтожаются, все преходяще, над всем закон разрушения. Быстрая река течет и не возвращается, солнце безостановочно совершает свой путь, человек переходит из предшествовавшей жизни в настоящую, и никакие силы не в состоянии возратить его в прошедшую жизнь. Утром мы видим какой-нибудь предмет, к вечеру его уже не находим. Зачем гнаться за призрачным счастьем? Иной стремится изо всех сил достигнуть его в настоящей жизни, но тщетны его усилия, он бьет палкой по воде, думая, что, расступившись, вода останется в таком положении навсегда. Смерть властвует над всем миром, и ничто, ни воздух, ни моря, ни пещеры, никакое место во вселенной, не скроет нас — ни богатства, ни почести не защитят нас от нее; все земное должно рассеяться, исчезнуть. Пред смертью все равны — богатый и бедный, благородный и низкий; умирают и старые, и молодые, и люди средних лет, младенцы и даже зародыши в утробе матери; умирают все без разбора и срока. Мы идем к смерти прямой и верной дорогой. Тело человека, произведение четырех стихий, есть скудельный сосуд, распадающийся на части при первом сильном толчке. В течение всей жизни оно служит источником страстей, волнений и мучений.

Наступает старость, а вместе с нею являются и болезни — старик мечется в предсмертных судорогах, как живая рыба на горячей золе, пока наконец смерть не кончит его страдания. Жизнь — то же, что созревший плод, готовый упасть при первом порыве ветра; каждое мгновение мы должны опасаться, что течение ее прекратится, подобно тому как прекращаются гармонические звуки арфы, когда струны ее лопаются под рукою музыканта».

Но и смерть не освобождает человека от мира страданий и постепенного изменения — он вновь возрождается к новой жизни и вновь умирает, и так без конца вертится «вечно кружасьщееся колесо» перерождений, и от этого круговорота есть одно только прибежище и защита — Нирвана. К Нирване должен стремиться всякий, кто хочет освободиться от мира страданий; к ней должны быть направлены все помыслы человека — она возделенная цель для всех людей. «Нирвана — это вода жизни, утоляющая жажду пожеланий, это лечебница, врачующая от всякого рода страданий».

«После беспрестанного круговорота в бесчисленных формах существования, после бесчисленных перемен состояний, после всех трудов, беспокойств, волнений, страданий, неразлучных с переселением души, мы наконец свергаем с себя узы страстей, освобождаемся от всякой формы существования, времени и пространства и погружаемся в покой и безмолвие, в убежище от всех печалей и страданий, в ничем не нарушаемое благополучие — Нирвану».

Итак, Сакиа-муни, придя к убеждению, что всякое бытие есть страдание, учил, что для уничтожения страдания должно уничтожить само бытие, разрушить его до основания, «погасить в Нирване».

Но каким же образом можно было достигнуть этого состояния совершеннейшего покоя? Познанием четырех высоких истин, открытых Сакиа-муни и лежавших в основании его учения, — истины страдания, истины происхождения страдания, истины уничтожения страдания и истины о пути, ведущем к уничтожению страдания.

В первых двух истинах он излагает теоретическую часть своего учения и в 2-х последних практическую, именно необходимость избавления от страданий и средства к избавлению от них.

Сам Сакиа-муни так излагает эти четыре истины: «Братья, мы блуждаем по печальному, пустынному пути перерождений только потому, что не знаем четырех истин спасения. Вот, братья, высокая истина страдания: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, разлука с людьми любимыми есть страдание, близость людей нелюбимых есть страдание, недостижимость желаний есть страдание (короче, все существование индивидуума есть страдание). Вот братья, высокая истина о происхождении страдания: это жажда бытия (танха), ведущая от перерождения к перерождению; это — влечение к удовлетворению чувственности, влечение к индивидуальному счастью. Вот, братья, высокая истина об уничтожении страданий: это — совершенное уничтожение жажды бытия: уничтожение вожелений, их должно уничтожить, отрешиться от них, положить им предел. Вот, братья, высокая истина о пути, ведущем к уничтожению страдания, — это высокий осмеричный путь, который называется истинной верой, истинной решимостью, истинным словом, истинным делом, истинной жизнью, истинным стремлением, истинными помыслами и истинным самопознанием».

Познанием этих истин можно достигнуть вечного успокоения от страданий, мудрости, просвещения, Нирваны, т. е. такого душевного состояния, когда уничтожается всякая жажда бытия и исчезают все страсти, — состояния, которому ничто не соответствует в мире, оно выше всякой действительности, в нем существо, отрешенное от всякого движения жизни, погружается в совершеннейший душевный покой, и наоборот, неведение, незнание этих истин служат источником всех зол жизни. Кроме познания этих четырех истин, люди для достижения Нирваны должны были освободиться еще от следующих «десяти цепей», приковывающих их к существованию: во 1-х, от заблуждения, что «я», индивидуальность или душа неизменны; во 2-х, от сомнения в том, что существует путь к освобождению от перерождений; в 3-х, от убеждения в том, что разные религиозные обряды — молитвы, жертвы, почитание религий и прочие обряды и церемонии ведут к спасению; в 4-х, от чувственных страстей и желаний; в 5-х, от ненависти и недоброжелательства к своим близким; в 6-х, от любви к земной жизни; в 7-х, от желания будущей жизни на небе;

в 8-х, от гордости; в 9-х, от высокомерия и, наконец, в 10-х, от неведения. Познавший четыре истины спасения и освободившийся от «десяти цепей», по учению Сакиа-муни, мог достигнуть последней степени нравственного совершенства, совершенства Будды и вместе с тем Нирваны. Низшие степени совершенства, присущие людям, не вполне познавшим истину и освободившимися от 10 цепей, но близко стоявшим к достижению совершенного познания, присваивали этим людям познания арахатов (высшая степень) и анагаминов (низшая степень).

Но этого совершенства в постоянной жизни может достигнуть очень незначительная часть людей и именно тех, которые решатся покинуть мирскую жизнь; большая же часть людей, преданная суетной и мирской жизни, не в состоянии достигнуть совершенства, а может только, смотря по своим делам, улучшить или ухудшить свою будущую жизнь и, следовательно, приблизить или удалить блаженную минуту вечного успокоения в Нирване, и только в редких случаях и при особенно благоприятных условиях человек, ведя мирской образ жизни, мог достигнуть степени анагамина.

Здесь, как мы видим, Сакиа-муни признает верование браманов в переселение душ и в соединенный с этим верованием закон воздаяний.

По легендам, во время своих созерцаний Сакиа-муни часто видел целый ряд своих перерождений, а также и перерождений других существ. В своих беседах с учениками он часто упоминает о них. Он говорил: «В такое-то время я был там-то и там-то, говорил на таком-то месте, носил такое-то имя, принадлежал к таким-то фамилии и касте, жил столько-то лет так-то и так-то, то окруженный счастьем и богатством, то нищетой и бедствиями. После смерти я возвратился в мир в таком-то месте, у меня была такая-то судьба, наконец, я увидел свет здесь и сделался учителем».

Трудно допустить, чтобы Сакиа-муни нарочно выдумывал подобного рода рассказы, скорее, они являлись результатом галлюцинаций, испытываемых им во время созерцания, или же он прямо брал их из народных преданий и пользовался ими для выражения своих нравственных истин, сближая события давнего времени с происшествиями, которых он был очевидцем.

Вообще он придавал верованию в переселение душ и закону воздаяния только нравственное значение.

Последний был одним из основных принципов учения Сакиа-муни, и он при всяком удобном случае говорил о нем.

Всякое существование зависело от дел, добрых или злых, совершенных в предыдущие рождения. «Черное,— говорил Сакиа-муни,— отличается черным, белое — белым. Дело — начало и причина всякого существования». Сумма дел, совершенных существами, поддерживала существование вселенной со всеми ее степенями и разрядами, а качество дел определяло для существа будущую форму рождения. Кто совершал злые дела, за тем следовало страдание, как «колесо следует за шагом вьючного животного», кто же творил добрые дела, за тем следовали счастье и блаженство, «подобно тени, никогда его не покидая».

Этот закон воздаяний обуславливался моральным порядком вещей (кармой), законом связи причины и следствия.

«Строгая постоянная справедливость царствует в мире повсюду. Каждое дело приносит свой плод, и ничто не может спасти человека от последствий его поступков. Ни в отдалении неизмеримого мирового пространства, ни в пучине моря, ни в глубине горных пропастей, не найдешь ты места, где бы мог избежать последствий твоих поступков», говорится в Дхаммападе.*

Таким образом, мы видим, что Сакиа-муни придавал большое значение личности человека, его воле,— всякий человек, ведя справедливую и строгую жизнь и исполняя нравственные правила, данные Сакиа-муни, мог надеяться достигнуть со временем избавления от страданий. В одном из своих изречений он советует дорожить формой благородного человека, в которой только и возможно освобождение от переселений и которая достается в удел существу редко, через тысячелетия.

В этом отношении учение Сакиа-муни сильно ронзится от учения браманов.

Отрицая бытие Браны, к которому все сводилось в браманстве, Сакиа-муни вместе с тем отвергнул и

* Дхаммапада — собрание изречений Сакиа-муни для светских последователей.

первобытный идеалистический пантеизм (он не признавал божества как чего-то неизменного, как и остальные существа) и все источники браманского религиозного учения — Веды с их объяснениями, всю браманскую теологию с ее запутанною, софистическою диалектикой, с ее многообразной обрядностью и жертвоприношениями.

Расходясь с большею частью принципов браманского учения, Сакиа-муни расходился в то же время и с воззрениями других, современных ему философских школ Индии. Особенно сильно нападал он на учение о существовании неизменной души, неизменного положения, принятого почти всеми философскими школами того времени. Сакиа-муни, как мы знаем, признавал в душе творческую силу, так сказать, *raison d'être* всякого бытия — она может нисходить до степени души существа животного и даже растительного царства и уничтожиться в Нирване, смотря по заслугам. В этом заключалась догматическая часть учения Сакиа-муни.

Перейдем теперь к его аскетике, или нравственности.

Вместо продолжительных, тяжелых покаяний и жестоких истязаний браманов Сакиа-муни ввел мягкий аскетизм, выражавшийся главным образом в соблюдении нравственной чистоты.

Сакиа-муни установил, что желающий спастись должен был соблюдать следующие правила: охранять жизнь всякого живого существа и не причинять ему никакого зла, уважать чужую собственность, быть целомудренным, правдивым, воздержанным в питье и еде (Сакиа-муни запрещает пить спиртные напитки и советует принимать пищу в определенное время дня и по возможности раз в день), удаляться от всех светских удовольствий и развлечений, а также воздерживаться от разного рода украшений, мазей и т. п. Вот все правила аскетики, которые считал Сакиа-муни за необходимые для достижения возрождения при благоприятных обстоятельствах и которые он преподавал своим светским последователям.

От своих учеников он, кроме исполнения этих правил, требовал еще соблюдения двух следующих: 1) спать на жестком и низком ложе и воздерживаться от мясной пищи и 2) жить в добровольной бедности.

Отсюда мы видим, что Сакиа-муни, ясно сознавая, что не все люди способны отрешиться от мира и достигнуть Нирваны, попытался дать им нравственные правила, стремящиеся сделать более сносными невзгоды обыденной жизни и внушить людям живое и искреннее сострадание к их ближним и тем смягчить по крайней мере их горести и печали.

Он не оставил людей, не способных отрешиться от мирской суеты, их собственной судьбе, подобно своим предшественникам по философии. Он учил, что каждый человек, стремясь уменьшить тяжесть неизбежного зла для себя, должен стараться и для себе подобных и вообще для всех одушевленных существ; что люди должны быть кроткими, снисходительными, сострадательными и делать все, что возможно, для облегчения участи других, ввиду своего собственного благополучия; советовал не предаваться скорби о своих собственных бедах, но заботиться о других людях. Он говорил, что следует быть щедрым, давать милостыню и творить дела милосердия, доставлять пропитание бедным, заботиться о больных.

Добрым, совершаемым без всякой своекорыстной цели делам Сакиа-муни придавал большое значение и относился с презрением к людям, поступающим хорошо только на словах. Он говорил: «Подобно прекрасному цветку, поражающему блеском своей окраски, но не имеющему благоухания, красивые слова человека, не поступающего согласно с ними, не приносят плода».

Ввиду того же облегчения участи людей он, кроме того, давал весьма практические и очень полезные для обыденной жизни советы, например рассаживать по сторонам дорог целебные травы, сажать деревья, разводить роши и сады плодовых деревьев, где бы бедные путешественники находили плоды для утоления голода и тень для отдыха, рыть колодцы, строить гостеприимные дома и т. п.

Одна древняя надпись гласит: «Воздерживайся от всякого зла, твори добро, обуздывай свои мысли» — в этих немногих словах, можно сказать, заключается весь смысл учения Сакиа-муни о нравственности, или аскетике.

В нем, как мы видим, он проповедовал те начала человеколюбия и братства, которые существовали, как бы в

зародыше, и в законах Ману, но были там совершенно подавлены началом каст. Сакиа-муни развил и смягчил моральные начала браманизма.

Провозгласив равенство людей по происхождению в смысле общедоступности спасения и кроткое снисхождение к человеку во имя общей для всех горькой участи бытия, Сакиа-муни сильно поколебал авторитет каст.

Впрочем, надо оговориться, что Сакиа-муни не имел намерения нападать на политическое учреждение каст и даже придавал им большое значение в том отношении, что они имеют свои выгоды и невыгоды в смысле нравственного самоусовершенствования — высшие касты при их материальном обеспечении имели более шансов достигнуть его и в то же время у них было и больше соблазнов нарушить предписанные Сакиа-муни нравственные правила, а это, как мы знаем, было очень важно для будущей жизни.

Сакиа-муни преследовал только одну цель — цель спасения человечества путем его нравственного улучшения. В древнейших легендах и в духовных буддийских книгах, где приводятся изречения Сакиа-муни, не встречается ни одного возражения против существования каст; напротив, он смотрит на это учреждение как на установившийся факт, которого он и не думал изменять, он не проповедовал общественного равенства, но провозгласил его начало — равенство религиозное. Браманы считали науку благочестия, спасения как бы своею наследственной собственностью; прочие касты были принуждены исполнять только внешние обязанности, духовную пищу они получали от браманов, а достигнуть спасения они могли только возродившись в касте браманов. Напротив того, Сакиа-муни призывает людей всех каст пользоваться духовною жизнью и всем обещает спасение за благочестивую жизнь. Мы видели, что основатели других школ уже положили начало этому делу, нападая на предписанные браманами правила, как на совершенно бесполезные, и один из них (Капила) сделал для каждого доступным имя аскета, которое до него было почти исключительным правом брамана. Сакиа-муни пошел далее — он всех людей призывал к равенству духовной жизни и, таким образом, признавал между различными кастами духовное равенство, и

религию и благочестие сделал не преимуществом одной какой-либо касты, но правом добродетели, знания и заслуги.

Эти принципы, хотя и не были направлены непосредственно против системы каст, но все-таки значительно ее потрясли; главным же образом они были направлены против касты браманов. В одной из древних легенд говорится: «браман не отличается так, как камень отличается от золота или свет от мрака. И в самом деле, он ни произошел не из эфира, не из ветра — он, как и чандала, родился от женщины. Почему же один должен быть благородным, а другой нечистым? Ведь и брамана по смерти покидают, как презренную и нечистую вещь; с ним в этом отношении происходит то же, что и с людьми других каст. Где же различие?»

Оканчивая этот краткий очерк сущности догматики и аскетики учения Сакиа-муни (мы не говорим о третьем отделе его учения — о созерцании, потому что оно сходно с учением о созерцании Капила, о котором было упомянуто во введении, и отличалось от него только принципом изменяемости души, «я»), прибавим, что он положительно отказывался решать некоторые метафизические вопросы, например, откуда произошел мир и жизнь существа, есть ли начало мира или нет и т. д.

На подобные вопросы он отвечал, что они не имеют отношения к нравственным обязанностям человека, что драгоценным и скоротечным временем надо дорожить и не следует тратить его на подобные рассуждения, а необходимо готовиться к достойной встрече смерти. «Представьте себе человека, — говорил он, — раненного стрелой в грудь. Спасение его зависит от искусства врача, который легко может вынуть смертельное орудие. Неужели раненый станет спрашивать, из какого дерева сделана стрела, в какой цвет и какой краской она окрашена, и какой птицы перья к ней прикреплены?.. Неужели он станет заниматься подобными вопросами, зная, что время проходит и ему грозит неременная смерть?»

В другой легенде приводится следующий ответ на подобные же вопросы, предложенные ему учениками: «Вопросы эти бесплодны, потому что неразрешимы». И в подтверждение своих слов рассказал следующую древнюю историю о слепцах: «Один царь приказал собрать к себе во дворец слепых от рождения и спросить их, каков вид сло-

на. Слепцы отвечали, что они слепы и потому ничего не могут сказать ему. Царь приказал вывести слона и подвести к нему слепцов. Каждый из слепцов ощупал ту часть слона, к которой прикасалась его рука. Затем царь опять их подозвал и спросил, узнали ли они теперь, какой вид имеет слон. «Узнали,— отвечал один, ощупавший туловище слона,— он похож на ведро!» — «Нет,— прервал его другой, ощупавший ногу,— он похож на столб!» Третий, ощупавший хобот, утверждал, что слон похож на канат. Между слепцами возник бесконечный спор. Тогда царь сказал: «Толпа людей, лишенных зрения! К чему безумно спорить о форме слона, когда вы сами не знаете, кого осязали!...»

Сакиа-муни редко вообще произносил длинные речи, что было результатом его долгой отшельнической жизни, большая часть которой прошла в безмолвном созерцании; в большинстве случаев он высказывал свои поучения в кратких, но сильных афоризмах (судры), украшая их поэтическими сравнениями и аллегориями. Своим афоризмам он часто придавал числительную форму, что сильно облегчало их запоминание. Вот, например, один из его афоризмов: «три печати моего учения — всякое явление скоротечно, ни в чем нет постоянства, Нирвана есть покой». Учил Сакиа-муни преимущественно на трех туземных наречиях, которые он знал в совершенстве,— магадхском, тамульском (ныне дровирское) и млечча.

На предыдущих страницах мы изложили сущность учения Сакиа-муни. Как метафизик он смотрел на жизнь и ее явления сквозь призму субъективного мировоззрения. Глубоко разочарованный в жизни, он пришел к отрицательному, безотрадному и одностороннему взгляду на жизнь и, как результату этого взгляда, учению о Нирване. Он совершенно упустил из виду, что жизнь человека не должна быть пассивной, что цель ее заключается не в бездействии и сне, а в энергичной деятельности и борьбе, в стремлении к развитию нравственных идеалов человека и в уничтожении всего, что противодействует этому развитию, и, смотря на жизнь с собственной точки зрения, создал нравственное учение, высший идеал которого состоит в подавлении всякого жизненного ощущения, в *смерти заживо*, в уничтожении мысли и чувства.

Мораль Сакиа-муни дает краткое, но точное изложение этой морали. Вот оно: «Сидеть лучше, чем ходить, спать лучше, чем бодрствовать, всего лучше смерть».

Г Л А В А П П

УЧИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ее неудачное начало, причины неуспеха. — Касьяпа-огнепоклонник и его ученики. — Сакиа-муни склоняет к принятию своего учения Касьяпу и делается главой 600 учеников. — Вторичное вступление на арену учительской деятельности. — Ложные слухи о политических замыслах Сакиа-муни и опровержение им этих слухов. — Смерть отца Сакиа-муни. — Покровители и враги его. — Диспуты с антагонистами. — Преследования со стороны браманов и Девадатты, одного из учеников Сакиа-муни. — Девадатта — основатель секты.

Как мы сказали, Сакиа-муни после долгих колебаний решил возвестить миру открытое им учение. Для этой цели он опять вернулся в покинутый им свет.

Но начало его учительской деятельности было неудачно — его ждало горькое разочарование: вместо ожидаемого успеха он встретил только насмешки и презрение. Когда он в первый раз выступил в г. Варенаси с публичною проповедью об открытых им истинах избавления от страданий, многие из слушавших его громко выражали сомнение в здравости его умственных способностей и говорили, что «царский сын сошел с ума». Между прочим, в Варенаси он встретил своих родичей и хотел на них испытать силу своего учения и красноречия. Но и родичи ответили ему насмешками и укоряли его в непостоянстве и легкомыслии, с каким он менял род своей жизни во время отшельничества. Они доказывали ему, что у него еще нет ни необходимого авторитета в деле проповеди, ни опытности, каким обладают другие философы.

Действительно, Сакиа-муни совершенно терялся среди массы философов различных школ и отшельников, бродивших, поучая и нищенствуя, по стране и имевших

большую часть своих учеников и последователей среди народа.

Народ смешивал его с этими нищенствующими философами, и когда последние из опасения найти в новом философе опасного соперника, способного внушить народу недоверие к ним и лишить их таким образом средств к существованию, стали преследовать его, то народ недоумевал и спрашивал: «Чего вы хотите от него? Разве он не такой же нищий, как и вы?»

Одному, без последователей, Сакиа-муни трудно было выделиться из толпы отшельников и бороться с влиянием других философов, более опытных и пользовавшихся известностью и уважением в народе.

Неудачное начало общественной деятельности * заставило Сакиа-муни обратить внимание на шаткость своего положения.

Он стал приискивать средства, с помощью которых он мог бы подействовать на общественное мнение, и нашел, что самым лучшим средством будет приобретение возможно большего числа последователей.

Для достижения этого средства он решился склонить к принятию своего учения кого-нибудь из наиболее известных и имевших своих учеников и последователей философов.

Выбор его пал на аскета Касьяпу. Он вновь возвратился на берега реки Нираньчжары, где жил Касьяпа-огнепоклонник, последователь учения, которое считало огонь самым могущественным деятелем в целом мироздании. Вместе с поклонением огню Касьяпа соединял поклонение небесным светилам. В известные часы дня Касьяпа и его ученики приносили животных в жертву огню, а ночью разводили на жертвенниках огонь и зажигали лампы. Недалеко от Касьяпы жили два его младшие брата — Галя и Нати. Они также поклонялись огню и хотя имели своих учеников, но признавали авторитет старшего брата.

* По некоторым легендам, Сакиа-муни удалось во время его пребывания в Варенаси сделать последователями своего учения 5 аскетов, бывших его товарищами во время жизни Сакиа-муни среди произвольных тружеников.

Касьяпа славился необыкновенной строгостью жизни, и к нему ежегодно стекались на поклонение жители г. Раджагрихи.

Сакиа-муни решил употребить все усилия, чтобы склонить Касьяпу к принятию своего учения.

Он отправился к Касьяпе, но последний, заметив, что имеет дело с аскетом, а не учеником, принял его холодно и недоверчиво и во время беседы старался отклонить Сакиа-муни от высказанного последним намерения поселиться вблизи Касьяпы.

Но ни холодная встреча, ни недоверие Касьяпы не повлияли на Сакиа-муни, он продолжал настойчиво стремиться к поставленной цели. Поселившись невдалеке от Касьяпы, он терпеливо и осторожно старался заслужить внимание знаменитого анахорета. Он оказывал ему знаки внимания и уважения и разнообразные услуги, простер даже свою угодливость до того, что разводил огонь на жертвенниках при поклонениях Касьяпы. Когда к Касьяпе стекались пилигримы, Сакиа-муни постоянно удалялся на другой берег Нираньчжары и жил в уединении, пока последователи Касьяпы были при своем учителе. Когда они удалялись, он вновь возвращался к Касьяпе.

Сакиа-муни поступал так, чтобы отклонить тень всякого подозрения со стороны Касьяпы и показать ему, что он вовсе не имеет намерения подрывать его авторитет как учителя и доверие к нему его последователей.

Подобным поведением он постепенно приобрел доверие и дружбу Касьяпы. Дружеские отношения философов еще более окрепли, когда Касьяпа спас жизнь Сакиа-муни во время переправы вброд через р. Нираньчжары. Тогда в разговорах и беседах Сакиа-муни начал постепенно оспаривать воззрения Касьяпы и доказывать ему их несостоятельность. Наконец цель его была достигнута.

Касьяпа, а вместе с ним его ученики признали учение Сакиа-муни истинным и сделали его учениками. За Касьяпой последовали и его братья.

Таким образом, Сакиа-муни разом встал во главе шестисот учеников, и теперь он мог смело еще раз попытаться возвестить миру открытое им учение.

С чашею для подаяний в руках Сакиа-муни и его ученики покинули берега Нираньчжары и направились к

г. Раджагрихе, питаюсь на пути доброхотными подаяниями жителей встречающихся деревень.

— Многие, — говорил Сакиа-муни, обращаясь к своим слушателям во время пути, — мучимые страданиями, ищут избавления от них в горах и лесах, спасаясь в уединении. Но и здесь не находят они желанного успокоения и избавления от страданий. И только тот, кто примет мое учение, кто познает найденные мною четыре высокие истины, тот избавится от страданий и приобретет истинное успокоение и блаженство... Двух крайностей следует избегать стремящемуся к спасению — жизни среди сладострастных наслаждений — это низко и ничтожно, и жизни среди жестоких самоистязаний — это бесполезно и мучительно. Среднее между этими крайностями должен избрать стремящийся к спасению, и он познает истину и избавление от страданий!..

В подобных поучениях проводил Сакиа-муни время на пути в Раджагриху. Направляясь в Раджагриху, он помимо других соображений имел в виду опровергнуть пред царем Бимбисарою приписываемые ему политические замыслы.

Дело в том, что в народе уже было известно, что среди отшельников подвизается аскет из царского рода Гаутамы.

Когда же Сакиа-муни явился во главе многочисленных учеников, то в народе распространилась молва, что он намерен приобрести сан Чакравартина, т. е. монарха всей Индии.

Слух этот дошел до Раджагрихи и возбудил здесь некоторые опасения. Поэтому Сакиа-муни, тотчас же по прибытии в окрестности Раджагрихи, поспешил в город и здесь прежде всего постарался опровергнуть слух о его мнимых политических замыслах. Он публично заявил, что житейские страсти уже давно покинули его сердце и что мирская слава не есть удел анахорета. Когда Сакиа-муни явился к Бимбисаре, последний принял его благосклонно. Внимание царя имело для Сакиа-муни очень важные последствия. Один из придворных, по имени Коланда, видя милость царя к Сакиа-муни, подарил философу загородную бамбуковую рощу, которую он сначала отдал было отшельникам школы Ниргронта. Он принудил последних отказаться от дара и передал рощу во владение Сакиа-муни.

Эта роща называлась Велувана. В ней находились раскинутые в разных местах дома, беседки, кладовые, окруженные прудами и скрывающиеся в чаще душистых магнолий и зонтичных пальм, одним словом, здесь было готовое и удобное помещение для Сакиа-муни и его учеников.

При таких благоприятных обстоятельствах случилось второе вступление Сакиа-муни на поприще учительской деятельности. О продолжении этой деятельности сохранилось мало достоверных сведений. Большинство сказаний о жизни Сакиа-муни переходят от времени его прихода в Раджагриху прямо к повествованию о последних событиях из его жизни.

Впрочем, одно из этих сказаний передает, что Сакиа-муни вскоре после прибытия в Раджагриху узнал, что отец его находится при смерти и, предчувствуя близкую кончину, выразил желание видеть сына. Сакиа-муни, все еще сохранивший нежную привязанность к своему отцу, несмотря на долгую разлуку, поспешил отправиться в Капилавасту, покинутый им двенадцать лет назад. Он застал отца уже на смертном одре. Жители города и окрестных селений, пораженные грозившей им потерей, толпились у ворот царского дворца, и когда Сакиа-муни вошел в город, то прежде, чем достичь дворца, ему пришлось пробиваться сквозь тесную толпу людей, бывших некогда его подданными. Многие из них, узнавшие царевича, не могли воздержаться от слез, видя его в нищенском одеянии. С трудом проникнув во внутренние покои дворца, все обитатели которого были в большом смятении, Сакиа-муни подошел к умирающему. Царь слабым голосом приветствовал сына и просил, чтобы Сакиа-муни прикоснулся рукой к его пылающей голове. Сакиа-муни высвободил руку из-под плаща и, приложив ее к пылающему лихорадочным жаром лбу больного, держал ее в таком положении до тех пор, пока тот не умер. Пока умирающий находился еще в полной памяти, Сакиа-муни в утешение ему говорил о высоких истинах избавления от страданий. Сакиа-муни пробыл в Капилавасту все время, пока длились похоронные церемонии. Когда труп усопшего был возложен на костер, Сакиа-муни сам подложил огонь и по окончании сожжения сказал: «Ничего нет вечного на земле, ничего нет твердого, жизнь проходит, как призрак, как обманчивое видение».

Затем он покинул Капилавасту.

Буддийские сказания утверждают, что жизнь Сакиа-муни протекала спокойно, что он беспрепятственно рассеивал в стране семена своего спасительного учения.

Но с этим нельзя согласиться. Существуют некоторые факты, показывающие, что жизнь его была полна тревог и огорчений, и что только его личный характер и приобретенные им из среды царей и вельмож могущественные покровители ограждали его честь и безопасность. Благодаря им и своей необыкновенной доброте, он благополучно прошел сквозь все испытания. Сакиа-муни так говорил о людях, относившихся к нему враждебно: «Человека, причиняющего мне вред, я поставлю под защиту моей незлопамятной любви, и чем более зла он мне наносит, тем более добра я ему окажу».

Мы уже упоминали, что с первого года учительской деятельности Сакиа-муни ему начал покровительствовать царь Бимбисара. Царь Косалы Прасенаджати также был сторонником Сакиа-муни, и столица Косалы Сравасти являлась в северной части реки Ганга центром и очагом нового учения, подобно тому как Раджагриха в ее южной части. В окрестностях г. Сравасти находилась роща Джетавана, подаренная Сакиа-муни купцом Анатгапиндикой. Джетавана была любимым местопребыванием Сакиа-муни; здесь он чаще всего проводил сезон дождей.

Кроме этих царей, сказания упоминают имена еще некоторых царей Индии, но мы не будем их здесь приводить; ограничимся указанием, что Сакиа-муни пользовался у этих царей большим уважением и почетом.

Тем не менее покровительство сильных мира сего не спасло Сакиа-муни от преследований его врагов.

Сакиа-муни уже при первом своем вступлении на арену учительской деятельности был встречен недружелюбно со стороны представителей браманизма и разных философских школ, подвизавшихся на том же поприще. Когда же он стал во главе многочисленных учеников и приобрел сильных покровителей, недружелюбное отношение к новому философу обратилось в открытую вражду. Мотивы вражды были очень разнообразны, здесь играли роль и принципы нового учения, поражавшие своею оригинальностью и новизною, и опасения потерять своих последователей, и, наконец, то обстоятельство, что Сакиа-муни, хорошо изучивший нравы и обычаи боль-

шинства этих философов во время отшельнической жизни, относился к ним с величайшим презрением.

Антагонистами, оспаривавшими начала учения Сакиа-муни, являлись большею частью представители эпикурейской школы Локаятика и некоторых других философских школ. Первые защищали самослучайность, вторые — преимущественно неизменность души в человеке и в мире. Сакиа-муни часто вступал в спор и большею частью оставался победителем. Легенды повествуют, что однажды в г. Сравасти Сакиа-муни вступил в диспут с целою полудюжиною «святых кающихся», отличавшихся своею мудростью. После долгого и горячего спора Сакиа-муни опровергнул все доводы своих противников; главный из них, добавляют легенды, в досаде на неудачный исход диспута, покончил жизнь самоубийством.

Но одними диспутами дело не ограничивалось, антагонисты Сакиа-муни прибегали и к интригам в надежде уничтожить соперника. Благодаря этим интригам, некоторыми царями были изданы грозные эдикты, направленные против нового учения. Интригам же браманов приписываются легендами и исключения из браманской касты тех ее членов, которые ходили слушать поучения Сакиа-муни.

Последнее обстоятельство показывает, что и в среде браманов находились последователи Сакиа-муни. Действительно, браманы при Сакиа-муни не представляли цельного и сплоченного общества, которое могло бы единодушно защищать свои интересы. Как нам известно, некоторые из браманов отвергали принципы браманской теологии и составляли свои системы теолого-философии, другие же были заняты чисто светскими обязанностями и мало обращали внимания на религиозные вопросы, занимая важные государственные места министров или правителей княжеских уделов с правом жизни и смерти и правом собирать подати с подведомственных им владений.

Вследствие этого главными соперниками и врагами Сакиа-муни из браманов являлись те, которые по роду жизни и питания могли опасаться обличений Сакиа-муни, который мог отнять у них хлеб. Этих браманов Сакиа-муни называл бродячими и уклонившимися от первоначального рода жизни. Они назывались «изучающими Веды», потому что верили и следовали тому, чему учили их письма и устные предания, заключавшиеся в

Ведах. При Сакиа-муни они, впрочем, ограничивались изучением в Ведах только тех предметов, которые имели связь с верованиями и суеверными привычками народа, т. е. занимались гаданием и астрологией. Затем не менее деятельными и ненавистными врагами Сакиа-муни были последователи школы Нягронта. Эта школа отличилась тем, что соединила в одну систему различные способы самоусовершенствования. Она учила трем способам достижения совершенства — просвещением ума, созерцанием и труженичеством. Вступающий в эту школу должен был начать с труженичества и провести несколько лет в произвольных истязаниях для искоренения чувственности. Затем он приступал к глубокому и спокойному созерцанию и, наконец, к упражнениям в размышлении об истинах и просвещении своего ума. Сакиа-муни прошел все три степени и во время отшельничества хорошо изучил привычки и тайные побуждения этих аскетов. Последние не могли простить ему презрения, с каким он относился к ним, особенно к труженикам, составлявшим наибольшее число принадлежавших к этой школе аскетов, и платили ему насмешками и обидами, где только возможно. Сакиа-муни отвечал им обличениями и не жалел позорных названий для характеристики их поведения. Как характерную иллюстрацию приведем здесь сказание, повествующее об одной из этих бесед.

Недалеко от г. Раджагриха, в саду богатой женщины, собралась толпа тружеников вместе со своим учителем Нягронтой. Наслаждаясь прохладой, они вели громкий и оживленный разговор. Темы разговора были разнообразны: управление министров, сражения, колесницы, лошади, женщины, наряды, вкусные кушанья и тому подобное беспрестанно упоминались в их беседе. Когда они разговаривали, к ним подошел некто Сантана, один из почитателей Сакиа-муни. После взаимных приветствий Сантана заметил им, как неприличны подобные разговоры для их звания, и при этом хвалил Сакиа-муни за его безукоризненное поведение и мудрость. — «Как мы можем знать о мудрости твоего срамана * Гаутамы, — заметил один из тружеников, — когда он более любит молчать, чем говорить с посторонними людьми.

* Сраманами назывались отшельники из каст кшатрий и ваисьев.

А между тем он величает себя великим мудрецом, грозит поразить одним своим словом всех противников и сделать их безгласными, подобно черепахе, и не советует никому задевать его, иначе тот не найдет себе безопасного места от стрел его красноречия. Пусть придет он сюда, мы поздравим его с новым названием подслеповатой коровы, да вот он и сам!» — «Смотрите же, — воскликнул другой труженик, — не вставайте с места и не здоровайтесь с ним! Пусть сядет, как хочет!» Сакиа-муни пришел в тот же сад освежиться после продолжительного созерцания. Несмотря на уговоры, при приближении Сакиа-муни труженики встали с места и, приветствуя его, пригласили отдохнуть вместе с ними. Сакиа-муни вежливо принял приглашение и сел на разостланном ковре. Нягорода, учитель тружеников, преднамеренно завел речь об учении Сакиа-муни и просил Сакиа-муни объяснить им начала его учения. — «Не спрашивайте меня об этом, — отвечал Сакиа-муни, — мое учение глубоко и обширно, и вам не понять его!» Тогда Нягорода сказал, что ему желательно знать мнение Сакиа-муни о правилах жизни тружеников. Сакиа-муни отвечал: «Что касается ваших правил, то я знаю их очень хорошо и в состоянии оценить их. Все ваши правила низки и смешны».

«Иной ходит нагой, прикрывая себя только руками; иной ни за что не станет есть из кувшина или блюда, не сядет за стол между двумя собеседниками, между двумя ложами или за общий стол; иной не примет подаяния из дома, где есть беременная женщина...» И затем Сакиа-муни указал еще много примеров тщеславия, суеверия и пустых предрассудков тружеников и строго порицал их. — «Что же вы, труженики, — закончил он свою речь, — ожидаете за свои труды, — вы ожидаете подаяний и уважения, достигнув же цели, привыкаете к удобствам временной жизни, не имеете сил расстаться с ними, да и не знаете средств. Предаваясь пороку и страстям, вы, однако же, надеваете личину скромности!»

Враждебные отношения браманов к Сакиа-муни ограничивались только ожесточенными нападками на его учения и оскорблениями его и его учеников. Совершенно иной характер имели преследования, возникшие в среде его учеников и постигшие Сакиа-муни уже на склоне его жизни, когда ему было более 60 лет.

Между учениками Сакиа-муни был один из его близких родственников, двоюродный брат, по имени Девадатта.

Девадатта уже в юности был соперником Сакиа-муни во всем и постоянно завидовал успехам и счастью своего двоюродного брата. Девадатта отличался энергичным самостоятельным характером и был одарен от природы выдающимися умственными и физическими качествами. Но все эти блестящие качества затмевала одна черта характера Девадатты — его необыкновенное честолюбие. Его тяготило зависимое положение среди учеников Сакиа-муни, несмотря на то что он, благодаря своему обширному уму и необыкновенной строгости жизни, пользовался большим значением и уважением среди остальных учеников Сакиа-муни, и он задумал занять место Сакиа-муни. С этой целью он сблизился с сыном царя Бимбисары, Аджатакатрой. Последний отличался, подобно Девадатте, честолюбием и независимым характером; он тоже сильно тяготился своим положением наследника престола и стремился быть вполне самостоятельным. Девадатта искусно воспользовался слабой стороной царевича и, рисуя перед ним блестящими красками картину ожидаемого их величия и могущества, когда они, сделавшись самостоятельными и опираясь один на другого, приобретут огромное влияние на дела Индии — один как светский повелитель, другой — как повелитель духовный, вполне овладел доверием царевича.

Аджатакатра свергнул своего отца с престола (в 551 г. до Р. Х.) и заключил его в башню, где он и умер, по преданиям, от голодной смерти.

Со своей стороны Девадатта составил себе партию из недовольных почему-либо своим учителем учеников и открыто восстал против Сакиа-муни. Несколько раз, по словам легенд, он пытался лишить Сакиа-муни жизни, но последний каждый раз счастливо избегал грозившей ему опасности или же отделялся только незначительными ранами или ушибами.

Сакиа-муни с большим терпением и кротостью переносил свои бедствия. Братья несколько раз мирились и затем опять расходились. Девадатте удавалось даже склонить на свою сторону и других учеников Сакиа-муни, но при посредстве Сарипутты, другого отличавшегося красноречием ученика и действовавшего в пользу учите-

ля, перебежчики возвращались обратно. Впрочем, преследования продолжались недолго. Сделавшись царем, Аджатасатра из преследователя Сакиа-муни превратился в его ревностного последователя и защитника и покинул Девадатту. Тем не менее Девадатта основал свою секту и является, таким образом, первым лицом, внесшим раскол в учение Сакиа-муни. Отличительной чертой сектантского учения Девадатты был введенный им более строгий аскетизм. Он не допускал употребления в пищу рыбы, потому что и она была таким же живым существом, как и другие животные; не пил молока, так как оно назначено для телят; одежду носил из цельных полотнищ, чтобы не доставлять портным лишнего труда на сшивание лоскутьев; кроме того, он жил постоянно внутри города, тогда как последователи Сакиа-муни жили вне городской черты.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ УЧЕНИЯ САКИА-МУНИ

Успех учения.— Причины этого успеха.— Духовные и светские последователи Сакиа-муни.— Бикшу и бикшуни.— Община.— Правила приема.— Правила общежития.— Образ жизни Сакиа-муни и его учеников.

Между тем, несмотря на преследования и интриги врагов Сакиа-муни, число его учеников и светских последователей все увеличивалось, и его учение все более и более распространялось в массе народа. Причины успеха учения Сакиа-муни легко объяснимы: некоторые присоединились к числу его последователей ввиду покровительства, оказываемого Сакиа-муни сильными и знатными лицами, что обещало им и безопасность, и безбедное существование; большинство же привлекала к его учению не милость царей, но новизна и доступность проповедуемых Сакиа-муни принципов, что легко понять, если припомнить, какой барьер традиций отделял в продолжение целых веков народ от учения браманов. Со своим учением Сакиа-муни обращался не к одним только ученикам, подобно браманам, но ко всему народу, без различия каст, что было совершенно новым явлением в Индии.

Браманы учили на языке, недоступном народу,— на языке Вед и ученых. Сакиа-муни всегда говорил на языке, понятном толпе, и в форме, легко усваиваемой даже невежественными умами. Как было уже упомянуто, он говорил преимущественно в форме кратких изречений. Все метафизические тонкости своего учения Сакиа-муни оставлял для более подготовленных слушателей, желавших разрешить интересовавшие их философские вопросы; обращаясь же к народу, он говорил ему о строгих и чистых

нравственных правилах обыденной жизни, и сам первый применял их на деле.

Всего же более в Сакиа-муни поражали и привлекали индусов его необычайная кротость, его гуманность, столь противоположные гордости и высокомерию браманов, его безграничное сострадание ко всем бедным, несчастным, угнетенным и главным образом проповедуемые им равенство и солидарность людей. Поэтому в числе его учеников, простиравшемся до 1200 человек, было много людей, известных по своему происхождению, уму, образованию или по строгому образу жизни, но были и люди, совершенно неизвестные, принадлежавшие к кастам низшим, нечистым, до того времени всеми презираемым.

В числе его учеников были Касьяпа, уважаемый Сакиа-муни за суровый аскетизм, Судути, известный индусский метафизик, Сарипутта, красноречивый истолкователь идей Сакиа-муни, историк Могаллана, известный как совершенный созерцатель, аскет Кондатья, по прозвищу «познавший»; все эти аскеты и ученые присоединились к Сакиа-муни вместе со своими учениками.

Но, с другой стороны, между этими знаменитыми мужами летописи указывают как на одного из наиболее верных и преданных учеников на некоего Упали. Упали принадлежал к касте судр и до приближения к Сакиа-муни был брадобреем, т. е. занимался одним из наиболее нечистых и наиболее презираемых в Индии ремесел.

После смерти своего отца Сакиа-муни присоединил к своему учению всех своих двоюродных братьев, кроме Маханамы, оставшегося править царством, и других членов рода Сакиев. Из них укажем на известного уже нам Девадатту и Ананда. Ананда был самым любимым и наиболее близким учеником Сакиа-муни. Несмотря на то что Ананда не отличался особенно строгой нравственностью, Сакиа-муни очень любил его за мягкий и кроткий характер. Называют также в числе учеников Сакиа-муни его сына Рагулу и зятя Нанду. Сакиа-муни присоединил Нанду к обществу своих учеников насильно. Нанда принужден был покинуть молодую жену и, скучая по ней, несколько раз пытался бежать, но неумолимый учитель всякий раз возвращал его обратно.

Женщинам доступ к учению Сакиа-муни был вполне открыт. В одной из легенд говорится, что однажды Анан-

да, утомившись от долгого пути и почувствовав жажду, попросил воды у встретившейся ему дочери чандалы. Когда та сказала, что она дочь чандалы и, боясь осквернить его, не смеет к нему прикоснуться, Ананда ответил: «Сестра моя, я не спрашивал ни о твоей семье, ни о твоей касте... Прошу тебя, дай мне воды, если можешь!» Впоследствии эта девушка вступила в общину Сакиа-муни.

Эта легенда вполне обрисовывает отношение Сакиа-муни и его учеников к женщинам. Первой последовательницей учения Сакиа-муни была Прачусapati, кормилица Сакиа-муни, а за ней последовали и другие из рода Сакиев.

Сделавшись главою значительного числа духовных последователей, Сакиа-муни установил правила образа их жизни и поддерживал эти правила личным примером.

Общество духовных последователей Сакиа-муни называлось санча, члены его — *бикшу*, что значит нищий, потому что вступившие в общество давали обет соблюдать бедность и не иметь собственности, исключая, конечно, необходимых для жизни вещей. Звание бикшу пользовалось большим уважением среди светских последователей Сакиа-муни.

Кастового различия в обществе не признавалось — все были равны и только прежде поступившие в общество имели большее значение, чем вновь поступившие. Кшатрия, или браман, принявший обет бикшу после ваисьи и судры, во всем и везде уступал последнему первенство.

В общине своих учеников Сакиа-муни совершенно отвергнул разного рода произвольные истязания и заменил их строгою нравственной дисциплиной, касавшейся всех мелочей обихода жизни учеников. Он вменил бикшу в обязанность вести строгую и приличную жизнь, не нарушая обета бедности. Бикшу должен был отличаться прямотою, правдивостью, быть постоянно ласковым, спокойным и беспристрастным, держать себя с сознанием своего достоинства. Платье бикшу обязаны были носить сшитое из старых, брошенных, но чисто вымытых лоскутьев. Оно должно быть желтого цвета, шилось по образцу того охотничьего плаща, какой Сакиа-муни носил со времени своего бегства, и постоянно должно было содержаться в чистоте. По примеру учителя, бикшу брили голову и подбородок. Все имение бикшу заключалось в

трех одеждах (по числу времен года), коврике, чаши для подаваний, игольне и иглой и нитками и в паре чулок с башмаками. До каких-либо драгоценных вещей бикшу не должен был и касаться.

В общину имели право вступать все люди, обнаружившие твердое намерение стремиться к спасению, за исключением больных заразительными или неизлечимыми болезнями, несовершеннолетних (без разрешения их родителей), рабов, пока они не приобретали свободы законным путем, и тяжких преступников. Также не принимались в санчху должники, пока не уплатили своих долгов, и состоявшие на службе воины и чиновники.

При поступлении в общество новичок (саманера) должен был пробывать под наблюдением избранного им самим из среды бикшу руководителя известное время испытания. Это испытание для взрослых, уже принадлежавших к какому-нибудь обществу аскетов продолжалось четыре месяца, для несовершеннолетних — до достижения ими совершеннолетия.

Впрочем, время испытаний зависело также от мнения духовного руководителя саманеры и способностей последнего. Вступая в братство, саманера обязывался совершенно отказаться от светской жизни, соблюдать десять нравственных правил, строго исполнять все правила общежития и стремиться к одной цели — достижению нравственного совершенства.

Правила общежития, данные Сакиа-муни, кроме внешней дисциплины и порядка образа жизни бикшу, т. е. правильного распределения пищевых продуктов и обращения с платьем и другими принадлежностями житейского обихода, правильного распределения времени дня, состояли также в разного рода наставлениях для преодоления чувственных желаний и страстей и для достижения высшего назначения и самоусовершенствования.

Когда саманера вполне постигал эти правила, он делался бикшу. Если почему-либо жизнь в обществе ему не нравилась, он всегда мог оставить ее — выход из общества был свободен (насильственное присоединение Нанды можно объяснить родственными чувствами Сакиа-муни, желавшего обратить во что бы то ни стало на путь спасения легкомысленного юношу). Из наказаний в обществе допускалось только одно — исключение из членов обще-

ства только в том случае, когда бикшу нарушал одно из десяти главных правил.

Члены общества жили в монастырях (вихари) или же вели отшельническую жизнь в лесах. Женщины (бикшуньи) жили отдельно от бикшу и в образе жизни несколько не отличались от последних, впрочем, с той разницей, что жить в одиночестве им не позволялось.

Жилища бикшу и бикшуньи находились всегда за городом, в загородных рощах и садах. Сакиа-муни благодаря своему знатному происхождению имел легкий доступ к сильным мира сего и среди них, как мы знаем, у него было много покровителей и денапати, т. е. людей, обязавшихся доставлять ему и его братству средства к существованию. Они-то и дарили ему загородные рощи, где находились жилища его духовных последователей и последовательниц. Эти загородные рощи, занятые учениками и ученицами Сакиа-муни, назывались санхчарами, т. е. садами братства. Они находились всегда вне городов и селений. Сакиа-муни находил городскую жизнь с ее постоянным шумом и развлечениями несогласной со спокойствием духа и глубокими размышлениями, каких требовало звание бикшу. Он допускал пребывание в селениях и городах только в продолжение того времени, какое нужно было для сбора потребного на один день количества пищи, или когда он и его ученики были приглашаемы на званые обеды.

День Сакиа-муни и его ученики проводили следующим образом: они вставали вместе с проблесками утренней зари и раннее утро проводили в духовных занятиях или беседах. Затем они направлялись в ближайший город или селение с чашей для подаяния в руках, с опущенным к земле взором. При входе в город или селение бикшу расходились и шли по улицам, сохраняя глубокое молчание. Они никогда не произносили просьб и только протягивали свои чаши в ожидании подаяния. Они так же спокойно принимали отказ в подаянии, как и богатую милостыню, и брали подаяние без различия состояний, как у бедных, так и у богатых, по порядку домов.

Подаяние состояло обыкновенно из вареного риса или из каких-либо других съестных припасов.

К полудню бикшу возвращались обратно.

Одна часть набранных подаяний уделялась бедным, другую предназначали для хищных зверей и диких птиц,

остальное же, разделенное на число участвующих, шло на обед.

Остаток дня бикшу проводили в беседах или предавались созерцанию в уединенном месте, сидя с поджатыми ногами и держа тело прямо и неподвижно, в позе, какую можно видеть не статуях и изображениях Сакиа-муни. По буддийским легендам, подобную позу имел Сакиа-муни еще во чреве матери. Так проводили день Сакиа-муни и его ученики, когда они жили более или менее продолжительное время на одном и том же месте, что обыкновенно случалось в зимний сезон.

Летом, когда наступали периодические дожди и сообщение делалось трудным, Сакиа-муни и его ученики расходились по различным местам во избежание недостатка в пропитании.

Каждый бикшу выбирал себе какую-нибудь деревню и здесь в полном уединении проводил четыре долгих месяца.

Это было так называемое летнее сидение.

По окончании сезона дождей они опять сходились вместе, преимущественно в окрестностях Раджагрихи или Сравасти, где, как было сказано, жили наиболее могущественные и богатые покровители Сакиа-муни. Собравшись вместе, каждый из бикшу отдавал отчет в своем духовном самоусовершенствовании, достигнутом им в продолжение уединенной жизни. С началом осеннего сезона бикшу расходились партиями по Индии для распространения учения. Сам Сакиа-муни странствовал в это время преимущественно по Косале и Магадхе и редко посещал области 3. Индии, колыбель ведийского культа и браманства; границ же собственно Индии он никогда не переходил.

ГЛАВА V

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ САКИА-МУНИ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Гибель родины Сакиа-муни.— Он — свидетель разрушения родного города.— Его последние странствия.— Болезнь.— Завещание ученикам.— Путешествие к Кусинагару.— Смерть и сожжение его праха.— Спор учеников об останках учителя.—
Заключение. Дальнейшая судьба учения Сакиа-муни.*

Так прожил Сакиа-муни до 80 лет. К концу жизни ему привелось быть свидетелем разгрома его родины и гибели близких ему людей.

Мы уже говорили о шатком политическом положении царства Капилавасту и о причине ненависти Сакиев к могущественному царю Косалы, Прасенаджати, и его наследнику Виручжаки. С течением времени эта вражда все более обострялась. Чтобы унижить Виручжаку, Сакии стали распространять слух, что мать его Моли, взятая насильно из рода Сакиев, вовсе не принадлежала к этому роду, а была простой рабыней-цветочницей. Кроме того, они не ограничились одними словесными оскорблениями, а несколько раз делали покушения на жизнь Виручжаки.

Разумеется, все эти обиды возбудили в сердце наследника глубокую ненависть и желание мести — он поклялся жестоко отплатить Сакиям за их гордость и презрение к нему и стереть род их с лица земли.

Вступив на престол по смерти отца, Виручжаки поспешил начать приготовления к войне с Сакиями. При первых слухах о враждебных намерениях Виручжаки, Сакии обратились с просьбою к Сакиа-муни посетить родину — они надеялись на его влияние в случае крайней

опасности. Кажется, что Сакиа-муни и сам был не чужд этой мысли и принял горячее, хотя и бесплодное участие в последних событиях истории его отчизны. Судьба, до сих пор покровительствовавшая ему, в последнем несчастии отказалась служить ему и не пожалела для него самых жестоких ударов. В надежде отклонить Виручжаку от его враждебных намерений, Сакиа-муни пошел в Косалу. На пути он встретил Виручжаку и его войско. Он попытался примирить царя со своей родиной, но эта попытка кончилась неудачно.

Виручжаки не внял убеждениям Сакиа-муни и продолжал свой поход. Он взял г. Капилавасту, перебил всех его жителей, которых было около 100 тысяч, и возвратился с войны с богатой добычей и новым приобретением для своих владений.

Цветущая страна Сакиев опустела и потеряла навсегда свое политическое значение, уцелевшие от резни Сакии бежали в Непал и другие соседние страны.

Во время разграбления города Сакиа-муни вместе с верным Анандой находился невдалеке, в одной из пригородных рощ. До него доносились шум битвы, звуки мечей, крик и вопли сражавшихся и умиравших людей.

«Да исполнится судьба их», — сказал он и, жалуюсь на сильную головную боль, лег на землю, прикрывшись плащом; он хотел скрыть от своего ученика овладевшие им скорбь и тоску.

Когда враги удалились, он ночью проник в город и бродил по его опустевшим улицам, покрытым развалинами и усеянными трупами его соотечественников. В дворцовом саду, где он играл в детские годы, были разбросаны тела молодых девушек, которым враги отрубили руки и ноги. Некоторые из них были еще живы и издавали жалобные стоны. Сакиа-муни жалел и утешал их, обещая им в следующем возрождении лучшую жизнь. Затем он удалился от места горестных сцен.

Странствуя в продолжение 45 лет из города в город и повсюду распространяя свое учение, он перед смертью еще раз посетил г. Раджагриху, место начала его учительской деятельности. Отсюда он направился в г. Вайсали; здесь, чувствуя, что его земной путь приближается к концу, он обратился к ученикам с речью, в которой просил их ревностно поддерживать его учение и, сохраняя в чистоте, распространять его во всех странах. Вблизи г. Вайсали, в

деревне Белуво, он отпустил учеников и провел в уединении дождливый сезон года. Здесь он опасно заболел, но, не желая умереть, не поговорив еще раз с учениками, он энергично воспротивился развитию болезни и поборол ее. «Не следует мне, — сказал он, — погружаться в Нирвану, не обратившись с последней речью к моим ученикам. Присущую мне силою воли я поборю эту болезнь, я удержу на время дыхание жизни».

Несмотря на слабость, он по окончании летнего сидения, направился к Бхайенагаре, и здесь он еще раз завещал ученикам сохранять и распространять его учение и, кроме того, советовал им относиться терпимо к убеждениям и верованиям других людей. Он убеждал их относиться без всякого предубеждения к словам других людей и с глубоким вниманием обдумывать их и, лишь убедившись в их полной неосновательности, отбрасывать, как негодные, в противном же случае принимать, как бы его собственные.

После этой беседы он, сопровождаемый Анандой, направился в страну Малласов, к г. Кусинагаре, где он начал свою отшельническую жизнь.

На пути к г. Кусинагаре, в г. Паве, он, поев вяленой свинины, предложенной ему Чундою, кузнецом, у которого Сакиа-муни обедал, сильно заболел, но, несмотря на болезнь, продолжал путь свой.

Удрученный болезнью, он шел по бесплодным и пустынным местам, изредка обращаясь к своему спутнику со словами, показывающими печальное настроение его духа. Он говорил о недолговечности и о смерти, о непрочности счастья и надежд и оплакивал горестную судьбу людей.

Принуждаемый сильною болью в спине, болью, которою он страдал всю жизнь, он часто останавливался на пути и отдыхал под тенью деревьев и, наконец, с трудом дошел до окрестности Кусинагары.

Здесь силы совершенно покинули его, он почувствовал сильную, невыносимую жажду. Ананда принес ему воды, чтобы несколько утишить страдания Сакиа-муни, и затем приготовил ему ложе из ковра под тенью дерева Сала.

Сакиа-муни, по индусскому обычаю, лег на него головою на север. Наступила последняя минута жизни Сакиа-муни; перед смертью он еще раз завещал Ананде строго хранить его учение и затем погрузился в созерцание.

Ананда с горестью смотрел на предсмертное томление своего брата, друга и наставника — жизнь постепенно ос-

тавляла изможденное тело великого учителя; перед тем, как испустить последний вздох, Сакиа-муни произнес:

— Ничто не вечно!

Он умер около 543 года до Р. Х.

Ананда, оплакав смерть учителя и покрыв его труп, отправился с печальной вестью в Кусинагару.

По просьбе Ананды жители Кусинагары приготовили все необходимое для торжественного сожжения праха усопшего учителя и воздали смертным останкам его царские почести.

Узнав о смерти учителя, Касьяпа и другие ученики поспешили прибыть в Кусинагару.

После семидневных приготовлений тело с большою торжественностью и великолепием было вынесено к восточным воротам города и возложено на костер для сожжения.

После сожжения пепел был собран в золотую урну, и в честь милосердного, просвещенного, великого учителя было устроено семидневное торжество. Впоследствии на месте сожжения тела Сакиа-муни был поставлен столб (ступа) с надписью. По некоторым легендам, из-за дележа и чести хранения печальных останков великого учителя между последователями его возникли споры, и в жару их ученики забыли даже преподанные им покойным учителем правила кротости и милосердия.

Так умер великий религиозный реформатор Индии, провозгласивший равенство и солидарность всех людей в духовном отношении и сильно пошатнувший кастовые традиции.

Сакиа-муни не оставил после себя никаких письменных сочинений; сохранению его учения потомство обязано счастливой памяти его постоянного спутника Ананды и его других учеников. В последнем обстоятельстве нет ничего удивительного — необыкновенная память индусских браманов признается очень многими известными европейскими ориенталистами. Например, Макс Мюллер говорит, что если бы по какому-либо случаю все священные книги браманов вдруг были уничтожены, то их легко можно было бы восстановить с помощью знающих наизусть эти книги браманов слово за словом, слог за слогом. Так передавалось и учение Сакиа-муни. По смерти учителя Касьяпа, занявший его место, собрал всю его метафизику, Ананда — правила морали и афоризмы и Упали —

правила аскетики. Устно учение передавалось около 300 лет. Наконец, при царе Асоке (259—222 г. до Р. Х.), после Третьего Буддийского собора в Паталипутре учение было записано на пальмовых листах по приказу царя. Все учение Сакиа-муни было собрано в трех книгах, известных под названием «трипитака» (три корзины) — Сутра, Винаяя и Абхидарма-питака.

В первой заключаются поучения, проповеди и афоризмы Сакиа-муни, предназначенные и для духовных, и для светских последователей его учения. Во второй, т. е. в Винаяя-питаке, содержатся предписания и правила образа жизни бикшу и, наконец, в третьей — Абхидарма-питаке находится метафизическая часть учения Сакиа-муни, доступная только людям, достигшим высшей степени духовного и нравственного совершенства.

При Асоке учение Сакиа-муни достигло апогея своего развития в Индии и сильно распространилось в соседних странах, но затем значение его в Индии стало уменьшаться, и хотя оно еще долгое время держалось в ней рядом с браманизмом, но наконец последний вытеснил его из Индии, и в настоящее время собственно в Индии, как это видно по статистическим данным о народонаселении, взятым нами из «India office», буддистов насчитывается всего около $3\frac{1}{2}$ миллионов из 270 миллионов всех жителей, последователей браманской религии 190 миллионов. Но зато он утвердился в других странах. К таким странам принадлежат Индокитай, Китай, Япония, Монголия, о. Цейлон и др., где всех последователей учения Сакиа-муни насчитывается около 400 миллионов (по другим сведениям всего только 150 миллионов). Но и в тех странах, где буддизму удалось водвориться, он не сохранился в первоначальном виде. Повсюду он смешивался с туземными религиозными верованиями и таким образом в течение своего продолжительного существования выродился почти в такую же чудовищную систему нелепых суеверий и жреческого деспотизма, как и браманство.

Простое учение Сакиа-муни под влиянием чуждых религий обратилось даже в грубое идолопоклонство, развитие внешних форм, обрядности заменило основную черту этого учения — мораль, сильно затемнило первоначальный смысл учения и сделалось не только для большинства верующих, но и для избранного меньшинства сущностью религии. Например, мы знаем, что Сакиа-

муни совершенно не признавал богов в смысле браманской теологии и сам себя не выдавал за божество, а только за обладателя мудрости и истины, но большинству его последователей было трудно отрешиться от проникших в кровь и плоть прежних религиозных убеждений, и они признали многих богов браманской и других религий, и сам учитель в их глазах делался постепенно все более и более необыкновенным существом и, наконец, божеством, ставшим по главе других богов. Сначала на него смотрели только как на образец нравственного совершенства, затем как на властителя мира и, наконец, он сделался чисто отвлеченным догматическим понятием.

В настоящее время буддизм распадается на две главные группы — буддизм северный и буддизм южный.

Главным центром северного буддизма является Тибет, а затем Китай, Япония, Непал, Монголия, а также он распространен среди бурят и калмыков. Северный буддизм является полнейшим извращением основного учения Сакиа-муни.

Южный буддизм, распространенный в Сиаме, Бирмане и на о. Цейлоне, сохранил учение Сакиа-муни в большей чистоте.

За последнее время среди южных буддистов стали возникать попытки совершенно очистить учение Сакиа-муни от всех наплывных элементов и вместе с тем объяснить это учение с точки зрения современной науки, например с точки зрения теории эволюции, исходя из того основного положения буддийской религии, что всякое существование есть результат закона воздаяний, закона связи причины и следствия.

КОНФУЦІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
К. М. Карягина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Паровая Скоролечатня „Надежда“, Литейный пр., 49
1897

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сведения о жизни большинства великих людей древних времен обыкновенно мало достоверны. Действительность и истина в них так тесно сплетаются с легендой и фантазией, что потребны долгие научные изыскания, чтобы отделить достоверные факты от вымысла.

Не то представляют собою сведения о жизни и учении китайского мыслителя и реформатора Конфуция. Китайские летописцы рассказывают о жизни и деянии своего великого учителя без всяких прикрас и преувеличений и лишь с небольшою долей фантастического вымысла, когда рассказ ведется о зачатии и рождении Конфуция; их рассказ так прост и естествен, что нет ни малейшего основания относиться к нему с недоверием. В европейской литературе существует несколько переводов китайских классических писателей на немецком, французском и английском языках. При составлении биографии Конфуция мы пользовались следующими изданиями:

1. «The Chinese Classics». Полное издание священных книг Китая. Перевод *Legge'a*, члена лондонского миссионерского общества.
2. «History of Chine» by *Thornton*.
3. «L'Univers. La Chine» par *Pauthier*.
4. «Религии востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм». *В. Васильева*.
5. «Религии древнего мира». Архимандрита *Хрисанфа*.
6. «Религии Востока». Т. I. *Его же*.
7. «Китай в гражданском и нравственном отношении». *О. Иоакима (Бичурина)*.
8. «История религий». СПб. 1869—72. Т. II.
9. «Современный Китай». *Жюль Симона* и мн. др.

ВВЕДЕНИЕ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ КИТАЯ ДО КОНФУЦИЯ

I

Приступая к изложению жизни и учения великого философа Китая, мы считаем необходимым предпослать этому изложению краткий очерк истории Китая до Конфуция,— чтобы познакомить читателя, во-первых, с эпохой, когда жил и действовал великий учитель Китая, и во-вторых, с предшествовавшим этой эпохе историческим периодом, когда жили мудрецы, у которых Конфуций заимствовал основы и принципы своего учения.

Китайская народность, представляющая собой загадочное и своеобразное явление в истории, является старейшей из всех существующих в настоящее время народностей, пережившей все другие народы, память о которых сохранила нам история и которые или исчезли без следа, оставив по себе только памятники, свидетельствующие о их минувшем величии, или же настолько изменились, что потеряли свой первобытный тип. Между тем китайцы остались точно такими же, какими они были целые тысячелетия тому назад. Уже в глубокой древности они представляли собой один из образованных и культурных народов, но, достигнув известной степени цивилизации, остановились на ней и до сего времени сохранили ее почти без изменений такой, какова она была 3000 лет тому назад. Уже в глубокой древности они считались такими же отличными хлебопашцами, какими являются в настоящее время. Земледелие стояло у них на высокой степени развития. Они были хорошо знакомы со свойствами разного рода почв и их удобрением и орошением. Они с

успехом сажали тутовые деревья и добывали шелк, умели ткать шерстяные и бумажные материи и производить разного рода домашние и военные орудия, чеканили монету, добывали краски, тушь, умели выделять разного рода вещицы из рога и слоновой кости; одним словом, в механическом труде обладали той же степенью совершенства, какой отличаются и теперь.

Пластические искусства им были также не безызвестны, но в них они далее первых начал не пошли — их рассудочный и сухой натуре чужд идеал красоты. У них были и произведения живописи, и произведения скульптуры, но как те, так и другие отличались свойственными им и в настоящее время мелочностью и причудливостью в последних, и необыкновенной яркостью красок и кропотливостью в первых. Их архитектурные произведения также не показывали особенной широты воображения, хотя и отличались своеобразностью, как вообще все у китайцев. Большая часть зданий строилась из бамбука на каменном фундаменте, храмы их собственно были небольшие часовни или просто большие дворы, окруженные колоннами, в конце которых помещался обыкновенно алтарь для жертвоприношений.

В глубокой же древности ими были выработаны и религиозные воззрения, очень темные, сбивчивые и неопределенные. Сущность этих воззрений такова: они поклонялись небу и земле, как отцу и матери всего существующего. Небо они считали повелителем и владыкой мира, землю — повелительницей; таким образом, небо у них считалось мужским, началом, Ян, активным и совершенным двигателем бытия и жизни, земля же — женским, Инь, началом мертвым, бездеятельным и неподвижным. Все совершенные явления китайцы принимали за Ян, а несовершенные за Инь; но тем не менее Ян в их представлении постоянно соединяется с Инь, как отец и мать в представлении о рождении. Вместе с поклонением небу и земле они почитали духов или демонов в качестве представителей отдельных сил и явлений природы и поклонялись душам предков, на которых смотрели как на покровителей животных, по их понятиям, души умерших предков могли давать им мудрые советы или же преследовать их своим гневом. В честь неба

и земли, а также духов и предков были учреждены различные праздники и приносились жертвы; во время жертвоприношений играла музыка и пелись стихи.

Последние показывают, что у китайцев в те времена были и литературные произведения. Действительно, письма были изобретены в Китае в отдаленной древности и первоначально состояли из простых изображений упоминаемых предметов, а впоследствии введены значки, состоявшие из трех линий — одной длинной и двух коротких — и их разнообразных комбинаций. Этими-то значками и были написаны древние книги китайцев. Научные знания стояли у них до времен Конфуция также на довольно высокой степени развития.

В давние времена им было уже известно употребление магнитной стрелки или компаса, они знали законы движения небесных тел и умели предсказывать затмения солнца и луны. Благодаря этим астрономическим знаниям у них издавна было установлено правильное времяисчисление. С давних пор в Китае стали считать в году 366 дней, а для уравнивания скоростей в движении солнца и луны был установлен високосный год, поэтому в Китае из каждых 19 лет двенадцать имеют по 12 месяцев и семь — по 13. Вообще естественные и математические знания у них достигли довольно высокой степени развития. Медицина им также была знакома, и их медики были довольно искусны в своем деле. Между китайцами и до сих пор существует убеждение, что если небо посылает болезни, то оно же дает и средства против них. Наконец, у них существовали для воспитания юношества школы. Одним словом, в те времена китайцы были те же, и у них существовало то же, что и теперь, лишь с небольшими изменениями. Даже нравственный склад их остался тот же: и в те времена они отличались вежливостью, кротостью, терпением, необыкновенным трудолюбием, с одной стороны, и хитростью, коварством, надменностью и корыстолюбием — с другой, за исключением разве нетерпимости и замкнутости, — черт, развившихся у них уже после Конфуция.

По некоторым историческим данным можно судить, что в древности китайцы охотно принимали у себя чужеземцев и заимствовали у них многое полезное для себя.

Весьма вероятно, что эти чужеземцы, которых правители Китая охотно брали в свои помощники, и развили в Китае те культурные начала, какие мы видим там и поныне.

II

Культурные начала, краткий очерк которых мы дали в предыдущей главе, были выработаны китайцами при мудром и мирном правлении их первых богдыханов. Правление у китайцев того времени, как и у современных, было монархическое, патриархальное. В основе социального строя стояла семья, с отцом во главе; в политическом быте народ составлял одну семью, отцом которой считался богдыхан, и как в семье члены ее беспрекословно подчинялись главарю, так и народ глубоко чтил своих правителей, на которых он смотрел, как на божество. Богдыхан был сыном неба, и его личность считалась священной и неприкосновенной, впрочем, до тех пор, пока он своими делами соответствовал назначению свыше. В противном случае само небо давало право народу выражать свой протест и неудовольствие и даже прибегать к насилию. В древних книгах Китая говорится: «взгляд неба можно узнать во взглядах народа; что не нравится небу, можно узнать в желаниях народа». По воззрениям китайцев, государь — сосуд, народ — вода. Какую форму имеет сосуд, такую форму примет и вода; каков государь, таков и народ. Вследствие этого воззрения древние законодатели подчинили поведение государя известному общественному порядку, преступить который он не мог, не прогневав своего отца — неба. Древние китайские мудрецы говорили, что добродетель должна быть основой правительства и что государь может быть действительным благодетелем народа, если будет заботиться о доставлении ему следующих девяти благ: воды, огня, металлов, дерева, хлеба, умения употреблять эти вещества на пользу, жить в согласии с ближними, сохранять здоровье и беречь жизнь. Судя по китайским летописям, первые государи Китая, которые являются уже вполне историческими лицами, а не героями мифов, Фу Си-ши, Хоань Ти, Яо, Ю, Шунь и большинство богдыханов из династии Ся (2205—1766) и Шунь (1766—1122) были именно такими царями-

благодетелями, и народ при их царствовании был вполне счастлив. Мы расскажем о деяниях некоторых из этих мудрых богдыханов.

Первым богдыханом, еще полумифической личностью, летописи называют мудрого Фу Си-шы. Он царствовал за 3468 л. до Р. Х. Ему приписывают установление религиозных обрядов, изобретение письменных знаков и 60-летнего цикла. Он дал первоначальное устройство гражданской жизни. Желая внушить к изданным законам большее доверие, Фу Си-шы сказал, что он списал их со спины дракона, явившегося ему из глубокого озера. Этим он хотел показать, что его законы даны богом, а потому и неповиновение им есть грех перед богом. Ему же приписывается изобретение двух музыкальных инструментов: кин, род 27-струнной лиры, и ссе — гитара о 36 струнах. Письменный памятник его называется И-Кинг — книга превращений; в ней излагается начало и происхождение всего видимого и превращения существ животного и растительного царств сообразно с временами года. За Фу Си-шы после нескольких богдыханов вступил на престол воинственный Хоан Ти, при котором был изобретен компас. Китайские летописи говорят, что он с успехом пользовался им во время своих походов. При нем государство было разделено на 10 областей и введена десятичная система веса и меры. Ввиду военных целей, а также торговых, он повсюду в государстве провел дороги и улучшил способы водяного сообщения. Для поднятия нравственного уровня народа он учредил жертвоприношения Всевышнему духу.

После Хоан Ти наиболее знаменитым богдыханом является Яо, правивший за 2350 л. до Р. Х. С Яо история Китая делается вполне достоверной. Яо дал окончательное устройство гражданской жизни. При нем было установлено правильное времяисчисление. Яо были изданы первые писанные уголовные законы. Эти законы определяли клеймение лица, резание ног, рук, осклопление, смерть за тяжкие преступления; за важные, но заслуживающие снисхождения, — ссылку; за легкие — плеть. Принималось также во внимание, обдуманно или необдуманно совершено преступление, и сообразно этому определялось наказание. В некоторых случаях, когда, например, преступником являлся один сын престарелой матери, его

оставляли без наказания. Еще при жизни Яо выбрал себе в преемники Шуна и сделал его своим соправителем.

Шун и Яо думали, что само небо управляет народами в лице государей и что государь есть истинный наместник неба. Полагая, что между небом и землей есть таинственная связь, они старались составить гражданские законы по образцу небесных. Эти государи были образцами добродетели для своих подданных. Они думали, что счастье и благосостояние народа зависит от него самого, т. е. от его доброй нравственности. Добрая же нравственность народа, по их мнению, зависела не от законов, а от примера, какой им давала высшая власть, т. е. государь и его чиновники. Они думали, что народ более склонен следовать тому, что высшие любят, а не тому, что они предписывают. Кроме того, они сознавали, что добрую нравственность в народе может упрочить просвещение; поэтому они старались улучшить воспитание юношества и усовершенствовать школьное учение. Когда Яо умер, был назначен трехгодичный траур для всего народа. Шун, его преемник, значительно смягчил уголовные законы и из практиковавшихся кар сохранил только наказание палкой, конфискацию имущества и изгнание.

Подобно Яо, он избрал себе в соправители даровитого юношу Ю. Во время их совместного правления (в 2297 г. и след.) в Китае было большое наводнение от непрерывно лившихся дождей, обративших всю страну в одно сплошное болото. В продолжение 20 лет правители и народ старались осушить почву, что им и удалось наконец.

По мере осушения страны Ю тщательно изучал почвенные условия и произведения местности и в то же время отводил землю под хлебопашество, деля ее на участки. Затем поля он перерезал различной длины каналами, которые служили во время наводнения для стока вод, а в засуху для орошения. Участки давались, смотря по качеству почвы, от 100 до 300 му (му = 1210 англ. фут.) и были обложены поземельной податью, состоявшею из $\frac{1}{10}$ части урожая. После Ю следовал целый ряд мудрых правителей из династий Ся и Шань. При них вводились постепенно разного рода законы, имевшие своею целью благосостояние граждан. Наибольшее внимание обраща-

лось на сельское хозяйство, в преуспевании которого было заинтересовано и правительство; но надо заметить, что оно имело в виду, кроме уравнивания налога и земских повинностей, отвратить чрезмерное накопление богатства у одних и бедность у других, а также чтобы земледельцы не предавались лени и праздности. Вследствие этого все полевые работы производились под непосредственным надзором правительственных чиновников. Правительство указывало сроки пахания земли и время посева и уборки; оно же издавало правила, как и чем удобрять землю.

Для удовлетворения нужд народа в случае неурожая правительством были учреждены запасные хлебные магазины, куда поступала четвертая часть трехлетнего государственного дохода. Хлеб сохраняли от порчи, давая его в ссуду земледельцам, нуждавшимся в зернах для посева. Осенью при сборе жатвы ссуды возвращались обратно в казну. Во время же неурожая хлеб раздавался без возврата.

Благодаря этим благоразумным мерам благосостояние народа находилось в цветущем положении. Народ спокойно и мирно жил при мудром и кротком управлении. Государство за это время окрепло и расширило свои пределы. При последних богдыханах из династии Шань, которая с 1401 г. до Р. Х. приняла наименование Инь, в Китае насчитывалось 24 вассальных княжества, находившихся в сюзеренной зависимости от богдыхана. Но затем в истории Китая наступает кризис.

III

Последний богдыхан из династии Инь отличался жестоким и деспотическим характером. Ни князья, ни народ не любили его, и этим воспользовался могущественный и храбрый правитель княжества Чжеу. Он восстал против тирана и лишил его престола. Вступив на престол богдыхана, он, боясь за неприкосновенность своей власти и чтобы усилить ее и умножить число приверженных ему людей, раздал массу областей в вассальное владение своим близким людям, родственникам и друзьям и умножил таким образом число княжеств до 156. Это-то и послужило причиной смут, целые столетия потрясавших государство

и особенно усилившихся в эпоху, предшествовавшую рождению Конфуция, которая представляет ту же историческую картину, какую мы видим в средние века в феодальной Европе или в удельный период истории России. Китайской империи в эту эпоху пришлось пережить целый ряд неурядиц, смут и междоусобий, долгой ожесточенной борьбы с варварскими пограничными народами. Разделенная на множество мелких владений, признававших только номинально зависимость от богдыхана, империя, по-видимому, находилась на краю гибели. Каждое из этих владений желало усилиться и расширить свои пределы за счет соседних областей и являлось, таким образом, рассадником распрей и междоусобных войн. Вся китайская история того времени переполнена рассказами о братоубийственных войнах, коварных интригах, изменах и возмущениях против богдыхана. Выработанные культурные начала стали забываться и приходить в упадок. Религия находилась в презрении, законы бездействовали, сильные притесняли слабых, крупные землевладельцы отнимали земли у мелких собственников и оставляли их без клочка земли. Последние умножали собою бесчисленные толпы бродяг и нищих, не признававших никакой власти и законов.

Возникли неведомые до сих пор воровство и грабежи, всюю тяжестью падавшие на тот же народ, который без того уже страдал под игом беспрестанных войн и должен был доставлять средства на содержание бесчисленных армий. В истории Китая указывается, что эти армии иногда состояли из сотен тысяч человек. Народу же приходилось строить крепости и нести остальные тяжелые работы, вызываемые потребностями военного времени, доставлять средства князьям и вельможам на постройку дворцов, украшения колесниц драгоценными камнями и на различные пиршества и празднества. Конечно, вся такая неурядица вызывала ропот даже этого известного своим терпением и трудолюбием народа. Отголоски его ропота дошли до нас, сохранившись в безыскусственных народных песнях того времени. Подавляемый массой поборов и налогов и непосильным трудом, народ был близок к возврату в первобытное состояние варварства. Должна была наступить пора преобразований. Надо было водворить в государстве порядок и призвать народ к новой жизни. При безначалии и нравственной, и по-

литической распушенности, господствовавшей в Китае в ту эпоху, должны были, наконец, появиться преобразователи нравов, здравый голос которых указал бы народу и правителям путь к истине, призвал бы их к повиновению законам.

И действительно, в это время стали появляться люди, стремившиеся тем или иным путем внести покой и мир в государство, — люди, сознававшие всю необходимость его объединения.

Среди них были и полководцы, мечтавшие достигнуть заветной цели силою оружия, и политики, старавшиеся путем дипломатических уловок и переговоров достичь того же (дипломатия и в то время имела большое значение, как это видно из существовавшего тогда выражения: «Трехдюймовый язык стоит стотысячной армии»), и, наконец, философы. Последние видели спасение страны в установлении и улучшении нравственного и религиозного быта народа, в введении строгого порядка, основанного на правильных гражданских и уголовных законах, и в предложении целого ряда мер к поднятию материального благосостояния народа, улучшения его сельского хозяйства и промышленности.

Из этих философов наиболее известны Лао-Цзы, Конфуций и Менций, ученик Конфуция.

Лао-Цзы был основателем существующей и поныне в Китае религии даосистов. Эта религия основана на древнем, принадлежащем востоку Азии мирозерцании, по которому коренной причиной всего существующего признается высшее вечное духовное существо, а человеческие души — изливанием (эманацией) этого существа. Сообразно этому Лао проповедовал метампсихозис — верование, что душа, не запятнанная грехами, возвращается к своему божественному началу, тогда как грехи осуждают ее на пребывание в других телах животного мира. Во имя этой идеи Лао проповедовал также презрение к внешности, подавление вожелений и страстей и провозглашал приобретенное этим путем душевное спокойствие величайшим благом.

Это учение, заимствованное, по всей вероятности, Лао-Цзы у индусов, существует, как мы сказали, в Китае и поныне; оно распространено главным образом среди черни, но не приобрело того успеха, какой выпал на долю

другого знаменитого китайского философа Конфуция, к описанию жизни и учения которого мы сейчас перейдем.

ГЛАВА I

*Генеалогия Конфуция. — Его рождение, детство и юность. —
Поступление на службу. — Женитьба. — Служебные успехи.*

Китайские летописцы ведут генеалогию своего реформатора от полумифического богдыхана Хоан Ти, изобретателя цикла и компаса, царствовавшего за 2637 лет до Р. Х. *

По их словам, большая часть предков Конфуция отличалась выдающимися способностями и занимала важные административные, военные и гражданские посты в государстве. На одного из этих предков, жившего в восьмом столетии до Р. Х., указывают, между прочим, как на большого любителя и знатока старинных обычаев и древней истории — наследственная черта, перешедшая впоследствии к Конфуцию. Об отце Конфуция, которого звали Шу Лиан-хо, летописи повествуют следующее: Хо служил в военной службе и отличался необыкновенным ростом, силою и удивительною храбростью, о которой рассказываются целые чудеса. Он был назначен правителем третьестепенного городка Чеу (нынешний Чеухиен), находившегося в вассальном княжестве Лу. Хо имел двух жен; от первой, или главной жены, у Хо было девять дочерей, а от второй — слабый, вскоре умерший сын, по имени Ман Пи. Хо желал иметь после себя наследника; поэтому он, когда главная жена его умерла, решил жениться вторично, несмотря на свой преклонный возраст — ему было 70 лет. После долгих колебаний выбор его пал на известное в городе семейство Иён, в котором было три сестры. Отец молодых девушек, хотя и очень желал породниться с Шу Лиан-хо, но не принуждал своих до-

* В Китае, где знатное происхождение имеет весьма важное значение, мудрец не мог произойти от незначительных родителей (*Хрисанф*).

черей к этому неравному браку. Призвав их к себе, он передал им предложение Хо и, указав на знатное происхождение жениха и на то, что Хо, несмотря на старость, обладает необыкновенною силою и храбростью и занимает важный пост градоправителя, сказал:

— Мне бы очень хотелось, чтобы предложение Хо было принято! Кто из вас желает быть его женою?

Две старшие дочери промолчали, младшая же, по имени Чинг Тси, отвечала:

— Зачем вы спрашиваете нас? Не в вашей ли воле решить это!

Тогда отец предложил ей выйти замуж за Хо. Чинг Тси согласилась. Через девять месяцев после свадьбы у них родился сын, будущий законодатель Китая. Рассказывая о жизни и деяниях Конфуция, китайские летописи не приписывают ему ничего чудесного и легендарного, за исключением одного периода, именно рождения Конфуция,— здесь фантастический элемент выступает на сцену. Самое зачатие, период беременности и, наконец, рождение мудреца сопровождаются разного рода чудесными явлениями. Легенды повествуют, что вскоре после свадьбы молодая жена, боясь, что у нее вследствие старости мужа не будет ребенка, упросила своего супруга съездить с нею на холм Ни-киеу. Здесь она обратилась с жаркою молитвою к верховному существу Шанг-ти. Просьба ее была услышана, и она зачала сына. Когда она спускалась с холма, деревья и травы склонились пред нею. В саду, принадлежавшем Шу Лиан-хо, явилось чудовище Ки-линь, явление которого всегда предвещало какое-нибудь великое событие. Это чудовище выбросило из желудка яшмовый камень. На камне были начертаны следующие слова: «Когда династия Чжеу будет клониться к упадку, родится младенец, чистый, как кристальная вода; он будет царем без царства». Во время беременности Чинг Тси увидела во сне черного Ти, который сказал ей, что она родит сына у дуплистого тутового дерева. Чинг Тси при приближении родов спросила у мужа, где находится такое дерево. Тот указал ей это место. Тогда Чинг Тси пожелала отправиться туда. Шу Лиан-хо был сильно поражен этим желанием, но, узнав о ее сне, согласился и приказал сделать все необходимые приготовления. В ночь, когда родился младенец, над холмом все время парили в воздухе два дракона и стерегли холм справа и слева, в не-

бесах раздавались упоительно гармонические звуки и голоса незримых духов пели: «небеса трепещут от радости при рождении святого сына!» Когда младенец явился на свет, из земли стал бить ключ чистой теплой воды и исчез, как только младенец был омыт. Сам новорожденный обладал необыкновенной, даже чудовишной наружностью, — например, рот его был подобен озеру, губы, как у быка, спина, как у дракона, и т. д. Летописцы, конечно, придавали этим признакам аллегорическое значение. Но оставим легендарные сказания и перейдем к фактическим данным.

Подлинная биография Конфуция составлена очень тщательно его учениками. Она изобилует многими любопытными фактами, знакомящими нас как с личностью самого китайского философа, так и с нравами и обычаями его эпохи.

Китайские хронологические таблицы указывают рождение Конфуция на 21 день 10 месяца 20 года царствования богдыхана Линг Ванга (мудрого царя), т. е. в 551 году до Р. Х. При рождении Конфуцию было дано имя Киеу — холм, в знак памяти о холме, на котором молилась его мать. Сведения о детском периоде жизни Конфуция очень скудны. Известно, что на третьем году жизни он лишился отца, отличался необыкновенным послушанием матери, почтительностью к старшим, был тих, степенен и рассудителен не по возрасту и что его любимыми детскими забавами была игра в церемонии и жертвоприношения. Рассказывают, что он часто собирал своих сверстников и проделывал с ними все то, что замечал за старшими, когда они приветствовали кого-либо по всем правилам церемоний, или раскладывал в порядке на столе все, что попадалось ему под руку, как бы принося жертвы предкам, потом падал ниц и, ударяя головой об землю, проделывал все церемонии, принятые в подобных случаях. В этих детских забавах рано сказался будущий Конфуций, страстный приверженец всех старинных обычаев.

О школьном воспитании Конфуция также не сохранилось вполне достоверных сведений. Существует предание, что когда Киеу исполнилось семь лет, его мать, до того времени занимавшаяся воспитанием сына, хотела найти ему учителя, но, будучи еще очень молодой, не решилась взять к себе кого-либо в дом и отдала Киеу в об-

пественное училище. Общественные школы были учреждены в Китае еще при первых его государях, которые сознавали, что добрую нравственность в народе может упрочить только просвещение, и вследствие этого старались улучшить воспитание юношества и усовершенствовать школьное учение. При них и особенно при последующих богдыханах стали учреждать училища во всех городах и даже в деревнях. В этих училищах давалось воспитание всему юношеству без различия званий. Каждый ребенок, достигший восьми лет, мог поступить сначала в низшее училище, где ему прежде всего преподавали правила вежливости, затем обучали обрядам, музыке, стрельбам из лука, возничеству и счислению. По достижении 15 лет более даровитые, кто бы они ни были, сыновья ли богдыхана, или сыновья крестьянина, поступали в высшее училище, где им преподавали нравственную философию. Надо прибавить, что в этих училищах воспитание мало развивало самостоятельное мышление, а сводилось главным образом к заучиванию на память нравственных сентенций и сведений, заведенных предками. В такую школу поступил и Конфуций, где его стали звать Чунг Ни. Вскоре Чунг Ни затмил всех сотоварищей своим прилежанием, кротостью, скромностью и успехами в учении. На 17-м году он был назначен помощником своего учителя, известного ученого Пинг Чунга, который был вместе с тем и градоправителем того города, где жили Конфуций и его мать. Молодой Чунг Ни, исполняя обязанность репетитора, старался по возможности не задевать самолюбия товарищей и возбуждал их рвение скорее собственным поведением, чем наставлениями. Все время своего пребывания в училище он занимался с неустанным прилежанием, изучая сочинения древних авторов, имевших огромное влияние на развитие его ума и сердца. Вообще Конфуцию удалось приобрести в молодые годы много разнообразных сведений, обилие которых впоследствии поражало и удивляло его слушателей.

По окончании своего образования Конфуций, уступая желанию матери, поступил на государственную службу. Ему было дано невидное место торгового пристава, обязанность которого состояла в надзоре за свежестью припасов на рынках и в лавках. Заняв эту скромную должность, Конфуций вовсе не считал себя униженным или обесчещенным, несмотря на то что происходил из знатно-

го рода, и не старался уклониться от возложенных на него обязанностей, но, напротив, тщательно и добросовестно относился к ним, и сам во все вникал. Он сознавал, что и на этом скромном месте может быть полезен своим согражданам и родине. С самого раннего утра Конфуций, сопровождаемый сведущими и опытными людьми, обходил рынки и лавки, осматривая овощи, мясо и хлеб, причем поощрял честных торговцев и строго преследовал мошенников, и благодаря этим мерам достиг блестящих результатов. Время, свободное от службы, он продолжал посвящать ревностным занятиям наукой и проводил его почти постоянно дома, изредка только делая прогулки за город с целью поближе познакомиться с бытом и хозяйством земледельцев или посещая запасные хлебные магазины. Время, посвященное этим прогулкам, не пропадало у него даром, — здесь он старался добыть себе те знания, каких не находил в своих книгах, — расспрашивал земледельцев о качествах возделываемой ими почвы, о средствах сделать ее более плодородной, о средствах предохранения хлебных зерен от прорастания и т. д. Одним словом, он не пренебрегал ничем, что имело хоть малейшее отношение к его обязанностям. Наградой ему было за это всеобщее уважение к нему со стороны его сограждан и громкая слава о его мудрости, которая осталась за ним навсегда.

На 19-м году своей жизни Конфуций вступил в брак с девицей из знатной фамилии, по имени Кикоан Ши. Через год у них родился сын. Князь Лу, узнав о рождении сына, прислал в подарок Конфуцию пару рыб из породы карпов. Карп по-китайски называется *ли*, и Конфуций в знак благодарности за милость и внимание князя назвал новорожденного Ли, а впоследствии дал ему прозвище Пейю, что значит первая рыба. Кроме сына у Конфуция была еще дочь.

В это же время Конфуций получил повышение и на своем служебном поприще. Князь Лу назначил его, по единодушному желанию сограждан и непосредственного начальства Конфуция, инспектором пахотных полей, лесов и стад и дал ему полное право отменять прежние порядки и вводить новые. И в этой должности Конфуций выказал блестящие способности.

Он вникал в малейшую мелочь сельского хозяйства и не упускал ничего из виду, что могло хотя бы несколько

содействовать возвышению и улучшению сельскохозяйственного быта. Он достигал своей цели то убеждениями и просьбами, то угрозами и наказаниями, то вовремя поданной помощью. Усилия его увенчались блестящим успехом. При его управлении быт земледельцев изменился к лучшему, заброшенные поля обратились в богатые нивы, стада и породы домашних животных умножились и усовершенствовались.

ГЛАВА II

Смерть матери. — Отставка. — Первое выступление Конфуция как общественного учителя. — Трехгодичный траур. — Занятия наукой и искусствами. — Конфуций делается известным. — Его первое путешествие и применение его теоретических познаний на практике. — Занятия музыкой.

Благодаря своим заслугам и плодотворной деятельности Конфуций сильно выделился из среды остальных чиновников княжества, и все сулило ему впереди самую блестящую сущность; но внезапная смерть матери принудила его оставить службу и удалиться от общественной деятельности на целых три года. Смерть матери его произошла в 528 г. до Р. Х.

В Китае издревле существует обычай, который требует, чтобы сыновья по смерти отца или матери выдерживали трехгодичный траур, причем чиновники гражданские и военные должны выходить в отставку и могут снова вступить в свою должность не ранее истечения срока траура. Это называется у китайцев *восстановлением*. Когда в семье нет сына, то подобный долг должен исполнить внук, правнук или же приемыш. В продолжение траура нельзя пить вина, выходить из дому, иметь сношение с женой и бывать на пиршествах.* Конфуций слишком уважал древние обычаи, чтобы мог пренебречь хотя малейшей их деталью, и он строго выполнил все, что требовалось обычаями. Выйдя в отставку, он прежде всего занялся погребением тела матери, желая похоронить ее вместе с телом умершего двадцать лет тому назад отца в

* В китайских священных книгах говорится: «Кто исполняет траур, тому пища не сладка, музыка не весела, жизнь не спокойна... Сын только через три года сходит с рук родителей, и потому трехгодичный траур обязателен для всех».

одной общей могиле. При погребении Конфуций в первый раз выступил в роли общественного учителя. «Соединенные при жизни, — сказал при этом философ, — не должны быть разлучены и по смерти. Положите их тела рядом — тело мужчины на восток, тело женщины на запад, с головами, обращенными на север, и ногами, обращенными на юг. Чтобы предохранить тела от хищных зверей, вложите их в гробы из толстых четырехдюймовых досок, пропитанных маслом или покрытых лаком; а чтобы по возможности долее предохранить их от разрушения, поставьте гробы на земляные холмы!»

Это погребение во многом отличалось от соблюдавшихся тогда похоронных обычаев. Современники Конфуция совершенно забыли обычаи предков и хоронили покойников как попало, на пустырях, несколько дней носили по ним траур и затем забывали о них. Не так думал Конфуций. В своих первых поучениях он горячо упрекает сограждан в неуважении к усопшим, в общей нравственной развращенности; говорит, что люди утратили стыд и совесть и на самые возмутительные вещи смотрят равнодушно. Он старается вразумить граждан, что человек, царь земли, которому все подчиняется на ней, есть драгоценнейшее создание из всех живущих под небом, достоин всякого уважения и что равнодушие к оболочке его души есть унижение человеческого достоинства и низведение его в степень грубого животного. Он говорил:

— Любите друг друга и весь род человеческий, всю цепь, которой каждый из вас составляет отдельное звено. Все вы всегда и всем обязаны усопшим. Не было бы одних и других не было бы. Живые должны быть благодарны усопшим за оказанные ими при жизни благодеяния. Самый простой и естественный способ возблагодарить усопших состоит в воздаянии почестей их памяти и именно по тем обрядам, которые существовали в первые времена империи. Без сомнения, и наши потомки воздадут в свою очередь нам те почести, какие мы воздаем нашим предкам. Почести, воздаваемые вами тем, кого вы заместили на земле, воздадутся вам теми, кто заместит вас в свою очередь.

Пример Конфуция не остался без подражателей, а его наставления без последователей. Забытые обычаи старины воскресли, возобновились и существуют до настоящего времени.

Похоронив мать, Конфуций начал исполнять предписанный трехгодичный траур. Все это время он жил в уединении, вполне предавшись оплакиванию своей матери и научным занятиям. В это время он, вероятно, изучил в совершенстве все то, что не успел узнать в школе и во время службы.

«Учиться и с каждым днем совершенствоваться не так же ли приятно, как встретиться с другом, пришедшим из далеких стран», — говорит Конфуций. По мнению Конфуция, человек должен все свое свободное время употреблять на обучение.

Мрачная и горькая действительность окружающей жизни не могли его удовлетворить, и он стал искать утешения в прошедших временах. Конфуций весь предался изучению священных книг древности и постановлений великих и мудрых древних правителей, в уста которых он впоследствии стал вкладывать высказываемые им высокие нравственные идеи. Впоследствии он ставит таких мудрых правителей древности, как Яо, Шун, Ю и другие, в образец совершенных людей, как примеры нравственного совершенства и наилучшего управления. По этим примерам и образцам он и решился действовать неуклонно во всю свою жизнь. Кроме изучения древних книг и законов Конфуций за это время прилежно занимался усовершенствованием себя в так называемых шести свободных художествах, без знания которых человек, по мнению китайцев, не может считаться образованным. Эти шесть свободных искусств — музыка, духовные и гражданские обряды, математика, каллиграфия, искусство биться на всяком оружии и управлять колесницей.

По истечении срока траура Конфуций сложил, как требовалось обычаями, на гробнице матери свои печальные одежды и вновь возвратился к общественной жизни. Он не пожелал занять опять прежнюю должность, но решился продолжать свои ученые занятия и только по прошествии пяти лет усиленной деятельности постиг вполне основы того учения, проповедованию и распространению которого он посвятил остальные годы своей жизни.

Вскоре слава о его учености и мудрости распространилась по всему Китаю, и к нему стали стекаться со всех сторон жаждавшие знания и истины. К нему приходили люди всех возрастов и состояний — старые

и молодые, богатые и бедные, знатные и простолюдины, и он никому не отказывал в мудром совете. Некоторые из молодых и пылких юношей сделались его учениками и постоянно находились при нем, другие же приходили к нему только по мере надобности и затем опять возвращались к своим обязанностям. Князь удельного княжества Иен, услышав о мудром философе, прислал к нему одного из своих вельмож спросить совета, как лучше управлять народом.

Выслушав посланного, философ ответил:

— Не зная ни государя, ни его подданных, я не могу ничего посоветовать, что могло бы быть полезно ему и его народу. Если бы он спросил у меня, как поступали древние государи в том или ином случае, я бы охотно исполнил его желание, потому что я говорю только то, что мне известно. Передайте вашему князю в точности мои слова!

Ответ философа был, без сомнения, передан, потому что на следующий год Конфуций был при дворе князя Иен и работал там с успехом над реформами законов и нравов. Окончив свою задачу, Конфуций собрался домой.

— Приехав сюда, я исполнил свой долг, — сказал он, — исполняю его и уезжая отсюда. Теперь я могу быть полезен еще где-нибудь.

Из княжества Иен он отправился в княжество Кин, где жил знаменитый музыкант Сианг. Там Конфуций хотел окончательно усовершенствоваться в музыке, на которую он смотрел как на один из драгоценнейших даров неба человека, возвышающий и облагораживающий характер человека, утишающий страсти, бушевавшие человеческую душу, и дающий чистое и невинное наслаждение. Окончательное усовершенствование потребовало не много времени у Конфуция — он постиг всю ее премудрость с небольшим в две недели, из чего мы можем заключить, что музыкальные требования того времени были не слишком обширны и сложны. В самом деле, в одном из своих изречений Конфуций дает в высшей степени простой совет, как обучиться музыке. Он говорит: «Музыке легко выучиться: при начале игры все инструменты должны быть настроены; в продолжение игры все должно идти плавно, внятно, без диссонанса; то же и в конце».

Как бы то ни было, Конфуций дорожил музыкой и ввел ее в свое преподавание как средство для смягчения народных нравов. В одной из канонических книг, состав-

ленных Конфуцием, сказано: «желаете ли образоваться, — тщательно изучайте музыку. Музыка выражает и живописует нам союз неба с землею. С богослужением и музыкой — в империи ничего не может быть невозможного». Он даже, по словам летописцев, сочинил книгу о музыке, к сожалению, затерянную. Те же летописцы передают следующие слова Конфуция, сказанные им, когда он явился в последний раз к Сиангу, чтобы отдать отчет в разученной им пьесе:

— Теперь я похож на человека, с горной вершины обозревающего пройденное им пространство и всю окрестность. В музыке я вижу то, что в ней возможно видеть. Благодаря постоянству и прилежанию, я понял таинственный смысл древней пьесы, мною разыгранной. Играя ее, я перечувствовал все, что испытал ее составитель, — мне казалось, что я его вижу, слышу, говорю с ним. Воображаю себе этого составителя человеком среднего роста с несколько печальным лицом, с большими ласковыми глазами, с кротким приятным голосом, словом, в сочинителе песни вижу великого правителя Ву Ванга. Угадал ли я?

Сианг подтвердил его догадку и в восторге воскликнул:

— Я должен быть вашим учеником, а не вы моим!

ГЛАВА III

Возвращение в Лу.— Продолжение ученых занятий.— Путешествие в княжество Тси.— Встреча на пути.— Поездка в княжество Чжеу.— Отзыв Конфуция об его учении.— Изречения древнейших китайских мудрецов и мнение о них Конфуция.— Свидания Конфуция с Лао-Цзы.

Посещение княжеств Иен и Кин убедили Конфуция в пользе и необходимости путешествий. Он увидел, что только этим путем можно приобрести здравые понятия и верные суждения о народном духе и что неблагоприятно полагаться на отзывы других, большею частью ложные или предвзятые. Впоследствии он никогда не упускал случая, доставлявшего ему возможность побывать в том или в другом княжестве. Такая возможность, как мы увидим далее, представлялась ему довольно часто.

Возвратившись в Лу, Конфуций опять принялся за свои ученые занятия, посвятив себя всецело мудрости и истине. Некоторые из близких ему людей старались отклонить его от этого намерения и уговаривали поступить на службу.

— Решение мое неизменно,— отвечал им Конфуций,— мое назначение и долг — служить и быть полезным всем людям без исключения. Все люди — одна семья, и мое призвание быть ее наставником!

И действительно, с этого времени дом его обратился в настоящую академию. Но в скором времени Конфуций опять покинул Лу и отправился в княжество Тси, куда пригласил его владетель этой области, желавший воспользоваться советами и опытом славного философа.

Конфуций отправился в Тси, сопровождаемый своими учениками и многими почитателями, пожелавшими всюду следовать за ним.

Конфуций не отговаривал последних, зная, что слабые и бесхарактерные из них сами отстанут.

Во время пути ехавшие слышали раздавшиеся в стороне от дороги стоны. Приблизившись, они увидели пытавшегося повеситься человека и тотчас же освободили несчастного от петли, причем Конфуций, сошедши с колесницы, спросил несчастного о причине, побудившей его прибегнуть к самоубийству.

Спасенный отвечал, что причиною была его печально сложившаяся жизнь, что он с детства стремился сделаться мудрым и изучил все, что было ему доступно, и, пристрастившись к путешествиям, покинул родину, чтобы бродить из княжества в княжество. Спустя несколько лет он вернулся домой и женился, вскоре после этого умерли его отец и мать, для которых он не успел ничего сделать, и это было первой причиной его печали. Вторая причина его печали заключалась в том, что, возвратившись из путешествия, он считал себя способным руководить другими и ввиду этого, как только миновал срок траура, предложил свои услуги князю Тси, но князь, занятый более развлечениями, чем делами правления, не хотел его слушать. Друзья также отнеслись к нему гордо, индифферентно или прямо с презрением, что составило третью причину его печали, и, наконец, четвертая причина заключалась в том, что его покинул собственный сын.

— Итак, — заключил свою исповедь самоубийца, — я хотел быть мудрым, а не сумел исполнить самых обыкновенных гражданских обязанностей — не был ни добрым сыном, ни достойным гражданином, ни хорошим отцом семейства, и поэтому-то я и решился на самоубийство.

Выслушав слова самоубийцы, Конфуций сказал:

— Как бы ни были велики ваши ошибки, они ничтожны в сравнении с малодушием. Всякая ошибка — дело поправимое, но самоубийство — преступление непоправимое. Вы заблудились с первых же ваших шагов по житейскому пути и пошли ложным путем, думая идти к мудрости. Вы должны были начать с того, чтобы сделаться человеком прежде, чем мудрецом; последнее возможно только при точном исполнении человеческих обязанностей, налагаемых на нас самой природой. Первой же вашей обязанностью было любить родителей и угождать им,

но вы ее не исполнили, и эта небрежность была причиною всех ваших несчастий. Не думайте, однако, что для вас все невосвратно погибло, приободритесь и не падайте духом; верьте одной великой истине, неопровержимость которой подтверждается опытом всех веков. Вот эта истина, постарайтесь навсегда запечатлеть ее в вашей памяти: покуда человек жив, он не должен ни в чем отчаиваться. От величайшего горя он может перейти к величайшей радости, от ужаснейшего бедствия к полнейшему блаженству. Мужайтесь, идите к себе домой и примитесь за труды с той же охотой, как бы сегодня вы снова начали жить, узнав настоящую цену жизни. Вы еще можете сделаться мудрым!

Затем Конфуций, обратясь к сопровождавшим его, сказал:

— То, что вы слышали, может послужить для вас хорошим уроком!.. Пусть каждый хорошенько поразмыслит над этим.

Сказав это, он сел на колесницу и не успел отъехать полуверсты, как несколько учеников подошли к нему и просили у него позволения вернуться домой — служить своим родителям и заботиться о них.

Принцип, изложенный Конфуцием в его беседе с самоубийцей, есть основное правило философии Конфуция. На этом принципе зиждется вся общественная, политическая и семейная жизнь Китая — с идеей сыновней почтительности тесно связано учение о почтении к старшим, на чем и основан весь строй общественной жизни китайцев.

Молодой князь Тси принял мудреца с большим почетом, но этим и ограничился. Ни советов, ни наставлений князь, весь отдавшийся забавам и разного рода удовольствиям, у него не спрашивал. Конфуций прожил при дворе Тси целый год, но его пребывание не принесло княжеству никакой пользы.

Князь осыпал мудреца ласками из тщеславия, желая, чтобы народ говорил о нем, что он умеет чествовать и награждать великих людей. Он предложил Конфуцию владение городом. Конфуций отказался, сказав, что ничем не заслужил подобного дара.

Число учеников и слушателей Конфуция возросло до такой степени, что князь отдал ему для его собраний один из своих дворцов.

Князь часто приглашал к себе на дружеские беседы Конфуция. Во время одной из подобных бесед философ имел случай показать необыкновенную прозорливость своего ума и высказал свой взгляд на правителей и правление. Летописи передают этот случай так: однажды, дружно беседуя с философом, князь получил известие из княжества Чжеу, что молния сожгла в императорском дворце один из храмов, посвященных памяти предков.

— Храм Ли Ванга, по всей вероятности! — заметил Конфуций.

— Почему вы так думаете? — спросил князь.

Философ отвечал:

— Покуда властители земли живы, худо понимаемое уважение или раболепный страх замыкают уста окружающим их, но небо нелицеприятно — оно рано или поздно ниспосылает знамения своего гнева на нарушителей его законов. Ли Ванг был злой государь. Он отменил многие мудрые постановления Вен Ванга; он первый осмелился носить желтые, богато украшенные одежды, строить пышные дворцы, щеголять лошадьми и колесницами — словом, он первый из царей ввел при дворе ту безумную роскошь, которая заставила бы краснеть государей древности. Гнев небесный, уничтожив храм, посвященный памяти Ли Ванга, возвещает людям, что они воздавали почести недостойному, и вместе с тем предостерегает князей, чтобы они не подражали Ли Вангу!

Князь, узнав через нарочно посланного, что молния действительно сожгла храм Ли Ванга, сказал после долгого размышления окружающим:

— Порадуйтесь со мною. В Конфуции я приобрел неоценимое сокровище. Он — величайший муж во всей империи... Это — мудрец, достигший вершины премудрости... Это воистину святой человек. Он видит происходящее далеко так же ясно, как и происходящее у него пред глазами!

Вскоре после этой беседы Конфуцию представился удобный случай посетить княжество Чжеу. На родине мудреца, в княжестве Лу, умер один из первых княжеских сановников, при жизни много слышавший о Конфуции и уважавший его за мудрость. На смертном одре он завещал своим сыновьям сделаться учениками Конфуция. После

смерти отца и траура сыновья вельможи прибыли к Конфуцию и сделались его учениками. Благодаря знатному роду и влиянию новых учеников положение Конфуция сильно изменилось.

Новые его ученики, узнав о желании учителя посетить столицу империи, чтобы на месте ознакомиться с принятыми там церемониями, поспешили помочь ему в этом желании. В это время императорский двор находился в городе Лу. Новые ученики сообщили князю Лу о желании Конфуция посетить двор императора. Князь обещал оказать философу всевозможное содействие и для удобства прислал ему собственную колесницу, пару лошадей и одного из офицеров своей свиты.

Так как главной целью Конфуция было ознакомление с церемониями и постановлениями династии Чжеу, то он по прибытии в Чжеу посещал главным образом различные места, где мог достигнуть своей цели. По прибытии в Лу он встретил Чан Хунга, музыканта-философа. Чан Хунг с радостью приветствовал Конфуция и предложил ему поселиться у него в доме. Он же представил Конфуция первому министру при дворе Чжеу. Министр, ласково приняв философа, стал расспрашивать его об его учении. Философ ответил:

— Мое учение есть то самое, которому должен следовать каждый человек,— это учение Яо и Шуна. Что же касается до моего способа преподавания этого учения, то он очень прост: я указываю на поведение древних, как на образец, советую читать священные книги (кинг) и требую, чтобы размышляли над прочитанным.

— Но как приобрести мудрость? Научите меня чему-нибудь.

— Вы требуете от меня слишком многого. Постарайтесь запомнить четыре следующие предложения, которые могут вам пригодиться: сталь ломается, как бы ни была она крепка; нередко кажется несокрушимым то, что в сущности легко уничтожить; гордый, ставя себя выше других, воображает, что все ему поклоняются; другие же, считая его ниже себя, не обращают на него никакого внимания; излишне снисходительный, со всеми соглашаясь, чтобы всего достигнуть, делается всегда игрой собственному легковерию. Эти правила, как ни кажутся они просты, могут довести до величайшей степени мудрости

того, кто, проникнув в их смысл, согласно им будет вести себя.

Услышав о прибытии Конфуция в столицу, один из первых вельмож по имени Лиу Вен-кунг стал расспрашивать о нем Чан Хунга.

Чан Хунг, с восторгом отзываясь о госте, сказал, что это человек, которому нет в свете подобного, что он настолько скромен, что не стыдится учиться у людей менее мудрых и менее просвещенных, что он будет служить удивлением всего мира и всех веков, что он — совершеннейший образец человека. Какой только можно представить себе, и затем прибавил, что память о нем исчезнет только тогда, когда исчезнет учение Яо и Шуна и забудутся наставления мудрых основателей империи.

Конфуцию был передан этот восторженный отзыв. Выслушав его, он сказал:

— Все это незаслуженно и преувеличено. Достаточно было бы сказать, что я кое-что смыслю в музыке и стараюсь соблюдать все обряды.

Во время одной из своих прогулок по столице, когда он осматривал столичные храмы и дворцы, Конфуций зашел, между прочим, в храм света (Мин-танг). Здесь он обратил особенное внимание на живописные изображения древних правителей. Рассматривая их, он увидел, что эти изображения размещены без всякого порядка, не сообразуясь с деяниями этих правителей. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Портреты Яо и Шуна помещены рядом с изображениями Кие и Шеу. Между тем их единственное сходство только в том, что как те, так и другие были императорами. Первые считались любимцами неба и народа, вторые, напротив, были ненавистны небу и внушали страх людям. А почему? Потому что первые почитали небо и умели сделать людей счастливыми, вторые же презирали небо и причиняли людям зло, какое только были в состоянии.

В храме предка царской династии Чжеу он заметил золотую статую на пьедестале, изображавшую человека, губы которого были заколоты тремя иглами. На спине статуи находились следующие надписи:

«В древности люди были осмотрительнее в своих речах: им следует подражать... Не говорите много, потому что при многословии всегда ска-

жется что-нибудь, чего говорить не следовало... Не беритесь разом за много дел — множество дел ведет за собою и множество скорбей или по крайней мере забот... Трудитесь и работайте, насколько требует этого ваш долг... Не ищите ни великих радостей, ни излишнего спокойствия: поиски за теми и другими сами по себе — труд и помеха спокойствию... Никогда не делайте того, что рано или поздно может повлечь за собою раскаяние... Не пренебрегайте поправкой зла, как бы ничтожно оно ни было — запущенное малое зло разрастется и сделается большим... Если не будете избегать малой несправедливости к себе со стороны других людей, вскоре придется употреблять все усилия к отражению жесточайших нападков... Говоря или действуя наедине, не воображайте, что вас никто не видит и не слышит: духи свидетели всех ваших деяний... Долго скрытый огонь разгорается в непреодолимый пожар; огонь обнаружившийся легче тушится... Многие ручьи дают реку; многие нитки, свитые вместе, образуют канат, который трудно порвать... Легко вырвать из земли молодое неукоренившееся дерево, дайте ему вырасти — понадобится топор... Из уст наших могут исторгаться и стрелы язвющие, и пламя пожирающее, осторожность предохраняет и от стрел, и от огня... Не думайте, чтобы человек, одаренный силой, мог безопасно подвергать себя всяким опасностям — сильный всегда может встретить сильнейшего, который его одолеет... Ненавидеть законных властителей — значит уподобляться разбойникам; роптать на справедливое правительство — значит становиться в уровень с низкой чернью... Противиться государю можно только при чрезмерных требованиях; довольствующемуся малым легко и повиноваться. — Простые люди и простейшие из людей никогда не начинают и не предпринимают ничего нового: они только подражают и следуют тому, что делают другие; им необходимы примеры и образцы. Видя людей осторожных, почтительных, добродетельных, образованных, и они сделаются такими же, и сами в свою очередь будут образцами для последующих поколений. — Уста мои замкнуты, говорить не могу; на вопросы и возражения не отвечу. В свою очередь и мне не о чем спрашивать. — Знание скрыто, но тем не менее действительно. Хотя положение мое и высоко, но вредить мне никто не может. Из вас скажет ли кто это самое? У неба нет родства, и оно одинаково ко всем людям. Прочитанное вами здесь заслуживает глубокого размышления!..»

Вся эта надпись состояла из изречений древнейших китайских мудрецов и заключала в себе главнейшие правила господствовавшей в народе морали тех времен.

Прочтя громко эти правила, Конфуций сказал окружающим его:

— Я смотрю на эти правила как на перечень всего, что только можно сказать полезного... Я убежден, что, умея применить эти правила к делу, можно быть близким к со-

вершенству. Постараюсь воспользоваться ими и вам всем то же советую!

Из храма света Конфуций направился в другие храмы, где богдыханы воздавали почести своим предкам. Мандарины, на обязанности которых лежали присмотр и забота об этих покаях, приняли его с величайшим почетом и усадили на возвышенное место. Во время беседы Конфуций поражал их своими знаниями. Тем не менее он и здесь не упустил случая ближе ознакомиться с обычаями и церемониями, принятыми в Чжеу, чтобы узнать, насколько они расходились с древними постановлениями. Он расспрашивал так подробно и входил в такие мелочи, что один из присутствующих заметил:

— Как же это? О нем говорили, что он все знает, а он между тем обо всем расспрашивает...

Услышав эти слова, Конфуций сказал:

— Вот в этом-то и заключаются церемонии.

Как мы увидим далее, Конфуций придавал, и не без основания, большое значение церемониям. Знакомясь и внимательно изучая обычаи и церемонии Чжеу, Конфуций, кроме того, занимался изучением музыки под руководством своего хозяина.

Так прожил он в Чжеу два года. В это время он виделся с Лао-Цзы, жившим в уединенной пещере в окрестностях города. Беседуя с Конфуцием, Лао, верный своему учению, упрекал Конфуция за славу, которая ходит о нем в народе, за многочисленных учеников, за его честолюбие и в заключение высказал свое мнение о том, каков должен быть истинный мудрец.

— Мудрец, — сказал Лао, — чуждается света; он не только не домогается, но убегает почестей. Вполне уверенный, что после своей смерти он оставит добрые правила тем, которые способны запомнить и усвоить их, истинный мудрец не доверяется всякому встречному, а соображается со временем и обстоятельствами. В добрые времена он говорит, в тяжелые безмолвствует. Обладатель сокровища скрывает его от всех, чтобы сокровище не похитили, и никому не разглашает, что у него есть сокровище. Истинно добродетельный своей добродетели на показ не выставляет и не трубит в уши всем и каждому, что он мудр и добродетелен... Вот все, что я хотел сказать вам! Воспользуйтесь тем, что от меня слышали.

Возвратясь обратно, Конфуций долгое время хранил молчание и затем, обратясь к ученикам, сказал:

— Вообразите себе дракона, кольцами неизмеримого туловища объемлющего всю вселенную... Таков разум Лао-Цзы...

ГЛАВА IV

Возвращение в княжество Тси и затем в Лу.— Беседы с учениками.— Исправление священных книг.— Конфуций начинает исторический труд «Чунь-цю» и др.

После 2-годового пребывания в Чжеу Конфуций, увидев и изучив все, что ему хотелось, решил возвратиться в княжество Тси. Рассказывают, что когда он, спустя несколько времени после возвращения, явился во дворец к князю, у последнего был концерт, во время которого исполнялось музыкальное произведение, созданное богдыханом Шуном за 1730 лет до Р. Х. Это произведение называлось «Шао-ио, или музыка, рассеивающая мрачные мысли и укрепляющая сердца в любви к долгу». Эта музыка произвела такое сильное впечатление на философа, что он в продолжение трех месяцев не мог думать ни о чем другом, и самые изысканные блюда потеряли для него всю привлекательность. В княжестве Тси Конфуций на этот раз пробыл недолго. Видя, что юный князь по ветрености и легкомыслию не в состоянии понять и усвоить его учение, философ вернулся на родину в княжество Лу, оставив в Тси для распространения своего учения нескольких учеников. В Лу в это время господствовали смуты, князь Лу был изгнан и управлением овладели, образовав олигархию, несколько знатных фамилий. В Лу Конфуций прожил 15 лет без всякой должности, как говорит Legge. У Потье, напротив, говорится, что Конфуцию была дана второстепенная ничтожная должность, от которой ученики советовали ему отказаться.

— Ни за что,— отвечал им Конфуций,— отказ мой приняли бы за гордость. Указывая другим на путь добродетели, мы первые должны идти по нему,— только тогда у нас могут быть последователи!

Все время жизни в Лу Конфуций посвятил распространению своего учения. Способ его преподавания был перипатетический — он поучал и словом, и делом, пользуясь каждым случаем. Мы приведем из этих бесед наиболее интересные.

Еще будучи в Чжеу, однажды ученики застали его внимательно смотрящим на течение реки.

— Учитель, — сказал один из них по имени Тси Кунг, — полезно ли созерцание текущей реки?.. Вещь, кажется, самая обыкновенная.

— Вы верно говорите, — отвечал Конфуций, — течение реки по ее естественному или руками вырытому руслу вещь самая обыкновенная, известная всем и каждому... Но вот чего никто не знает и это не совсем обыкновенно: соотношение и сравнение реки с учением. Это самое сравнение и занимает меня... Воды, думал я, текут безостановочно, днем и ночью, текут до самого устья реки и там впадают в море. Учение Яо и Шуна текло таким же образом до нашего времени; мы в свою очередь, как живые волны, понесем его вдаль, передадим последующим поколениям и так до окончания веков. Не будем же подражать тем одиночным мудрецам, которые мудры сами для себя, не делясь своею мудростью с другими...

В поучении Конфуций высказал своей взгляд на свое учение и вместе с тем дал несколько запоздалый ответ на слова Лао-Цзы относительно того, каков должен быть мудрец.

Другой случай, где Конфуций имел случай высказать свой взгляд на правление и на один из его главных моральных принципов — умеренность — умение придерживаться во всем середины и избегать крайностей, представился ему в тронной зале дворца богдыхана. В зале подле трона стояло ведро, сплетенное из камыша и хорошо осмоленное, для подъема воды из колодца. Философ спросил одного из присутствовавших мандаринов:

— Зачем поставлено здесь это ведро?

Мандарин не знал, что ответить, и пробормотал какой-то вздор. Тогда Конфуций попросил другого зачерпнуть воды из колодца. Тот осторожно и тихо опустил его в колодец, но легкое ведро плавало на поверхности, и мандарин не мог зачерпнуть в него ни капли. Конфуций все-таки просил зачерпнуть воды.

— Если не удалось достать воды таким образом,— сказал он,— надобно черпать иначе как-нибудь!

Другой мандарин взял ведро и бросил его в колодец со всего размаху; ведро, переполнившись водою, погрузилось на дно.

— И это нехорошо! — сказал Конфуций,— придется зачерпнуть воды самому...

Взяв ведро, он опустил его, осторожно покачивая, ни быстро, ни тихо, в колодец, и ведро наполнилось настолько, что его без труда можно было вытянуть из глубины. Тогда, обращаясь ко всем окружающим, Конфуций сказал:

— Вот вам верное изображение хорошего правления и искусства уметь держаться разумной середины. Излишняя слабость или излишняя суровость вредны — надобно уметь соединять силу с умеренностью. В древние времена этот опыт применялся при восшествии на престол нового правителя — древние законодатели предписали постоянно держать пустое ведро возле трона для того, чтобы правители всегда помнили моральный вывод из этого простого физического явления!..

Будучи уже на родине, Конфуций, раз гуляя со своими учениками в окрестностях города, увидел птицелова, прилежно занятого своим делом. Подойдя к нему и заглянув в клетки, Конфуций заметил, что в них находятся только молодые птицы.

— Где же старые? — спросил он у птицелова.

— Старые хитры и недоверчивы,— отвечал птицелов.— Прежде чем приблизиться к приманке, они сначала все исследуют, и если откроют что-либо опасное, то не только не идут сами на приманку, но даже уводят с собой молодых. В сети большею частью попадают только молодые птицы, отделившиеся от старых, и только случайно старые, последовавшие примеру молодых.

— Слышали? — сказал философ, обратясь к ученикам.— Слова птицелова нам нравоучение. Я ограничусь немногими пояснениями: молодые птички увертываются от силков, когда они летают вместе со старыми, но старые попадают, когда летают за молодыми. Не то же ли бывает и с людьми?!.. Высокомерие, задорливость, неопытность, неосмотрительность — вот главные источники ошибок молодости. Надутые своими ничтожными достоинствами, нахватавшись верхушек знаний — молодые

люди считают себя всезнающими; они считают себя героями мудрости и добродетели, лишь только им удастся совершить самое обыкновенное дело. Им неведомы ни сомнение, ни нерешительность, ими руководит не совет опытных и мудрых людей, а слепое и безумное увлечение; они идут ложным путем, заблуждаются и попадают в первую расставленную ловушку!.. А также разве между людьми старыми или зрелыми не встречаются лица, увлекающиеся малейшим проблеском дарования в молодых людях и вполне вверяющиеся им, думающие и говорящие, как они, и вместе с ними заблуждающиеся? Не забывайте же никогда, что вы слышали!

Ограничимся этими примерами метода, применявшегося Конфуцием в его преподавании, и перейдем к дальнейшему повествованию о его жизни.

Все время своей жизни в Лу Конфуций не прекращал ученых занятий. Вставая рано и ложась спать очень поздно, он посвящал в продолжение дня на отдых всего два часа.

В это время Конфуций приступил к пересмотру древних священных книг и новой их редакции, исправляя, поясняя, а также сокращая многое из них, что было уже не согласно с духом времени или с господствовавшими тогда понятиями. Особенное внимание Конфуций обратил на книгу превращений (*И-кинг*) великого Фу Си-ши. Вместе с *И-кингом* он занимался обработкой другого древнего сочинения китайцев *Шу-цзин*, древней истории Китая, содержащей в себе события с 2365 г. до Р. Х. Это сочинение было составлено из дворцовых записок, писанных в свое время придворными историографами, под непосредственным наблюдением института *Судей истории*, установленного богдыханом Хоанг Ти. Конфуций, желая сделать это сочинение основанием законодательства, исключил из него все несообразное с здравым смыслом и, сократив его до 50 глав, начал летоисчисление в истории с государя Яо. Тогда же он стал писать свое историческое сочинение, известное под названием «Весна и Осень» (*Чунь-цю*), исторические записки княжества Лу, содержащие историю династии Чжеу, смут и междоусобиц, потрясавших это княжество при династии Чжеу. Не оставил Конфуций без внимания и книгу стихов «*Ши-цзин*». Эти стихи были писаны частью при династии Шань за 1700 л. до Р. Х., большая же часть при династии Чжеу,

когда Китай разделился на множество удельных княжеств. Удельные князья обязаны были собирать народные песни и представлять их главе государства, который судил по ним о нравах и правлении в уделах. Другие стихотворения слагались для пения в торжественных случаях при дворах богдыхана и удельных князей, при жертвоприношениях и т. д. Всех стихов было до 3000. Конфуций сократил их до 311 и также вложил их в основу своего учения. Конфуцию приписывается также составление гадательной книги *И-цзын*, прабабушки нашего Мартына Задеки,— книги, написанной очень темным и невозможным языком, а также, как мы уже говорили, книги о музыке.

ГЛАВА V

Новые путешествия в княжества Чжунь и Тси. — Взгляд Конфуция на охоту. — Прозорливость Конфуция и его великодушие. — Беседа с учениками о средствах избавления родины от бедствий.

Между тем смуты в княжестве Лу все еще продолжались. Печальное зрелище этих неурядиц сильно наскучило Конфуцию, — он решил несколько освежиться от них и предпринял целый ряд путешествий, желая видеть, где сохранилось еще древнее учение, а также зачатки его учения, данные им в предшествовавшие путешествия. Прежде всего он направился в княжество Чжунь, лежащее на границе нынешнего Хонана. То, что он увидел здесь, было очень неутешительно. Повсюду царило всеобщее недовольство — простой народ погибал от нищеты и бедности, а знатные утопали в излишестве и роскоши. Древнего благочестия не было и следа. Отсюда он отправился в княжество Тси, но и здесь положение вещей было не лучше. Из Тси философ отправился дальше, и только в небольшом горном округе Тайшане измученному повсеместными бедствиями и неурядицами взору Конфуция открылась картина первобытной чистоты нравов; эта патриархальная картина и неиспорченные понятия горцев об истине несказанно обрадовали философа. Узнав, что князь Тси, бывший в отсутствии при первом посещении Конфуцием княжества Тси, вернулся в свои владения, Конфуций опять направился в Тси, правитель которого в это время из легкомысленного молодого человека сделался зрелым мужем, способным оценить достоинства Конфуция и воспользоваться его советами. Действительно, когда Конфуций после двухдневного отдыха испросил себе аудиенцию у князя, как этого требовал придворный этикет, князь принял его очень радушно.

Окруженный блестящей свитой он встретил его в дверях и сказал:

— Я узнал, что вы прибыли из своего славного отечества с целью видеть меня и быть полезным мне и моему народу! Выражаю вам мою искреннюю благодарность за это намерение — я рад видеть вас у себя! Войдите же, уважаемый учитель, и позвольте мне услышать от вас несколько уроков мудрости!..

И, уступив дорогу, князь просил Конфуция войти во дворец. Когда же Конфуций отказался идти впереди князя, последний заметил, что этим он нисколько не унижает своего княжеского достоинства и что, по его мнению, мудрец выше князя. Конфуций ответил ему на это:

— Государь, правила приличия существуют для всех людей, как для царей, так и для простых смертных. Если вы будете относиться с пренебрежением к вашей обязанности, а я к своей, мы оба нарушим установленный порядок. Почтение должно быть оказываемо вам повсюду: где бы вы ни были, — это одно из преимуществ вашего сана!.. Князь должен быть князем, министр — министром, и отец — отцом!..

Князь более не настаивал. Вообще прием, сделанный князем Конфуцию, и знаки глубочайшего уважения, которыми он окружал мудреца, подавали надежду, что наконец в княжестве Тси откроется обширное поле действия для деятельности Конфуция. И действительно, князь обещал Конфуцию назначить его министром. Но Конфуций скоро узнал, как мало можно полагаться на эти обещания. Министры, боясь влияния Конфуция на князя, сумели отговорить последнего от его намерения, указывая главным образом на то, что хотя Конфуций может быть и очень мудрым в теории, но очень легко может оказаться плохим исполнителем своих теоретических предначертаний на практике. Запуганный этими оговорами, малодушный князь передумал приблизить к себе Конфуция и, сказав: «я слишком стар для того, чтобы воспользоваться его наставлениями», взял назад обещание сделать Конфуция своим соправителем. Конфуций нисколько не жаловался на изменчивость князя, а только пожалел его как доброго и благонамеренного правителя, но не умеющего делать добро, благодаря своей зависимости от вельмож. Из Тси он опять отправился на родину. Во время пути он почти всюду получал изъявления глубочайшего почтения к его

мудрости и учению со стороны отдельных лиц и глубокое равнодушие, а иногда даже презрение со стороны массы народа, всецело поглощенного своими насущными потребностями. На пути все свидетельствовало о неурядицах, господствовавших тогда в отчизне Конфуция, о тех беспрестанных междоусобных войнах, которые раздирали государство. Между прочим, одна встреча во время дороги дала Конфуцию случай сказать его мнение о войне. На пути они увидели несколько землепашцев, занимавшихся стрельбой из лука и другими военными упражнениями. Посмотрев на них, Конфуций сказал:

— Подобными делами во времена древних мудрых царей занимались только воины, а не землепашцы. Теперь же все люди, кажется, хотят быть солдатами — война, конечно, от этого не сделается лучше, но зато обработка полей будет хуже. Однако, — прибавил он, — солдаты нужны, — это зло, с каждым днем делающееся более и более необходимым.

Далее на пути они встретили группу охотников, отправлявшихся на охоту. В древние времена Китай изобиловал всякого рода дичью и хищными зверями. Последние были настолько многочисленны и опасны, что первыми государями Китая были установлены обязательные общественные охоты, совершавшиеся раз или два в год. С этими охотами были связаны даже некоторые религиозные обряды. В остальное же время жители занимались охотой или как промыслом, или как удовольствием.

Увидев охотников, один из учеников Конфуция спросил:

— Достоин ли внимания мудреца такое занятие как охота?

— Все достойно внимания мудреца, и нет ничего, чем бы мудрый не мог или не должен заниматься! Охота есть одно из первых занятий человека, благодаря охоте человеку удалось завладеть той почвой, которую он теперь обрабатывает и которая была заселена всякого рода зверями. Охотой развлекались знаменитые государи древности от тяжких трудов правления. Благодаря охоте мудрец может дать некоторый отдых утомленному глубокими размышлениями уму и собрать новые силы для продолжения своих занятий. Наконец, благодаря охоте

люди могут пользоваться драгоценным преимуществом приносить в жертвы животных, убитых собственными руками, как это предписано в церемониях!

Пока Конфуций говорил, охотники подошли к ним. Конфуций попросил позволения присоединиться к ним и, получив согласие, отправился вместе с ними на охоту, на которой и пробыл около двух недель. После охоты он возвратился в княжество Лу, где его ожидали с большим нетерпением. К общим смутам присоединилось новое бедствие — год был неурожайным, цены на жизненные припасы сильно возвысились, народ не был в состоянии вносить исправно в казну подати и налоги. При этих-то несчастных обстоятельствах опять вспомнили о Конфуции, о его успешном заведовании пахотными землями, когда земледельцы собирали обильные жатвы с самых тощих пашен, и первый министр, вскоре после прибытия Конфуция в Лу, пригласил его во дворец на совещание. На вопросы и просьбы министра помочь им советами, как поступить при настоящих обстоятельствах, Конфуций отвечал уклончиво и неясно. Ученики были крайне поражены поведением их учителя.

— Почему вы, — спросили они его, — всегда столь великодушный и доброжелательный, не пожелали поделиться с министром вашими сведениями и вашей опытностью. Разве вы охладели к добру или, быть может, людская неблагодарность ожесточила ваше сердце? Мы не в состоянии понять, что с вами?

— Благодарю вас за вашу искренность, — отвечал Конфуций, — и отплачу вам тем же. Я поступил так потому, что министр — человек жадный, богатый землевладелец. Он думает только об умножении доходов с своих имений, а не об общем благе. Он собирает налоги с жизненных припасов, и его главнейшая забота — увеличение налогов!.. Не думайте, что он, тронутый народными бедствиями, старается облегчить их; напротив, он заботится только о том, чтобы отобрать у народа и последние крохи. Проникнув в его тайный умысел, я отвечал уклончиво и небрежно. Не для народной, а для собственной пользы старался он вывести от меня тайны умножения доходов с полевых угодий... Людей я люблю не менее прежнего и поэтому не мог допустить, чтобы по моим указаниям низкий корыстолюбец выжимал из народа все его соки!

Ученики были пристыжены этими доводами и глубоко раскаивались в своих недавних опрометчивых суждениях, но вскоре опять впали в ту же погрешность.

Один из родственников министра, желая снискать расположение Конфуция, подарил ему, как бы в знак уважения, 1000 мер риса. Этот подарок при всеобщей дороговизне и недостатке хлеба был поистине царским подарком. Конфуций принял подарок, показав вид, что получает должное, и ни единым словом не выразил своей благодарности. Ученики опять смутились, но смущение их сменилось восторгом, когда Конфуций раздал подаренный ему рис бедным, терпевшим лишения от неурожая людям.

— Знайте,— сказал он ученикам,— что и здесь я был верен своим принципам и убеждениям. Я в точности оправдал ожидания моего лиходателя. Он ожидал моей благодарности, теперь же благодарных сотни; он думал угодить только мне, а угодил, хотя и против воли, всему народу. Быть может, видя подобные действия, он поймет, что значит быть истинным благотворителем и на что следует употреблять данные небом богатства!.. Отвергнув подарок вельможи, я бы выказал презрение и гордость; приняв же его, но не взяв себе из него ни одного зерна, а раздав все нищему, я поступил как следовало.

У китайских историков встречается множество подобных черт, свидетельствующих о величии души и благородстве характера великого философа. В них Конфуций является постоянно человеком, применяющим на деле все высказываемые и проповедуемые им правила нравственности.

Во введении мы указали, что бедственное положение Китая вызывало в современниках страстное желание изменить это положение. Лучшие умы изыскивали всевозможные меры для улучшения и поднятия нравственного и материального быта в государстве. Как мы говорили, они сильно расходились в средствах достижения намеченной цели.

Характерной иллюстрацией этого положения вещей является следующая беседа Конфуция с его учениками.

Однажды Конфуций, подававший всегда во всем пример своим согражданам, как следует повиноваться древним религиозным постановлениям, отправился с тремя учениками на гору Нунг для принесения жертвы небу. На вершине горы он остановился и стал смотреть на

окрестности, причем лицо его сделалось грустным. На вопрос учеников, что с ним и какая причина его грусти, он отвечал:

— Мне сделалось грустно при мысли о бедственном положении отечества, когда я вспомнил, глядя на эти нивы, о раздирающих нашу родину распрях и усобицах. Все-го же более печалит меня трудность помочь бедствиям настоящим и отвратить грядущие. Не придумаем ли мы чего-нибудь сообща?! — прибавил он немного спустя. — Тси! скажите вы первый ваше мнение! — обратился он к одному из сопровождавших его учеников.

— Я бы собрал огромные полчища и силою оружия смирил мятежников! — отвечал Тси. — В пример другим пленных я предал бы казни и по водворении порядка водворил бы древнее благочестие.

— Вы храбры, — сказал Конфуций. — Что сделали бы вы? — обратился он с вопросом к другому ученику.

— Я поступил бы иначе, — отвечал тот. — В настоящее время княжества Тси и Тсу в явной вражде и готовятся к войне, то же замечается и в других княжествах. Как только войска выступили бы в поле, я вышел бы к ним в парадной одежде и попросил бы их внимательно выслушать меня. Тогда я постарался бы изобразить всеми силами моего красноречия все бедствия войны и все блага мира, я изобразил бы мрачными красками все последствия войны и плачевную участь, готовящуюся женам и детям той и другой стороны. Может быть, мои слова подействовали бы на враждующие стороны, они заключили бы мир и в стране водворилось бы спокойствие.

— Вы красноречивы, — отвечал Конфуций. Затем он обратился к третьему ученику. Тот ответил:

— Если бы я желал чего для блага людей, то, конечно, не царской власти. Я желал бы жить при добродетельном и мудром государе, который приблизил бы меня к себе и которому я мог бы быть полезен моими слабыми способностями. Призванный к царю, я бы сказал ему: растения хеун и йеу (самое душистое и самое смрадное) на одном поле не уживаются; великий Яо и низкий Кие не могли бы править одновременно царством, и я просил бы государя прежде всего удалить от себя льстецов и заменить их людьми прямодушными и добродетельными и поручить им обучать народ пяти верховным обязанностям — чело-веколюбию, правосудию, любви к истине, верности и

честности. Я сказал бы царю, что тогда ему не придется опасаться врагов, не надо будет содержать многочисленные войска и укреплять города — валы будут скрыты, рвы засыпаны и превращены в плодоносные нивы, камни крепостных стен будут употреблены на постройку общепользных зданий, а смертоносные пушки перекуются на земледельческие орудия. Воины обратятся в мирных граждан, искусные ораторы будут подавать благие примеры согражданам не словом, но делом... Тогда люди, мне кажется, могли бы быть счастливы! Если я заблуждаюсь, прошу учителя наставить меня на путь истинный!

— Вы истинно мудры, — отвечал глубоко тронутый Конфуций. — В словах ученика Конфуций увидел высказанным то, к чему он сам стремился в продолжение стольких лет, но безуспешно.

ГЛАВА VI

Конфуций — государственный деятель.— Меры, предпринимаемые им для увеличения благосостояния граждан.— Назначение его верховным судьей.— Козни врагов и отставка Конфуция.— Пребывание Конфуция в княжествах Вей и Сунг.— Скорбь его о постигающих его неудачах.— Учение Конфуция о семье, браке и т. д.

Наконец, на 44-м году жизни Конфуцию судьба улыбнулась. Смуты в княжестве Лу стихли, и князь назначил Конфуция правителем резиденции и ее окрестностей. Здесь открылась обширная арена для деятельности философа. Конфуций был неутомим, и его мудрые и благотельные распоряжения касались самых разнообразных сторон быта подведомственных ему граждан. Прежде всего он занялся улучшением сельскохозяйственного быта народа. Для лучшего выполнения этой задачи он старался сблизиться с простым народом, часто вступал в беседы с ним и совещался, принимая во внимание все справедливые замечания. Он ввел и улучшил после тщательного изучения существовавшую уже при древних правителях систему подразделения почвы по ее качествам и положению. Почвы он разделил на 5 разрядов: 1) на горные земли и земли тощие. 2) низменные и болотистые, 3) песчаные. 4) жирные, суглинистые, 5) при уходе и удобрении дающие хорошие жатвы. Сообразно с качествами почвы, он указал, что где лучше сеять, ввел севообороты и плодопеременное хлебопашество и определил с точностью время посевов и жатвы. Одним словом, возобновил и улучшил все постановления, изданные древними богдыханами относительно сельского хозяйства. Кроме того, он, узнав, что многие земли отведены богатыми людьми под кладбища, служившие вместе и для увеселительных прогулок, решился искоренить этот вредный обы-

чай и возвратить напрасно пропадающие земли земледелию.

— Кладбища,— сказал он при этом,— не должны быть местами для гуляний. Древние называли их местом слез и вздыханий. Пировать и веселиться на них — значит издеваться над мертвыми. Местами погребений должны быть земли совершенно бесплодные, их не следует обсаживать деревьями или обносить стенами. Когда кладбища не будут походить на сады, только тогда их будут посещать ради искреннего уважения к памяти усопших, а не из праздного любопытства или от безделья.

Благодаря этому разумному распоряжению много плодородных земель стало обрабатываться, а не пропадать даром. И ко всем другим отраслям народного хозяйства Конфуций относился столь же ревностно. Труды Конфуция не были напрасны и в скором времени привели к самым благоприятным результатам.

Под разумным управлением народ постепенно улучшал и свой материальный быт, а с возрастанием богатства народа стала улучшаться и его нравственность. В воздаяние заслуг Конфуция князь назначил его верховным судьей всего княжества, с правом преобразования старых положений и введения новых. Это назначение сделало Конфуция вторым лицом в княжестве по значению и власти.

В новой должности он остался верен себе, строго преследовал виновных, какое бы положение они ни занимали, и награждал заслуживающих награды. Расскажем несколько случаев из его судебной деятельности.

Он узнал, что одни богатый землевладелец держал на откупу всю мясную торговлю и, приобретая из первых рук задешево гурты скота, продавал его в розницу втридорога. Конфуций, зная, что вся тяжесть этой монополии падает на один только бедный класс народа, решил прервать зло в самом корне и призвал к себе монополиста.

— Я слышал,— сказал он ему,— что вы один из первых богачей в городе. Мне это было бы очень приятно, если бы вы приобрели свои богатства трудом или честным промыслом; но я слышал, что они приобретены совершенно другим путем. За это вы заслуживаете строгого наказания, которое я, однако, сменяю на милость, но с условием: вы должны возвратить народу все, что награбили у него. Возвращение это может быть сделано без ущерба

для вашей чести. Из всего вашего богатства вы оставьте у себя столько, сколько вам нужно для безбедного существования, остальное же передайте мне. Я сумею распорядиться им как следует. Не оправдывайтесь, не думайте обмануть меня; даю вам несколько дней срока!..

Откупщик повиновался требованию Конфуция, и его богатство пошло на общественную пользу под названием «добровольного приношения».

В другой раз к мудрецу пришел отец с жалобой на непокорного сына. Конфуций присудил обоих к тюрьме на три месяца.

По прошествии срока он призвал их обоих и спросил у отца, в чем именно провинился его сын. Отец отвечал, что виноват не сын, а он сам, что увлекся досадой на сына. Конфуций похвалил его за простосердечное сознание и сказал:

— Впредь лучше сами учите сына, а не обращайтесь к судье; вы же, — обратился он к сыну, — помните, что первый ваш долг — повиновение родителям.

Но не всегда Конфуций употреблял кроткие меры: в важных случаях он не останавливался и перед смертной казнью. Например, при вступлении в новую должность он предал смертной казни одного из первейших сановников княжества, виновного в разного рода злоупотреблениях. Сам он так говорил об обязанностях судьи:

— Судья, предающий наказанию каждого, кто только нарушил закон, подобен полководцу, который предает грабежу завоеванные города, взятые приступом. Преступник-простолудин чаще бывает полувиновен, а нередко и совсем невиновен по той причине, что не знает своих обязанностей. Самого строгого наказания заслуживают преступники высших классов за то, что подают дурной пример народу, и правительственные лица, не внушающие своим подчиненным учить народ. Снисхождение к таким преступникам есть несправедливость и криводушие. Казните, говорится в древних книгах, наказывайте смертью тех, которые заслуживают того за вину важную и сознательную. Сперва надо учить народ, и тогда уже в случае сознательного неповиновения наказывать его!

Конфуций придерживался строго этих правил в судебной практике. Но не только как мудрый судья, возвысивший в стране уважение к власти и законам, был полезен

Конфуций своему государю и родине, он также оказывал большие услуги как проницательный и хорошо знающий людей политик. Не раз он выручал и спасал князя от серьезных опасностей и коз (козней.— *Ред.*), строяемых его противниками. Княжество Лу благодаря Конфуцию усилилось. Это усиление могущества князя Лу вызвало опасения и зависть со стороны соседних княжеств.

Они всеми мерами старались подорвать влияние Конфуция на князя и вызвать немилость последнего к философу. Одна из этих мер имела успех. Князю Лу в виде подарка были присланы 120 превосходных лошадей и 13 красивых девушек-танцовщиц и певиц для развлечения и забавы. Князь так увлекся ими, что перестал обращать внимание на Конфуция, а вскоре и совсем разгневался на него благодаря какому-то неловкому замечанию философа. Тогда Конфуций покинул княжество Лу и опять пустился в странствования вместе со своими учениками. По-прежнему он переходил из княжества в княжество и повсюду распространял свое учение. Встречали преобразователя, как и прежде, радушно, с подобающими почестями, но этим дело и ограничивалось.

Попытка Конфуция склонить правителей посещаемых им княжеств к принятию проповедуемого им учения и введению преобразований повсюду встречала ледяное равнодушие — большинство умов того времени не было еще приготовлено к мировой реформе и более верило в силу оружия.

Побывав в нескольких местах, философ прибыл в княжество Вей. Князь Вей выехал навстречу знаменитому мудрецу, ласково приветствовал его, назначил ему для жилища один из своих дворцов и дал ежегодное содержание в 1000 мер рису. Несмотря, однако же, на эти милости и внимание к Конфуцию со стороны князя, философ был не совсем доволен князем. Последний любил беседовать с ним и слушать его наставления, но ни в чем не следовал им; когда же, наконец, мудрец попытался склонить князя к принятию его учения, тот отказался наотрез.

Конфуций выразил свою скорбь о постигающих его неудачах в следующей элегии:

«Аромат цветка лан-хоа упоителен; кроме аромата многие полезные свойства заставляют нас высоко ценить его. К сожалению, цветок этот очень нежен, он блекнет от

легчайшего дуновения и отрывается от стебля. Что делается тогда с бедным цветком? Игрушка ветров, носится он по пространству земли, из стороны в сторону, покуда не найдет уголка, где приютиться. Но и здесь в пустыне истлеет цветок бесплодно и обратится в прах. Мудрость для людей, умеющих ее возделывать, дает прочные, истинные наслаждения; она по-настоящему должна бы быть целью всех наших желаний и помыслов... Но бурные страсти враждебны ей, как буря цветку; страсти гонят мудрость — и нет ей приюта. Неужели же, воистину, она не найдет себе пристанища? Дни мои на исходе, скоро окончится мой жизненный путь; пора мне найти пристанище. — Мудрому хорошо везде; вся земля его достояние!»

Но кроме равнодушия философу приходилось выносить явное презрение и даже преследование и насилие.

В княжестве Сунг, куда прибыл Конфуций из Вей, находилась за городом пустынная поляна, на которой росло большое тенистое дерево. На этой поляне любил беседовать Конфуций со своими учениками и другими слушателями, приходившими к нему во множестве. В своих беседах Конфуций касался всех сторон нравственного и религиозного быта. Для более полной обрисовки личности Конфуция и его философии мы приведем еще несколько из его поучений.

Вот как он, например, учил о браке, о семье, о положении в ней женщины и мужчины и т. д.

Древние полагали возраст для брака не старше 30 лет для мужчины и 20 лет для женщины. Настоящая же, самая лучшая пора для женитьбы 20 лет для мужчины и 15 лет для женщины. Брак есть первая обязанность человека и его естественное призвание и назначение. Обязанности супругов делятся на общие и частные. Муж — голова; он повелевает, жена повинуется. Он — небо, она — земля.

Основами супружества должны быть взаимное доверие, честность и уважение, власть и руководство со стороны мужа, повиновение и покорность со стороны жены во всех тех случаях, когда муж не нарушает правил справедливости, приличия и чести. В общественной жизни жена всем обязана мужу. Смерть его не делает ее независимой. В девицах она зависела от родителей, а если была сиротою, то от братьев или попечителей; замужем она подчиняется мужу; вдовую она зависит от сына. Сын —

хранитель вдовой матери от искушений, доброго имени ее от нареканий. Обычай воспрещает женщине вторичное замужество: и вдова обязана посвятить себя уединению. Вне дома — у нее не должно быть никаких дел; даже и в домашние дела она должна входить насколько нужно, и то, если дети малолетны. При совершеннолетних детях вмешательство вдовы — напрасное их стеснение. Днем она не должна выходить из своей комнаты; ночью же спальня ее должна быть всегда освещена. Так должна вести себя вдова, ежели хочет заслужить уважение детей и сограждан. Период от 15—20 лет самый удобный для выхода замуж. Не надо забывать, что от брака зависит вся судьба женщины, а потому выбор мужа требует большой осмотрительности. Девушка не должна вступать в брак: 1) с членом семьи, замешанной в заговоре против правительства; 2) семьи с расстроеными делами или в которой царствует раздор; 3) с нарушителем закона или бывшим под судом; 4) с одержимым хроническою болезнью или каким-нибудь физическим недостатком; 5) с человеком, на котором лежит забота о многочисленной семье, о братьях, сестрах, тетках и т. д. Муж имеет право отпустить от себя жену, но не иначе, как по уважительной причине; причин же таких семь: 1) неповиновение жены свекру или свекрови; 2) бесплодие; 3) непристойное поведение или нарушение супружеской верности; 4) внесение ею в семью мужа вражды и ссор; 5) болезнь жены, внушающая к ней отвращение; 6) болтливость и склонность к мотовству; 7) если жена обкрадет мужа. Муж не имеет права развестись с женой, хотя она того и заслуживает, во-первых, когда она не имеет никого из родных; во-вторых, когда она провинилась пред мужем во время траура по свекру или свекрови, и в-третьих — когда муж, женись на ней в бедности, разбогател во время сожительства с нею.

Правила, преподанные Конфуцием относительно брака, строго применяются в Китае и поныне.

В другой раз Конфуций высказал свой взгляд на управление народом. Один из учеников был назначен градоправителем и обратился к своему учителю за советами и указаниями. Конфуций сказал ему:

— Будьте всегда прилежны в делах и внимательны, старайтесь отличать ложь от правды и истину от вероятия. Будьте справедливы, бескорыстны, верны самому себе.

Правосудие не ведает лицеприятия. Бескорыстие — путь к справедливости: корыстолюбец не может быть справедливым; всякое приношение и всякий дар от низших, под каким бы предлогом они ни были сделаны, есть гнусная кража. Будьте всем доступны. Не показывайте никому мрачного лица, будьте со всеми приветливы, обходительны и ласковы. Решением дела не спешите; обсуждайте его со всех сторон. Ежегодно собирайте четыре раза народ и объясняйте ему его обязанности. Если простой народ не знает, что он должен делать, то виноват ли он, если не исполняет того, что должен? Можно ли взыскивать за нарушение закона с того, кто не ведает о существовании закона? Не отвлекайте простой народ от полевых работ, заставляя трудиться над исправлением дорог и мостов. Всему свое время!

В другой раз Конфуций дал следующее определение человека и его обязанностей:

— Человек отличается от прочих существ разумом, дарованным ему от неба. Частицы отца и матери, соединяясь в предназначенном для того органе, суть причины нашего бытия, ибо соединение двух начал — источник всего сущего. Новорожденный не есть человек в настоящем смысле этого слова, он делается человеком тогда, когда небо одарит его разумом и способностью мыслить. Пока это разумное существо пользуется своими телесными и умственными способностями, оно живет, но как только оба начала (духовное и телесное) разъединяются — оно умирает. Постепенно развивается человек, также постепенно и разрушается. Но это разрушение не конечно, оно есть только разложение тела на составные части, из которых каждая возвращается к своему началу: разум возвращается к своему источнику, душа сливается с воздухом, твердые и жидкие частицы тела обращаются в землю и в воду; человек, как учили древние мудрецы, есть существо особенное, совмещающее в себе качества всех прочих существ. Между прочим, он обладает способностью совершенствоваться или развращаться, смотря по доброму или злему употреблению своей воли. За злые деяния он заслуживает наказания, за добрые — награды. Таков человек!

Людей Конфуций делил на пять разрядов, смотря по их нравственным и умственным качествам. К первому, низшему, разряду он причислял всего чаще

встречающихся людей, не отличающихся никакими особыми качествами, — людей, которые говорят только для того, чтобы говорить, не думая о том, говорят ли они дело или пустяки, — людей привычки, живущих жизнью чисто животной изо дня в день, не умеющих ничего сделать без указания. Понятия этого разряда людей, по мнению Конфуция, далее глаз, ушей и рта не простираются. Ко второму разряду он причисляет грамотных, образованных людей, настолько развитых, что они способны иметь понятия о вещах, недоступных понятиям простого народа. Эти люди живут сознательною жизнью, соображаясь с законами и обычаями. К третьему разряду принадлежат люди здравого смысла, которые ни в чем не отступают от него. Они одинаковы в горе и в радости, невозмутимы, добродетельны, умеют говорить и молчать. Этих людей Конфуций называет философами. Четвертый разряд составляют люди прямодушные и истинно добродетельные, и, наконец, самый малочисленный, пятый, разряд — люди совершенные во всех отношениях. Только такие люди и могут стоять во главе государства, говорит Конфуций.

В подобного рода беседах и поучениях проводил Конфуций свое время. Число его учеников за это время достигало до 3000 человек, кроме случайных слушателей. Собрание людей, стекавшихся послушать мудрого философа, с каждым днем увеличивалось. Но и из княжества Сунг философ принужден был удалиться. Военачальник князя Сунг, недовольный этими сборищами и считая Конфуция за нарушителя общественного спокойствия, велел разогнать учеников и слушателей, а дерево срубить.

Конфуций вновь пустился в странствования и скоро проник в княжество Тсаи, но прожил там без всякой пользы. В соседнем княжестве Чжен ему удалось спасти жизнь трех приговоренных к смертной казни преступников. Князь Чжен отнесся к философу весьма благосклонно, но его министры из зависти и боязни опасного соперника заключили Конфуция вместе с учениками в темницу. В ней философ просидел в продолжение недели, затем был освобожден войсками соседнего княжества. Конфуций мужественно перенес все эти невзгоды и даже находил силу духа утешать учеников. Освобожденный из плена, Конфуций вместе с учениками посетил священную гору Тайшань — место жертвоприношений древних царей, во времена Конфуция почти забытое и запущен-

ное. Вид этого запущенного места поверг Конфуция в глубокое и грустное раздумье. В это время в душе его опять возникло сомнение в себе самом и боязнь за будущность учения, а также сильное разочарование в людях. Под влиянием таких мрачных мыслей Конфуций сказал ученикам:

— До вершины горы не достигнешь, не проходя крутыми и извилистыми тропинками; доступ к добродетели не обходится без трудов и усилий. Не зная дороги и пускаться в нее без надежного проводника — значит подвергаться опасности заблудиться и даже погибнуть. Я хотел войти на вершину Тайшаня, чтобы еще раз насладиться великолепным зрелищем, открывающимся с нее на все четыре стороны света. Меня не испугали ни высота горы, ни покрывающие ее густые деревья, ни обрывы, ни пропасти: я знал, что в лесах есть тропинки, а над обрывами построены мосты, и был спокоен!.. Но, увы!.. Я обманулся: тропинки исчезли под волчцом и тернием; под ними трудно разобрать, куда какая тропинка ведет, мосты обветшали, многие даже рухнули... Мне ли под силу прокладывать новые тропинки, строить новые мосты?.. Где необходимые для того орудия?.. Страсти заглушили все всходы посевов добродетели, — могу ли я очистить их от этих сорных трав? Тщетны были мои усилия направить стопы людей на путь добродетели! После всех неудач единственный мой удел — слезы и стенания!..

ГЛАВА VII

*Возвращение на родину.— Последние годы жизни Конфуция.—
Окончание его исторических трудов.— Смерть его и погребение.— Почести, оказанные Конфуцию после смерти.*

После долгих странствований Конфуций вернулся домой в княжество Лу. Здесь он узнал, что его жена умерла. Услышав это печальное известие, философ сказал:

— Супруга моя скончалась, и я скоро последую за ней. Мне 66 лет от роду. Надобно, однако же, остаток дней моих употребить с пользою. Утешьте сына моего и постарайтесь, чтобы он не слишком предавался скорби.

Последние годы своей жизни мудрец почти всецело посвятил занятиям с учениками. В окрестностях города на поляне было несколько холмов, служивших некогда алтарями для жертвоприношений, впоследствии же превращенных в места для гуляний; эти холмы были обстроены павильонами, и в них-то Конфуций занимался с учениками. Один из холмов, наиболее любимый и чаще посещаемый философом, сделался известным под именем «абрикосового кургана». Здесь Конфуций окончательно привел в порядок древние священные книги, а также и свои сочинения. Из 3000 учеников 72 могли со слов учителя объяснять законы музыки и изящных художеств; правила же мудрости и добродетели в состоянии были передавать людям только двенадцать учеников. Эти ученики стояли всего ближе к Конфуцию и знали все его заветные думы и помыслы. Из них любимейшим был Иен Хоей, на которого Конфуций смотрел как на своего преемника, но он умер ранее учителя. Раз, прогуливаясь с тремя учениками, Конфуций приблизился к одному кургану, который, по словам истории, был насыпан по повелению древнего военачальника в благодарность за одержанную победу. При виде этого кургана Конфуций

сделался печальным. Озабоченные ученики спросили его, не болен ли он, приписывая причину его грусти нездоровью. Конфуций отвечал:

— Успокойтесь, я совершенно здоров, но вид этого кургана пробудил во мне грустные мысли о бренности славы человека. Подайте мне кин, я пропою вам песнь скорби: «Зной сменяется холодом, весна и лето — осенью. Солнце восходит затем, чтобы течь на запад; реки стремятся с востока, чтобы ввергнуться в неизмеримое море. Однако же за осенними холодами опять являются тепло и зной; солнце, закатясь на западе, снова восходит на востоке и воды речные, ввергающиеся в море, сменяются новыми водами. Но что же случилось с героем, воздвигшим этот курган, где его боевой конь, где его спутники на ратном поле? Увы, единственным следом их битвы осталась земляная насыпь, поросшая сорными травами».

В другой раз, разбирая книгу превращений великого Фу Си-ши, Конфуций задумался над символом Сун-и, или знаком разрушения и возрождения. — Всему свое время, — сказал философ ученикам, — все на свете изменяется и исчезает, чтобы появиться в новом виде, но и за обновлением следует обветшание, разрушение, а там опять обновление и так до бесконечности.

Видимо, мысли о смерти все чаще и чаще стали посещать престарелого философа. Имея от роду более 70 лет, он еще раз посетил священную гору Тайшань, чтобы там помолиться небу. Предвидя скорый конец своему земному поприщу, Конфуций хотел возблагодарить небо за все его щедроты и милости. Он собрал всех своих учеников и привел их к одному из холмов, окружавших гору. Здесь они воздвигли алтарь и возложили на него шесть книг, написанных Конфуцием, причем мудрец, преклонив колена и став лицом к северу, помолился небу. Через несколько дней он опять созвал своих учеников и объявил им свою последнюю волю.

— Созываю вас в последний раз, — сказал он, — постарайтесь запомнить слова мои, в них мое завещание. Как бы ни был умен и образован человек, он не может быть гением всеобъемлющим. У каждого человека между остальными способностями непременно есть одна, применяя которую к делу, он может быть истинно полезен на поприще, избранном согласно этой способности. Увле-

чение одной способностью в ущерб другой, более развитой, выбор должности, неподходящей к характеру, являются источником многих зол и ошибок. Мы давно уже знаем друг друга, и не со вчерашнего дня я ваш учитель. Я, как мог, исполнял мои священные обязанности по отношению к вам; вы в свою очередь делили со мною труды и заботы и опытом убедились в том, что знания и мудрость даются нелегко и что не менее трудно выполнять человеку его назначение. При нынешнем безотрадном положении вещей в государстве, при нежелании большинства принять преобразования в нравах, обычаях и религиозных воззрениях — не надейтесь на успешное распространение моего учения. Вы сами видите, во многом ли я успел. Завещаю вам мои книги как драгоценный свод знаний и правил мудрости — в них залог будущего успеха моего учения. Книги эти вы должны передать потомству во всей чистоте. Для того чтобы успешнее выполнить завет мой, вы должны разделить предстоящие вам труды сообразно вашим способностям. Менгцзы, Ян Пе-ниеу и Чжун Кунг, вам я препоручаю отдел нравоучений; Тсаи Нго и Тси Кунг, вы, имеющие дар красноречия, возьмете на себя отдел красноречия; Ян Иеу и Ки Лу, как люди светские, опытные в науке правления, вы займете государственные должности для непосредственного сближения с народом и его просвещения; Тси Юнг и Тси Хиа, знатоки древности, пусть посвятят себя наукам и преподаванию народу правил обрядов и древнего благочестия. Таким образом, каждый из вас исполнит завет мой и будет верен своему призванию.

За несколько дней до смерти философ был во дворце и смотрел с высокой башни дворца на народный праздник духов земли. Это был праздник в честь восьми духов земли (Та-ча), подателей плодов, овощей, хлеба и всех вообще ее произведений; он совершался два раза в год — в дни весеннего и осеннего равноденствий. Народ ел, пил, пел песни и плясал, — одним словом, веселился от души. Философ, смотря на это зрелище, сказал бывшему при нем ученику Тси Кунгу:

— Меня радует, что народ на время забыл о своих бедствиях и считает себя, хотя и ненадолго, довольным и счастливым!

— Не лучше ли бы сделал народ, если бы, вместо пьянства и траты времени на непристойные забавы, он мо-

лился бы духам и приносил им благодарственные жертвы? — отвечал вопросительно ученик.

— Вы правы,— заметил Конфуций,— народу следовало бы благодарить небо за дарованные милости и просить новых; но плясками и весельем он и выражает свою благодарность. Не осуждайте его за праздность; это отдых после непрерывной стодневной работы. Неустанная работа изнуряет и тело, и душу, как ослабляется постоянно натянутая тетива у лука!

Этот же самый ученик был свидетелем и последних минут учителя.

— Упадают мои силы,— говорил Конфуций,— и уже не поправиться мне!

Затем, проливая слезы, он прибавил:

— Нет у меня силы поднять голову, чтобы взглянуть на вершину Тайшаня!.. Члены мои — как подгнившие стропила здания; я поблек, как трава!.. Кто после моей смерти возьмет тяжкий труд поддержать мое учение?!..

Эти слова сожаления, что некому будет поддержать его заветов, были вместе с тем и его последними словами. Вскоре он впал в усыпление и после семидневного бессознательного состояния скончался на 73 году жизни, в 479 году до Р. Х. При совершении похорон Конфуция строго придерживались древних обрядов.

Сын его умер ранее отца, а внук Тси Сеи был еще малолетен и не мог принять участия в погребальных обрядах, вследствие чего эту обязанность приняли на себя два ученика покойного философа.

Закрыв глаза усопшего, они вложили ему в рот три щепотки риса и облекли труп в одиннадцать различных одеяний; из них верхнее было то, в котором покойный мудрец являлся обыкновенно ко двору. На голову надели шапку в виде трех шапок, какие присвоены государственным министрам. Почетный знак, медальон из слоновой кости, повесили на шею трупа на шнурке, ссученном из пяти разноцветных нитей. Одетый таким образом труп положили в двойной гроб из четырехдюймовых досок и поставили на катафалк под балдахин. Вокруг катафалка были расставлены трехугольные значки, а в изголовье четырехугольная хоругвь. После того ученики от имени внука покойного купили участок земли в 100 саж. На этом участке были насыпаны три земляных куполовидных кургана; из них

средний, предназначенный для погребения, был сделан выше боковых. На нем посадили дерево Киале, иссохший ствол которого сохраняется доныне.

При погребении присутствовали родственники и ученики Конфуция. Предав земле тело покойного, ученики дали обещание почитать память учителя трехлетним трауром. Тси Кунг наложил на себя шестилетний траур, в продолжение которого жил на могиле своего учителя в нарочно выстроенной хижине. Прибывшие на похороны с разных концов Китая ученики привезли с собою каждый по дереву и посадили деревья эти вокруг гробницы. Сто человек с семействами поселились близ места вечного упокоения мудреца и образовали деревню, названную Кунг-ли; причем, объявив покойного своим господином, просили его внука считать их своими крепостными. Когда князю Лу принесли известие о кончине Конфуция, он воскликнул:

— Небо прогневалось на меня!.. Я лишился неоцененного сокровища!

Желая, хотя бы после смерти философа, чем-нибудь загладить причиненную ему при жизни несправедливость и обиду, князь приказал построить близ гробницы Конфуция часовню в память его, точно такую же, какие обыкновенно воздвигались князьями в память их предков, чтобы в этой часовне все ученики и последователи Конфуция могли воздавать почести памяти великого человека по существующим обрядам. В часовне поставили портрет Конфуция, положили на алтарь его сочинения, по стенам развесили его парадные одеяния и музыкальные инструменты, тут же поставили его домашнюю мебель и дорожную колесницу. Открытие часовни было необыкновенно торжественно. Князь Лу признал Конфуция своим учителем. Ученики уговорились раз в год приходить к гробнице учителя на поклонение ему и на богомолье. В течение двух тысяч лет это обыкновение соблюдалось и соблюдается доныне. Кроме того, почти в каждом городе воздвигли впоследствии часовню в память мудреца. При первом богдыхане из династии Ган (за 200 лет до Р. Х.) обряд воспоминания был признан обязательным и для государей. С этого времени на философа стали смотреть, как на святого, и воздавать ему божеские почести.

Впоследствии было установлено, чтобы каждый ученый, приступая к экзаменам на ученую степень, или ман-

дарин, вступающий в государственную службу, непременно поклонялся памяти Конфуция в посвященных ему часовнях. Постановление это было введено в 998 году по Р. Х., почти через полторы тысячи лет после смерти Конфуция. Кроме сооружения часовен в честь преобразователя князь Лу дал ему прозвище отца Ни. При династии Ган ему дали титул *кунга* (герцога, светлости), при династии Танг — титул первого святого, а впоследствии — императорского проповедника. При династии Минг ему дали прозвание святейшего, мудрейшего и добродетельнейшего из всех учителей рода человеческого. Живописные и скульптурные изображения его повелено было увенчивать императорской шапкой и облачать в царские одежды. Эта высшая степень почета неизменно соблюдается и поныне. Потомки Конфуция были возведены в звание потомственных дворян. При императоре Кон Хи их насчитывалось до 11 000 человек мужского пола.

ГЛАВА VIII

Успех учения Конфуция. — Причины этого успеха. — Характеристика Конфуция и его учения.

Как мы видим, опасения Конфуция, высказываемые им перед смертью, и не раз в продолжение его деятельности, что некому будет поддержать и распространить его учение, ввиду окружающей его распущенности нравов и ослаблении государственной жизни, были неосновательны.

Вместо того чтобы загдохнуть вместе со смертью Конфуция, оно получило необыкновенный рост и укоренилось навсегда в народном сознании.

Почему же это так? Конфуций как реформатор не похож на других подобных деятелей в истории; он не внес в жизнь своего народа чего-либо нового, что было бы плодом его внутренней умственной и духовной работы. Он и сам не выдавал себя за творца и провозвестника нового учения, чем он и не был на самом деле. Все, о чем он учил и проповедовал, было раньше возведено древними мудрецами и жило в сознании массы, хотя и в полузагломшем состоянии под давлением тяжелого государственного положения. Сам Конфуций, когда его спросили — не лучше ли будет, если он упростит и несколько смягчит свое учение, так как оно не имеет успеха, быть может, потому, что его начала слишком высоки, чисты и недоступны для большинства? — сказал:

— Мое учение есть учение, завещанное нам нашими праотцами. Я не имею права ни прибавлять к нему, ни убавлять чего-либо. Я передаю его во всей первобытной чистоте. В отношении к моему учению я то же, что сеятель к сеемым им семенам. Может ли сеятель придать семенам иную форму или заставить его дать раньше определенного времени росток, всход и жатву? Дело сея-

теля посадить семена в землю, поливать их, заботиться о них — все же прочее не в его власти...

— Мое учение не прямой, обычный путь, — говорит он, указывая этими словами, по объяснению комментаторов, на трудность и медленность распространения его учения; — оно неизменно как небо, которое есть его творец, и текло как поток от древних времен Яо и Шуна. — Но, несмотря на такие трудности, его учение вполне отвечало народному духу, и воззрения Конфуция вполне согласовались с воззрениями массы. Конфуций воплотил в себе полнейшее отражение китайского народного характера со всеми его достоинствами и недостатками. Он был чистокровнейший китаец, «китаец из китайцев», полнейший выразитель народного духа, его мирозерцания. Китаец по своим воззрениям прежде всего был и есть реалист. Он и мыслью, и чувствами всецело привязан к непосредственному, видимому и осязаемому. Все идеальное, все, что выходит за пределы действительности, ему, по-видимому, совершенно чуждо. Китаец в своей жизни руководится исключительно одним сухим расчетом, он до крайности сух и безыдеен. Само воображение у китайцев развито гораздо менее, чем у других народов. Такой же сухой, рационалистический характер без малейшего следа идеализма видим мы и в учении Конфуция, и в самом Конфуции. Вот почему уставы и формы, введенные Конфуцием, пережили все перевороты, и всякие попытки заменить отжившую старину новыми и лучшими учреждениями всегда отвергались с презрением китайцами, так как «князь мудрости все преподавал, все сказал, все постиг». Вот почему учение его было принято и проникло в кровь и плоть народа без всяких потрясений и кровопролитий, и все китайцы без различия вероисповедования — конфуцианцы.

Один из последователей и родственников Конфуция характеризует личность Конфуция следующими словами: «лишь один он владеет всеми качествами мудреца, какие только существуют в поднебесном мире, — великодушный, кроткий, благородный, добродетельный, с всепроникающим умом, с всеобъемлющим знанием, спокойный в затруднениях и ясный в распознавании вещей, твердый и непоколебимый; он — небо и земля, которые все питают и поддерживают; он — четыре времени года в их последовательной смене; он — солнце и луна. Глубо-

кий и деятельный, как источник живой воды, распространяющий вокруг себя благодеяния, он подобен бездне и обширен, как небо. Таков он, и вся природа почитает его, верит ему и преклоняется пред ним. Слава его имени распространилась по всему Срединному царству и доходила до народов Мань-ма. Повсюду, где плавают суда, ездят колесницы, куда проникает человеческая сила, где только простирается покров неба, поддерживаемый землей, где только светят солнце и луна, где падают роса и иней, все, кто живет и дышит, славят и любят его».

Также смотрят на своего «святейшего, мудрейшего и добродетельнейшего учителя» и все китайцы. Он дорог им, потому что был прежде всего практик. Как мы видели, он не любил рассуждать о том, что выше действительности и осязаемости. Темами его бесед чаще всего были древняя история, народные песни и древние обряды; лишь изредка касался он в своих беседах высших предметов и при этом избегал всяких метафизических отвлеченностей.

— Я предпочитаю о многом не говорить, — сказал он своим ученикам в одной из своих бесед, и это он считал достоинством и признаком мудрости.

Вот как он характеризует истинный тип мудреца:

— Истинный мудрец не является на пиршества не приглашенный, чтобы блистать на них; но он ждет, чтобы его пригласили. Будучи приглашен, подобно прочим, он соображается с правилами благоприличия и условиями света. Если им особенно не занимаются, он не выражает на то ни малейшего недовольствия. Учится он с утра до вечера. В случае предложения ему должности мудрец (если сознает в себе достаточно способностей) принимает ее и исполняет с точностью. Почестей он не ищет, на сокровища не зарится: единое его сокровище, которого он жаждет, — мудрость; величайшая для него почесть — название мудреца. Вверяется он людям благонадежным, беседует с людьми прямодушными, пред высшими не пресмыкается, пред низшими не возносится, — с первыми он почтителен, со вторыми приветлив. Он каждому воздает должное. Приходится ли ему выговаривать за ошибку или давать наставления, он делает это с крайнею осторожностью, не оскорбляя ничьего самолюбия. Людей умных он уважает, но похвалы их не домогается; он пред ними не унижается и не возносится. Исполняя во всем и всегда свой долг, он ничего не боится — в своей верности и

правоте он находит верную защиту от всяких нападков; закон и правосудие его неизменное оружие. Любя всех людей, ему нечего бояться; самые тираны ему не страшны. Как бы ни были обширны его познания, он постоянно заботится об их умножении. Отличаясь безукоризненностью в поведении, он все-таки неослабно наблюдает за собою. В честности и добре нет ничего маловажного. На службе мудрец строг, но одинаково ласков и приветлив со всеми, весел и всегда ровного нрава со своими друзьями. Ему приятнее общество мудрецов, но и немудрыми он не пренебрегает. В семье мудрец любит одинаково всех своих домашних; любимцев у него нет. Если кто обидит мудреца словом или делом, он не выказывает ни гнева, ни раздражения. В каком бы состоянии ни был мудрец, он всячески старается быть полезным отечеству или согражданам; оказав услугу, он ею не хвалится, но скромно и терпеливо ждет воздаяния за нее. Если же его обойдут наградой, он не ропщет и не жалуется. Похвала честных людей, сознание, что он сделал добро для добра, — вот самые лестные для него награды. Если же его възьщут почестями, он не гордится и по-прежнему доступен всем и каждому. Ему неведомы зависть, надменность, презрение — он со всеми живет в согласии. Последнее порождает всеобщую к нему благосклонность. Главный же источник мудрости — любовь и сострадание ко всему человечеству.

Таков был в своей жизни и Конфуций. Все описания его личности, сохранившиеся от его непосредственных учеников, показывают, что философ был и справедливым, деятельным, честным, хладнокровным и сдержанным человеком. «Учитель, — говорят они, — был ровен, полон достоинства, почтителен и вежлив, но с сознанием собственного достоинства и всегда спокоен. В личной жизни и быте — умерен и приличен. Не ел много, когда ел — не говорил, когда был в постели — тоже молчал; сидя в колеснице, держался прямо...» Будучи практиком в жизни, Конфуций является таким же и в своем учении. Все его беседы и наставления носят характер житейской мудрости и не возвышаются над обычными, естественными требованиями житейского обихода. Все его учение заключается в следующих трех правильных отношениях: государя к подданным, отцов к детям, мужей к женам; в точном соблюдении пяти верховных добродетелей или обя-

занностей: человеколюбии, т. е. сострадании ко всем нам подобным без различия, затем правосудии, или воздаянии каждому должного без всякого лицепрития, повиновении действующим законам и соблюдении установленных обрядов господствующей религии, правдолюбии, т. е. неуклонном отвращении от всего ложного, и, наконец, верности и честности всегда и во всем. В этих отношениях и добродетелях Конфуций видел счастье человеческого рода и, обставив их известными церемониями, создал свое учение о нравственности. Основным принципом этой нравственности является отсутствие увлечений, равновесие в деятельности, сохранение и соблюдение середины во всех поступках — умеренность и сдержанность всегда и во всем и, как результат этого спокойствия, невозмутимость — вот нравственное совершенство, к которому должен стремиться мудрый. Человек во всем должен придерживаться середины: он не должен иметь ни чрезмерной злобы, ни чрезмерной любви, не должен слишком предаваться печали, ни восторгаться от радости, одним словом, в нем должно быть полнейшее отсутствие крайностей и увлечений — в этом заключается основное правило личной нравственности. То же должно соблюдаться и в нравственных отношениях к другим людям, т. е. стараться избегать причинять другим то, чего себе не желаешь, сохраняя, таким образом, и здесь гармонию. Все остальные нравственные добродетели приводятся к тому же началу. Справедливость и честность, верность себе и своему слову, искренность, как основа мирных и добрых отношений в общественной жизни и средство к устранению недоразумений, послушание и почтительность к старшим, кротость, терпение и, наконец, вежливость ко всем без исключения непосредственно связаны с началом середины, или гармонии. Эта сдержанность во всех душевных проявлениях, разумеется, обуславливает некоторую сдержанность и в чувственных наслаждениях.

Учение о середине является стимулом, обуславливающим и охватывающим весь внешний быт народа, весь образ его жизни, весь государственный строй, а также нравственное и духовное состояние народа. Для того чтобы укоренить это учение в уме народа, Конфуций создал целый кодекс обрядов, или так называемых церемоний. Церемонии являются сдерживающим началом — благо-

даря им, человек знает, как ему надо поступать в известное время и при известных обстоятельствах, и сумеет вести себя прилично и с достоинством, избегая разного рода столкновений, ссор и брани. Конфуций говорил, что церемонии показывают связь неба с землею, утверждают порядок между людьми, что они прирождены человеку, а не составляют только искусственную внешнюю прикрасу его. Он учил, что они основаны на различии вещей по их низшему или высшему достоинству, на замечающемся повсюду разнообразии в природе, и что поэтому-то и введены различные постановления, касающиеся одежды, браков, похорон, жертвоприношений, представления ко двору, определены отношения между государем и небом, государем и чиновниками его, отцом и детьми, старшими и младшими, мужем и женой и, наконец, между друзьями.

И действительно, церемонии введены во весь обиход китайской жизни — даже средства к образованию самого себя, домашний и хозяйственный обиход, управление государством, даже устройство вселенной не может обойтись без церемоний. Одним словом, в церемониях заключается все учение Конфуция о морали, весь кодекс его нравственных правил. В них заключается вся нравственная сторона человека — любовь, истина, мудрость, знание, честность, все в них предусмотрено и все ими обусловлено. Таким образом, обрядность заступила место религии и совершенно подавила идею о нравственности, основанной на свободном убеждении человека в необходимости добра. Любовь, добро, жертва и проч. — все рассматривается с практической точки зрения: человек должен любить близких, творить добро, приносить жертвы потому, что это ему полезно, так как и ему могут воздать тем же.

Конфуций имел в виду вести людей к истинному счастью, а счастье видел в созданной им морали, которую он приводит к одному основному закону — безграничному повиновению детей родителям, жен — мужьям и подданных — правительству и соблюдению умеренности, или середины, во всех чувствах человека.

«Голосистая иволга находит себе убежище на краю утеса и знает, где ей остановиться. Почему же человек не достигает до птицы, — говорит Конфуций, — т. е. почему

человек не всегда придерживается середины в своих действиях?»

На этом учении о середине основывается и весь строй семейной и политической жизни Китая. Будучи сторонником демократических начал и неограниченной власти государя, тем не менее он ограничивал последнюю своим учением о середине; по его мнению, «противиться государю можно только при чрезмерных требованиях; довольствующемуся малым легко и повиноваться». Умеренность рекомендуется им правителям.

Таким образом, в своем учении Конфуций является восстановителем и преобразователем древней морали, но не религиозным реформатором. Он вообще мало говорил о вещах, касающихся религии; он нашел религию уже развитой и не находил нужным или просто избегал говорить о ней, не желая рассуждать о том, что выше действительности и осязаемости. Тем не менее он старательно поддерживал все древние религиозные обряды, хотя на вопросы о значении или сущности их он отвечал уклончиво или темно. Например, он старался сохранить в народе почитание духов, представителей отдельных сил и явлений природы, которые, по его словам, будучи очень многочисленны, находятся невидимо в теле каждой твари и, подобно разливающейся воде, несутся над головами справа и слева. Обычай поклонения предкам также признавался Конфуцием, как мы это знаем из слов, произнесенных им при погребении матери. Вообще на поклонения духам природы и душам умерших Конфуций смотрел как на обычаи, полезные для массы народа с нравственной стороны, и на скептический вопрос одного из учеников относительно значения приносимых в жертву духам овец сказал:

— Вы жалуете овец, а я желал бы сохранить обряд!

Спрошенный в другой раз о том, что значат жертвоприношения предкам вместе с жертвоприношениями небу, он сказал: «небо — всемирное начало и животворный источник бытия. Предки же наши — источник нашего бытия и последующих поколений. Благодарить небо — первый долг человека, второй долг его быть признательным к своим праотцам. Поклоняясь небу, мы поклоняемся предкам!»

В вопросах о бессмертии Конфуций прямо уже умалчивает. Раз один из учеников сказал: «Учитель, я хотел

бы спросить о смерти и о состоянии после смерти?» Конфуций ему ответил: «Если вы не знаете жизни, то как можете знать о смерти?» Даже перед смертью он грустит только о бренности и непрочности человеческой славы, о скоротечности жизни, но не высказал ни одного слова опасения или смущения ввиду неизвестности будущего или о том, куда он идет. Здесь высказался в Конфуции чистокровный китаец — выдающаяся черта характера этого народа есть его поразительное равнодушие к жизни.* На вопрос о состоянии умерших предков на том свете и о том, как служить духам умерших, Конфуций также отвечал уклончиво: «Если мы не можем хорошо служить живым, то как мы можем служить умершим?» Как нам известно, тем не менее сам он строго исполнял все обряды, чтобы своим примером побудить и других к тому же, имея в виду развить уважение к предкам, а вместе с тем и к завещанным ими началам жизни. С этой целью он требует, чтобы к предкам относились так же, как к живым людям, хотя и не верит в их действительное существование. Когда его спросили, что значит приношение пищи в жертву предкам и разве могут усопшие употреблять ее, Конфуций отвечал: «Ни в коем случае, но это делается для того, чтобы мы привыкли относиться к предкам с почтением, как бы к живым». Тот же чисто житейский расчет и практический смысл характеризует ответ, данный Конфуцием на вопрос, знают ли предки о том, что делают их потомки, видят ли они их, слышат ли? — «Трудно сказать на это что-либо определенное, — отвечал Конфуций. — Если я скажу, что предки чувствуют почтение, оказываемое им их потомками, что они знают, что делается на земле, то исполненные детской любви сердца живых отдадутся исключительно служению усопшим и будут невнимательны к своей собственной жизни; наоборот, если я скажу, что предки не знают о жизни своих потомков, то ослабеет усердие к почтению их памяти, и священный союз живых с усопшими потеряет цену. Продолжайте, не рассуждая, почитать память предков и представлять их свидетелями наших поступков. Это самое лучшее».

Одним словом, Конфуций признавал разного рода религиозные обряды и находил в них смысл только как в

* Арх. Хрисанф говорит, что китайцы имеют обыкновение еще при жизни заказывать себе гробы.

средстве дать покой государству, а вместе с последним и благосостояние народу. Выше этого он не поднимался, и как истый китаец, не признающий никаких отклонений и не верующий ни во что чудесное и сверхъестественное, он смотрел на них с точки зрения практической пользы. Таким образом, Конфуций является практическим философом — моралистом, утилитаристом. Его учение вполне совпало с народным характером и народными воззрениями китайцев, и это-то дало ему ту силу и то влияние, какими оно пользуется в Китае и поныне.

САВОНАРОЛА

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.
А. К. Шеллера (А. Михайлова).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖД. ТОВАРИЩ.
«ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39

1893

Г Л А В А I

Разъединение Италии в XV веке.— Борьба между правителями отдельных итальянских государств.— Деморализация всех классов общества, высших и низших.

В XV веке Италия представляла собою картину полнейшего внутреннего разлада. Весь полуостров распадался на отдельные государства, и все они смотрели друг на друга не как на составные, случайно распавшиеся части одного целого, а как на врагов. Враждовали между собою не только крупные области, но и отдельные города, призывая на помощь иностранцев: французов, испанцев, турок, которые грабили не только врагов, но и союзников, и даже нейтральные провинции. Во всей Италии было полное отсутствие общего национального духа и даже само слово «Италия», не исчезнувшее из народного языка, в действительности не представляло никакого определенного понятия. Стремление к разрозненности не ограничивалось нескончаемыми спорами с близкими или дальними соседями, так как нередко отдельные области входили между собою в союзы для общего нападения или общей защиты; не было почти никакого единства и внутри государств. Постоянное желание захватить в свои руки власть возбуждало отдельные партии к взаимной вражде, и опять в этих внутренних междоусобицах деятельное участие принимали посторонние, в надежде поживиться за счет споривших. Одерживая верх, победители пускали в ход кровавую расправу; ссылка, убийства, открытые и тайные, были возмездием за сопротивление побежденных, которым оставалось только вне отечества искать спасения и составлять заговоры против притеснителей, чтобы в свою очередь, при удаче, жестоко отплатить им за испытанные лишения. Достаточно в общих чертах припомнить историю внутренней жизни итальянских государств того времени, чтобы в памя-

ти воскресли хорошо известные имена: Монтекки и Капулетти, Берголини и Распанти, Торриани и Висконти, Орсини и Колонны, — все это имена, служившие синонимами мести и крови. Резня шла открытая и тайная, убивали на улицах среди бела дня и предательски, из-за угла.

При таком неестественном порядке вещей неестественным было и развитие итальянских государств. Обрисованная общими штрихами картина имела только одну светлую сторону, несколько примирявшую просвещенных людей того времени с тяжелым положением вещей: тщеславие побуждало отдельных правителей щегольнуть перед врагами не только внешним могуществом, но и развитием в своих областях наук и искусств, которые были доведены в Италии до процветания, неизвестного в остальной Европе. Данте, Ариосто, Тассо, Рафаэль, Микеланджело, Макиавелли, Петрарка, Боккаччо — все эти люди, так или иначе, были обязаны покровительству меценатствующих наперерыв друг перед другом пап, герцогов, королей. При помощи тех же меценатов возникли и расширились итальянские университеты, давшие немалое число ученых, бывшие рассадниками деятелей возрождения, наук, гуманизма. Но, с другой стороны, это же обстоятельство заставляло образованную часть общества еще глубже задуматься над окружающей жизнью, ее проявлениями и причинами.

Древний центр «Рим» утратил свое первенство, и было на Апеннинском полуострове несколько других городов с немалым значением. Некоторое обаяние Рим еще сохранил как средоточие духовной жизни всего католического мира, хотя нередко сами преемники св. Петра на папском престоле больше врагов христианства и католичества способствовали умалению значения папства.

Но кажется никогда так низко не падал авторитет папской власти, как в пятнадцатом веке, хотя еще предательства и алчность папы Павла II, так много проповедовавшего против гуситов и еретиков, набросили достаточную тень на папство. Он сам мучил римских академиков, заподозренных в уважении к учениям Платона, и один из них даже умер от пытки в его руках. Он делал все, чтобы одолеть чехов, и даже направил на них турок, долженствовавших быть палачами Богемии. Чтобы накопить побольше доходов, он оставлял вакантными места епископов, и над ним смеялись, что он когда-нибудь останется

единственным католическим епископом. Но за Павлом II папой является Сикст IV, и весь Рим стал указывать пальцами на кардиналов, продавших в священной коллегии свои голоса за его выбор, так как такой человек, как Сикст, мог достигнуть папского престола только при помощи подкупа. Сын простого рыбака, он попал под покровительство одного из богачей; во дворце этого богача его развратили до мозга костей, но в то же время дали ему разностороннее образование. Дальнейший его путь был путем невообразимого разврата, алчного добывания денег всеми средствами и бешеной траты этих денег. «Никогда Содом и Гоморра, — говорят современники, — не были ареною таких гнусностей, какие происходят теперь». У папы было много родственников, отличавшихся расточительностью; но всех в этом отношении затмевал племянник папы, Пьетро Риарио. «Роскошь его празднеств превосходит роскошь этрусков, — говорит его современник, — а они превосходят изобилием пиры язычников». Когда он ехал ко двору, его свита едва умещалась на улицах Рима. Его приемы были еще пышнее папских. На пир, данный им французскому послу, со всей страны было свезено все редкое и драгоценное, и стихотворные описания этого пира облетели всю Европу. При проезде через Рим Елеоноры Арагонской весь путь перед нею до папского дворца был устлан драгоценными коврами. На это время Пьетро Риарио построил на площади Святых Апостолов дворец, в котором стены были сделаны из драгоценных пород деревьев, а вся утварь — из чистого золота и серебра. Чтобы содержать подобных расточителей, нужно было иметь много доходов, и папа не брезговал ничем, начиная с продажи церковных должностей и оплачиваемых отпущений грехов. Развращенный, он был и жестоким. Любимым зрелищем папы были бои двух соперничающих между собою лиц, но к этому присоединялось и кошунство: бойцы не смели начать драки, прежде чем папа подойдет к окну и благословит их драться насмерть. Не лучше была и политическая деятельность Сикста. Это был вполне воинствующий папа. Его кондотьеры заливали кровью Италию, и он не обращал даже внимания на серьезные предостережения и советы французского короля, германского императора и английского короля, что единство Италии необходимо нужно для безопасности Европы от турок. Ведя ожесточенную борьбу с итальянскими владетелями, он не щадил и домашних

недругов, и всех, заподозренных в измене, не стесняясь засаживать в крепость св. Ангела даже кардиналов или, при помощи приближенных, отравлять своих тайных и явных недоброжелателей. Тогдашнее общество не было избаловано хорошими правителями, и все-таки современники называют день смерти папы Сикста IV счастливейшим днем. «Нынче, — говорит один из них, — Бог освободил народ от руки этого безбожного и бессовестного человека, в душе которого не было ни страха Божия, ни любви к христианскому народу, но царствовали сластолюбие, алчность и пустое тщеславие». В этот радостный день народ не нашел ничего лучшего для изъявления своей радости, как полное разграбление дома одного из племянников папы, бежавшего со своими драгоценностями из Рима. Разнузданная толпа не только разбила молотками в куски драгоценные статуи во дворце, но вырвала с корнями вековые деревья в его саду. Это бурное мщение не образумило преемника Сикста IV, занявшего папский престол под именем Иннокентия VIII и оказавшегося не лучше своего предшественника, с таким же бесстыдством, но без его ума готового все сделать за деньги. Что делалось при нем в Риме — трудно описать в коротких словах; достаточно взять отчет о любом месяце, чтобы изумиться тому, как жилось тогда в вечном городе: 21 февраля 1485 года совершается убийство священника в церкви; 26 числа происходит вооруженное столкновение народа с папской гвардией; 27 числа совершается пять казней; 29 числа господа Орсини и господа Колонна со своими приверженцами вступают в битву на улицах Рима и т. д. Дело дошло до того, что в Риме насчитывалось по двести убийств в две недели. Сами кардиналы дерутся между собой, и их приходится разнимать. Впрочем, кардинальское звание давалось уже без разбора; один из сыновей Медичи, например, был сделан кардиналом на тринадцатом году жизни. Ни одного дня не проходило в Риме без мелких убийств, так как за деньги убийцы оставались безнаказанными. «Бог не желает смерти грешников, — глумились папские прислужники, — а пусть они платят и живут». Немудрено, что подобному папе могли приписывать даже преступления, которых он и не совершал. Говорили, что он будто бы приказал убить трех младенцев, чтобы перелить в себя их кровь и продлить свою угасавшую жизнь. Казалось, что хуже уже не может быть человека на папском престоле; но это только казалось; по-

сле смерти Иннокентия VIII для занятия вакантного престола нашелся Родериго Борджиа, подкупивший пятнадцать кардиналов из двадцати избирателей и удостоившийся избрания под именем Александра VI. Он превзошел всех своих предшественников не только разгулом, предательством и убийствами, но и полным индифферентизмом в делах веры, когда эти дела не сулили ему каких-либо выгод. Даже фанатические защитники папства принуждены сознаться, что легче совсем не говорить об этом папе, чем говорить о нем сдержанно. Он соединял с самыми великими пороками очень мало добродетелей или, скорее, не имел вовсе добродетелей. Он подкупом достиг престола св. Петра, и удерживаться на нем приходилось бесчестными средствами. Вряд ли есть хоть один историк, который отнесся бы к нему с похвалою.

Такова была нравственность тех лиц, которые возводились на престол св. Петра и должны были служить живым примером для своих духовных детей: всех правителей и народов католической Европы.

Не лучше были в это время и светские власти в Италии.

В Неаполе после великодушного Альфонса трон занял жестокий Фердинанд I, умевший обезоруживать врагов только хитростью, коварством и предательством и ради жадности наживавшийся на счет своих подданных. Враждуя с папою Иннокентисом, он не находит ничего более удобного, как устраивать в Риме заговоры, на что папа, конечно, отвечает тем же, и Фердинанд предательски убивает заговорщиков, не смея их наказать публично. Все это не мешает ему в свое время в покаянной одежде испрашивать прощение в Риме у святейшего отца. Это была мелкая и злая душа, не способная ни к каким благородным порывам. В Милане храбрый кондотьер и хитрый политик Франческо Сфорца оставил престол слабому по уму и способностям Галеаццо Сфорца, но неспособность и умственное бессилие не помешали ему быть жестоким тираном; размеры его жестокости видны из его любимого наказания: он приказывал зарывать виновных в землю по горло и кормить их нечистотами, наслаждаясь продолжительностью их мучений. В Венеции на место ловкого и честолюбивого политика Фоскари в управление вступил Паскуале Малипьеро, для которого самыми важнейшими событиями были празднества, устраиваемые им на площади св. Марка. Во Флоренции после смерти умного и ловкого Козимо Медичи, без ко-

того, казалось, не могли существовать флорентийцы, бразды правления перешли к совсем неспособному Петру Медичи, едва не утратившему власти над Флоренцией и для себя, и для своей семьи.

Подобная смена сильных представителей власти, утверждавших ее среди тысячи опасностей и препятствий всякого рода, в борьбе с бесчисленными врагами,— более слабыми или даже совершенно ничтожными преемниками, изнеженными и распущенными,— привела не только к упадку умственному и нравственному среди правителей, но губительным образом отозвалась и на развитии общества. При деморализованных правителях трудно было остаться нравственным обществом, и поговорка «Каков поп — таков и приход» всегда оправдывается в самом широком смысле. Итальянские правители этого не понимали, бессознательно развращали народ и сами подрывали уважение к власти, подкапывая фундамент созданного ими же здания. Деморализация в Италии была полная. О флорентийцах того времени, например, говорилось: «Они приложили все старания, чтобы жить среди изнеженности, пробили себе путь ко всем самым постыдным и отвратительным порокам. Их отцы при помощи труда, усилий, добродетели, воздержания и честности сделали свое отечество очень цветущим; им же, напротив, отбросившим в сторону всякий стыд, казалось, нечего было терять: они предавались игре, вину, низким удовольствиям. Погрязшие в разгуле, они предавались бессменным оргиям. Они были запятнаны всякими предательствами, всякими преступлениями. Бессилие закона и отсутствие справедливости обеспечивали им полную безнаказанность. Храбрость для них заменяли наглость и нахальство; свободой нравов считалась преступная снисходительность; светское обращение состояло в злословии и пустой болтовне. Они исполняли все медленно, лениво и беспорядочно, так как лень и низость были правилами их жизни». Эти слова можно было одинаково отнести к любому итальянскому городу того времени.

Но как бы ни пало общество, среди него всегда находят-ся более светлые личности, которые чувствуют необходимость поднять нравственный и умственный уровень этого общества. В те тяжелые для Италии времена встречается немало несчастных заговорщиков, не преследовавших никаких личных честолюбивых целей и не бывших также наемными или бессознательными участниками политических

движений, а искренно увлеченных желанием доставить своей родине счастье, избавлением ее от неминуемой гибели. Но эти безумные попытки не приводили ни к каким результатам. В Милане несчастные юноши Висконти, Ольгиати и Лампуньяни убили Галеаццо Сфорцу. Все трое поплатились жизнью: первые два были убиты на месте преступления в храме, третий подвергся пытке раскаленными щипцами и во время казни живым был изрезан на куски; Милан же остался в прежнем положении тирании. В Ферраре Николай Эсте с шестьюстами товарищей попробовал устроить восстание и погиб со всеми своими сообщниками. Так же подавилось восстание Джироламо Джентили, попробовавшего сбросить с Генуи иго Милана.

В это-то время явился во Флоренции представитель другого рода борьбы с злоупотреблениями, с падением нравственности, с общественной неурядицей,— борьбы при помощи слова, проповеди, личного примера.

Этим борцом был Иероним Савонарола.

ГЛАВА II

*Детство Савонаролы.— Придворная жизнь в Ферраре.—
Бегство Савонаролы из родного дома и поступление в
монастырь.*

Родиной Савонаролы была Феррара, не нынешняя Феррара, запущенная и пустынная, с поросшими травой улицами, но Феррара пятнадцатого века, которая жила бьющей ключом жизнью, имея до ста тысяч жителей. Правившая ею семья Эсте, — Николай III и наследовавшие ему незаконнорожденные его сыновья, сперва Лионелло, а потом Борзо, — умела не только не впасть в распри соседних государств, когда смуты вызывали все, — и прекращение фамилии Висконти, и восстание Милана, и честолюбие Венеции, — но стяжала Ферраре название «страны мира» и привлекла в нее ученых, довела до цветущего состояния университет, положила основание знаменитому музею Эсте, построила госпиталь св. Анны, укрепила город со стороны По, развила книгопечатание. Цветущее состояние города, богатство и широкая жизнь правителей — все это прославило Феррару в такой степени, что из Индии посылались в нее богатые дары, так как правителя Феррары считали там королем всей Италии. Пирь здесь следовали за пирами. Особенно шумно отпраздновали в Ферраре проезд папы Пия II, задумавшего устроить новый крестовый поход против турок. К мысли о походе все отнеслись вполне равнодушно, но празднеств было много. Когда предприятие не удалось и папа снова сжал через Феррару, — празднества были еще великолепнее, еще шумнее. Что-то развратное, языческое было в этих пирах, где папа являлся окруженный языческими почестями, где духовенство встречалось громом светской музыки. 27 мая 1471 года умер последний из двух незаконнорожденных сыновей Николая III, Борзо. Остались в жи-

вых Николай, сын покойного Лионелло, и Эрколе I, законный сын Николая III; эти два наследника вступили в борьбу из-за престола. Произошла братоубийственная резня в Ферраре. Победителем остался Эрколе I, и на другой же день на улицах, обагренных кровью граждан, началось прежнее безумное веселье.

Старинный род Савонаролы происходил из Падуи. В начале пятнадцатого столетия его семья переселилась в Феррару по приглашению Николая III, пожелавшего видеть при своем дворе знаменитого врача падуанской школы Михаила Савонаролу, прославившегося не только своими знаниями, но и любовью к бедному люду. У Михаила Савонаролы был сын Николай, немало занимавшийся, как дилетант, философией, сводившейся тогда на простую схоластику, но еще более занимавшийся проеданием при Феррарском дворе скопленных его отцом капиталов. Он был женат на Елене Буонокорзи, происходившей из знаменитой мантуанской дворянской семьи и отличавшейся возвышенностью души и почти мужским складом ума и характера. У этой четы 21 сентября 1452 года родился третий ребенок, сын Иероним. Ребенок был не особенно красив, не отличался ни детской веселостью, ни детской беспечностью; серьезный, вдумчивый, сосредоточенный, он не был ни для кого интересен. Но два его старших брата были неудачниками — один пошел в солдаты, другой управлял отцовскими имениями, — и семья сосредоточила все свои надежды на третьем сыне, предназначая Иеронима с детства к роли великого врача. Наружность Савонаролы можно обрисовать следующими чертами: он был среднего роста, скорее низенький, чем высокий, но он умел держать себя с достоинством, и все его движения и жесты были благородны и грациозны; он казался скорее полным, чем худощавым, хотя, всматриваясь в него, можно было заметить, что его маленькие руки костлявы и обтянуты одной кожей, что эта бледная, покрытая легким загаром на лице кожа говорит о малокровии, что его возвышенный и благородный лоб не по годам был изрезан морщинами; лицо нельзя было назвать правильным и красивым, но оно привлекало своею выразительностью; большой, горбатый орлиный нос, крупные, плотно сжатые губы, выражавшие твердость характера, блестящие, синие с зеленым оттенком глаза, напоминавшие не то южное небо, не то южное море, красиво очерченные брови, густые, длинные ресницы и, наконец,

мягкая, грустная улыбка — все это невольно останавливало на нем внимание даже незнакомых людей.

Задавшись честолюбивыми планами для своего внука, Михаил Савонарола начал умело и толково посвящать ребенка в тайны естествознания чуть не с колыбели, преподавая ему в то же время грамматику и латинский язык. Ребенок оказался крайне восприимчивым и сообразительным, схватывая знания на лету. К несчастью, дед умер, когда мальчику шел всего десятый год. Тогда образованием ребенка занялся отец, преподавая ему философию, как необходимый, по тогдашним понятиям, подготовительный предмет перед изучением естественных наук и медицины. Подробностей относительно посещения мальчиком школы и имен его учителей биографы Иеронима Савонаролы не знают. Известно только, что он удивлял всех своими способностями и умением диспутировать. Фома Аквинат и арабские толкователи Аристотеля увлекли юношу до такой степени, что он мог проводить целые часы в этом лабиринте, разбираясь среди несвязанных между собою силлогизмов. Все глубже и глубже уходил он в науку, читал библию, вникал в ее смысл, искал правды, серьезный, вдумчивый, отдыхая иногда от этой работы за рисованием, музыкой, писанием стихов.

Стремление к справедливости ежедневно сталкивалось с условиями окружавшей Савонаролу общественной жизни, и его чуткой впечатлительности противоречия представлялись на каждом шагу, начиная с мрачного замка с башнями и подъемными мостами, стоявшего среди города как укрепленный вражеский лагерь: в залах гремит музыка, сверкает драгоценное серебро и золото, звенит венецианский хрусталь, танцуют нарядные люди, а внизу в подземельях, за семью решетками, изнывают несчастные узники, совершаются страшные сцены пыток.

Чем беспутнее была окружающая жизнь, тем грустнее становился Иероним Савонарола. Он худел и бледнел, сторонился от людей, был молчалив; раз посетив замок, он дал себе слово, что его нога не будет более там, и, уходя в пустынные церкви, юноша с жаром повторял: «*Neu fuge crudeles terras, fuge litus avarum!*» (Увы, избегай жестоких стран, избегай берега скупых!).

Судьба гонимых Савонароле еще одно разочарование, не оставшееся без влияния на его решение совершенно отрешиться от мира и его суеты. В соседстве с домом Саво-

наролы жил один флорентийский изгнанник из славной семьи Строцци. В лице этого изгнанника Савонарола увидел впервые нового человека, не похожего на окружающих его феррарцев, — страдальца за любовь к свободе, к отчизне. У Строцци была незаконнорожденная дочь. Савонарола влюбился в нее. В душе молодого человека зародились яркие надежды на лучшую долю, на личное счастье. Но чем светлее были эти надежды, чем обольстительнее были эти мечты, тем сильнее был нанесенный юноше удар. Гордые флорентийцы отвергли его предложение и оскорбили его, сказав, что «Строцци никогда не могут породниться с какими-нибудь Савонаролами». Еще мрачнее стало настроение юноши, искавшего забвения в музыке и поэзии. В стихотворении «*De ruina mundi*» он подробно описывает свое душевное состояние: «Я вижу разрушенным весь мир, безнадежно попорченными добродетели и добрые нравы; нигде нет живого света и существа, стыдящегося своих пороков... счастлив только тот, кто живет грабежом, кто питается кровью ближнего, кто обирает вдов и опекаемых им сирот и толкает в пропасть бедняков. Образованным и мудрым считается только тот, кто побеждает силой и коварством, пренебрегает Христом и Богом и вечно думает, как бы погубить ближнего... Но у меня есть еще надежда, которая спасает меня от окончательного отчаяния: я знаю, что в другой жизни будет ясно тем, чья душа была благородна и высоко возносилась в своих порывах». В душе Савонаролы постепенно крепло религиозное чувство, в котором одном он находил теперь покой и утешение, и он горячо молил Бога: «О, Господи, укажи мне путь, по которому я должен идти!»

В то время путь для спасения мог быть только один: бегство от света и мирских соблазнов. Надо было отказаться от веселья, пьянства, разврата, роскоши, от всего, что одними покупается ценою пота и крови угнетенных ближних и ради чего другие идут на всякие преступления, на грабеж и убийства. На этот путь спасения теперь все толкало Иеронима Савонаролу — и любовь к Фоме Аквинату, и случайно услышанная в Фаенце проповедь августинского монаха, произведшего на него, по его собственному признанию, неизгладимое впечатление. Ему хотелось уйти в монастырь не для того, чтобы из светского аристократа превратиться в аристократа духовного, от Аристотеля в миру перейти к Аристотелю в монастыре, как это делалось

тогда. Нет, его привлекали подвижничество и трудовая жизнь, он хотел сделаться последним слугою ближних, чернорабочим, шить монашеские рясы, копать землю в саду, прислуживать на кухне. Этим только можно искупить грех своего происхождения, своего положения в свете, своей прошедшей жизни на счет ближних.

Но осуществление этого намерения встречало большие преграды в собственном сердце Иеронима Савонаролы, нежно любившего и отца, и мать и сознававшего, что его удаление из дома тяжело отразится на его родителях. Он долго колебался, и его страшно мучил вопрос: что скажут отец и мать — главное мать? Вот она смотрит на любимого сына испытующим взором, точно спрашивает:

— Что ты задумал?

У него нет сил сознаться; он потупляет глаза перед нею, горячо любимой, обожаемой им. 23 апреля 1475 года вечером он играл на лютне, замечтавшись, забывши окружающее, перенесаясь мыслью в тишину монастыря. Из-под его пальцев лились тихие, хватающие за сердце звуки.

— Сын мой, это значит: разлука? — слышался тихий, скорбный вопрос матери.

Он не смел поднять на нее глаз, а грустные звуки стали еще грустнее.

На следующий день в Ферраре было большое празднество. Все родные Иеронима Савонаролы были на пиру в герцогском замке. Только он, по обыкновению, уклонился от пира и пошел за город, по дороге к Болонье. Вот монастырь ордена св. Доминика, к которому принадлежал и так почитаемый Савонаролою Фома Аквинат. Молодой человек постучался в него. Дверь отворили, и путник очутился за оградой.

На следующий день в ночной тишине монастырской кельи он взялся за перо и стал писать к отцу в Феррару: «Я не сомневаюсь, что вас глубоко огорчит мой отъезд, тем более, что я ушел тайно. Но это письмо должно вам открыть состояние моей души и мои намерения, чтобы вы утешились и поняли, что я пришел к своему решению не подетски, как, вероятно, подумают иные. Прежде всего, прошу вас, как человека, любящего справедливость и презирающего все ничтожное и преходящее, прислушайтесь более к голосу правды, чем к голосу страсти, которой подчиняются женщины, и рассудите на

основании разума, прав ли я, покидая мир и исполняя свои предназначения. Что меня побудило вступить в монастырь — это страшное ничтожество света и испорченность людей: разврат, нарушения святости брака, обман, высокомерие, нечестие, проклятия и кощунства всех родов дошли в свете уже до того, что не находишь в нем более честных людей. Как часто вследствие этого я в слезах повторял: „Увы, избегай жестоких стран, избегай берега скупых!“ Я не мог выносить злобу ослепленных народов Италии, где угасли все добродетели и торжествует порок. Этот свет мог мне дать только глубочайшую скорбь. Поэтому ежедневно я просил Господа Иисуса Христа, чтобы он избавил меня от этой грязи, и неустанно воссылал искренним сердцем кроткую молитву Богу: укажи мне путь, по которому я должен идти, так как к тебе устремляется душа моя. И Господь в бесконечной благодати своей услышал меня и сжалился надо мною, хотя я и не стою великой милости. Ответьте же мне: разве не хорошо и не справедливо, когда человек бежит от низости и испорченности ничтожного света, чтобы жить как разумному существу, а не как животному среди свиней? И не было ли бы великой неблагодарностью с моей стороны сперва молить Бога об указании мне настоящего пути, по которому я должен идти, а потом, когда он в своем милосердии указал мне этот путь, не следовать по нему? О, Господь и Бог мой, лучше мне тысячу раз умереть, чем быть неблагодарным перед Тобою! Потому, любимый мой отец, вы должны не печалиться, а скорее благодарить Господа Иисуса за то, что он дал вам сына и не только сохранил его таким до двадцатидвухлетнего возраста, но еще и оказал ему милосердие, сделав его воинствующим рыцарем. Или вы не считаете за великую милость того, что ваш сын делается воином Христовым? Говоря короче: или вы любите меня, или — я знаю, что вы не скажете этого, — вы не любите меня. Если же не любите меня, то что вам дороже во мне: тело или душа? Вы не можете ответить «тело», так как вы не любили бы меня, любя во мне худшую из частей человека. Если же вы любите душу, то почему же вы не ищите спасения этой души? Вы должны торжествовать и радоваться этой победе. Я хорошо знаю, что без некоторой боли тела не обойдется, но тело нужно обуздывать разумом, особенно такому умному и сердечному человеку, как вы. Вы поверите, что мне стоила разлука с вами горячих слез? Надеюсь, да. Никогда

еще с моего рождения я не испытывал большей скорби, более глубокого горя, чем теперь, когда я расстался со своею семьею и пошел к неизвестным людям, чтобы принести в жертву Иисусу Христу свое тело и отдать свою свободную волю в руки людям, которых я никогда еще не видел. Но когда я думаю о том, что меня призывает Бог и что Он сам не пренебрег явиться слугою среди нас, червяков,— я понимаю, что у меня не достало бы духу не последовать на его кроткий и святой призыв, говорящий нам: „Прийдите ко мне все труждающиеся и обремененные и я успокою вас, возьмите бремя мое на себя...” Я знаю, что вы жалуетесь на меня за то, что я ушел так тайно и как бы бежал от вас; но поймите, что мои скорбь и горе, при мысли о разлуке с вами, были так велики, что я был уверен в одном — расскажи я вам свои намерения и во мне прежде бы разорвалось сердце, чем я решился бы оставить вас, и новый оборот мысли помешал бы осуществлению моего плана. Потому не удивляйтесь, что я молчал. Впрочем, на окне за книгами я оставил несколько листков, из которых вы узнаете мое душевное состояние. Итак, прошу вас, дорогой отец, не жалуйтесь более на судьбу и не причиняйте мне еще более печали и горя, которых у меня и так много; я не раскаиваюсь в своем поступке, и я поступил так же, если бы даже знал, что меня ждет участь выше участи Цезаря, но ведь и я плотский человек, как и вы, и чувства ведут и во мне борьбу против разума. Это заставляет меня бороться всеми силами, чтобы дьявол не оседлал меня, особенно, когда я слышу ваше сетование. Эти дни, когда страдания еще свежи, пройдут скоро, и потом, я надеюсь, мы оба утешимся в этом мире милосердием Божиим, в том — славою. В заключение возлагаю на вас, как на мужчину, утешить мою мать, которую, как и вас, я прошу о благословении и о спасении души которой я горячо молюсь. Ваш сын Иероним Савонарола».

В монашеской келье Савонарола искал мир, спокойствие и отречение от света. «Если бы я даже знал, что меня ждет участь выше участи Цезаря, я поступил бы так же», говорит Савонарола в приведенном письме, и, конечно, он предчувствовал, что и в одежде простого доминиканского монаха его ждет полная деятельности и волнений жизнь, ждет светская бессмертная слава.

ГЛАВА III

Деятельность Савонаролы в Болонском монастыре Сан Доминико.— Первое путешествие во Флоренцию.— Неудачное проповедничество в этом городе.— Успех проповеди в Сан-Джемедиано и в Брешии.— Собрание в Реджио.— Джованни Пико.— Возвращение во Флоренцию.— Религиозные и нравственные взгляды Савонаролы.— Отношение к нему Лоренцо Медичи.— Смерть Лоренцо и его исповедь у Савонаролы.— Удаление из Флоренции.

В Болонском монастыре Сан Доминико, среди тихих келий и пустынных монастырских галерей и переходов провел Савонарола семь лет в молитвах и покаянии, учась и обучая в то же время новичков по приказанию настоятеля. Он принялся за дело обучения молодых монахов не ради одного обязательного для монаха послушания: познакомившись ближе с положением современной католической церкви, он увидел все ее страшные недостатки и в нем проснулось страстное желание обновить ее, подготовить ей лучших служителей. В первый же год своего пребывания в монастыре он написал страстное стихотворение «О падении церкви», где горячо спрашивает: «Где же старые учителя и старые святые, где ученость, христианская любовь, чистота минувших времен?» Эти алмазы, эти горящие светильники, эти сапфиры, как он иносказательно называет их, не существовали более. В Рим проникло гордое честолюбие и загрязнило все так, что приходилось только бежать от него куда-нибудь в пустынную келью, кончая в ней жизнь в скорби и слезах. Несмотря на иносказательную, несколько вычурную форму, это стихотворение проникнуто искренней горечью, и из него уже можно было понять, что молодой монах не ограничится одним постом и молитвою, прислуживанием на кухне и копанием грядок. Его идеалы выше этого идеала. Недаром же он в том же стихотворении

взывал к Богу, чтобы Тот дал ему силу «сложить эти мощные крылья — крылья испорченности, крылья гордой вавилонской блудницы». Не ограничиваясь данным Савонароле поручением обучать новичков, настоятель монастыря возложил на молодого монаха и обязанности проповедника. Савонарола с жаром взялся и за это дело; оно было ему по душе при его тогдашнем настроении. Но на первых же порах он уклонился от обычного приема ученых проповедников того времени, от бесконечных софизмов схоластики, от постоянной возни с Аристотелем, и все более и более стал руководиться библией, которая потом и сделалась его неизменной спутницей в жизни, его книгою книг. Тем не менее его проповеди не имели особенного успеха и, может быть, это нужно приписать главным образом тому, что он не поражал внешностью, был слишком истощен постничеством, являлся до крайности слабым, не мог даже громко говорить. Его проповедничество в Болонье в эту пору прошло так незаметно, что о нем не упомянул ни один из писателей того времени. Даже в его родной Ферраре, где им могли интересоваться люди как земляком и куда он был послан в 1482 году, его проповедь осталась совершенно бесследной.

Именно в это время совершилось событие, долженствовавшее изменить коренным образом всю жизнь Савонаролы.

В Ферраре началась война, и Савонароле пришлось проститься с родным городом. Его послали во Флоренцию. Совершая путь в этот город, молодой монах мог близко познакомиться с тем, что делалось тогда в Италии. Война, начавшаяся в Ферраре, охватила весь полуостров, и все знали, какую гнусную роль играет в этой братоубийственной резне папа Сикст IV, все знали, какие корыстные цели руководят этим старцем. На Савонаролу пахнуло той страшной действительностью, той беспощадно бьющей в глаза правдой жизни, которая превосходила самые страшные отвлеченные рассуждения о «guina mundi».

Обедневшие города, разоренные области составляли совершенно противоположность с богатой, спокойной и нарядной Флоренцией, сделавшейся умственным центром того времени. Величавый монастырь Сан Марко, где поселился Савонарола, был построен за сорок лет до прибытия во Флоренцию Савонаролы; прежде здесь жили крайне распущенные даже для того времени монахи; заботами Ко-

зимо Медичи они были выселены, и на их место вступили в новое здание реформированные доминиканцы. При монастыре была одна из лучших по манускриптам библиотека, которая, согласно воле завещавшего ее монастырю Никколо Никколи, явилась первой публичной библиотекой в Италии. Сюда стекались ради библиотеки учнейшие люди из монахов и мирян. В отношении искусства монастырь тоже славился, так как его стены были расписаны кистью Джованни да Фьезоле, известного под именем Беато Анжелико (1387—1455). Еще больше прославился монастырь деятельностью его учредителя Сан-Антонио, одного из неутомимейших благодетелей бедноты и последователей евангельской любви к ближним. У всех еще была в памяти самоотверженная деятельность этого изумительно доброго и безупречного человека во время флорентийских чумы и голода в 1448 году. Вступив в монастырь Сан Марко, Савонарола был сразу охвачен рассказами о широкой и благотворной деятельности Сан-Антонио и везде находил ее следы в виде различных приютов, братств, госпиталей. Образ этого человека, проходящего по опустошенному чумой и голодом городу с лошастью, навьюченной хлебом, одеждой и массой других вещей для страдальцев-бедняков, восставал, как живой, в воображении Савонаролы. И как величественна, как привлекательна была сама Флоренция с ее чудной природой, с ее сокровищами искусства! Недаром же ею управлял в то время великолепный Лоренцо Медичи, находившийся тогда наверху славы и силы. Флоренция, эта «монархическая республика», как выражается один историк, была в средние века итальянским городом по преимуществу. Уже в пятнадцатом веке она была нравственно столицей Италии и тосканское наречие стало литературным языком всей страны. Флорентийская республика превращается в сущности в монархию еще при Козимо Медичи, этом либеральном банкире, который распоряжается войной и миром во всей Италии, дает взаймы Франциску Сфорца денег, чтобы тот мог завоевать Милан и герцогскую корону после Висконти; защищает этого узурпатора против Венеции и короля арагонского, находя союзника себе в лице французского короля, облегчая положение страны. Немудрено, что страстная и увлекающаяся «дочь Рима», как называли старые историки Флоренцию, приписывает все процветание города, все успехи искусств именно Козимо Медичи и сама поступает своей свободой,

осыпаемая благодеяниями своего либерального «отца отечества», а при его внуке Лоренцо уже совершенно пьянеет среди бессменных пиров, спектаклей, маскарадов, празднеств, народных увеселений, не слыша голосов политических партий под звуки *canti carnavaleschi* и *canzoni a ballo* — карнавальских песен и бальных канцон. Сам Лоренцо проводит свободное от пиров и государственных дел время среди поэтов, художников и философов из платоновской академии, где создается модная «платоновская теология». Под всем этим ослепительным блеском скрывались безысходные сомнения, полное безверие, и вечная холодно-насмешливая улыбка была на лицах флорентийцев, знавших и греческий, и латинский языки, и Платона, и Аристотеля и гордившихся тем, что даже флорентийские женщины отличаются разносторонней ученостью, не уступающей учености мужчин. Немного дней нужно было прожить Савонароле среди флорентийцев, чтобы на него пахнуло холодом от этих рабов внешности и душевной пустоты. И как смешон показался им этот появившийся на кафедре в церкви Сан Лоренцо тщедушный проповедник с его едва слышным сиповатым голосом, с его неуклюжими манерами, с его провинциальным наречием, с его порой грубыми и чисто народными выражениями! Он решился нападать с кафедры на пороки и маловерие светских и духовных лиц, презрительно относился к вылощенным поэтам и философам, порицал фанатическое поклонение перед древними классиками и цитировал только одну книгу — библию, советуя всем читать ее, тогда как все они знали, что библейская латынь была небезупречна и что подобное чтение могло только портить их стиль! Уже в 1483 году у Савонаролы бывало в церкви не более двух-трех десятков слушателей, тогда как у фра Мариано да Дженнаццано, любимца Лоренцо Медичи, церковь не могла вместить всех слушателей. Дженнаццано, изысканный по слогу и изящный по манерам, был в моде, и ходить слушать его было таким же казовым делом, как восторженно восхищаться подвигами Сан-Антонио, как горячо толковать и спорить о платоновской теологии, как щедро покровительствовать раболепствовавшим перед богачами литературе и искусствам, тогда как в душе всех этих разбогатевших, холодных и издевавшихся над всем в душе лавочников и ростовщиков был один кумир — золото и одно наслаждение — распутство. Даже близкие и уже увле-

кавшиися смыслом проповедей Савонаролы люди сознавали причины его неуспеха и говорили ему с грустью о том, что он должен поучиться у Дженнаццано умению красивых фраз и грациозных телодвижений. Одни эти ослиные сожаления о незнакомстве соловья с петухом могли убить всякую энергию в другом человеке, но Савонарола верил теперь в свое призвание до того, что у него уже начались видения, ободрявшие его идти избранным путем. «Церковь должна быть обуздана, потом обновлена, и это должно совершиться скоро» — вот лозунг, во имя которого шел он на свой подвиг.

В 1484 и 1485 годах ему приказано было проповедовать в маленьком городке Сан-Джеминиано, в сиенских горах, и здесь он увидал, что его могут понять люди, еще близкие к природе и еще не испорченные утонченным внешним образованием. Здесь слушатели стекались толпами в церковь послушать сурового проповедника, и под сводами храма то тут, то там слышались тяжкие вздохи и сдержанные рыдания. Этот успех придал ему бодрости. Укрепившись здоровьем среди сиенских гор, полный энергии, воспламеняемый верой в свое призвание, он является в 1486 году в Брешии, и тут его проповеди на темы Апокалипсиса звучат уже пламенно и повелительно, а голос начинает греметь как гром. Он грозит народу наказанием за грехи, пророчествует об ужасах, ожидающих на земле порочных людей, и призывает всех к покаянию и исправлению. Слушателей охватывал ужас, и в городе все только и говорили, что о новом проповеднике. Это решило участь Савонаролы: его имя пронеслось по Италии, и он с этой поры уже окончательно не сомневался в своих силах. «Для него засиял новый свет», — как он говорил сам. В январе 1490 года он уже сообщает в одном из своих прекрасных писем к обожавшей матери: «Я отказался от этого мира и в различных местах возделываю вертоград Господа, чтобы спасти не только свою душу, но и души других. Если Бог послал мне свои дары, то я должен применять их по воле Его к делу. И так как Он призвал меня к этому священному служению, то простите мне, если я исполняю свой долг вне отечества, сознавая, что принесу больше добра в другом месте, чем в Ферраре. Там со мной случилось бы то же, что с Христом, когда Его земляки говорили про Него: «Не плотник ли это, и не сын ли он плотника»? Но вне моей родины обо мне не говорят так, а

напротив того, мужчины и женщины плачут, когда я ухожу, и высоко ценят мои слова».

В то же время на его долю выпал, совершенно случайно, еще более шумный и решающий его участь успех: в Реджио собрался капитул доминиканцев для обсуждения спорных вопросов теологии и некоторых пунктов дисциплины. В собрании присутствовал и Савонарола. Среди большого числа духовных лиц были и светские ученые, и писатели, между которыми обращал на себя особенное внимание богатый и красивый юноша, двадцатитрехлетний Джованни Пико князь делла Мирандола, «феникс среди умов», как называли его тогда люди, прославляя его первым человеком во всей Италии после Лоренцо Медичи. Пико страстно увлекался всем прекрасным, добрым и честным и был одним из редких счастливцев, которые совершенно не знают чувства зависти и страсти интриговать. Савонарола, сидя в собрании, не вмешивался в схоластические споры, но когда дело коснулось дисциплины, он горячо заговорил и его голос грянул громом против испорченности духовенства. Он не мог сам сдержатъ своего порыва и произвел потрясающее впечатление на своих высокопоставленных слушателей, особенно же на юного восторженного Пико, который с этой минуты сделался его лучшим другом и страстным поклонником. Он начал со свойственным ему искренним увлечением разглашать по всей Италии о новом подвижнике и уговорил Лоренцо Медичи вернуть проповедника обратно в монастырь Сан Марко.

Приглашение, призывавшее Савонаролу снова во Флоренцию после трех лет, проведенных им в других итальянских городах, застало его в Генуе; послушный распоряжению своего монастырского настоятеля, монах вернулся во Флоренцию, принялся за обучение в монастыре Сан Марко молодых монахов, уклоняясь от проповедничества. Но Савонарола был уже известен всему городу, благодаря восторженным отзывам Пико, блестящего представителя лучшей части флорентийской золотой молодежи. В монастырь начинают стекаться светские слушатели, и Савонарола приходится выйти из поставленных им себе скромных рамок наставника монастырских послушников и монахов, и он приступает к объяснению Апокалипсиса; весть об этих беседах быстро распространяется, с каждым днем увеличивая число слушателей; вскоре монастырский двор становится тесен и сами обстоятельства

вынуждают Савонаролу перейти в церковь и продолжать свои поучения с кафедры. Перемена места усилила значение прежних поучений, придавая им авторитет проповеди.

Густая толпа любопытствующих наполнила церковь Сан Марко 1 августа 1490 года. Савонарола поднялся на кафедру и начал проповедь о необходимости обновления церкви и близкой гибели нераскаявшихся грешников. Смелость речи, мощный голос, истинное воодушевление и громкая слава проповедника разом сделали свое дело: успех проповеди был громадный, и с каждым днем число жаждущих услышать Савонаролу стало увеличиваться. Он, чтобы показать смотревшим на него свысока ученым, что он не чужд и философского образования, издал в это время несколько философских сочинений и тут же выпустил в свет ряд произведений религиозно-нравственного характера. Философия Савонаролы, несмотря на многие своеобразные его взгляды, была, может быть, не ниже, но во всяком случае и не настолько выше того, что писалось другими философами того времени, чтобы оставить по себе заметный след в истории философии. Для нашего времени все эти колебания между Аристотелем, Платоном и Фомой Аквином с тщетными попытками смело выйти из заколдованного круга не имеют уже ровно никакого значения. Напротив того, религиозно-нравственные сочинения Савонаролы, вполне рисующие этого человека, не отделявшего слова от дела, были крайне интересны и подкупали сердца. «Смирение и христианская любовь, — писал он, — это две добродетели, составляющие два крайние конца духовного здания. Смирение есть основание, на котором зиждется вся постройка, а христианская любовь заканчивает и венчает ее. Потому верующий должен смириться перед Богом и сознавать, что он сам по себе не может делать доброе и что без помощи Божией его дела были бы одними грехами. Недостаточно, чтобы в этой истине был убежден один разум, она должна быть в то же время глубоким сознанием души. Воля человека свободна. Потому человек должен всею силою стараться истребить в себе гордость и приготовиться принять благодать; для этого внешние дела не только полезны, но и необходимы. Итак, да смирится верующий перед высшими и равными ему, да смирится он также и перед низшими. Если же он, достигнув этого, будет думать, что он сделал нечто великое, то его внешнее смирение явит-

ся только ко вреду внутреннего и потеряет всякую цену. Пусть же он будет твердо убежден в своем ничтожестве».

Вообще Савонарола, как человек великой искренности, не допускал лицемерия и понимал, что это худший из грехов. К правде, как говорит он сам, он стремился всегда изо всех своих сил и неустанно желал присообщить к ней людей; ложь, которую он ненавидел, вызывала его всегда на борьбу. Чем больше труда требовало это дело, тем больше росло желание послужить ему, хотя бы поплатившись за это жизнью. Правдивость он считает не законной, а нравственной обязанностью, «это долг чести человека относительно подобных ему людей. Высказывать правду значит исполнять долг справедливости».

Конечною целью человека Савонарола считает блаженство. «Но только Бог блажен сам по себе; человеку для этого нужно сделать много усилий; они состоят в добрых делах, которые называются заслугами, так как блаженство есть награда за добродетельные действия». Он считает могучим рычагом любовь, «потому что любовь делает все, движет всем, пересиливает и побеждает все. Ничто не создается без любви. А так как христианская любовь есть величайшая среди других родов любви, то она и создает великое и чудесное. Она исполняет легко и кротко весь божественный закон, так как она есть мерило и путеводная нить для всех мер и законов. Каждый отдельный закон есть мерка и правило для известного, определенного действия и ни для какого другого: не такова христианская любовь, так как она мерило и путеводная нить для всех человеческих поступков. Потому, кто обладает этим законом христианской любви, тот может хорошо управлять собою и другими и следовать правильно всем законам. Это ясно видно на тех духовных пастырях, которые берут за путеводную нить только то, что находят в канонических законах; это специальные законы, и потому они без христианской любви, являющейся общей меркой и общим законом, никогда не могут быть хорошей путеводной нитью».

Савонарола подкрепляет свои мысли целым рядом выхваченных из жизни примеров. «Вот врач, с любовью и самоотречением приступающий к ложу больного: если он хорошо и с любовью исследовал и познал все — никто не может сделать более, чем он. Ты увидишь, как любовь поможет ему и даст должную мерку и закон для всех правил

и законов медицины. Он подвергнет себя тысячам усилий, не обращая внимания на труд; он расспросит все, пропишет лекарство и наблюдает сам за ним; он не отступит от постели больного. Если он бежит за наживой — его мало заботит больной и сама наука изменяет ему. Взгляни сюда, что может сделать любовь. Посмотри на мать и ее дитя. Кто вдруг научил эту молодую женщину, не имевшую прежде детей, воспитывать дитя? Любовь. Какие труды выносит она днем и ночью, ухаживая за ним, и как все кажется ей легко! Какая этому причина? Любовь. Как милует и целует она свое дитя; сколько ласковых и нежных слов находит она для него. Кто научил ее этому? Любовь. Взгляните на Иисуса Христа, который сделался ради нас беспомощным ребенком, и во всем, — в перенесении голода, жажды, холода, жары и недугов, — сравнялся с детьми человека. Что побудило его к этому? Любовь. Он имел общение то с праведниками, то с мытарями и вел такую жизнь, что все, мужчины и женщины, малые и большие, богатые и бедные, каждый по-своему и в своем роде могут подражать ему и этим достигнут блаженства. И что же заставило его вести такую простую, такую бедную жизнь? Без сомнения, любовь. Любовь привязала его к столбу, любовь привела ко кресту, любовь воскресила из мертвых...» «Мы всегда можем вообще делать добрые дела, так как нам дана свободная воля. Если что нас отличает от животных, так это свободная воля. Наша воля не может быть пагубным образом направлена ни звездами, ни нашими страстями, ни даже самим Богом. Творец поддерживает, а не разрушает; Он направляет все создания и все вещи по законам их природы. Наша воля по своему существу и по своей природе свободна; она есть сама свобода. Значит, Бог не может ее вести иначе, как в полной свободе, если Он не желает ее разрушить».

Почти все, что высказал Савонарола по части нравственно-религиозных взглядов, шло вразрез с тогдашними понятиями, господствовавшими во Флоренции. Недаром же он с горькой иронией говорил о флорентийцах: «Священное писание перед этим полным ума образованием, конечно, детски наивно; вера является не более как делом монахов и чувствительных женщин; оскверняя все невинное и святое, вы и Пресвятую Мадонну рисуете в образе модницы». Ввиду падения нравов, веры, церкви, он, с одной стороны, уже не мог провести дня без

проповеди, а проповедовать для него равнялось теперь призыву к преобразованиям, к покаянию, к обновлению, и рядом с этим шли угрозы, что мир должен рушиться, если не обновятся люди. Его слушали с возрастающим вниманием, с тревогой, с рыданиями. Начинало твориться нечто новое для ликующей Флоренции. Церковь Сан Марко была уже мала для желающих слушать Савонаролу, и в посту 1491 года его проповедь раздалась в соборной церкви Санта Мария дель Фьоре.

Правителю Флоренции Лоренцо Медичи были не по вкусу пророчества Савонаролы о предстоящих несчастьях, которыми он запугивал умы. Однажды его посетили пять знатных флорентийских граждан и осторожно заметили ему, что он должен быть умереннее в своих речах, так как они могут навлечь неприятности государству и монастырю.

— Вы пришли не сами по себе! — горячо перебил их Савонарола. — Вас прислал Лоренцо. Скажите же ему, чтобы он приготовился к покаянию за свои грехи, так как Бог не щадит никого и не боится князей земли... Я не боюсь высылки из Флоренции, — продолжал Савонарола в ответ на предостережение о возможности такой высылки, — так как ваш город чечевичное зерно в сравнении с землей. Но хотя я здесь пришелец, а Лоренцо флорентийский гражданин, — покинуть первым этот город придется не мне, а ему.

И он с увлечением высказал свои взгляды на общественные дела перед гражданами, которых удивило серьезное знание и тонкое понимание Савонаролой политических событий. Тут же он прибавил, что и папа, и Лоренцо, и неаполитанский король стоят одной ногой в могиле. Их смерть должна быть началом чреватого событиями времени.

В церкви продолжалась по-прежнему грозная проповедь. Савонарола клеймил высшее духовенство и светских правителей, признавая, что именно они-то и являются развратителями итальянского народа. Они должны были служить примером для низших, а между тем сами были предателями, убийцами и развратниками. Лоренцо Медичи, несмотря на весь свой ум, несмотря на покровительство наукам и искусствам, был одним из таких правителей, и Савонарола видел в нем общественного врага, с которым никогда не могла примириться его душа. Лоренцо, тревожно прислушиваясь к речам сурового обличителя пороков, попробовал милостями задобрить Саво-

наролу и позволил монахам выбрать последнего в приоры монастыря. Обыкновенно в этих случаях приоры ходили благодарить Лоренцо. Савонарола не пошел и сказал:

— Я благодарю за избрание Бога и буду послушен Его воле.

Лоренцо жаловался окружающим:

— Смотрите, я допустил в мой дом иноземца, и он не оказал мне даже чести своим посещением.

Стараясь, однако, быть сдержанным, Лоренцо стал часто посещать монастырь Сан Марко и иногда долго бродил по саду, ожидая появления Савонаролы. Но тот не прерывал своих работ. Близкие люди осторожно замечали приору:

— Лоренцо ходит у нас в саду.

— Он звал меня? — спрашивал Савонарола.

— Нет.

— Ну, так пусть гуляет...

Лоренцо попробовал положить в монастырскую кружку несколько золотых монет. При осмотре кружки настоятель отобрал золото от мелких монет и сказал:

— Для монастырских нужд довольно серебра и меди, а золото отдайте попечителям бедных, пусть раздадут городским нищим.

На следующий день в проповеди он заметил:

— Хороший пес лает, защищая дом своего хозяина, и если разбойник бросает ему кость, он ее отодвигает в сторону и не перестает лаять.

Лоренцо, однако, сделал еще один опыт, не решаясь прибегнуть к решительным мерам. По его приказанию, францисканский монах Мариано Дженнаццано произнес против пророчеств Савонаролы проповедь на текст: «не знаем ни времени, ни часа». Проповедь была похожа на донос, на клевету и скорее возмутила слушателей, чем убедила их. Савонарола в свою очередь сказал ответную проповедь: «Нет, я не пророк, не сын пророка, — говорил он, — я не ишу этого страшного имени; но события, которые я возвещаю, произойдут, потому что я опираюсь на христианское учение и на дух милосердия. Поистине, ваши грехи, грехи Италии силою делают меня пророком и должны бы были сделать такими же пророками каждого из вас. Ты не хочешь, чтобы я пророчествовал, Мариано? О, все полно, полно пророчеств; Святой Завет полон их; настоящие времена полны их; ты сам здесь, Мариано, являешься знамением их». Пико, не находившийся в церкви, говорит,

что он чувствовал, как у него поднимаются волосы на голове. Савонарола проповедовал: «Я вижу прелатов, не заботящихся о своей духовной пастве, но развращающих ее своими дурными примерами. Священники разбрасывают достояние церкви; проповедники проповедуют пустое тщеславие; служители религии отдаются всяким излишествами; верные не повинуются более прелатам; отцы и матери дурно воспитывают детей; князья давят народы, разжигая страсти; граждане и купцы думают только о наживе, женщины — о пустяках, крестьяне — о краже, солдаты — о богохульствах и всяких преступлениях. Я хотел бы молчать, но я не могу; слово Божие в моем сердце горит неугасимым огнем; если я не уступлю ему, оно сожжет мозг костей моих. Князья Италии посланы ей в наказание. Их дворцы — убежище диких зверей и земных чудовищ, т. е. негодяев и развратников, потакающих их развращенным желаниям и их дурным страстям. Там злые советники, изобретающие без конца новые налоги, высасывая кровь из бедных; придворные философы и поэты, рассказывающие тысячи сказок, чтобы довести до богов генеалогию своих владык; там, что еще хуже, духовные лица следуют тем же заблуждениям... Это действительно Вавилон, братия, город безумцев и злодеев, который хочет разрушить Господь. Ступайте в Рим! Вместо христианства там прелаты отдаются поэзии и красноречию. В их руках вы найдете творения Горация, Вергилия или Цицерона; из этих книг они учатся управлять душами. Они изучают тайну управления церковью по созерцанию звезд, а не по размышлению о Боге. С внешней стороны она прекрасна, эта церковь их, с ее украшениями и позолотою, с блестящими церемониями, роскошными облачениями, с золотыми и серебряными светильниками, с богатыми дароносицами, с золотыми митрами с драгоценными камнями.., но в первоначальной церкви дароносицы были деревянные, а прелаты были золотые. Это праздники ада празднуют теперь наши прелаты; они не верят более в Бога и издеваются над его таинствами... Что ты делаешь, о Господи? Приди освободить свою церковь из рук демонов, тиранов и злых пастырей! Разве Ты забыл свою церковь? Разве Ты перестал ее любить? Поспеш с наказанием, чтобы она поскорее возвратилась к Тебе! О, Рим, готовься, твоя казнь будет ужасна! Ты будешь опоясан железом, ты пройдешь сквозь мечи, огонь и пламя. Бедные народы, я вижу вас

удрученными невзгодами! Италия, ты больна тяжким недугом, и ты, Рим, ты болен, болен смертельною болезнью. Если ты хочешь исцелиться, откажись от своей ежедневной духовной пищи, от своей гордости, от своего честолюбия, от своей расточительности, от своей алчности. Но Италия смеется, она отказывается от лекарства и говорит, что ее врач заблуждается. О, неверующие, не желающие ни слушать, ни обратиться на путь истинный! Господь говорит вам: так как Италия полна людей крови, куртизанок, сводников и негодяев, то я наведу на нее худшего из врагов; я низвергну ее князей и подавлю гордыню Рима. Этот враг переступит порог в ее святая святых и загрязнит ее церкви. Рим сделался жилищем блудниц — я превращу его в обиталище лошадей и свиней. Когда настанут ужас и смятения, тогда захотят грешники обратиться на путь истинный, но они уже не смогут сделать этого. О, Италия, казни пойдут за казнями: бич войны сменится бичом голода; бич чумы дополнится бичом войны; казни будут и тут и там... У вас не хватит живых, чтобы хоронить мертвых; их будет столько в домах, что могильщики пойдут по улицам и станут кричать: «У кого есть мертвецы?» и будут наваливать на телеги до самых лошадей, и целыми горами, сложив их, начнут их сжигать. Они пойдут по улицам, крича: «У кого есть мертвецы? У кого есть мертвецы?», а вы выйдете, говоря: «Вот мой сын, вот мой брат, вот мой муж!» И пойдут они далее, крича: «Нет ли еще мертвецов?» О, Флоренция! о Рим! о Италия! Прошло время песен и праздников. Покайтесь! Господи, Ты свидетель, что я с братьями моими старался поддерживать словом своим эту падающую руину; но я не могу больше, силы мне изменяют. Я не хочу более, я не знаю, что еще говорить об этом. Мне остается только плакать и изойти слезами на этой кафедре. Милосердия, милосердия, Господи! Минута настала. Идет муж, который завоюет всю Италию в несколько недель, не вынимая из ножен меча. Он перейдет через горы, как некогда Кир. *Naec ducit Dominus Cristo meo* Суго, и утесы, и крепости падут пред ним.

Савонарола уже предвидел зорким умом приближавшееся нашествие на Италию французов, может быть, содрогался при мысли, что придут не они, а испанцы, немцы, турки: раздробленная, раздираемая на части внутренними врагами, Италия была похожа на добычу, брошенную псам.

Для Лоренцо между тем наставлял всегдашний конец развратников и гуляк — тяжкие болезни и суеверный страх перед загробной жизнью. Перед его расстроенным воображением вставляли ужасы прошлого, грязь окружавших его клеветов, их рабское низкопоклонство. Он думал об отпущении грехов. Но кто отпустит ему его грехи? Не один ли из тех священнослужителей, которые сами утопали в разврате и которые не смели никогда ни единым словом противоречить своему повелителю? Что будет значить отпущение грехов подобными людьми? И в его воображении, помимо его воли, восставал один светлый образ сурового обличителя грехов и в то же время кроткого друга всех, кто искал у него совета, помощи, любви. Это был образ Савонаролы. Он неотступно преследовал его во время тяжелой болезни. Все, в том числе и Лоренцо, знали, как добр, мягок и нежен этот проповедник в отношении к людям. Недаром же он говорил: «Мы не должны осуждать грешника, но, скорее, обязаны оплакивать его грехи и иметь сострадание к нему, потому что, покуда есть свободная воля и милосердие Божие, он всегда еще может обратиться к Богу и исправиться». Да, это единственный монах, к которому можно обратиться с исповедью, не кощунствуя, не превращая святого таинства в жалкое шутовство. И вот, по воле Лоренцо, Савонарола появляется у смертного одра того, кого он обвинял прежде всего за нравственное падение Флоренции, — появляется с видом искреннего участия к страдальцу. Лоренцо кается перед ним в трех грехах: в бесчеловечном разграблении Вольтерры, где не только грабили богатства, но и позорили женщин, в разбойническом похищении денег из сберегательной кассы девушек, Monte difan-ciulli, причем многие из ограбленных девушек погибли потом нравственно, и в пролитии крови ни в чем не повинных людей после заговора Пацци, члена ограбленной самим Лоренцо семьи. Лоренцо волнуется во время исповеди, а Савонарола успокаивает его:

— Бог добр, Бог милосерд!

Лоренцо кончил исповедь.

— Но нужно исполнить три условия для отпущения грехов, — говорит Савонарола.

— Какие, отче? — спрашивает Лоренцо.

— Первое, — пояснил с глубокой серьезностью духовник, поднимая вверх правую руку, — ты должен иметь твердую живую веру в милосердие Бога.

— Эта вера живет во мне, — шепчет Лоренцо.

— Второе, — продолжает монах, — ты должен возвратить все несправедливо взятое тобою или приказать сделать это своему сыну.

Лоренцо удивляется такому неожиданному требованию, но подавляет неудовольствие и кивает в знак согласия головой. Тогда духовник поднялся во весь рост и точно вырос перед съежившимся от ужаса Лоренцо.

— Последнее же, — произнес Савонарола, — ты должен возвратить Флоренции свободу.

Его лицо было полно торжественности, его голос был могуч, его глаза устремились в лицо Лоренцо в ожидании ответа.

Лоренцо собрал все свои силы и быстро повернулся спиною к духовнику. Духовник вышел, не причастив больного, и тот умер, мучимый страшными терзаниями совести.

Это было 8 апреля 1492 года.

Следом за Лоренцо умер 25 апреля 1492 года и папа Иннокентий VIII. На место этих людей во Флоренции вступил в управление Петр Медичи, а в Риме был избран папою Александр VI Борджиа.

Немудрено, что Савонарола, а за ним и народ видели в этих событиях начало исполнения предсказаний о приближении великих перемен. Савонарола даже видел вещий сон, или видения: руку на небе, вооруженную мечом, с надписью: «*Gladius Dei super terram cito et velociter*» — «Скоро и быстро опустится на землю меч Божий». Он услышал ясно многие голоса, обещавшие добрым милосердие, а злым наказание, и возглашавшие о близости гнева Божия. Меч быстро опустился на землю, в воздухе потемнело, посыпались мечи, стрелы и огонь, раздались страшные раскаты грома, и вся земля опустошилась войной, голодом, заразой. Неудивительно, что этого человека Петр Медичи, при своем вступлении на престол, постарался при помощи римских или миланских высших духовных лиц удалить на время из Флоренции. Уже в апреле Савонарола появился проповедовать в Пизе, а затем в 1493 году в великом посту мы его застаем в Болонье, где произошло одно событие, характеризующее Савонаролу. Жена сурового болонского правителя Бентиволлио взяла за обыкновение приходить ежедневно в церковь для слушания проповедей Савонаролы. Но, сопровождаемая свитой придворных дам, кавалеров и пажей, она приходила всегда в половине

проповеди и прерывала ее своим шумным появлением. Савонарола, видя нарушение благочестия слушателей, не выдержал и воскликнул однажды, увидав входящую Бентиволлио с ее свитою:

— Вот, вот дьявол идет нарушать слово Божие!

Бентиволлио охватило такое бешенство, что она тотчас же отдала приказание двум слугам убить Савонаролу на кафедре. Но у слуг в решительную минуту не хватило мужества исполнить этот приказ. Тогда она, возмущенная неслыханной обидой, нанесенной ей ничтожным монахом, послала к нему в келью двух своих телохранителей с приказанием нанести ему какое-нибудь тяжелое оскорбление. Савонарола принял их с такою твердостью и заговорил с ними таким властным тоном, что они ушли в полном смущении. Затем, прощаясь в церкви с народом, он сказал с кафедры:

— Сегодня вечером я направлю мои стопы во Флоренцию со своим посохом и деревянную флягою и ночью остановлюсь в Пианцаро. Если кто желает чего-нибудь от меня, пусть придет ко мне прежде моего ухода. Но знайте, что моей смерти не отпразднуют в Болонье.

ГЛАВА IV

*Карл VIII французский.— Пиза.— Карл VIII и Савонарола.—
Карл VIII во Флоренции.— Флоренция после Медичи.— Новое
законодательство.— Отношение к нему Савонаролы.*

Во времена Савонаролы Италия представляла из себя заманчивую добычу для всех окружающих ее народностей; междоусобные раздоры итальянских государств, внутренняя слабость каждого из них облегчали захват, и это все хорошо понимали более дальновидные и умные люди того времени. Действительно, лазурное небо и лазурное море, вечно цветущие леса и плодородные долины, процветание наук и искусств, добытые торговлей сокровища и величавые здания — все влекло к ней людей. Ученые и художники мечтали попасть в Италию, чтобы воспользоваться в ней дарами искусства и науки; правительства и солдаты мечтали перейти ее горы, чтобы разграбить ее сокровища. «Impresa d'Italia» была грезой всех: дошедших до вершин своего могущества турок, уже ступивших твердою ногою на европейскую почву; сломивших железный деспотизм французов, умевших объединиться в сильное государство; ощутивших особенный подъем народного духа немцев, стоявших накануне реформации; изгнавших мавров и присоединивших к себе Арагонию и Кастилию испанцев, уже узнавших, подобно аргонавтам, прелести путешествий за золотым руном в чужие страны; к услугам же всех этих народов стояли тогдашние солдаты-добровольцы Европы — швейцарцы, готовые за деньги служить всем и каждому и убивать всякого, кого им прикажут. Италия же, вечно бушевавшая у себя дома, не имела ни войска, годного к более серьезной войне, ни военных способностей, которые развиваются суровой военной практикой. Этого мало. Она переживала страшное время упадка народного духа — переживала период, когда

лучшие ее сыны, недовольные существовавшим ходом дел, в каком-то ослепляющем отчаянии ждали спасения именно от иноземцев. Когда 25 января в 1494 году умер *sine lux, sine crux* — без креста, без света — недоброй памяти неаполитанский король Фердинанд, иноземцы должны были явиться в Италию в лице французов, предводительствуемых хилым уродцем, невежественным до безграмотности, сластолюбивым до неприличия, королем Карлом VIII или, вернее, вертевшими им, как игрушкой, Этьенном де Вер, прежде камердинером, а теперь герцогом де Бокэр, и Гильомом Бриссоне, прежде мелким торговцем, а теперь генералом и министром финансов. Предлогом для похода в Италию были наследственные права Карла VIII на неаполитанский престол. Прибытие в страну сорока шести тысяч иноземного войска не могло сулить стране особенного благополучия. Такие лица, как герцог из лакеев и министр финансов из мелочных лавочников, управлявшие государственными делами, тоже не способны были возбуждать надежд на спасение страны. Про короля же можно было сказать одно: в Лионе он так веселился, что все начинали сомневаться, перейдет ли он Альпы; когда же он перешел их и был встречен герцогом миланским, выехавшим к нему с целым cortejem дам, то он так увлекся наслаждениями, что все были убеждены, что далее он уже не двинется; он не мог долго тешиться в Асти и слег — одни говорили от оспы, другие утверждали, что от чрезмерного разврата. Тем не менее надежд на французов было много в Италии, так она исстрадалась от тирании узурпаторов-правителей над народом, от тирании больших итальянских городов над малыми. Один из эпизодов похода Крала VIII может служить прекрасною иллюстрацией существовавших между отдельными итальянскими областями и городами взаимными отношениями. Французское войско дошло до Пизы, бывшей в зависимости от Флоренции; король отправился служить обедню в городском соборе. На пороге храма к нему бросился человек, растерянный, похожий на безумца; он охватил короля за колени, прильнул к его ногам. Он говорил по-французски с большой легкостью, и королю пришлось выслушать всю его длинную речь. Это была история Пизы, самая трагическая из историй Италии — история города, умершего разом, в один день, когда весь его народ был переселен в Геную; потом его продали купцам, Медичисам, которые высосали его жизнь, разрушили его

торговлю, заперли перед ним море; сама земля, при помощи умышленной и убийственной небрежности, была превращена в болото; исчезли каналы; начались лихорадки для окончательного уничтожения народа... Тут говорившего начали так душить рыдания, что он смолк; но все в оцепенении продолжали еще слушать. Тогда он поднялся, страстный, в бешенстве, и из его уст полились грозные обвинения против конкуренции, жестокости лавки, которая не позволила Пизе даже добывать пропитание шелком, шерстью и обрекла ее умирать в муках Уголино... «Но благодарение Богу, через сто лет приходит свобода!» При слове «свобода», единственном, дошедшем до слуха народа, в толпе грянули крики и рыдания, надорвавшие сердца французов. Король повернулся, вероятно, потому, что он сам плакал, и вошел в церковь. Но его близкие, взволнованные, смелые от волнения,— это еще не были куртизаны, хорошо воспитанные и выдрессированные при дворе Людовика XIV,— окружили его и продолжали речь пизанца. Один советник из парламента Дофине, Рабо, бывший в милости и приближенный к королю, сказал громко: «Ей Богу, государь, это достойно сожаления! Вы должны хорошо вознаградить... Я не встречал никогда людей, вынесших большие несправедливости, чем эти люди!» Король, ни о чем не думая, неопределенно ответил, что он думает то же. Рабо оставил его, вернулся на паперть, где еще теснился народ, и крикнул: «Дети, французский король дает вашему городу вольности!» «Да здравствует Франция, да здравствует свобода!» Все бросились к мосту через Арно. Огромный флорентийский лев, помещавшийся здесь на колонне, был снесен, как ураганом, и вниз головой полетел в реку. Без всякого умысла в полном неведении король разрешил великий процесс века. Это был процесс между Пизой и Флоренцией; это был процесс между подчиненными городами и столицами. Пизанцы приветствовали в лице французов освободителей от тирании Флоренции; флорентийцы видели в французах освободителей от тирании Медичисов.

Флоренция страшно волновалась. Правивший ею Петр Медичи, убедившись, что флорентийцы не намерены поддерживать его союз с Неаполем, поспешил с повинной к французскому королю в сопровождении нескольких послов и, не спрашивая никого, как растерявшийся трус, сам предложил Карлу VIII в полное распоряжение на все время

войны все тосканские крепости, причем надавал разных обещаний относительно поддержки французов войсками и деньгами. Это было больше, чем могли ждать и требовать сами французы. Возмущенные послы в полном негодовании оставили Петра Медичи и Карла VIII и вернулись во Флоренцию. Страшная буря поднялась в городе, когда здесь разнесся слух, что Петр Медичи предал всю республику в руки Карла VIII. Бушующая чернь поднялась со всех сторон, бросая мастерские и лавки, готовясь разнести все. Это была стихийная буря. В городе был только один человек, который мог усмирить ее словом. Это был Савонарола, и он волей-неволей, неожиданно для самого себя, явился перед бушующей толпой, простирая в воздухе руки и призывая всех к любви и единению. Толпа стихла, воздержалась от насилий, от грабежа, покорная любимому проповеднику. Тогда проснулась униженная Медичисами, почти устраненная от управления страной сеньория и собралась для совещания. Было решено отправить новое посольство к Карлу VIII, которое должно было заявить, что Флоренция готова принять с подобающими почестями французского короля, как друга, но не как покорителя страны. В посольстве принужден был принять участие опять-таки Савонарола, которого глубоко уважал, почти боялся Карл VIII, знавший о пророчествах Савонаролы насчет прихода «нового Кира». Посольство поехало к королю; Савонарола, по своему обычаю, пошел пешком. Узнав о посольстве, Петр Медичи опять испугался, тотчас же пообещал королю дать двести тысяч дукатов, а сам поскакал во Флоренцию, предчувствуя что там происходит что-то недоброе и приказав по дороге своему свояку Паоло Орсини собрать войско. Во Флоренции он был холодно встречен сеньорией, давшей ему понять, что он уже лишился прежнего значения. Петр Медичи попробовал силой занять прежнее свое положение и наткнулся на возмущение черни. Народ и уличные ребяташки преследовали его свистками и гиканьем. В это время начальник полиции попробовал со своими людьми защитить преследуемого Петра Медичи. Чернь обезоружила полицейский конвой, и полицейское вооружение послужило ей первым оружием при завоевании свободы. Петр Медичи, как и в других случаях, оказался все тем же трусом и бежал, как безумный, из Флоренции, оставив в ней и своего брата кардинала, и свои сокровища. Кардинал Джованни Медичи оказался

хладнокровнее и бежал из города позже брата, переодевшись простым монахом и припрятав предварительно свои драгоценности в монастыре Сан Марко. Сеньория назначила цену за головы Петра и Джованни Медичи, а народ принялся за грабеж, срывая гербы с надписью «Медичи» и заменяя это слово словом «Роролани». В это время вернулись полные безнадежности флорентийские послы от Карла VIII, принявшего их сухо и почти враждебно, так как ему улыбались более выгодные предложения Петра Медичи. Флорентийцы упали духом. Но пока они выслушивали горькие рассказы послов и соображали, что делать, в лагерь французского короля пришел худой, испостившийся монах; это был Савонарола. Он прошел сквозь густые толпы солдат прямо к королю, окруженному своей свитой, и сильным голосом, повелительным тоном заговорил: «Христианнейший король! Ты — орудие в руках Господа, посылающего тебя, чтобы освободить Италию от ее страданий, как я уже предсказывал в течение многих лет, и чтобы преобразовать церковь, лежащую в унижении. Но если ты не справедлив и не милосерд, если ты не станешь уважать и ценить город Флоренцию, его жен, его детей и его свободу, если ты забудешь дело, к которому призвал тебя Господь, то Он изберет другого для выполнения своей воли. Тогда Он наложит на тебя свою гневную десницу и смирит тебя страшными наказаниями. Это возвещаю я тебе по повелению Господа». Карл VIII и его свита выслушали эту речь с глубоким уважением к проповеднику, и Флоренция с этой минуты могла надеяться на лучшее отношение к ней французского короля...

Торжество въезда во Флоренцию Карла VIII имело странный характер: этот «союзник» успел уже допустить восстание городов, подвластных Флоренции, и въезжал в нее на боевом коне, с копьем у бедра, что означало, что он «победитель»; флорентийцы тоже со своей стороны разукрасили город коврами и цветами, а в домах спрятали «на всякий случай» вооруженных людей, готовых по первому призыву броситься на союзников. Не лучше были и переговоры: Карл VIII попробовал заговорить о возвращении Петра Медичи и предложил Флоренции невозможные условия; уполномоченные города со своей стороны желали как можно дешевле купить французский протекторат флорентийской свободе; на улицах в это время

дошло до открытой стычки французских и флорентийских солдат, а во дворце Медичисов, где поместился Карл VIII, обменивались угрозами — «Мы прикажем трубить в трубы», — гневно воскликнул король, а флорентийский патриот Коппони говорил: «А мы велим звонить набат в колокола». Наконец пришли к заключению, что республика и король будут друзьями, оказывая друг другу взаимную помощь; король будет носить титул восстановителя и защитника флорентийской свободы; в три срока ему выплатят крупную сумму денег и на два года оставят за ним флорентийские крепости, если война с Неаполем не окончится раньше. При этом пришлось еще раз обратиться к тому же Савонароле, чтобы он поторопил короля поскорее выехать из Флоренции, где каждую минуту ждали столкновения с французами. Король и его приближенные ограбили сокровища дворца Медичисов, и город проводил с великой радостью покровителей своей свободы.

Флоренция была предоставлена самой себе, но без правительства, без властей; тогда народ собрался для выбора, по старому обычаю, двадцати «аккаппиатори», или «центральных уполномоченных», которые и должны были по своему выбору назначить людей на те или другие должности. Но флорентийцы давно отвыкли от самоуправления, и двадцать новичков, выбранных из разных сословий и несходных во мнениях, явились вполне бессильными на первых же порах и не могли согласиться между собою при выборе должностных лиц. Прежде чем освоились эти выборные со своим положением, явилась уже мысль о замене их новыми лицами, явилось в то же время и сознание, что старые республиканские формы отжили свой век и должны быть заменены новыми, за выработку которых и засели стоявшие во главе управления люди. Рядом с этим начались усиленные интриги партий, и восстал грозный призрак безденежья в ту минуту, когда деньги нужны были и для уплаты обещанных сумм французам, и для подавления восстаний в подчиненных Флоренции городах, следовавших примеру Пизы. Все это не могло не испугать богатых людей, промышленников и торговцев, и они стали в выжидательное положение: широкая жизнь, производительность, торговля — все вдруг как бы замерло, и рабочий народ шлялся без дела по улицам, то тут, то там стонал от голода и порою грозил бунтом, благо в воздухе веяло восстаниями и беспорядками, охватившими подчиненные Флоренции

города. Настал один из тех повторяющихся нередко в истории моментов, когда обуздывают чернь и спасают от ее стихийной бури не политики, не ученые, не военные, а люди, высокие по нравственности и на словах, и на деле, воодушевленные, пламенные патриоты, Минины и Жанны Д'Арк, около которых, еще при их жизни, создаются народом легенды о них. Одним из таких людей был Савонарола. Обстоятельства, помимо его желания, принуждали его вмешаться в мирские дела и поднять голос, и он заговорил снова: «Откажитесь от роскоши и тщеславия, продайте излишние вещи и раздайте бедным. Граждане, позвольте нам собирать милостыню во всех церквях для бедных в городе и в храме. Употребите на них, хотя на один год, деньги пизанского университета, и если этого мало, то позвольте положить руку на сосуды и украшения церквей. Я сделаю это первый... Но прежде всего составьте закон, повелевающий открыть лавки, и дайте работу народу, лежащему теперь праздно на улицах... Воспойте Господу песню новую!.. Господь желает, чтобы все обновились, чтобы все прошлое уничтожилось, чтобы ничего не осталось от дурных обычаев, дурных законов, дурного правительства. Теперь пришло время, когда слова должны уступить место делам, а благочестие — пустым церемониям. Господь говорит: „Я был голоден, и вы не накормили Меня, Я был наг, и вы не одели Меня“. Но он не говорил: „Вы Мне не строили красивых церквей и красивых монастырей“. Он считал только дела любви. Любовью вы должны обновить все».

Так как правители продолжали бездействовать, а новые законы не могли создаваться одним взмахом пера, народ же находился в страшном положении, то Савонарола волею-неволей выступал настоящим политическим деятелем и изложил свои взгляды на этот предмет. Эти взгляды были возвышенны, но усвоить их и провести в жизнь, к сожалению, могли не флорентийцы того времени, а разве какие-нибудь идеально совершенные существа, какой-нибудь народ, состоящий сплошь из Савонарол. Он считал республиканскую форму правления единственной пригодной для Флоренции системой. Каждый, кто захватил бы во Флоренции власть в свои руки, явился бы узурпатором, т. е. страшнейшим из тиранов. Чтобы устроить республику, флорентийцы должны очистить свои сердца, бдительно следить за общим благом и забыть свои

частные интересы. Сделав это, Флоренция даст толчок к реформе во всей Италии. Реформа должна начаться с духовной области: эта область выше материальной стороны. Мирское благо должно быть слугою нравственного и религиозного блага, от которого оно зависит. «Государства, как говорят, не управляются молитвою „Отче наш“, но это говорят враги Бога и общего блага». «Очистив сердца, улучшив свои стремления, предав осуждению игру, разврат и клятвы», нужно приложить руку к созданию законов, сперва в общем наброске, а потом приступить к разработке частностей и улучшений. Общий набросок должен состоять из следующего: никто не получает должности или обязанности помимо общего собрания, которое одно создает и власть, и законы. Лучшая форма управления для города — большой совет на образец венецианского. Весь народ должен собраться под предводительством шестидесяти гонфалоньеров-знаменосцев; каждый из этих отделов составит план закона; из них знаменосцы выберут четыре лучших и представят сеньории, которая после торжественной молитвы выберет из этих проектов лучший. В Венеции нет ни беспорядков, ни заговоров с той поры, как ею правит Большой Совет. Каждое сколько-нибудь видное место должно быть выборным. Налоги должны быть пересмотрены, так как они обременительны, и в то же время государство нуждается. Наконец, собрав в соборе всех властей и народ, Савонарола высказал следующие четыре пункта положения дел: «Страх Божий и восстановление добрых нравов; любовь к демократическому законодательству и к общему благу с забвением частных выгод; общая амнистия всем друзьям прежнего порядка, приговоренным к денежным пеням, и снисхождение к государственным должникам; установление правительства на широчайшем основании, чтобы все граждане принимали участие в управлении городом».

«Consiglio Grande al modo veneziano» — эти слова с данной минуты сделались лозунгом всего флорентийского народа.

Началась законодательная работа, которая, казалось, совершалась во всех мелочах под диктовку проповедей Савонаролы; итальянские ученые говорят, что ни одна из законодательных работ, происходивших во все долгое существование Флоренции, не отличалась такой стройностью и серьезностью, как эта работа. Прежде всего был установлен «большой совет» — «Consiglio Maggiore», куда могли войти

членами все «*cittadini benefiziati*», т. е. такие, которые были лично правоспособны, имели не менее двадцати девяти лет, и отцы, и деды или прадеды которых состояли членами сеньории или занимали другие почетные должности; таких граждан набралось во всей Флоренции не более 3200 человек, и они должны были, разделившись на три части, заседать по шести месяцев, управляя страной. Для признания собрания законным требовалось, чтобы в заседании было не менее двух третей членов. Но в это несколько аристократическое государственное устройство был введен и демократический элемент, так как «для поощрения юношей и пробуждения среди граждан доблестных мужей» каждые три года в собрании избиралось 60 граждан не из «*benefiziati*» и 24 молодых человека двадцатичетырехлетнего возраста. Кроме того, с 15 января следующего года должен был составиться «совет восьмидесяти», состоящий из восьмидесяти граждан не моложе сорока лет, также обновляющийся каждые шесть месяцев и служащий советником сеньории, которая собирает его не менее раза в неделю. Великий совет и совет восьмидесяти являлись как бы парламентом и сенатом. Каждый новый закон должен был представляться сеньории ее председателем, менявшимся каждые три дня, потом совету восьмидесяти и затем великому совету. Так как существовавшие законы города страдали неясностью и противоречиями, то было избрано известное количество граждан для пересмотра и приведения в порядок законов. В то же время избрана была комиссия из десяти граждан для пересмотра налогов, денежных штрафов и тому подобного. Уже 5 февраля 1495 года был введен поземельный налог, или «десятина», как он был назван законодателями. Все это совершалось по той программе, которую последовательно начерчивал Савонарола в проповедях. Особенно сильно настаивал он на необходимости общего умиротворения и амнистии, зная, как несправедливо распоряжались партии свободой, состоянием и жизнью врагов. Не будучи поборником несчастной теории непротивления злу, он был поборником такой же несчастной в практическом отношении теории непротивления злом. Законодатели издали закон, согласный с его требованиями: простили всех за старые преступления и дали права осуждаемым сеньорией или советом восьмидесяти апеллировать в течение четырнадцати дней перед великим советом. При этом законодатели укло-

нились от желания Савонаролы, чтобы апеллировали к совету восьмидесяти, а не к массе часто неопытных членов великого совета. Эту меру отстаивали особенно сильно дальновидные враги Савонаролы и потом оказалось, что они очень умело составили план будущих козней против него. Сам Савонарола в этот день провозглашения всеобщего примирения молчал, хотя в его следовавшей за этим событием проповеди послышалась известная горечь. Коснувшись преступлений и амнистии, принялись за преобразование юстиции вообще и снова подняли между прочим значение «Casa della Mercatanzia», торгового трибунала, пришедшего в упадок при Медичисах. Издано было и постановление о выборе сеньории, состав которой менялся через каждые два месяца. Дальнейшее существование при этих законах аккаппиатори и парламентов потеряло смысл, и они сошли со сцены. Савонарола придавал этому большое значение, так как созывом парламентов пользовались Медичисы, когда надо было по сильнее забрать власть в свои руки. Савонарола стал проповедовать устройство «Monte di Pietà», советуя каждому, особенно женщинам, пожертвовать на это дело все лишнее, нести на него не гроши, а червонцы. Народ нуждался и должен был занимать деньги у евреев, платя по 32 1/2 процента на капитал и уплачивая, кроме того, проценты на проценты, так что взятые в долг 100 червонцев через 50 лет возрастали до баснословных сумм. Еще при Лоренцо Медичи фра Бернардио да Фельтре проповедовал о необходимости устроить «Monte di Pietà», но евреи подкупили правителей, и фра Бернардино был изгнан из Флоренции. К апрелю 1496 года Савонароле удалось осуществить и эту идею: заемщики должны были платить за ссуды 6 процентов, причем они должны были давать только клятву, что «на занятые деньги они не будут играть».

Свободная Флоренция была окончательно организована в один год и на платформе палаццо сеньории поставлена принадлежащая Медичисам статуя знаменитого скульптора Донателло — Юдифь, убивающая Олоферна. Под статуей была помещена знаменательная надпись:

Exemplum salutis publicae cives posuere MCCCCXCV.

Устанавливая во Флоренции новое государственное устройство, Савонарола оставался строго верен своему нежеланию принимать личное участие в управлении делами

города. Он только внушал флорентийцам свои предположения, не навязывая их и предоставляя им самим принимать его советы или нет. Свою личную роль он видел именно в положении народного советника, что подтверждается и его проповедями. «У евреев были пророки, которых они называли судьями и к которым они обращались в важных случаях. Эти лица после молитвы к Богу высказывали свое мнение, и если народ иудейский следовал ему, то преуспевал, в противном случае — страдал». Собственно монархическая, единоличная форма правления вполне бы удовлетворяла Савонаролу, под условием предоставления власти лучшему из граждан; за неосуществимостью такого идеала Савонарола считал необходимым призвать к заведованию государственными делами всех граждан, сначала, как мы видели, потомков бывших правителей, а постепенно и более демократические элементы из лучших людей.

ГЛАВА V

Партии во Флоренции. — Проповеди Савонаролы. — Карл VIII в Италии. — Людовик Сфорца. — Папа и Савонарола. — Преобразование детей. — Новые проповеди Савонаролы. — Опасности, которым он подвергается. — Валори и кампаньянци. — Система налогов. — Карнавальные празднества. — Сопротивление Риму. — Враги Савонаролы во Флоренции. — Отлучение Савонаролы от церкви.

Несмотря на прекрасно составленный план республиканского управления, Савонарола не был ни спокоен, ни радостен. Его проповеди были скорбны и, исполненный каким-то пророческим духом, видевший мрачные видения, он в крайнем экстазе пророчил дурной конец Флоренции и всей Италии, «если люди не исправятся и не покаются». Здесь нечего пускаться в рассуждения о том, был ли дан Савонароле свыше дар пророчества, в который он глубоко верил сам и еще более верили приближенные к нему монахи вроде страстного Доминика и мистика Сильвестра; мы только должны остановиться на том, что и помимо пророческого дара умному человеку можно было предвидеть, что испорченное флорентийское общество было неспособно воспользоваться данной ему формой правления. Забыть свои личные интересы, возвыситься до бескорыстного патриотизма, самоотверженно послужить благу своих ближних — все это было подвигом, а подвигов нельзя требовать от всей массы людей, и притом людей, испорченных вконец пороками, развратом. Снаружи установилось правильное республиканское правление, внутри шла подпольная борьба партий: «серые» мечтали о возвращении Петра Медичи, «беснующиеся» жаждали аристократического республиканского правления, стремясь к репрессивным мерам против Медичисов и ненавидя «белых», т. е. мирных последователей Савонаролы, ко-

торых они презрительно называли «плаксами» — «*piagnoni*». Представители партий хорошо понимали, что прежде всего нужно победить Савонаролу, чтобы действовать с развязанными руками: он дал Флоренции чисто народное республиканское правление, он подавляет умы своими проповедями, он покоряет сердца предсказаниями о будущем, это не простой правитель, а «святой» в глазах массы, и потому бороться с ним трудно. Первой вылазкой против него было обвинение его духовными лицами за то, что он вмешивается в светские дела, но обвинение это пало само собою, так как в священном писании не было запрещения духовным лицам управлять светскими делами, да, кроме того, во Флоренции была масса примеров, доказывающих благотворное влияние духовных лиц на мирское управление: кардинал Латинус, Петр Медичи, Катерина Сиенская, Антонин — все это были святые защитники Флоренции. Затем воспользовались проповедью Савонаролы о необходимости церковной реформы: в этой проповеди Савонарола говорит, что гнев Божий висит над князьями и прелатами церкви. Проповедь напечатали, распространили по Италии и добились в Риме приказания, чтобы Савонарола шел проповедовать в Лукку. Удалив его из Флоренции, враги могли уничтожить начатое им дело. Савонарола покорился папскому приказанию и прочел четыре проповеди, прощаясь с прихожанами и заклиная их быть единомышленными, продолжать развитие народного управления, жертвовать излишним для бедных. Слушатели были глубоко потрясены, плакали, и в Рим полетели просьбы об оставлении Савонаролы во Флоренции на время поста. Папа взял назад свой указ и позволил Савонароле остаться до пасхи. Савонарола стал проповедовать о нравственной жизни. Только нравственно возродившиеся люди могли спасти республику. Истинная дружба, основанная на правдивости, честности и добродетели; сущность свободы и горькое положение рабов страстей; единомышленность граждан, дающее силу обществу; любовь и милосердие, на которых должно созидаться общество; высокое призвание женщин поддерживать патриотизм в мужчинах и вскармливать грудью, воспитать детей-граждан — вот главная сущность проповедей, с которыми обратился Савонарола к флорентийцам в великом посту 1495 года. Исхудалый, полубольной, с горящими глазами, с благостным выражением лица, со страстной речью, прерываемой слеза-

ми, он довел толпу до последней степени увлечения: женщины, одетые просто и скромно, несли свои драгоценности в дар для раздачи бедным, брачующиеся давали обеты воздержания и целомудрия, молодежь перестала курить, смолкли светские песни; рабочие в праздничные дни засели за чтение библии, церкви были полны народа, все стремились возможно чаще исповедоваться, и наконец дело дошло до того, что купцы и банкиры приносили в жертву бедным нечестно приобретенные деньги.

— Плаксы! молещики! смиренники! опущенные головы! — осыпали их насмешками «беснующиеся», выходя из себя от злобы на Савонаролу.

А из окрестностей Флоренции целые массы народа стекались послушать знаменитого проповедника, и в монастыре Сан Марко вместо пятидесяти монахов теперь было уже двести тридцать восемь монахов; в монахи вступали дети знатных фамилий, ученые, профессора, литераторы, врачи.

Эти быстрые результаты проповедей Савонаролы должны были радовать великого проповедника, но участь народов и государств зависит от множества самых разнообразных причин, предотвратить которые нельзя никакими проповедями. Опасность ждала Флоренцию не от внутренних неурядиц и интриг, а от чисто внешних событий. Безумно начатое предприятие французов, как и следовало ожидать, кончилось не меньшим безумием. Людовик Сфорца призвал Карла VIII прийти в Италию для предъявления прав анжуйского дома на неаполитанский престол. «Этот безумный проект, — по замечанию одного старого писателя, — был с поспешностью принят французским двором, скучавшим среди мира, не имея способностей извлечь из него пользу. Едва решив вопрос о предложенном Сфорцей предприятии, стали торопливо делать к нему приготовления или, вернее сказать, не имели даже терпения сделать их перед походом в Италию. Недоставало денег, настолько недоставало, что уже при вступлении в Ломбардию Карл VIII был доведен до горькой необходимости заложить бриллианты, одолженные ему герцогиней Савойской и маркизой Монферра. С первых же дней после прибытия в Неаполь Карл VIII бежал с поспешностью из этого города, проходя с трудом по Италии, где он считал себя как бы пленником, и даже блестящая победа при Форново выигралась, казалось, только затем, чтобы

король мог свободнее бежать в свое государство». Неаполитанцы в это время уже задумали о возвращении на престол арагонской династии. В остальной Италии тоже началось брожение против французов, и, за исключением флорентийцев, все итальянские государства заключили союз для изгнания иноземцев. Дело сделалось быстрее, чем можно было ожидать. Когда Карл VIII, оставив Неаполь, направился в обратный путь, лежавший через Флоренцию, он, как всегда бестактный и легкомысленный, захватил с собою Петра Медичи. Как только дошел до Флоренции слух об этом, флорентийцы поднялись как один человек; вооружились все: мужчины, женщины, дети; все улицы забаррикадировались, дома обратились в крепости. Дело не могло обойтись без помощи Савонаролы, и он снова отправился на свидание с Карлом VIII. Грозя ему на словах и в письмах гневом Божиим, он успел отвратить от Флоренции опасность нашествия французов, которые, повеселившись в Пизе, миновали Флоренцию и ушли во Францию. Но он не мог так легко справиться с итальянскими владетелями, заключившими союз против французов. Они негодовали на Флоренцию, которая была союзницей Франции, негодовали на ее республиканское правление, негодовали на изгнание ею Петра Медичи, который теперь собрал войско и готовился завоевать Флоренцию. Савонарола снова взошел на кафедру и начал говорить о политике, призывая народ к борьбе против своего притеснителя. Воодушевленные его страстною речью, флорентийцы ободрились и быстро собрали войско. Петр Медичи был окружен со всех сторон врагами; истратив все деньги и потеряв даром время, лишенный своевременной поддержки со стороны желавших его возвращения во Флоренцию союзников, он должен был снова пуститься в бегство и прибыл в Рим. Герцог Миланский, Людовик Сфорца, один из величайших интриганов того времени, агитировавший и за французов, и против них, был ненавистником Петра Медичи и потому интриговал против него, но в то же время он еще более ненавидел обличителя князей — Савонаролу и держал руку «беснующихся», стремясь низвергнуть флорентийскую демократическую республику и в конце концов надеясь завладеть самой Флоренцией. Этот-то человек и начал вести подпольную интригу против Савонаролы, стараясь вооружить против последнего папу. Из Флоренции и Милана стали приходить

в Рим письма, в которых Савонарола описывался как противник духовенства и самого папы. Брат Людовика Сфорцы, кардинал Асканио Сфорца, и Дженнаццано были главными орудиями интриги в Риме. Возбужденный против Савонаролы, Александр VI — этот тайный убийца и отравитель — очень нежным письмом пригласил Савонаролу в Рим, чтобы «при помощи его лучше узнать волю Божию». Нежный тон прикрывал замысел убить Савонаролу на дороге или засадить его в крепость св. Ангела в Риме. Друзья советовали Савонароле не ездить в Рим ради безопасности жизни и сохранения целости юной республики. К счастью, уже за несколько дней до получения папского послания Савонарола объявил с кафедры, что его здоровье не позволяет ему на некоторое время проповедовать. Получив послание папы, он мог сослаться на тяжкий недуг, мешающий ему идти в Рим. Савонарола, так как хитрость не была из числа его добродетелей, ответил папе откровенно и без уверток, что он сам желал бы посетить святой город, но у него так много врагов, что он ежеминутно опасается за свою жизнь даже здесь, а между тем созданное им управление еще не окрепло и требует его поддержки ввиду различных враждебных партий; как только будет у него возможность, он сам поспешит в Рим.

Прошло несколько месяцев, и в монастыре св. Креста, бывшем в натянутых отношениях с монастырем св. Марка, получилось послание папы, приказывающее препроводить в Рим «некоего Джироламо», распространяющего ложные учения. Затем явилось третье послание папы, запрещающее Савонароле проповедовать. Теперь дело шло уже не о борьбе на почве политики, а на почве религиозных воззрений: Савонарола являлся еретиком. Как было тут бороться против папы? Один из кардиналов Сан-Пьер, вошедший потом на папский престол под именем Юлия II, уже давно проповедовал о необходимости созвания собора, так как папа Александр VI достиг престола подкупом. Карл VIII, к которому приставал кардинал Сан-Пьер с требованием созвания собора, был согласен, что следует созвать собор. Савонарола ухватился за эту мысль и тоже вступил с Карлом VIII в переписку по этому делу. Больной, озабоченный несчастьями, постигнутыми в это время его горячо любимую им семью, лишенный права проповедовать, Савонарола не без тяжелого чувства узнал,

что «беснующиеся» готовятся справить карнавал 1496 года так, как справлялись карнавалы при Медичисах, когда разгулу, беспутству и цинизму не было предела. Бороться против карнавальных распутств пробовали многие, но все попытки оставались безуспешными. Станным образом карнавал сделался особенно дорогим для детей и подростков: они бесцеремонно загораживали большими жердями улицы, нагло требуя отступных денег от веселящейся толпы, проматывали эти деньги в кутежах к вечеру, вечером зажигали огни на площадях, плясали и пели вокруг костров и в конце концов начинали сражаться бросаньем камней, причем бывали всегда и убитые. Все это может показаться почти невероятным, если мы не напомним, что во Флоренции «детьми» назывались молодые люди почти до двадцатилетнего возраста. Савонарола предпринял «преобразование детей», видя в них будущих граждан, которым придется поддерживать созданную им республику. Не отменяя карнавала, он превратил его в духовное празднество: на перекрестках, где дети загораживали путь жердями, воздвигались маленькие алтари, у которых дети собирали по-прежнему деньги, но эти деньги должны были идти не на кутеж, а на бедных. Вместо грязных песен для детей составили духовные гимны, написанные самим Савонаролой, принявшимся снова за стихи, и поэтом Джироламо Бенивьени. Чтобы ввести больший порядок в дело, Савонарола поручил своему товарищу Доменику собрать детей и назначить из их среды предводителей, которые и отправились к сеньории объяснить затеянное предприятие. Поощренные сеньорией и гордые своим избранием, подростки серьезно принялись за дело. Хотя карнавал был по обыкновению довольно шумным, но уже ребятишки не кутили и не дрались камнями, собрав до трехсот дукатов на бедных. В последний день карнавала устроена была процессия из детей, которых было до десяти тысяч: они пели гимны и направлялись к собору, чтобы вручить «попечителям» бедных собранные деньги. Массы народа собрались поглазеть на невиданное зрелище; большинство ликовало, прославляя новую затею Савонаролы.

В Риме нашлись люди, выхлопотавшие между тем у папы позволение Савонароле снова проповедовать. Один доминиканец, которому папа поручил рассмотреть проповеди Савонаролы, даже пришел к тому заключению,

что эти проповеди не только не следует запрещать, но нужно дать за них проповеднику звание кардинала. Папа принял совет и через одного посланца доминиканца предложил Савонароле кардинальскую шляпу, «если он изменит тон своих проповедей». Это была новая ловушка папы-предателя. Савонарола был так возмущен предложением, что мог сказать посланцу папы одно:

— Приходите на мою следующую проповедь, и вы услышите мой ответ Риму.

Нелегко было добраться теперь в собор на проповедь Савонаролы: не только церковь наполнялась слушателями, но кругом нее был выстроен высокий амфитеатр, наполнявшийся сплошь почти исключительно детьми и подростками, которые являлись теперь посторонними слушателями Савонаролы и к которым он часто стал обращаться в проповедях, заботясь о воспитании новых людей для нового государства. Далеко не в безопасности, окруженный вооруженными приверженцами, пробирался он к собору, так как его уже намеревались убить «беснующиеся» и носились слухи о посланных к нему Людовиком Сфорцой убийцах. В первой же проповеди он высказал мысль, что догматы церкви непогрешимы, но что можно и даже должно не исполнять произвольных приказаний высших, если эти приказания противоречат христианской любви Евангелия. Это учение есть учение католической церкви, Фомы Аквината и других ее учителей и пап. Вот почему он и не слушает того, что противоречит христианской любви и Евангелию. Зная, что его отъезд из города, нуждающегося в нем, будет гибелен, он не выехал бы из города ни по чьему приказанию. Его заставили молчать, и он исполнил приказание, хотя оно было издано под влиянием лживых слухов и изветов. Но, видя, что добрые теряют энергию, что злые становятся смелее, а дело Господне гибнет, он принял решение во что бы то ни стало вернуться на свое место. Заканчивая проповедь, он обратился к юношам, говоря, что они счастливы тем, что развиваются во дни свободы, что они не испорчены тиранией, что они привыкнут к готовящейся им роли правителей. Его проповедь была как бы программой для следующих проповедей. Во второе воскресение великого поста, вступив на кафедру, Савонарола начал проповедовать со слов пророка Амоса: «Слушайте слово

сие, телицы Васанские, которые на горе Самарийской, — вы, притесняющие бедных, угнетающие нищих, говорящие господам своим: „Подавай, и мы будем пить”». «Кто эти телицы?», — спрашивает он и отвечает: «Эти жирные телицы — блудницы Италии и Рима. Тысячи их можно насчитать в Риме, десять тысяч, сорок тысяч и то мало! В Риме этим ремеслом занимаются и мужчины и женщины». Страстно громя пороки и обличая лицемерие, он заметил: «Вы испорчены в конце в речах и в безмолвии, и бездействиях и в бездеятельности, в вере и в безверии», — и главным образом напал на внешний блеск, на церемонии, на тщеславие церкви, лишенной истинной религиозности. «Почему, — говорит он, — когда я прошу десять дукатов на бедных — ты не даешь, когда же я прошу сто дукатов на часовню Сан Марко — ты даешь? Потому, что в этой часовне ты желаешь повесить свой герб». Опять он пророчил Италии гибель, если не обновится церковь, не обновятся люди. В последних проповедях этого времени, когда происходили выборы в большой совет, он снова коснулся политики, призывал народ поддерживать «большой совет» и остерегаться возвращения Петра Медичи. Обращаясь почти каждый раз между прочим к детям в проповедях этого времени, Савонарола в вербное воскресенье устроил особую процессию детей, которую должны были открыть «Monte di Pietà». Держа в руках распятие, он обратился на площади к народу со словами:

— Флоренция, вот царь вселенной, он хочет быть и твоим царем! Желает ли ты иметь его?

— Да! — грянули тысячи голосов потрясенных до слез граждан.

Затем дети в белом одеянии в торжественной процессии пошли по церквям, распевая гимны и собирая милостыню, которая и была ими вручена избранным начальникам «Monte di Pietà».

Заканчивая проповеди великого поста, Савонарола пророчески заметил, что концом его деятельности будет: в общем победа, в частности гибель. Предвидеть гибель было нетрудно: с одной стороны, тысячи народа носили, так сказать, на руках своего проповедника, ловили каждое его слово, его проповеди переводились на иностранные языки, их перевели даже на турецкий язык для султана, а с другой — папа, итальянские князья, властолюбцы Флоренции считали себя лично задетыми и обиженными этим монахом, меч-

тавшим и писавшим во времена бессовестного отравителя Александра Борджиа и коварного Людовика Сфорца «о простоте христианской жизни».

Раздробленная на отдельные государства, каждое из которых старалось выработать свои особенности в форме правления и должно было в борьбе за свое существование зорко следить главным образом за политикой, Италия сделалась колыбелью, с одной стороны, политических деятелей, и с другой — законодателей по преимуществу. Политика итальянцев была не безупречна. «Итальянцы, — говорит Мабли, — ослепленные своими ненавистями и своим честолюбием, всегда льстили себя надеждою поправить эти непоправимые недостатки высшею ловкостью своего образа действий и, злоупотребляя хитростью и тонкостями, были приведены к тому, что пускали в дело при своих политических сношениях только мошенничество и коварство». Но, соглашаясь вполне с этим мнением, нельзя не признать, что своеобразная жизнь итальянских государств способствовала выработке выдающихся законодателей и Италия сделалась родиной Макиавеллей, Мазарини, Беккарий, Наполеонов, и даже в последнее время из нее же идут новые веяния, например, в области воззрений на уголовное право в лице Ломброзо, Ферри и других деятелей. Савонарола был тоже из тех умов, которые ясно видели хорошие и дурные стороны того или другого законодательного и политического строя. Под его влиянием быстро создалось новое устройство республики, создался новый законодательный кодекс. Но как бы ни была удачна форма правления страной, эта форма не может спасти страну в известные минуты от чисто стихийных бедствий и оградить ее в борьбе с коалицией более сильных внешних врагов. История доказывает это массой примеров, и таким примером была флорентийская республика.

Волнения последних лет, застой в торговле и промышленности, уплата денег французского короля, война с отстаивавшими приобретенную независимость пизанцами — все это потрясло финансы Флоренции, все это потрясло и частные богатства, так как республика требовала денег и денег. Началась дороговизна, бескормица, из деревень прибывали в город умирающие от голода люди, сказывались и последствия голода — заразные болезни, чума. Рядом с этим шли интриги Людовика Сфорцы, воровавшего делами итальянской лиги, к которой

не примыкала Флоренция, как союзница Франции. Людовик Сфорца для подкрепления лиги не нашел ничего лучшего, как призвать из-за Альп другого чужеземца — немецкого императора Максимилиана, который и должен был получить железную корону, обновить авторитет римского государства, помочь пизанцам. Папа, также домогавшийся гибели демократической республики, понял очень хорошо, что стоит отнять у республики ее проповедника — и она окончательно падет духом. Он снова издал приказание, чтобы Савонарола не проповедовал. По этому поводу возникла переписка Савонаролы с Римом, не приведшая ни к каким результатам. Голодающий город, где ежедневно умирали люди на улицах, приходил в отчаяние. «Беснующиеся» ликовали, говоря:

— Теперь никто не будет сомневаться в том, что Джироламо обманул нас. Вот оно, обещанное Флоренции счастье!

Сеньория со своей стороны устраивала крестные ходы с чудотворным образом Мадонны дель Импрунета и неотступно настаивала, чтобы Савонарола исполнил свой долг относительно отчины — вошел бы на кафедру. Джироламо силою обстоятельств снова был поставлен между двух огней; для спасения Флоренции была нужна его проповедь, а проповедовать значило объявить войну Риму; любовь к республике победила, и 28 октября Савонарола снова явился на кафедру перед толпою голодного народа, жаждавшего поддержки, ободрения. Произошел необыкновенный случай: через два дня, когда все граждане шли за чудотворной иконой, в город прискакал гонец с известиями о прибытии в Ливорно из Марселя вспомогательного войска и провианта.

— Проповедь Джироламо снова спасла нас! — кричали люди, плача и обнимаясь от радости.

Все преувеличивали размеры в сущности ничтожной помощи, — преувеличивали не только во Флоренции, но и в самом Ливорно, где палили из пушек от радости и даже обратили в бегство перепугавшихся императорских солдат, одержав таким образом бескровную победу.

Стараясь еще более поднять дух народа, Савонарола учил теперь людей не дорожить жизнью. «Мы живем, братья, — говорил он, — чтобы научиться уменью хорошо умирать». Он сам ежеминутно ожидал смерти, так как его подстерегали враги, но тем не менее он не складывал

оружия. Заканчивая свои проповеди в этом году, он говорил горячо о борьбе партий, которые больше занимаются вопросом о нем, бедном монахе, чем о благе родины, и призывал всех думать и заботиться только о последнем, так как враги республики не дремлют. Действительно, враги республики не дремали, и папа нашел средство посеять раздоры и неурядицы среди монахов: он новым указом уничтожил самостоятельность монастыря Сан Марко, соединив все доминиканские монастыри Тосканы в одну конгрегацию, причем генеральный викарий, проживавший в Риме, по статуту доминиканцев должен был меняться каждые два года; новое постановление понижало значение монастыря Сан Марко и давало простор интригам враждовавших между собою доминиканских монастырей. Подрывали созданное Савонаролою здание не одни враги: вредили ему и друзья. Народный вождь, Катон Флоренции, пылкий и благородный Франческо Валори, в 1497 году сделался гонфалоньером, знаменосцем юстиции, и с преданной ему сеньорией, вопреки советам Савонаролы, несколько изменил закон о вступлении в члены «большого совета»: в члены этого совета могли вступать теперь люди не с тридцатилетнего возраста, а с двадцати четырех лет. Целью этого изменения было желание Валори привлечь в совет возможно больше граждан. Но Савонарола был дальновиднее Валори: он знал, как развращена флорентийская «золотая молодежь», как негодует она на прекращение пиров и карнавальных безобразий, как бесчинствует она, ходя с оружием в руках по улицам и слывя среди народа под именем «дурных приятелей». Эти «кампаньянци» ненавидели Савонаролу. Наряду с этой реформой большое влияние если не на ход внутреннего управления, то на взаимные соотношения граждан имела предполагавшаяся реформа денежных повинностей, которую хотела провести сеньория и которая до крайности обострила борьбу партий. Вопрос шел о «decima skalata» — «прогрессивном налоге», против которого восстали все богачи и за который ухватились все бедняки. Страстные споры об этом законе вызывали враждебные отношения партий и оставили известную горечь в сердцах, хотя сам закон и был отвергнут. Савонарола в это время удалился в свою келью, работал над своим «Триумфом Креста» и приготавливая к изданию свои мелкие сочинения, которые могли приобрести ему новых поклонников и сторонников в его борьбе с Ри-

мом. Духовными делами правил за него Доменик, его другой страстный приверженец, не всегда поступавший обдуманно.

Этот удобный момент «беснующиеся» избрали для нанесения Савонароле первого тяжелого удара, задумав восстановить карнавал в его прежнем виде. Доменик загорячился, собрал детей, и они стали стучать в двери богачей, прося или требуя от них в пользу бедных маскарадные костюмы, маски, безнравственные произведения искусства и т. д. Все эти вещи должны были послужить предметом для особого праздника, придуманного Домеником и Савонаролой: на большой площади была воздвигнута пирамида из всех этих «позорных анафем», в число которых попало, между прочим, несколько экземпляров «Декамерона» и циничных сочинений того времени, которыми зачитывались монахини и монахи; на вершине пирамиды помещалась аллегорическая фигура карнавала; пирамиду окружали пришедшие в торжественной процессии флорентийцы и поместившиеся на возвышении дети; под звуки духовных гимнов и сатирических песен против карнавала пирамида зажглась, и пламя истребило все то, что Савонарола считал бесстыдным, безнравственным и вредным. Таким развлечением была на этот раз заменена игра в камни, заканчивавшая обыкновенно карнавалы. Враги, конечно, начали кричать, что сожжены были чуть ли не целые издания «Декамерона», а в позднейшее время некоторые писатели готовы были утверждать, что сжигались знаменитые картины и чуть ли не мраморные статуи. Преувеличения коснулись и детей: рассказывали, что они преследовали взрослых издевательствами, силой отнимали «суежности», сделались домашними шпионами и т. д. Савонарола принял сделанный ему Римом вызов, и его великолепная проповедь загремела против этого города. Прежде всего он коснулся светских владений церкви. Не отрицая прав церкви владеть имуществом, чтобы не явиться прямо еретиком, он смело высказал, что богатство испортило церковь, что она должна отказаться от него, как отказываются мореходцы от своих сокровищ во время бури, бросая все в море. Без боязни высказал он теперь весь свой ужас перед распутством Рима и свою готовность встать во главе движения, направленного для преобразования и улучшения церкви. «Они, — говорил он про духовных лиц Рима, — не спасают никого, но скорее убивают души людей своим

дурным примером. Они удалились от Бога; их культ — проводить ночи в разврате и весь день сидеть на хорах и болтать. Алтарь стал для духовенства лавочкой». Говоря это, проповедник не скрывал ни перед кем того, что ждет его за смелость, и в последней проповеди сказал: «Если бы я хотел поддаться лживым речам, я не был бы теперь во Флоренции, не носил бы разодранной рясы и сумел нести свой крест; даруй мне, чтобы они меня преследовали. Я молю Тебя об одной милости, чтобы Ты не попустил меня умереть на моем ложе, но дал бы мне пролить за Тебя мою кровь, как Ты пролил за меня свою». Не скрывая от народа близости борьбы, Савонарола горячо надеялся в то же время на близкое созвание собора, который низложит папу. Однако для Флоренции в данную минуту страшнее папы и всех подобных врагов было ее материальное положение: дороговизна, безработица, голод, большое число больных, среди которых попадались все чаще жертвы чумы, росли с каждым днем, и «серые», сторонники Медичи, поняли, что наступило удобное время для интриг. Им удалось в новой сеньории избрать в «гонфалоньеры» на март и апрель Бернардо дель Неро, влиятельного сторонника Медичи, о чем тотчас же сообщили в Рим, а из Рима ко всем властям Италии полетели просьбы Петра Медичи о денежной помощи. Во Флоренцию прилетела даже первая ласточка, долженствовавшая возвестить о наступлении нового времени — времени возвращения Медичисов. Это был Дженнациано, проживавший в последнее время в Риме, где жил и Петр Медичи со своим братом кардиналом, пьянствуя и развратничая по целым дням, запутавшись в долгах до того, что про него говорили: «ему каждый флорин (пять лир) обходится в восемь лир», — и в то же время составляя длинные списки тех лиц, которые будут лишены имущества, изгнаны из родного города и казнены, когда они, оба Медичи, вернутся во Флоренцию. Узнав об избрании гонфалоньером Бернардо дель Неро, Петр Медичи решил завладеть Флоренцией. Его отговаривали делать преждевременные попытки. Но Петр Медичи был не из тех людей, который слушает умных советов. Гордый в свою мать, урожденную Орсини, он был глуп, так что его отец говорил про него: «У меня три сына: один добрый (Джульяно), другой умный (Джованни, потом Лев X) и третий дурак (Петр)». Этот-то «дурак» собрал теперь наскоро тысячу триста солдат и быстро двинулся к Флоренции, ожи-

дая почему-то, что она сейчас примет его с открытыми объятиями. Флорентийцев известил о походе Петра Медичи случайно увидавший войска крестьянин, и флорентийцы успели закрыть ворота и выставить на стену пушки. Петр подошел к городу, но, увидав запертые ворота и пушки, бежал снова, охваченный обычной трусостью. Смущенные этим происшествием, «серые» опустили головы, но зато «беснующиеся» начали агитировать еще сильнее прежнего, так как на этот раз в сеньории почти все члены были из их партии. Видя «серых» и без того униженными, они опрокинулись всей своей силой на Савонаролу и народную партию, завербовав себе в помощники пьяных и развратных «кампаньянци». Эта бесшабашная «золотая молодежь» всегда готова была резать и грабить, не имея ни совести, ни чести, ни идеалов. Она задумала даже взорвать проповедника прямо на кафедре в церкви и только смутилась, вспомнив, что народ за это может разорвать их самих на куски. Страшило не само преступление, а наказание за него. Решение было или убить Савонаролу на улице, или опозорить его во время проповеди в день Вознесения, намазав нечистотами кафедру, воткнув гвоздь в те места, куда он клал руки.

На дружеские советы отказаться от проповеди в этот день Савонарола горячо ответил:

— Из страха перед людьми я не могу оставить народ без проповеди в тот день, когда Господь повелел своим ученикам возвестить миру его учение!

Роковой день настал. Кафедру рано утром вычистили приверженцы Савонаролы до его прибытия в храм. Он пришел в церковь, окруженный тесной толпой друзей, миновав толпу нарядной «золотой молодежи», нагло смотревшей на него. Он начал проповедь о значении веры, обратился к добрым об ожидающих их страданиях, перешел к злым, которые не знают, что творят, и прибавил:

— Я замолчал бы только тогда, когда моя проповедь могла бы принести вред или если бы я боялся произвести ею беспорядки.

Вдруг раздался треск сваленной на пол железной кружки, грянул барабанный бой, начался грохот скамьями и наполовину выломанные двери храма распахнулись настежь. Все бросились бежать, кто куда попало; какие-то за-

щитники Савонаролы добыли оружие; их испугались еще более, считая за «золотую молодежь», пришедшую резать кого попало.

— А, злые не хотят прощения! — крикнул Савонарола, стараясь заглушить шум. — Подождите же, успокойтесь!..

Никто не слушал. Он поднял распятие и крикнул:

— Надеемся на Него и ничего не бойтесь!

Голос затерялся среди смятения. Тогда Савонарола склонил колени и стал молиться... Нескоро могли его вывести обратно в монастырь Сан Марко, где он и закончил среди кружка монахов свою проповедь, прерванную ловко устроенным бесчинством «кампаньянци».

«Беснующиеся» торжествовали: оставив бесчинствующую молодежь без наказания, они предали пыткам некоторых из народников, издали запрещения монахам проповедовать и стали обсуждать вопрос об изгнании из города Савонаролы во имя народного спокойствия; они не сделали этого, так как со дня на день ожидали папского отлучения Савонаролы от церкви. Дженнацано, опять бежавший в Рим, торопил отлучить от церкви «губителя флорентийского народа» и «орудие дьявола». Тщетно попробовал Савонарола письменно образумить папу, доказать свою правоту, — отлучение было подписано 12 мая. Оно было написано осторожно, в виде письма, и обращено не прямо к народу, а к монахам монастыря Сантиссима Аннунциата. От монахов оно перешло во Флоренцию и после долгих колебаний было вывешено в главных церквях разных кварталов города. Что-то нерешительное и трусливое было в этом отлучении: учение Савонаролы называл папа «подозрительным» и оговаривался, что проповеди кажутся ему такими, «насколько он слышал о них». С этого дня в истории Савонаролы начинается новый период. Он открыто выступает против папства, явно порывая связи с церковной иерархией. 19 июня появилось его первое послание против отлучения, где он признавал «отлучение недействительным перед Богом и людьми, так как оно составлено на основаниях и обвинениях, измышленных его врагами». Во втором послании против отлучения он прямо говорит, что «было бы ослиным терпением, заячьей трусостью и глупостью подчиняться всякому и каждому осуждению». Тем не менее 22 июня все флорентийское духовенство и францисканские монахи

собрались в собор, зазвонили в колокола, при красноватом свете четырех факелов прочли отлучение, затем погасили все огни, и церковь охватили тьма и гробовая тишина.

ГЛАВА VI

Перемена в настроении во Флоренции.— Заговор Петра Медичи.— Протест Савонаролы против отлучения.— Возбуждение против Савонаролы.— Его отношение к враждебным проидам.— Намерение созвать собор.— Перехваченное письмо к Карлу VIII.— Предложение огненной пробы.— Осада и взятие Сан Марко.— Плен Савонаролы.

Флоренция сразу сделалась неузнаваемой. Члены сенъории состояли в это время почти сплошь из «беснующихся», и потому они допустили «золотую молодежь» бесчинствовать, сколько ей угодно. Город наводнился сразу пасквилями, грязными песнями, бесстыдными сатирами против доминиканцев и Савонаролы. Пьяные кутилы и падшие женщины как бы решились вознаградить себя за долгое время воздержания, и город казался сплошным вертепом. Но через месяц сенъория, избранная на июль и август, явилась сторонницей Савонаролы, и в Рим отправилась просьба об отмене отлучения. Флорентийский посланник в Риме усердно искал покровителей для Савонаролы и не без успеха, хотя среди людей, готовых хлопотать за Савонаролу, были и такие, которые прямо требовали крупных взяток, так как в Риме за деньги добывалось все. В это время произошло происшествие, смутившее на минуту самого Александра Борджиа: герцог Кандия, старший сын папы, убил и бросил в Тибр своего брата, кардинала Валенции, приревновав к нему свою сестру, знаменитую Лукрецию Борджиа. Потрясенный папа заперся в своем дворце, приказал кардиналам серьезнее взглянуть на церковные дела и, казалось, готов был начать новую жизнь. Савонарола, веривший в возможность перерождения людей, написал трогательное письмо к папе, утешая его и говоря о покаянии. Рядом с этим письмом отправились в Рим еще два послания, защищавшие Савонаролу и подписан-

ные — одно 250 доминиканцами, другое — 363 гражданами. Просили отмены отлучения уже ради того, что Савонарола был необходим как поддержка во время господствовавшей в городе чумы. Чума заглянула и в монастырь Сан Марко, откуда Савонароле предлагали удалиться за город; он воспользовался этим предложением богатых граждан, но не для себя, а для молодых послушников, в числе которых был и его брат Аврелий; удалив их, он мог удобнее разместить монахов и избавить монастырь от скученности народа. Практическая распорядительность не покидала его никогда. Сам он, хотя и был обречен на бездействие, однако был бодр, утешал ближних и даже издал «Медицинский трактат о чуме», в котором говорил, как следует поступать, чтобы сохранить в порядке и спокойствии душу и тело, и советовал быть умеренным в пище и питье, не терять бодрости и веселости, самоотверженно служить больным, даже если это враги. Чума, страшно встревожившая город, прошла, однако, скорее, чем можно было ожидать. Но прошла она — явилась новая тревога — открылся заговор Петра Медичи против республики, в которой были замешаны очень видные люди и, между прочим, старик Бернардо дель Неро. Виновных привлекли к суду «восьми», которые заведовали политическими и уголовными судебными делами и менялись каждые четыре месяца, и эти судьи испугались исполнить свои обязанности и навлечь на себя в будущем мщение родни подсудимых. Начался запутанный процесс, который выказал трусость многих перед сторонниками Медичисов, и кончилось дело казнью и конфискацией имущества пяти человек. Затем начались снова распутства и наглые выходки «золотой молодежи» и женщин легкого поведения. А Савонарола все сидел в своей келье, писал новые сочинения, издал «Триумф Креста», замечательное изложение значения христианской веры, но тем не менее не мог проповедовать, хотя его проповедь была нужна и друзья настаивали на ее необходимости. Настало Рождество. Савонарола решился отслужить обедню, причастил монахов и толпу сошедших к нему граждан, сказал перед церковью торжественную речь собравшимся. Это было начало активного протеста против отлучения. Друзья известили Савонаролу, что с разрешения сеньории в соборе опять устроены сиденья и ступени около окон, т. е. все готово для новой проповеди любимого проповедника. Он дал обещание выйти на кафедру в воскресенье 11 февраля

1498 года. Тщетно пробовал флорентийский архиепископ Леонард Медичи протестовать против этого: сеньория объявила ему, что в случае его сопротивления его немедленно лишат сана и признают мятежником. Смелый шаг протеста против Рима был сделан, и Савонарола заговорил снова, на этот раз об отлучении, об авторитете папы, о свободе совести и праве не подчиняться неправильным распоряжениям. Он прямо высказал, что его преследуют не ради религии, а ради того, что хотят уничтожить республику и снова вернуть в страну тирана. Они ненавидят и его, Савонаролу, не за противоречия догматам религии, а за то, что он обличает порочное духовенство. «Ты был в Риме, — восклицал он, — и знаешь жизнь этих священнослужителей. Скажи же мне, кажутся ли они носителями церкви или светскими людьми? У них придворные, оруженосцы, лошади и собаки; их дома полны тканых обоев, шелковых тканей, ароматных курений и слуг: похоже ли все это на церковь Божию? Их высокомерие наполняет весь свет, и не меньше того их алчность. Все делается за деньги; их колокола звонят для их корысти; они кричат толпе о добыче денег, хлеба и свечей. Для вечереи и молебнов они становятся в хор, надеясь что-нибудь заработать, а на заутрени их не увидишь, так как тут ничего не добудешь. Они продают места, продают таинства, продают обряд крещения, продают все. И еще толкуют об отлучении!». Горячо протестуя в последней своей проповеди перед карнавалом против отлучения, Савонарола доказывал, что он стоит за безупречную жизнь, за добродетели, что отлучение, запрещающее ему делать доброе дело, исходит от дьявола. «И какое отлучение может заставить нас бездействовать, когда дело идет о спасении людей? Этот долг выше всяких отлучений, от кого бы они ни исходили. Если бы стали починяться несправедливым решениям, то какой-нибудь дурной папа мог бы погубить всю церковь и ему все-таки пришлось бы подчиняться? Впрочем, нужно сказать, что такие отлучения в наши дни дешевый товар. За четыре лиры можно отлучить кого угодно; потому отлучения и не стоят ничего». После этой проповеди Савонарола заявил, что в последний день карнавала он будет служить обедню и благословит народ на площади Сан Марко. «И пусть каждый молится в это время, — страстно сказал он, — чтобы Господь ниспослал на меня свой пламень и низверг бы меня в ад, если моя проповедь исходит не от Него». Этот последний день

карнавала прошел торжественно: Савонарола причастил и благословил народ, по городу собирали на бедных, на площади второй раз происходило сожжение суетных вещей, но разнузданная «золотая молодежь» на этот раз то тут, то там оскорбляла «плакальщиков», т. е. партию Савонаролы, и производила скандалы. Вообще каждый, даже недалеко-видный наблюдатель мог теперь заметить, что страшная буря близка и что дело идет уже не о какой-нибудь одной флорентийской республике, а о папстве, о католической церкви. По Италии, по Франции, по Германии разносились брошюры, говорившие о проповедях Савонаролы, везде видели в нем великого поборника обновления церкви. В вечном городе прелаты, кардиналы и сам папа были в ярости на монаха, осмелившегося видеть высший авторитет только в Боге и в своей совести; флорентийского посла осуждали недовольные Флоренцией и сеньорией люди, а в августинской церкви перед избранной публикой и князьями церкви Дженнаццано кричал как бесноватый против Савонаролы, раздражив, впрочем, слушателей своей бессодержательной руганью. Кардиналы из более дальновидных итальянцев подсказали наконец папе, что медлить нельзя, что в церкви готовится раскол и что стоит только во главе противников встать влиятельному лицу, чтобы дело стало опасным.

Побуждаемый этими советами, опасаясь за собственное благосостояние, папа Александр VI приступил к более решительным мерам и обратился к флорентийской сеньории с выражением неудовольствия за ее поведение и требуя отправки Савонаролы в Рим или заключения его в тюрьму и отлучения от церкви всех, кто будет говорить с ним или слушать его. Хотя сеньория, выбранная на март и апрель, была враждебна Савонароле и находилась под председательством родственника Петра Медичи, тоже Петра Медичи, переменившего только после революции 1494 года свою фамилию на Пополаски и оставшегося тем же волком и в этой лисьей шкуре, тем не менее сама сеньория не решилась изречь своего приговора над Савонаролой, боясь народа, и созвала особое собрание для обсуждения разных безотложных дел, а в том числе и вопроса о Савонароле. На собрании выяснилось, что дела республики плохи до последней степени: расходы превышали доходы, кругом были враги, борьба становилась почти невыносимой. Но как ни страшно было положение государства, а все же нельзя было исполнить требование па-

пы относительно Савонаролы, так как мог начаться народный мятеж. Папу известили об этом, уклончиво заметив, что «Савонарола опять удалился из собора в свой монастырь». Он и точно удалился в монастырь, где написал сочинение, специально посвященное светскому предмету, а именно: «О правлении и законодательстве города Флоренции».

Не ограничиваясь этим, Савонарола принялся в монастыре и за проповеди; так как церковь была невелика, то на проповедь допускались одни мужчины и только раз в неделю, по субботам, допускались женщины, так как и флорентинки громко требовали доступа к излюбленным проповедям. Проповеди теперь вращались около разъяснения вопроса о том, может ли папа заблуждаться? Ответ был утвердительный: «папа может заблуждаться, как человек вообще; может заблуждаться, как дурной человек, ненавидящий христианскую любовь; так, дурной папа Бонифаций VIII слушался голоса дьявола; он прошел в папы, как лисица, и умер, как пес». Впервые в этих проповедях Савонарола явно заговорил «о соборе», который должен избрать реформаторов для возобновления церкви. В Риме эти проповеди вызвали необыкновенное волнение, причем папа написал строгое послание к сеньории; и она опять собрала экстренное собрание, которое теперь волей-неволей решалось высказаться против проповеди Савонаролы. В этот день он сказал последнюю проповедь женщинам, а вечером получил извещение о запрещении проповедовать и на другой же день, 18 марта 1498 года, простился с народом. У великого проповедника оставалась одна надежда на созвание собора: он хотел призвать к ответу папу, показать его в настоящем свете развратника и убийцы, доказать, что он достиг престола подкупом, наконец, обличить его как еретика и безбожника.

— Настанет день, когда я воскликну: «Lazare veni foras!» — говорил он.

Этот день, казалось ему, теперь близок, и, всегда прямой и честный до наивности, Савонарола послал коротенькое извещение папе о том, что он более не надеется на него, а вступит с ним в борьбу при помощи Божией. Он считал нужным действовать открыто, даже с такими коварными лицами, как Александр Борджиа, воображая, что словом можно победить и яд, и кинжал. Собрание собора

казалось вполне осуществимым, так как на это соглашался Карл VIII, этого требовал кардинал Сан-Пьер из Винкулы, это же считали необходимым многие кардиналы для избежания раскола. Савонарола приготовил свое знаменитое «письмо к князьям», т. е. к французскому королю, к испанскому королю, к английскому королю, к германскому императору. Прежде всего он послал это письмо к Карлу VIII.

Что-то роковое было всегда в судьбе Савонаролы, как это ясно видно из всего рассказа о его жизни: не сам он выдвинулся в свет из монастырской кельи, где искал успокоения, где хотел быть чернорабочим; не сам он вмешался в политическую деятельность, превратившись из простого проповедника в человека, предписывающего законы; не сам он стремился продолжать свою проповедь в тяжелые минуты, когда его требовал на кафедру народ, а встревоженная смутой сеньория заставляла проповедовать для усмирения толпы. Это нечто роковое случилось и теперь: Людовик Сфорца, разбойничавший на больших дорогах, ограбил курьера, везшего среди других писем и письмо Савонаролы во Францию. Этот документ, свидетельствовавший о желании Савонаролы низвергнуть папу, был тотчас же доставлен Александру Борджиа. Судьба Савонаролы была решена разом, так как щадить его уже было невозможно.

Флорентийцы, казалось, вдруг потеряли головы и, охваченные паническим страхом, не знали, что делать: республике грозили и папа, и Сфорца, и вся лига итальянских князей, и все это, казалось, из-за одного монаха. От Савонаролы разом отшатнулись все, кроме немногих преданных ему лиц и его монахов. Все общество было охвачено стадным малодушием, никто не знал, что делать, и вдруг один монах из другого ордена предложил испытать справедливость учения Савонаролы при помощи огненной пробы: все разом вздохнули свободнее — сгорит Савонарола и конец; не сгорит — они все оправдаются перед папой! «Беснующиеся», сеньория, «серые», «золотая молодежь» были убеждены, что он сгорит: туда и дорога! Сторонники Савонаролы, «плакальщики», монахи были уверены, что он не сгорит; значит, их верования святы! Только несколько вполне трезвых людей в созданном сеньорией совете стыдили остальных: «Дело не в монахе или немонахе; не в беснующихся или небеснующихся, а в том, что отечество в опасности; надо думать не о том, как

погибнут те или другие люди, в огне, в воде, в земле или в воздухе, а о том, как спасти республику; наши предки опустили бы руки, если бы знали, что наше государство дойдет до такого позора и посмешища».

Этих благоразумных людей никто не хотел слушать. С таким же пренебрежением отнеслись и к самому Савонароле, которого даже не спросили, как он ответит на вызов францисканца: никто не сомневался в его согласии. Ближайший сподвижник Савонаролы, страстный Доменик, не колеблясь, от его имени, согласился на огненную пробу; другой монах Сильвестр утверждал, что он уже видел ангелов Джироламо и Доменика, и они сказали, что последний выйдет из огня живым. Савонарола глубоко верил в видения Сильвестра и еще более верил в правоту своего дела и потому не протестовал против решения Доменика, принявшего вызов францисканца. На 6 апреля была назначена огненная проба: однако уже 5 апреля вечером ее отложили на 7 число. В назначенный день с раннего утра вся Флоренция собралась на площадь, где были приготовлены подмости, на которых должны были гореть францисканец и доминиканец. Доменик явился с Савонаролой, причастился и стал молиться. Францисканец, струсивший теперь за себя, не являлся и о чем-то переговаривался во дворце с сеньорией, ожидавшей из Рима приказа отменить огненную пробу. Нетерпение толпы росло с каждой минутой, а францисканец все не выходил из дворца и начал переговоры о том, что красная одежда Доменика заколдована и ее надо снять. Савонарола ответил, что все условия огненной пробы были оговорены ранее и теперь спорить не о чем. Нетерпение проголодавшейся толпы лопалось, и было достаточно одного слова, одного вызова, чтобы поднялась свалка. Вызванная каким-то конюхом буря началась, и «беснующиеся», ожидавшие этой минуты, бросились на Савонаролу. Командовавший отрядом солдат Сальвиати бросился со своими людьми к Савонароле, успел окружить его и крикнул:

— Кто подойдет, тот попробует моего меча.

Мало-помалу толпа стихла вновь и стала опять ожидать. Францисканец по-прежнему не являлся. Внезапно разразившийся ливень, гром и молния не могли разогнать толпу, и когда они опять прекратились, из дворца сеньории явился посланец для объявления Доменику, что он должен оставить распятие, гореть с которым ему не позволят.

— Мне все равно,— сказал Доменик, оставляя крест.— Я принял святое причастие.

— Как, ты хочешь сжечь тело Христово?

Начался диспут, долгий, скучный, с цитатами. Тогда раздался приказ сеньории об отмене огненной пробы, так как ливень смочил горючие материалы.

— Это все проделки Савонаролы и Доменика! — распространяли в толпе их недруги.— Доминиканцы трусили! Савонарола вызвал волшебный дождь.

Толпа опять пришла в ярость, и было нелегко защитить Савонаролу, Доменика и их друзей, возвратившихся в монастырь Сан Марко, где весь этот день женщины молились о спасении Доменика. Наскоро рассказав им все пережитое за этот тяжелый день, Савонарола заперся, в отчаянии, в своей келье. Эта история была только прелюдией к концу страшной драмы: на следующий день вся Флоренция была в сильнейшем возбуждении: «беснующиеся» и «золотая молодежь» энергично вызывали «плакальщиков» на бой, последние упали духом и тоже толковали, что Доменик и Савонарола должны были идти в огонь и чудом доказать свою правоту. Буря надвигалась в течение всего дня, и после обеда на улицах начались первые стычки; в соборе, где собрался народ, «золотая молодежь» нападала на «плакальщиков», а через несколько минут раздался крик: «В Сан Марко! В Сан Марко!» Это был сигнал для осады монастыря. Доминиканцы были предупреждены о готовящемся на них нападении и запаслись оружием, шлемами и латами. Это было кстати, так как разъяренные противники Савонаролы действительно осадили монастырь, подожгли двери, перелезли через стены, и в переходах и галереях монастыря началась битва. Тщетно уговаривали Савонарола и Доменик молодых монахов, надевших на белоснежные рясы латы и шлемы, оставить оружие, тщетно хотел Савонарола отдаться прямо врагам. Монахи уже не слушались своего настоятеля. Описания этого дня полны страшными и трогательными сценами; борьба шла не на живот, а на смерть, и монахи проявляли чудеса храбрости; молодой немец по имени Генрих, живший в монастыре, один делает нападение на штурмующую монастырь толпу, захватывает ружье и стреляет метко и безостановочно, радостно крича при каждом выстреле: «*Salvem fac populum Tuum, Domine!*» Дальше толпа врывается на хоры, где молятся монахи; при виде врагов монахи вскочили и стали сражаться с осажда-

ющими — деревянными и железными распятиями и горящими восковыми свечами, как мечами; а молодой Джироламо Джини, член народной партии, жаждавший вступить в Доминиканский орден, защищает монастырь, идет навстречу смерти «за Иисуса Христа» и, смертельно раненный, доползает до Савонаролы, прося посвящения в монахи перед смертью. А за стенами монастыря враги настигают доблестного сторонника Савонаролы Франческо Валори, убивают его перед его домом, заодно с ним убивают и его жену, показавшуюся у окна, врываются в дом, ломают все, грабят и, срывая полог с постели, сами того не замечая, раздавливают ребенка Валори.

— Беги, беги, брат, — уговаривают приверженцы Савонаролу, зная, что он может спастись задними ходами.

Он на минуту колеблется, но в эту минуту раздается коварный вопрос вероломного монаха Малатесты:

— Разве пастырь не должен предать своей жизни за овец своих?

Глубоко пораженный этими словами, Савонарола обнял своего Иуду, обнял других монахов и отдался в руки слуг сеньории, которая уже давно требовала его выдачи.

Радостные вести полетели от сеньории в Рим, в Милан, в Париж, где роковым для Савонаролы образом уже не было для него защитника, так как Карл VIII умер накануне жалким образом, как жил, в дороге, в грязи, на гнилой соломе.

ГЛАВА VII

Следствие над Савонаролой. — пытки. — Казнь. — Обвинения против Савонаролы. — Общая оценка его деятельности.

Роль Савонаролы как общественного деятеля — церковного реформатора, учредителя, законодателя и негласного правителя целого государства была окончена. За днем 7 апреля 1498 г. наступает собственно личная история отдельного человека, полная ужасов и трагизма, но без выдающегося общественного значения. Над Савонаролой, Домеником и Сильвестром было назначено следствие, а чем было следствие в пятнадцатом веке, нетрудно себе представить. Савонаролу, испостившегося, хилого, нервного, подняли на дыбу и так быстро потом опустили веревку, что можно было сойти с ума от одной этой встряски; потом опять поднимали на дыбу и прижигали ему в это время подошвы горячими угольями; далее его пытали четырнадцать раз в один день. Продлив эти пытки в течение нескольких дней, ему дали передохнуть и после отдыха принялись опять за новые пытки, за которыми последовал еще отдых и еще пытки. Все это делалось с целью добыть «добровольные» признания. Иногда у несчастного мутился разум, иногда он восклицал: «Господи, Господи, Тебе предаю дух мой», или «Господи, Господи, довольно!». Но показания его пришлось все же подделывать и искажать, потому что он даже при всем желании не мог признать за собой еретических мнений в религии, греха в желании блага родной стране и только относительно пророческого дара он мог теперь поколебаться на минуту. В минуты пыток он подписывал все, что его заставляли подписывать, и после окончания пыток снова стоял твердо за свою правоту. Несмотря на пытки, несмотря на подложные показания, несмотря на оскорбления со стороны папских клеветников, Савонарола нашел еще силы написать три небольшие, но важ-

ные по своему католическому духу статьи в тюрьме: «На Тебя, Господи, уповаю», «Размышления о Miserere» и «Указания к христианской жизни», — написанные на переплете одной книги, по просьбе тюремного стража, благоговевшего перед Савонаролой, — он нашел силы по-прежнему удивлять людей своим достоинством и покорять сердца своей чистотой и мягкостью, так что даже все подлоги не могли вооружить против него его товарищей по тяжкому незаслуженному испытанию: Доменика и Сильвестра. Само собою понятно, что приговор суда не мог быть ничем иным, как приговором к убийству, носившему на юридическом языке название «смертной казни». «Преступники» должны были быть повешены, а потом сожжены. Целый ряд трогательных и глубоко запечатлевшихся в народной памяти сцен произошел в день казни, назначенной на 23 мая. Оскорбленный чернью, поруганный, шел Савонарола к тому месту, где возвышалась виселица в виде креста. Кто-то подошел к нему со словами утешения.

— В последний час, — ласково ответил Савонарола, — утешить может только Бог. — Господь столько страдал за нас! — заметил он на вопрос священника, добровольно ли он принимает мученическую смерть.

Перед Савонаролою шли воодушевленные Доменик и Сильвестр; первый, подходя к виселице, громким голосом пел: «Тебя, Бога, хвалим»; второй, вошедши на платформу и повиснув в воздухе, проговорил спокойно: «В Твои руки, Господи, предаю дух мой». Когда дошла очередь до Савонаролы, он бросил последний взгляд на толпу; она, когда-то нетерпеливо ожидавшая каждого слова из его уст, теперь нетерпеливо ждала с факелами в руках, скоро ли можно будет поджечь помост. Гробовая тишина воцарилась в толпе, когда палач надевал веревку на шею Савонаролы. Вдруг раздался голос:

— Пророк, пришло время: сотвори чудо!

Палач, чтобы доставить удовольствие толпе, начал играть, как куклой, висевшим телом Савонаролы, еще содрогавшимся в последних конвульсиях, и, крутя и качая его, чуть не полетел с помоста. Едва успел соскочить палач с подмостков, как к ним поднесены были факелы. Вдруг внезапный вихрь отнес далеко в сторону от трупов вспыхнувшее пламя.

— Чудо! Чудо! — раздались голоса, и множество людей трусливо отхлынули от помоста.

Но ветер улегся, и пламя охватило горячими языками тела мучеников. Народ снова прихлынул к помосту. В это время уже перегорела веревка, связывавшая руки Савонаролы; они медленно зашевелились, и правая рука слегка приподнялась, как бы благословляя народ...

Подводя итоги сказанному выше о жизни Савонаролы, остается еще заметить, что вместе с Савонаролой погибло и начатое им дело, погибло и созданное им государственное устройство. Павший Савонарола сделался предметом порицаний и брани. Его упрекали за то, что он дал «детям» власть и превратил их в каких-то шпионов, которые обличали, преследовали и обижали взрослых, нарушавших правила нравственной жизни. Обыкновенно забывали при этом, что «детьми» во Флоренции считались юноши до двадцатилетнего возраста и что эти дети до Савонаролы были разнузданны, назойливы и жестоки, забавляясь играми вроде уличных битв камнями, и обещали в будущем сделаться лихими «кампаньянци» — этим злом распутной Флоренции. Савонарола, организовав «детей», дал другое направление им и только желал выработать из них будущих граждан. Его упрекали за сожжение им будто бы предметов искусства и литературы. Нечего и говорить о том, что ни драгоценных картин, ни библиотек, ни мраморных статуй не могло быть сожжено в два карнавалых сожжения «суетностей». Но этого мало. Обвинители забывали, что Савонарола был величайшим поклонником искусства вообще. Он заставлял монахов Сан Марко употребить монастырские деньги на покупку библиотеки Медичи, чтобы всякий мог пользоваться этой библиотекой. Он постоянно был окружен известнейшими художниками того времени, хлопотал о том, чтобы юные послушники учились живописи. Одним из самых горячих его поклонников был Микеланджело, этот «гигант итальянского искусства», которого «дурак» Петр Медичи заставлял делать статуи из снега; Микеланджело постоянно слушал проповеди Савонаролы в юности и свято сохранил до старости воспоминания и о Савонароле, и о его политических идеях, которым великий художник был верен до смерти. Знаменитый Бартоломео не только развился под влиянием Савонаролы, но после смерти последнего на несколько лет даже бросил в отчаянии живопись. Савонарола не только сам занимался поэзией, но и высказывал свои воззрения на прекрасное, причем говорил, что прекрасным

может быть только то, что отличается не одною внешней формою, но и внутренним содержанием; прекрасное всегда нравственно, так как безнравственность не может быть прекрасна, как ложь и извращение здоровой человеческой натуры. Он проповедовал, что искусство должно служить Богу и свободе, т. е. правде и родине, а все бесцельное, безнравственное, извращающее человеческую натуру он не считал ни прекрасным, ни принадлежащим к предметам искусства и преследовал как суетности, как вредные вещи. Вообще долгое время Савонаролу представляли каким-то исключительно суровым и сухим аскетом. И точно, он вел сам в высшей степени аскетическую жизнь, был почти нищим; но трудно было бы представить более мягкого, более нежного, более сердечного человека. Мать, братья, старики, монахи, юные послушники, женщины и дети — все одинаково знали, как он умеет любить. Эта любовь сквозит в его интимной переписке и является почти женственной. Преследуя разврат, разгул, разнузданность, он никогда не проповедовал в сущности исключительно аскетизма, безбрачия, хотя и желал, чтобы брак был свят, как тесный союз любящих сердец. Но его дело проигралось, его республика пала. Где же кроются причины этого? Уже было сказано, каким роковым образом сложились враждебные для республики чисто внешние обстоятельства. Только чудом могло уцелеть юное государство, как бы ни было оно хорошо, в борьбе с папой, со Сфорцой, с лигой князей, ставших за своего собрата Медичи, с беснующеюся аристократией, с разнузданной золотой молодежью, с безденежьем, с голодом, с чумой. Было и еще одно обстоятельство, которое с самого начала говорило о том, что обновленной Флоренции трудно будет бороться с врагами, если она не изменит своей политики. Это обстоятельство — стремление Савонаролы бороться исключительно чистыми и безупречными средствами с политическими разбойниками и злодеями, для которых великодушный Савонарола требовал еще амнистии.

«Он погиб, потому что не смог или не сумел победить за-вистников», — сказал про него Микиавелли.

ТОРКВЕМАДА

(«ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ»)

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ ИНКВИЗИЦІИ
БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Барро.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1893.

*Инквизитор Петр Арбуз приговаривает семейство «еретиков» к
ожжению на костре (фрагмент картины Каульбаха).*

ВВЕДЕНИЕ

Апологи́ты инквизи́ции.— Веротерпимость первых веков христианства.— Начало гонений и первые законы против еретиков.— Августин и его проповеди нетерпимости.— Возвышение папства и крестовые походы как причина зарождения инквизиции.— Лангедок и графы тулузские.— Альбигойцы-катары и альбигойцы-вальденсы.— Происхождение катаризма.— Учение Манеса.— Появление манихеев в Европе.— Богумилы.— Движение их на запад.— Догма катаров и вальденсов.— Первые сожжения еретиков.— Тревога в Риме.— Третий Латеранский собор.— Постановления собора.— Первый поход против альбигойцев.— Неудача предприятия.— Веронский собор.— Новые меры против ереси.— Иннокентий III.— Новая политика Рима.— Легаты и миссионеры.— Св. Доминик — Разрешительные грамоты Доминика.— Петр Кастельно.— Отлучение Раймонда VI.— Убийство Кастельно.— Перемена римской политики.— Четвертый Латеранский собор.— Падение Лангедока.— Тулузский собор.— Первая инквизиция.— Фридрих II слуга нетерпимости.— Меры папы Григория IX.— Доминиканцы-инквизиторы.

Редкий посетитель обращает внимание на картину Хуанеца в зале испанской живописи петербургского Эрмитажа. Бледны и не кидаются в глаза ее краски, не замысловат и не грандиозен ее сюжет. Это — скорее икона, нежели картина. Чуть очерченный на ней клочок земли безжизнен и сух. Художник как бы нарочно удалил из своей картины все, что говорит о земном, о суетном, все, что может отвлечь внимание зрителя от главного центра картины. Этот центр — католический монах. На плечах его черная мантия поверх белой сутаны. Лицо монаха строго. Многочисленные морщины глубокими складками легли около углов его рта, бесстрастно смотрят не то серые, не то голубые глаза. «Суета сует и всяческая суета», как будто хочет ска-

зять их обладатель... Левая рука его с какою-то книгой в красном переплете опущена по стану, правая поднята и указывает на извивающийся над головою свиток. На нем латинская надпись: *Timete Deum et date ille honorem, quia veniet hora judicii ejus.* (Бойтесь Бога и воздавайте хвалу ему, ибо приближается час суда его). Этот монах — св. Доминик, латинская надпись — девиз инквизиции.

Верный католик, художник не побоялся запятнать память святого, связав его имя с страшным судилищем инквизиции. Хуанец жил в XVI веке, а это время было временем пышного расцвета сурового трибунала и почти беспрепятственного его тожества. Им восторгались, как лучшим хранителем веры, одни — в простодушии верующих без рассуждения, другие — как орудием порабощения масс, и лишь немногие поднимали свой голос против жестокости «святой инквизиции» — не первый и не последний случай голоса, вопиющего в пустыне... Мало-помалу сложилась легенда, что основатель доминиканского ордена был в то же время первым слугою нетерпимости, и сам папа, канонизируя подвижника, указал на его заслуги как инквизитора. Более восторженные поклонники инквизиции шли еще дальше. Парамо, автор сочинения «О происхождении и развитии инквизиции», торжественно объявлял, что сам Иегова был первым инквизитором, а первым инквизиционным процессом — суд над Адамом и Евой после их грехопадения. Теперь эта легенда потускнела, скрылись и оробели ее прямые наследники. Теперь католические богословы употребляют все усилия, чтобы снять не только с Доминика, но и с римских первосвященников роль покровителей инквизиции, а всем известные жестокости трибунала объяснить влиянием времени, светских законодательств и прочим.

Беспристрастная история не может, однако, поддерживать ни этих усилий, ни этих оправданий. Первые века после Р. Х. ни в каком случае не могут быть названы веками гуманности, а между тем в эту пору христианство было совершенно чуждо насилию в делах веры. Первые христианские епископы, следуя завету Учителя и апостолов, увещевали, а не карали, а между тем в то время ереси почти непрерывно сменяли одна другую и, несомненно, были опаснее в эту именно эпоху, когда не окрепло еще здание церкви Христовой. «Христианам не дозволено, — говорил Иоанн Златоуст, — уничтожать заблуждения силою,

они могут вести людей к спасению единственно убеждением, разумом и любовью...» Недолго раздавались подобные речи. Когда-то теснимые язычниками, христиане сами скоро сделались притеснителями. Водворившись на развалинах древнего мира, они не отказались от уцелевшего среди этих развалин жалкого наследия, и это наследие была нетерпимость. «Всегда и везде почитай богов по обычаю отцовскому, — учил Меценат императора Августа, — и других принуждай почитать их. Приверженцев новизны преследуй всякими наказаниями, ибо отсюда происходят заговоры, тайные общества и политические секты. Все это вредно для государственного единства...» Эту программу не замедлили усвоить себе и христиане. Один только момент при императоре Константине они и язычники могли свободно исповедовать свою религию, но в 341 году язычество уже считалось преступлением и его приверженцев поражали мечом. После язычников наступила очередь еретиков.

Удар был нанесен манихеям, все ближе и ближе надвигавшимся к западу от их родины, далекого востока. Смерть грозила закоренелым адептам этого учения, смертью грозят им и последующие законы, но уже охватывая другие виды религиозных кривотолков. В 383 году впервые произносится законодателем, императором Феодосием, роковое слово «инквизиторы» и вместе с тем образуется зародыш будущего знаменитого трибунала, суд, куда входили членами инквизиторы и где судили по тайным показаниям доносчиков. К V веку еретики подавлены целым рядом законов — пятнадцатью императора Феодосия, двенадцатью Аркадия, восемнадцатью Гонория и десятью Феодосия II. Дальше идти в мерах строгости, казалось, было уже некуда, потому что император Валентиниан III издал только три закона против еретиков. Главным объектом этих законов были все те же манихеи. Их имущество конфисковалось, у них отнималось право наследовать, торговать и заключать договоры; как государственные преступники, они подлежали смертной казни. Других еретиков сперва увещевали и, в случае успеха увещевания, облагали лишь церковным покаянием. Иначе — грозили огромными штрафами, конфискацией, наказанием плетью, ссылкой на пустынные острова и только в особо тяжких случаях смертной казнью по усмотрению местных властей.

Обыкновенно все эти меры возникали вследствие ходатайства епископов, взывавших к правительству о защите дела церкви. Но живо было еще предание о мерах кротости с заблудившимися в первые века христианства, и когда усердие преследователей осуждало на смертную казнь то того, то другого еретика, епископы забывали о своих званиях к власти и спешили умиловить ими же призванную карающую руку. Но дело нетерпимости, раз начатое, должно было все расширяться и расширяться. Церковь постепенно теряла древнюю добродетель и потому ревниво наблюдала за всякой попыткой критики, быстро принимавшей в глазах духовенства характер ереси и раскола... Приблизилось наконец время, когда преследование иноверующих сделалось требованием религии. Этот решительный поворот на новую дорогу был совершен св. Августином.

До 32 лет Августин сам был последователем манихейства, но после оставил это учение. Он признавал также вначале свободу совести, но и от этого отказался. Он пришел к заключению, что этот путь не спасителен, что не все способны воспринимать слово убеждения и потому необходимо иногда прибегать к воздействию страхом и наказанием. Августин опирался на пример самого Бога: Он страданиями воспитывает людей, и на пример родителей: они наказывают своих детей. Любовь, говорил он, нередко действует строгостью, и удары друзей бывают полезнее, нежели ластивые поцелуи врагов. Принуждение является спасительным лекарством, не применять его — значит воздавать злом за зло. Если мы видим, говорил он еще, врага, бегущего к пропасти в припадке безумия, не следует ли скорее удержать его силою, нежели допустить упасть и погибнуть?.. Таким образом, по мнению Августина, неоспоримого авторитета в глазах католиков, нетерпимость являлась актом человеколюбия, спасением погибавшего. Нелишне отметить, что обратное мнение в эту пору было уже достоянием еретиков: за свободу совести стояли в эту пору донатисты, с которыми неусыпно боролся Августин. Он находил при этом опору даже в Евангелии, в известной притче о пире, куда было много званых, но мало избранных (Ев. от Луки, гл. XIV, ст. 16—23). Как известно, званые гости не пришли, отговариваясь мирскими делами, и хозяин поручил своему рабу собрать гостей по дорогам и перекресткам. *«И убеди внити»*, — сказал он слуге. Но эти

слова в латинской вульгате были переведены словами *compelle intrare* — *понудь их войти*, и на них опирался Августин, проповедуя меры строгости и наказания. После него уже не оспаривали этого, но принимали как непреложную истину, хотя, несомненно, она была лишь повторением совета язычника Мецената — «и понуждай других»...

Тем не менее до XIII века борьба с ересями имела характер временный, периодический. Она возгоралась, когда духовенство приобретало влияние в правящих сферах, и потом затихала с потерей этого влияния. Часто противоречившие друг другу интересы светской и духовной власти лишали эту борьбу необходимых средств для наказания ослушников церкви: еретик в одном государстве, бывал обласкан в другом, и обратно. Возвышение папства постепенно устранило возможность подобного убежища. Когда римские первосвященники стали отнимать и раздавать короны, для них ничего не стоило уже «понудить» правительства преследовать их подданных-еретиков. Таково было папство после Григория VII. Но и тогда все зависело еще от характера римского первосвященника. Делу будущего предстояло создать нечто независимое от личности. Это нечто была инквизиция... Приближалось время ее рождения. Крестовые походы против неверных Востока, на защиту Гроба Господня, мало-помалу укоренили в умах понятие о богоугодности преследований врагов религии. Массы были назлектризованы. Повсюду быстро возникали монастыри с суровыми уставами, носились слухи о скором наступлении Страшного суда. Мысль о спасении витала в восторженных умах, мысль о подвиге во славу религии, во исцеление души и тела. Оставалось только указать арену для этих подвигов, и за этим дело не стало. С высоты папского престола уже наметили для них новую область, и скоро полилась кровь верных и неверных, на этот раз уже на Западе.

Сейчас от правого берега Роны и дальше на запад, в нынешнем Лангедоке, в XIII столетии лежали владения графа тулузского Раймонда VI. Под благодатным небом юга здесь процветало едва ли не единственное в то время царство веротерпимости и свободы. Богатые города с Тулузой во главе, сильные своим самоуправлением — наследием когда-то царивших здесь римлян, представляли странное для того времени смешение личностей различных

вероисповеданий, правоверных католиков с признанными врагами католической церкви. И никто не возмущался здесь отсутствием господствующего культа, все считались равноправными гражданами и одинаково покровительствовались законом. Рядом с строгими сектантами здесь проживали, переходя из города в город, от замка к замку, знаменитые трубадуры, воспевающие любовь, красавиц и покровителей свободы. Веротерпимость и поэзия, как два добрых гения, царили в этой стране, вместе с благодатными лучами солнца, поселяя везде мир и довольство. И не одна пара завистливых глаз соседних владетельных баронов жадно устремлялась к богатым городам Лангедока, а по ту сторону Роны, у престола и на престоле римских первосвященников, давно закипала ненависть к этому гнезду ересиархов.

Там не могли простить, что среди подданных графа тулузского спокойно проживали еретики, альбигойцы, как называли их общим именем от города Альби в провинции Альбижуа, на самом деле распадавшиеся на два самостоятельных толка — катаров и вальденсов... На юге Франции ересь катаризма возникла не самобытно. Она пришла сюда с Востока после долгих попутных остановок и метаморфоз. Исходный пункт ее — учение Зороастра, развитое и дополненное его учеником Манесом. Манес был родом из Индии. Год его рождения в начале III века, школа его ума — персидские маги, александрийские неоплатоники и гностики, догма евреев и христиан. Поэт, мистик и философ, он не удовлетворился ни одною из существовавших религий и взял на себя миссию основания новой. Приемы этого основателя религии напоминают приемы Магомета. Он заимствует и примиряет учения своих предшественников, из разнородных чужих основ создает новую, свою собственную. От Зороастра он сохранил главное — дуалистическое воззрение на мир и природу человека, как сочетание добра и зла. Из Индии он вынес пантеизм — одухотворение всего сущего, от христиан — величественный образ Исккупителя. Священные книги евреев Манес отверг. Их идеи о Божестве казались ему нечистыми, ложными и даже оскорбительными для Божества, их мораль — недостаточно совершенною и несогласною с святостью Бога. Они не содержат в себе, говорил он, ничего о вечной жизни, а временные обещания их, например умножение потомства, могут действовать лишь на низменную сторону человека.

Манес отрицал также пророчества о Спасителе, считал ложным и абсурдным библейский рассказ о сотворении мира и падении человека, не признавал священными религиозных обрядов евреев и относился критически к Новому завету. Он не признавал Деяний апостолов, относительно же Евангелия говорил, что оно написано не самими апостолами, а по их рассказам, причем опирался на заглавия «от Матфея», «от Луки» и т. д. (по-французски *selon*, по-гречески *хата*). Отсюда происходили, по его мнению, ошибки и противоречия, отсюда же проистекала необходимость очистить Евангелие, восстановить его первообраз. Чтобы достигнуть этого, Манес отвергал рождение Спасителя от женщины, рассказ о Его обрезании, о принесении Им жертвы, рассказ о пребывании в пустыне, об искушении дьяволом, наконец все, взятое из Ветхого завета. Все это Манес урезал и изменил согласно своей доктрине.

Два начала: Бог и Сатана, первый — добрая, второй — злая сила, виновники существующего, — такова была альфа этой доктрины. Сатана создал тело человека. Бог одарил последнего разумом, душою. В этом причина двойственности человека, вечной борьбы составляющих его элементов, духовного и телесного. С течением времени грех овладел человеческим родом. Чтобы спасти этот род, добрый Бог сошел на землю под именем Христа и под видом человека. По наущению Сатаны евреи предали его смертной казни, но страдания Христа были только видимые, в них — указание пути к спасению посредством очищения от земных привязанностей и страстей. Души людей, не воспользовавшихся при жизни этим указанием, переходят в другие тела, даже в животных и растения. Достигнув таким образом известной степени совершенства, они окончательно отрешаются от земной оболочки, водворяются на луне и там очищаются водою в течение 15 дней, затем в царстве солнца — небесным огнем. Очищение всех душ будет концом этого мира — такова омега учения Манеса.

Обаяние религиозных воззрений Манеса лучше всего подтверждается распространением его учения. Сохраняя свою основу и видоизменяясь лишь в частности, оно постепенно подвигалось на запад. В Европу оно перебралось при императоре Цимисхие с ересью павликиан и прочно утвердилось в нынешней Фракии, в окрестностях Филиппополя. Соседство с славянами, издревле склонными к дуализму, придало новые силы учению Манеса. В V веке оно

дало новый религиозный побег — богумильство, по имени основателя секты Богумила. Богумилы выработали почти все, что мы встретим на юге Франции. Из Болгарии богумильство проникло в Италию, в северную часть ее, Ломбардию, а потом, перешагнув Альпы и Рону, — в богатые провинции южной Франции. Таково было происхождение катаризма среди подданных графа Тулузского. Самое имя катары (от греческого слова καθαρός — чистый) было усвоено французскими еретиками по преемству от болгарских богумилов. Обзорение их догматов еще более подтверждает их родство с славянской ересью как развитием манихейства и вместе с тем объясняет ту ненависть, которую они возбуждали в Риме.

Мир вещественный и тело человека катары считали творением дьявола, злого Бога, творца и князя сего мира, как записали тулузские инквизиторы. Лишь невидимое и вечное, учили они, — дело рук Бога доброго. К римской церкви они относились с презрением. Она была для них «базилика дьявола и синагога сатаны». Лишь в лоне их учения возможно было спасение. Никакие таинства римской церкви они не считали священными. Тело Христово в св. причастии было для них простым хлебом, крещение бесцельно, духовная иерархия, как собрание грешников, бессильна руководить человеческою совестью. Они учили, что воплощение Иисуса Христа было лишь видимое, что он никогда не унизил бы себя до рождения от женщины. Крест они считали не заслуживающим почитания, потому что он символ страданий Господа, а никто, говорили они, не почитает ярмо, возлагавшееся на его отца. Воскресение мертвых они отрицали и, подобно манихеям, верили в переселение душ. Они верили, что душа человека переселяется даже в животных, отсюда запрет у них на мясо, так как убивая животное, катар мог лишиться этим душу возможности очиститься. Брака катары не признавали божеским учреждением. Если они не отвергали его окончательно, то лишь снисходя к слабостям человека и главным образом потому, что рождение новых людей давало переселяющимся душам средство очиститься, создавало новые формы для их водворения. Подобно богумилам, катары соблюдали обряд рукоположения, так называемое *consolamentum*. Клятва им запрещалась. Перед судом инквизиции один альбигоец объявил, что не поклянется даже в том случае, если от этого его религия из гонимой стала бы торжествующей. Владение

каким-либо имуществом катары считали греховным. Это была, по их словам, ржавчина души, и они отрекались от нее, называя себя нищей братией, *poa pauperes Christi*... Такой аскетический склад катаризма делал это учение непригодным для массы, отсюда компромиссы, например отрицание и разрешение брака. Основная цель их учения — духовное совершенство и нищенство — могла быть доступна лишь немногим, отсюда разделение катаров на совершенных и верующих. Совершенных было немного, всего четыре тысячи, по счету инквизиторов. Это были истинные блюстители катаризма. Они отрекались от имущества, от семейных и родственных уз. Даже католики ставили их в пример своему духовенству, так безупречно строга была жизнь совершенных. Четыре раза в год они постились в течение 40 дней, каждую неделю в году три раза ели только хлеб с водой. Простая одежда черного цвета и сумка через плечо с Евангелием на провансальском наречии — таковы были отличительные признаки совершенных. Жизнь остальных катаров, или верующих, была далеко не так сурова. Они могли жениться, могли носить оружие и владеть имуществом, но хоть под конец жизни, и даже предпочтительно под конец, все-таки принимали *consolamentum*, становились совершенными. Как высоко считалось это последнее, можно судить по тому, что катару разрешалось убить принявшего *consolamentum*, дабы спасти его от греха, а обряд от поругания... Совсем иная была догма вальденсов, от имени Вальдо, основателя этой секты. Это были рационалисты, чуждые всякого мистицизма, чего нельзя сказать об альбигойцах-катарах. Они верили в триединого Бога, признавали таинства причащения и крещения, но, подобно катарам, восставали против почитания икон и ненавидели римскую церковь. Она была для них вавилонскою блудницей, бесплодною смоковницей, которую проклял Спаситель. Здесь, вероятно, главная причина, почему их смешивали с катарами. Обе секты очень быстро распространились на юге Франции. Раньше их здесь господствовали ариане, присциллиане, одновременно с ними петробрусиане, по имени проповедника Петра из Брюи. Такое множество сект благоприятствовало развитию в населении духа терпимости, некоторого религиозного индифферентизма и, наконец, отступничества от правоверной католической церкви. К тому же невежество и порочность духовенства этой церкви не

представляли никакого нравственного отпора ересям и только давали повод к обличительным речам еретических проповедников и вольным песням трубадуров... Но гром все-таки грянул над Лангедоком. «Вавилонская блудница» оказалась не совсем погруженной в суету сего мира, «проклятая смоковница» — еще полною сил и цветущей...

В 1020 году в стенах Тулузы происходили первые сожжения еретиков. Через два года то же самое повторилось в Орлеане. Тогда погибло тринадцать еретиков, к великой скорби церкви, все тринадцать священники. В 1146 и 1163 году те же костры пылают в Германии, освещая бдительному оку места, пораженные ересью. В Риме поняли наконец, как запустел вертоград религии... В 1179 году папа Александр III созвал в Риме так называемый третий Латеранский собор и произнес отлучение против еретиков Гаскони, «земель Альби и Тулузы», «потому что,— говорилось в постановлении собора,— эти еретики не скрываются уже и не остаются спокойными, но дерзко проповедуют свои заблуждения и совращают простых и слабых». Нож анафемы поражал одновременно королевства Арагонию * и Наварру. Тамошние еретики и их покровители обвинялись собором даже в преследовании правоверных, в осквернении церквей, в обиде вдов и сирот. Папа призывал верующих не иметь с еретиками никаких сношений, позволял нарушать договоры с ними, употреблять против них оружие и конфисковать их имущество, а христианским правителям — обращать их в рабство. «Хотя церковь,— говорилось в 27 постановлениях собора,— следуя св. папе Льву, довольствуется часто одним судом первосвященническим и не принимает кровавых мер, однако он может быть вспомоществуем и мирскими силами, дабы страхом казни побудить людей следовать духовному врачеванию. А так как еретики, которых одни называли катарами, другие патернами, прочие побликанами (павликианами), — так смутны были еще в это время сведения римской церкви о ее врагах,— сделали великие успе-

* В современном написании Арагон.

хи в Гаскони, Альбижуа, земле Тулузской и иных местах, то мы предаем анафеме их с их покровителями и сообщниками и запрещаем всякому, кто бы то ни был, иметь с ними общение. Если они умрут во грехе, то никогда не поминать их и не хоронить между христианами».

Во исполнение постановлений собора в Лангедок был предпринят крестовый поход под начальством кардинала Генриха. И крестоносцы, и их противники не уступали при этом друг другу в жестокости, но торжество все-таки не суждено было церкви, и ереси, казалось, даже размножились. Таково было впечатление папы Люция III, когда, изгнанный римлянами, он укрылся в Вероне. Это было в 1185 году.

Устрашенный многочисленностью еретиков, Люций открыл собор и, подтвердив прежние постановления и отлучения, повелел, в виде новой меры, чтобы епископы, по крайней мере один раз в год, объезжали епархии, зараженные ересью, и присягою обязывали зажиточных граждан, числом от 3 до 4 и более, высматривать и выдавать еретиков суду епископов. Светские власти приглашались при этом оказывать содействие розыску, короли, князья, графы и бароны — под страхом отлучения и лишения земель, города — под страхом отнятия привилегий и той же анафемы. Назначение епископов, специальных ведателей ереси, заставило некоторых историков считать 1185 год годом возникновения инквизиции, но это мнение справедливо оспаривается на том основании, что в эту пору не было еще речи об инквизиции как постоянном судилище. Возникновению этого судилища должна была предшествовать кровавая драма на юге Франции, падение Лангедока и покровителей ереси графов Тулузских.

Пролог этой драмы начинается 9-го марта 1198 года. Римский престол занимает в это время Иннокентий III, олицетворение ума и энергии, настоящий наследник Григория VII и, как казалось сначала, — терпимости первых лет христианства... Мирно и кротко звучала первая булла Иннокентия. Он говорил в ней о «чуме, распространенной в Гаскони и соседних землях», но, призывая к борьбе с нею, предлагал пользоваться только мерами, которые будут в пределах духовно-церковной власти. Лишь в крайнем случае разрешал он прибегать к силе светского меча. Он не изверился еще в силе убеждения и 22-го сентября, в первый год своего первосвященства, снял

отлучение с графа Тулузского Раймонда VI, пораженного анафемой как покровитель ереси. Как вестники нового направления папской политики в Лангедок были посланы не крестоносцы, а легаты. В Риме забывали, однако, что у ереси была своя история, что, возникнув постепенно, эта ересь лишь так же постепенно могла уничтожиться. От легатов ожидали скорых известий об успехе, но вести приходили, и вести печальные... Раймонд VI, говорили они, остался все тем же покровителем ереси, все так же равнодушен к католической вере. Он водит с собою в церковь шута, который издевается над церковною службой, он дружит с еретиками, ходит на их собрания, принимает благословение от совершенных... Иннокентий приписывал это неумению легатов. Он решил послать новых, Петра Кастельно, Рауля и аббата Сито, Арнольда. В помощь легатам, в качестве миссионеров, были присоединены двенадцать цистерцианских монахов, а в 1206 г. — знаменитый подвижник, святой Доминик. Вот почему апологеты инквизиции считают его основателем этого трибунала. Автор «Божественной комедии» в XII песне «Рая» заметно разделяет это воззрение, когда говорит о Доминике:

С железной волей, праведен и строг,
Он ринулся, как с гор крутых поток,
В открытую борьбу с еретиками,
Которые зловредны для других,
Которые над слабыми умами
Имали власть и развращали их.
*И от него другие побежали
Ручьи и сад церковный орошали.*

Легенда об инквизитории Доминика сложилась как результат понятного желания его мнимых преемников поставить во главе своего дела лицо, привлекавшее общие симпатии, освятить это дело именем великого подвижника и тем узаконить существование инквизиции. Историческая справка разрушает эту тенденцию. Прежде всего, в 1206 году еще не было и речи об инквизиции: был только дух ее, дух нетерпимости, носившийся над головами еретиков. Наконец, обязанность Доминика и его сподвижников заключалась в обращении еретиков путем увещания, а меры строгости носили характер эпидемии, т. е. чисто церковный характер. Об этом говорит до-

шедшая до нас разрешительная грамота, прототип инквизиционных примирений с церковью, данная Домиником в 1209 году.

«Всем верным христианам,— так начинается эта грамота,— к которым достигнет это послание, брат Доминик, каноник из Осмы, малейший из *проповедников*, приветствие о Иисусе Христе. В силу власти, данной аббату Сито, легату апостольского престола, которого мы служим представителем, мы возвратили в лоно церкви предьявителя сей грамоты Понса Рожера, оставившего по милости Божией секту еретиков. Так как он дал нам клятву исполнять наши приказания, то мы велели ему три следующие воскресенья являться в церковь, причем священник, обнажив его, будет бить розгами на всем протяжении от городских ворот до церкви. Для покаяния мы налагаем на него на всю жизнь пост и запрещаем ему есть мясо, яйца, сыр и всякую животную пищу, исключая дней Пасхи, Троицы и Рождества, в которые он может есть все. В знак отвращения от своей прежней ереси, три поста в году он должен воздерживаться даже от рыбы, три раза в неделю, пока жив, воздерживаться от мяса, рыбы и вина, допуская облегчение только в случае болезни и изнурительных работ. Он должен будет носить церковное платье по покрою и по цвету, с двумя маленькими крестами, нашитыми на груди. Всякий день он будет слушать мессу, если то окажется возможным, а по праздникам и воскресеньям вечерню. Он в точности должен исполнять утренние и вечерние молитвы, читать «Отче наш» семь раз утром, десять раз вечером и двадцать в полночь, жить целомудренно и настоящую грамоту вручить своему приходскому священнику. Последнему приказываем наблюдать за поведением Рожера, который должен исполнять в точности все, что ему предписано, пока господин легат не изъявит своей воли. Если же означенный Понс того исполнять не будет, то мы приказываем смотреть на него, как на клятвопреступника, еретика, отлученного, и удалять его от общества верных...»

В другой своей грамоте, от 1214 или 1215 года, Доминик разрешает Раймонду Альтароне, обращенному еретiku, в облегчение эпитемии, «носить такое же платье, как и все христиане, так же, как и Вильгельму Угунье...» Нетрудно видеть из обоих документов, как мало основательны предположения об инквизиторском характере миссионерской деятельности Доминика. В области церковной дисциплины в этой деятельности нет ничего нового, а потому нет основания выводить и самого деятеля из этой сферы в совершенно чуждую ему сферу инквизиции. Ничто не говорит также о нетерпимости Доминика. Нет никаких источников, которые рисовали бы его как сурового проповедника, выходящего за пределы увещания. Те розги, которые приписывались в эпитемиях Доминика, нельзя

считать таким выходом, потому что, как одежда кающихся, это был лишь атрибут покаяния.

Иначе поступали легаты Иннокентия. Самый выбор этих легатов не обещал ничего хорошего. Петр Кастельно был фанатик. Он не проповедовал, а боролся. Это он именно «ринулся, как с гор крутых поток, в открытую борьбу с еретиками». Его слова раздражали противников, но легат как будто искал себе смерти... Медленная победа над ересью, присоединение обращавшихся, сперва единицами, как это делал Доминик, не удовлетворяло Кастельно. Он видел одно лишь упорство, и в этом смысле доносили папе... Под влиянием этих известий в 1207 г. Иннокентий приказал еще раз побудить Раймонда к поддержанию веры и затем отлучить его от церкви. Исполнение папской воли было возложено на того же Кастельно. Раймонд был раздражен этим новым натиском из Рима, легат — почти в экстазе под обаянием своей миссии. При таких обстоятельствах они встретились в Сен-Жиле.

— Теперь, граф, — торжественно сказал Кастельно на уклончивые ответы Раймонда о преследовании еретиков, — я объявляю тебя клятвопреступником и беззаконником, гнев Божий да разразится над тобою. Я отлучаю тебя от церкви. На всех землях твоих отныне интердикт. С этого дня ты — враг Бога и людей. Подданные твои разрешаются от присяги, и тот, кто свергнет тебя, поступит справедливо, очистив престол, опозоренный еретиком.

— Повесить негодяя! — вскричал в бешенстве граф.

— Именем святого посланничества моего, — продолжал Кастельно, — которое меня осеняет, я запрещаю всякому поднять руку на помазанника Господа.

Во всей фигуре легата и в тоне, которым он говорил, было столько величия, что никто не решился исполнить приказ Раймонда, и легат удалился. Утром 15-го января 1208 года Кастельно был уже близ Роны. Отслужив краткую мессу вместе со спутниками монахами, он отправился к перевозу. Их ждала лодка с двумя гребцами.

— Если вы не еретики и не жида, — сказал гребцам Кастельно, — то не откажите дать убежище проповеднику св. Евангелия, который бежит из земли гонения.

Он занес ногу, собираясь войти в лодку, но один из гребцов, как бы желая помочь ему, вдруг ударил его кинжалом. Легат опрокинулся навзничь и со словами: «Да простит их Господь, как я их прощаю», скончался на руках

проводивших. Весть об этом убийстве, по общему голосу, подстроенном Раймондом, отозвалась ужасом даже в еретическом Лангедоке. В Риме она послужила сигналом к новой политике Иннокентия. Буллой 6-го марта того же года папа не только подтвердил отлучение Раймонда, но в то же время разрешил всякому верному католику овладеть его землями и преследовать его личность. С этого начинается политическое падение Лангедока и заря инквизиции. В 1215 году 11-го ноября, когда открылись в Риме заседания четвертого Латеранского собора, Раймонд только по имени был графом Тулузским.

«Граф Тулузский, — решено было затем собором, — с давних пор и по разным причинам признанный неспособным управлять страной в *интересах веры*, должен быть навсегда исключен от государственного и жить вне земли своей, в приличествующем ему месте. Там, принеся достойное покаяние по грехам своим, ежегодно он будет получать 400 серебряных марок на содержание...»

Преемником Раймонда назначался граф Симон Монфор, счастливый предводитель крестового похода, эпилогом которого был Латеранский собор. Оставалось судить еретиков, не погибших среди военной тревоги. Но торжество религии еще раз было отсрочено. В мае 1216 года сыну Раймонда Раймонду VII удалось поднять восстание и свергнуть ненавистное иго Монфора. Тринадцать лет тянулась еще агония Лангедока, до 12-го апреля 1229 года. 12-го апреля 1229 года в Париже происходила торжественная церемония: Раймонд VII присягал на верность французскому королю и обещал быть верным и послушным слугою короля и церкви, до самой смерти своей сражаться с еретиками, их единомышленниками и укрывателями, не щадя ни родственников, ни друзей, ни вассалов, и вполне очистить свою землю от ереси.

«Обещаем, — говорилось в договоре Раймонда, — произвести без замедления должный суд над еретиками и приказать нашим байльи тщательно разыскивать как их, так и единомышленников их и укрывателей; для облегчения же розыска обязываемся платить в продолжение 2 лет по две серебряных марки, а потом по одной всякому, кто представит еретика, осужденного епископом...»

В ноябре того же года в Тулузе, едва остывшей от пролитой крови, был созван собор для принятия мер к

истреблению альбигойцев. Во всех приходах, по решению этого собора, учреждалась постоянная комиссия из приходского священника и двух или трех выборных граждан. Члены комиссии обязывались разыскивать еретиков и с этою целью осматривать все дома, от чердака до погреба, и даже подземелья. Владельцы земель и все верные католики обязывались тем же, первые — под страхом лишения земель и предания суду, вторые — по долгу благочестия. Все арестованные отсылались к епископу для определения, действительно ли они еретики, или верные католики. В первом случае дом, где жил признанный еретик, подлежал немедленному уничтожению. Если арестованный отрекался до суда от ереси и притом чистосердечно, его высылали в католические города с обязательством носить на одежде два нагрудных креста цвета, отличного от платья. Такие еретики назывались «крестоносцами по вере» и не могли быть приняты ни на какие должности без разрешения папы или его легата. Еретики, отрекавшиеся от заблуждений лишь из страха наказания, заключались в тюрьму и содержались там на счет конфискованного у них имущества, а в случае бедности — на счет епископов.

Таковы были меры пресечения ересей, но не забыты были и меры предупредительные. В виде мер предупредительных тулузский собор постановил, чтобы все мужчины начиная с 14 лет и все женщины с 12 давали клятву и повторяли ее каждые 2 года, что будут хранить святую католическую веру, доносить на еретиков и преследовать их. Те же предупредительные меры требовали, чтобы всякий католик исповедовался и причащался каждый год три раза: на Рождество, Пасху и Троицу, и не держал бы на дому ни Ветхого, ни Нового завета. Собор позволял мирянам иметь одни лишь богослужебные книги и псалтырь, но не иначе как на латинском языке. Священникам вменялось в обязанность оберегать причащенных ими больных от соращения с пути истины и присутствовать при совершении завещаний, без чего последние считались недействительными. Священники должны были также присутствовать при погребении усопших, а главы семейств, по праздникам и воскресеньям, непременно бывать в церкви, выстаивать обедню и выслушивать проповедь. Не исполнявшие этого постановления подлежали штрафу в 12 денариев, половина которого

отдавалась владельцу земли, где проживал провинившийся.

Все эти меры дают полное право считать 1229 год первым годом инквизиции и годом первого инквизиционного процесса. Такой процесс, еще во время тулузского собора, был возбужден, для примера и выработки процедуры, против некоего синьора Пейрпертюза и барона Неро де Ниорта. Оба лица были заподозрены в ереси, что подтверждалось свидетелями, и потому обязывались покаяться в течение 15 дней, под страхом отлучения и конфискации. Уже с этого процесса определилась физиономия святой инквизиции. В саду была позвана масса свидетелей, но обвиняемые не сводились с ними на очную ставку, чем, очевидно, поощрялась возможность ложного свидетельства. Свидетелям задавали массу вопросов, пытаясь сбить их в показаниях, и нередко обращали таким образом из помощников правосудия в подсудимых. Доносы были узаконены постановлениями собора, и ими пользовались почти как явными обвинениями уже в эту раннюю пору инквизиции.

С 1229 года начинается эпоха так называемой первой инквизиции. Ее отличие — участие епископов как судей и карателей ереси. Не одно падение Лангедока послужило на пользу ее учреждения. В 1220 году, т. е. за девять лет до тулузского собора, император германский Фридрих II, один из самых светлых умов своего времени, совершенно неожиданно явился сторонником нетерпимости и рядом законов определил тяжелые наказания еретикам. Политические волнения, непрерывно наполнявшие его царствование, и, как ирония судьбы, ссора с папой вплоть до проклятия не дали ему возможности настоять на исполнении этих законов. Но папы воспользовались постановлениями Фридриха. Они служили для них разрешением ввести инквизицию в Италии и даже пытаться утвердить ее в Германии. Так поступил папа Григорий IX в 1231 году, с буллы которого, помеченной этим годом, начинается распространение инквизиционных трибуналов по всему Апеннинскому полуострову, исключая Неаполя и Венеции. С этого же времени ведатели и судьи ересей формально называются инквизиторами, установленными церковью, *inquisitores ab Ecclesia dati*. Роль этих инквизиторов уже с 1229 года предпочтительно занимают доминиканцы, потому что при самом своем образовании орден этих монахов имел целью

проповедовать слово Божие, откуда другое название ордена — орден проповедников. Однако рядом с ними выступали и другие, францисканцы и бенедиктинцы, последние в лице клюнийского приора Этьена в 1233 году. Лишь в 1243 году папа Иннокентий IV окончательно утвердил за доминиканцами исключительное право на пополнение рядов инквизиторов. По словам Геффле, эта привилегия впервые укрепилась за ними в Испании. В Испании же суждено было инквизиции получить дальнейшее развитие и сделаться орудием не только религиозной, но и политической нетерпимости. Эта новая эра начинается в 80-х годах XV столетия. Девиз ее деятелей — едино стадо и едина вера, а самый яркий представитель этих деятелей — Торквемада.

ГЛАВА I

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР

Иоанн Торквемада.— Рождение Фомы Торквемады.— Два рассказа о первых годах его жизни.— Монастырская жизнь Торквемады.— Назначение его приором.— Торквемада — духовник Изабеллы.— Смутное время в Кастилии.— Изабелла наследница кастильской короны.— Фердинанд V ее муж.— Соединение Кастилии и Арагонии.— Роль Торквемады в этом событии.— Его смирение и религиозная ревность.— Значение Торквемады в истории инквизиции.— Первые трибуналы в Испании.— Николай Эймерик.— Инквизиция в Кастилии.— Ее падение и возрождение.— Булла 1478 г.— Попытка действовать убеждением.— Катехизис Мендоцы.— Pamфлет еретиков.— Севильская инквизиция.— Деятельность Морилло и Мартена.— Многочисленность их жертв.— Грамота милосердия.— Квемадеро.— Бегство мараносов.— Апелляция в Рим.— Протест Сикста IV.— Торквемада — «великий инквизитор».— Генеральная юнта инквизиторов.— Первые законы Торквемады.— Недовольство испанцев.— Убийство Арбуз.— Казни заговорщиков.— Новые волнения.— Чествование памяти Арбуз.— Роль Торквемады в подавлении недовольства.— Письмо Сикста.

Среди блестящих представителей католической церкви на Констанцском соборе, осудившем Гуса, как надежда этой церкви обращал на себя внимание молодой доминиканец Иоанн Торквемада. Благочестивая ревность его в борьбе с еретическою догмою доставила ему впоследствии звание кардинала и красноречивый титул «защитника веры»... У брата этого Торквемады, синьора Петра-Фердинанда, в небольшом городке Старой Кастилии — Торквемаде (по известиям других — в Вальядолиде и третьих — в Сеговии), около

1420 года родился сын Фома, затмивший славу своего дяди кардинала.

Известия о первых годах его жизни разноречивы. По словам Лавалле, это была богато одаренная натура, с умом почти гениальным, но страстного и неровного характера. Фоме дали хорошее воспитание, но выбор житейской дороги был решен впоследствии самим Фомою. До этого времени он путешествовал по Испании или, вернее, переезжал из города в город, был в Саламанке, Толедо и Кордове. В Кордове он увлекся какой-то красавицей, но эта красавица предпочла ему мавра и вместе с этим мавром удалилась в Гренаду. Отсюда, по словам Лавалле, начало ненависти Торквемады к завоевателям Испании... Из Кордовы Фома направился в Сарагосу с тем, чтобы оттуда перебраться в Барселону * и там при первой возможности сесть на корабль и отплыть в Италию, в столицу папы. Но дело сложилось иначе. В Сарагосе происходили в это время публичные диспуты доминиканцев, и весть об этих диспутах сейчас же привлекла на них молодого путешественника. Он был уже достаточно сведущ в теологии, а потому не побоялся вступить в препирательство с самим доминиканским приором Допецом из Серверы. Молодой оппонент обнаружил при этом такие познания — явление редкое среди испанского духовенства описываемой эпохи — и такой дар красноречия, что изумленный Лопец решил привлечь его в свой орден... Так повествует Лавалле о первых шагах Торквемады.

У Турона читаем другое. По Туруну, Фома еще юношей поступил в монастырь св. Павла в Вальядолиде, принадлежавший доминиканцам, и с первых дней обратил на себя внимание суровым образом жизни. Скоро весть об этом разнеслась по Кастили. Толпы богомольцев спешили к Торквемаде, чтобы поведать ему свои скорби и страдания и получить утешение и совет. Но одним врачеванием душевных ран еще не исчерпывалась деятельность благочестивого монаха. Он вскоре отличился как оратор, обличитель ереси и тайных и явных врагов религии. Такое усердие не могло, конечно, ускользнуть от блюстителей испанской церкви. Как эхо этих подвигов явились предложения Торквемаде высоких постов в духовной иерархии и титула доктора богословия от испанских рассадников

* В современном написании Барселона.

просвещения. Суровый аскет ничего не желал, однако, и упорно отказывался от почестей и повышений. Лишь в 1459 году он нарушил эту скромность и согласился принять звание приора в монастыре св. Креста в Сеговии. Отсюда начинается возвышение Торквемады. Обитель св. Креста была излюбленным местом паломничества не только людей простых, но также и представителей высшего общества Кастилии. Сюда наезжала королева вместе с инфантой Изабеллой кастильской. Принцессе подыскивали в это время духовника. Никто, казалось, не мог исполнить эту должность лучше приора из Сеговии, и ему действительно поручили эту обязанность. Торквемада искусно повел это дело и скоро овладел полным доверием религиозной принцессы. Искусство требовалось в самом деле большое. Кастилия переживала в это время пору волнений: короля Генриха IV, брата Изабеллы, не любили, главным образом духовенство, и наконец лишили престола. Низложение было объявлено в Сеговии, и едва ли Торквемада не знал о заговоре задолго до его исполнения. На место Генриха, продолжавшего, впрочем, считать себя королем и имевшего сторонников, был посажен брат его Альфонс, но он вскоре умер, и престол опять очистился. Корону снова вернули Генриху, но с условием, что наследницей его будет не дочь от второй жены, Иоанна, а сестра Изабелла. Про Иоанну говорили, что она, с ведома короля, которого за бездетность называли Бессильным, была дочерью его жены и любимца Бельтрана дела Гуэва. Ее так и звали Бельтранея и усердно распускали эту басню в народе. В это смутное время Торквемада принимал живейшее участие в провозглашении Изабеллы наследницей Кастилии. Вместе с этим провозглашением для него открывалась возможность осуществить свои давние планы о борьбе с еретиками.

Изабелла с семилетнего возраста считалась невестой Фердинанда, в то время еще не наследника Арагонии. Но и этому принцу улыбнулась судьба. Смерть, как Изабелле, очистила ему дорогу к престолу, и потому оставленный было проект его женитьбы на кастильской наследнице опять сделался мечтою патриотов, управляющих судьбами обоих королевств. Напрасно Генрих пытался выдать сестру за короля Португалии и тем удалить ее от престола в пользу Иоанны, Торквемада ловко разрушал его планы. В то время как Изабелла отказывалась от искателей ее руки, он искусно поддерживал в ней симпатию к Фердинанду. Наконец,

19-го октября 1419 года, тайно от Генриха, в сопровождении Торквемады, она отправилась в Вальядолид, где ждал ее, также крадучись, прибывший Фердинанд, и их обвенчали. Раздраженный Генрих объявил Изабеллу лишенной престола, но его не слушали, и в 1475 году, после смерти ненавидевшего ее брата, Изабелла стала королевой Кастилии и Леона. Тот же титул был дан ее мужу Фердинанду V. Два самых больших королевства Испании соединились, таким образом, в одно политическое целое, хотя первое время номинально.

Торквемада, как главный виновник этой унии, естественно получал с этих пор первенствующее значение и не только в Кастилии, но также в Арагонии. В награду за труды ему предлагали место архиепископа Севильи, но он отказался, как ни упорно упрашивали его Фердинанд и Изабелла. По словам Турона, честолюбие было чуждо натуре Торквемады, он думал только о благе государства, достоинстве религии, спокойствии народов и спасении душ. Он думал о той розни, которую вносили в духовную жизнь Испании населявшие ее евреи, как те, которые сохраняли закон Моисея, так еще более те, которые «лицемерно» принимали христианство.

В полное тревоги правление Генриха IV Торквемада громил отступников с высоты кафедры и даже восходил до самого короля и со слезами умолял его о защите церкви. Но как только Изабелла стала править Кастилией, ревнителю благочестия сразу открылась перспектива более успешной деятельности. Он сейчас же обратил внимание Фердинанда и Изабеллы на печальное положение церкви.

«Этот лев религии, — говорит Флешье, — убедил обоих, что испорченность нравов и свободомыслие с каждым днем возрастают, что соседство христиан с евреями и маврами вредит благочестию народа. Он убеждал их в необходимости произвести тщательное расследование заблуждений и нечестия того времени и возвратить престиж религиозной дисциплине».

Епископы, которым издревле принадлежала забота об этой дисциплине, прибегали в таких случаях к анафеме и церковным наказаниям, но в эпоху великих расстройств, по мнению Торквемады, необходимы были более сильные лекарства, и самым лучшим было учреждение особого трибунала, «более могущественного и более строгого, чем другие»... Флешье преклоняется и перед Торквемадой, и

пред инквизицией. Он даже как бы желает приписать Торквемаде инициативу введения костров, что, очевидно, ошибочно, но его слова об отдельном трибунале, более могущественном и более строгом, прекрасно определяют значение Торквемады в истории инквизиции. Он не был первым насадителем ее в Испании, но ему справедливо приписывается открытие новой эры в инквизиционной практике. Торквемада довел эту практику до перлов жестокости, из орудия охраны религиозных догматов сделал ее орудием религиозной нивелировки и первый придал инквизиционному трибуналу политический характер. Из рук папы он передал этот трибунал в руки короля и сделал судилище не столько помощником торжеству веры, сколько орудием абсолютизма.

Первые инквизиционные трибуналы появляются в Испании в 1232 году. По повелению папы Григория IX, аррагонский епископ Эспарраго поручил тогда доминиканцам начать преследование еретиков. Ревность этих инквизиторов с первых дней поселила недовольство и озлобление в населении, но дело нетерпимости не уმაлялось даже после убийства двух представителей его — Петра Планедиса и Петра Кадирета. Особенно неуклонно велось оно в Аррагонии при инквизиторе Николае Эймерике, который оставил своим преемникам «Руководство для инквизиторов», а потомству — славу жестокого гонителя еретиков.

Кастилия также не избежала ига инквизиции, но двоевластие, ослаблявшее папство в конце XIV и в начале XV века, привело к тому, что в 1460 году в Кастилии не было уже ни одного инквизитора. Заслуга вторичного водворения их в этой стране принадлежит Торквемаде. По его настояниям, Фердинанд и Изабелла упросили папу Сикста IV опять ввести инквизицию в Кастилии. Разрешение было получено вместе с буллой 1-го ноября 1478 года. Давая свое согласие на розыск и преследование еретиков, Сикст указывал в то же время, каких судей должно поставить во главе насаждаемых трибуналов: людей по крайней мере сорокалетнего возраста, чистой нравственности, магистров или бакалавров богословия или же докторов и лиценциатов канонического права. Изабелла не сразу решилась на введение инквизиции в своих владениях. Голос совести удерживал ее от этого шага, но Торквемада сумел победить ее сомнения, в ярких красках изобразив ей, как угодно Богу

учреждение инквизиции. Однако и после папской буллы Фердинанд и Изабелла не сейчас приступили к исполнению замыслов своего духовника, но решили испытать сперва меры кротости и увещания. По желанию обоих правителей, кардинал Мендоца, архиепископ Севильи, составил краткий катехизис для верных католиков, своего рода спутник христианина от купели до могилы. Многочисленные экземпляры этого наставления были розданы народу в Севилье и по всем приходам севильской епархии как главному притону еретиков. Священникам было приказано разъяснять его смысл прихожанам и вместе с тем предупреждать их, чтобы они и дети их поступали согласно предписаниям катехизиса. Что касается отпавших от истинной веры, то, для мирного возвращения их в лоно церкви, предполагалось воздействовать словом проповеди и назидательной беседы. Для наблюдения за результатами этой меры были назначены особые лица, впечатлению которых суждено было решить, быть или не быть инквизиции. Сторонники этой последней употребляли, конечно, все усилия, чтобы доказать правительству бесплодность мирных намерений; с другой стороны, еретики не только не думали раскаиваться в своих заблуждениях, но, предчувствуя начало преследований и сознавая свое право веровать по убеждению, неосторожно выступили с памфлетом против своих «спасителей».

Ересь упорствует, таков был приговор наблюдателей за мирными попытками Изабеллы и Фердинанда... В 1481 году в монастыре св. Павла в Севилье открылись заседания инквизиционного трибунала под руководством доминиканцев, провинциала Михаила Морилло и викария ордена Мартена. Недружелюбно встретило население этих братьев-проповедников. Начальникам провинций было приказано оказывать содействие инквизиторам и их свите, но потребовалось вторичное приказание, чтобы достигнуть желательных результатов. Тогда началось массовое бегство мараносов в соседние земли. Мараносы были крещеные евреи, но общий голос считал их тайными приверженцами Моисеева закона, и на них прежде других еретиков должны были сказаться приемы севильских инквизиторов. Их бегство было признано уликою, и потому 2-го января 1481 года инквизиторы издали прокламацию, в которой объявляли бежавших мараносов еретиками и приказывали всем вельможам Кастилии, под страхом анафемы, отнятия владе-

ний, чинов и достоинств, задержать беглецов и под стражей доставить в Севилью, а имущество их конфисковать.

В Севилье узников ожидала монастырская тюрьма, заседания инквизиторов и застенки. Скоро число этих несчастных возросло до такой степени, что пришлось искать другое помещение в предместье Севильи. «Бог печется о распространении и поддержке веры,— гласила впоследствии надпись на севильской тюрьме,— да пребудет она до скончания веков. Восстань, Господи, и будь судьей в нашем деле, излови для нас лисиц...» Как ни много было жертв в темницах инквизиции, или «лисиц», как называли их инквизиторы, это число не удовлетворяло Морилло и Мартена. Они издали новую прокламацию, так называемую «грамоту милосердия», и призывали в ней мараносов добровольно предаться их власти, обещая за это лишь легкое наказание. Многие беглецы и скрывавшиеся поверили обещаниям инквизиторов и явились в трибунал. Их заключили в тюрьму и действительно соглашались отпустить на свободу, но лишь с условием предварительной выдачи арестованными всех известных им еретиков. Уже на пятый день после водворения инквизиторов в Севилье костры пожрали шестерых осужденных, немного после — семнадцать, и так, все увеличивая число своих жертв, севильская инквизиция в течение полугода сожгла 298 мараносов и 79 осудила на вечное заточение. Многочисленность осужденных на сожжение заставила севильского губернатора устроить особый постоянный эшафот, так называемое *квемадеро*. Квемадеро было сложено из камня. На верхней его площадке были установлены четыре гипсовых статуи пророков. Внутри этих статуй была пустота, куда вводили осужденных и затем сжигали сразу нескольких в этом подобии вавилонской огненной печи. Один из историков инквизиции говорит, что осужденных привязывали снаружи, поэтому можно думать, что практиковалось и то и другое.

Не одни отступники погибали среди этого огненного апофеоза религии. Спешность процессов, доносы, личная злоба служителей инквизиции, желание овладеть имуществом богатых, все это очень часто кидало на костры людей ни в чем не повинных, искренних католиков. Чтобы спастись от этой участи, еретики и верные из намеченных жертв трибунала одинаково спешили выбраться из Испа-

нии, одни — во Францию, другие — в Португалию, третьи — в Африку. Не успевшие сделать этого или перехваченные агентами инквизиции, а также и другие осужденные ею апеллировали в Рим, и скоро канцелярия Ватикана была завалена жалобами на жестокость севильских инквизиторов. Рассмотрение этих жалоб приносило папской казне значительные выгоды. Можно судить поэтому, как вопиющи были горести искавших в Риме правосудия, если там решили пожертвовать доходами и обратить внимание на жестокость и беззакония инквизиторов. 29-го января 1481 года, следовательно, менее чем через месяц после открытия севильского трибунала, Сикст IV уже указывает Фердинанду и Изабелле на злоупотребления поставленных ими инквизиторов. Папа говорит в своем бреве, что Морилло и Мартен заключают в темницы верных католиков, подвергают их жестоким мучениям и, чтобы овладеть их имуществом, объявляют их еретиками и ведут на казнь. Только уважение к правителям, по словам Сикста, не позволяло ему самому устранить инквизиторов, но он рекомендует эту меру королю и королеве.

Новейшие историки инквизиции из рядов католического духовенства любят ссылаться на это бреве, как на свидетельство того, как далеки были папы от мысли одобрять инквизиторов. Но если обратить внимание на все бреве и письма того же Сикста, то нельзя не прийти к заключению, что папа недоволен только самостоятельностью инквизиторов и в виде оппозиции критикует их деятельность. В принципе он одобряет меры строгости с еретиками, но хотел бы видеть их в руках епископов и вообще людей, более зависимых от Рима. Им руководила в данном случае политика, а не искреннее проявление гуманности, хотя несколько запоздалой. Испанская инквизиция с 1481 года сразу обнаружила тенденцию сделаться орудием правительства, средством удалять с его пути все, что могло вредить этой власти, будут ли то евреи, или мавры, или строптивые католики и даже епископы. В свою очередь папы, по традиции, не могли спокойно взирать на увеличение королевской власти, отсюда их оппозиция так называемой второй инквизиции, т. е. той, о которой идет теперь речь. В рядах этой оппозиции стоял, между прочим, кардинал Родриго Борджиа, впоследствии папа Александр VI, — одного этого достаточно для характеристики ее

направления... Но могущество Григория VII и Иннокентия III становилось уже достоянием истории. На смену чудному прошлому надвигалось неотразимое бессилие и вместе с ним бессилие затормозить такие явления, как вторая инквизиция. В феврале 1483 года, в виде тормоза этой последней, Сикст IV назначил севильского архиепископа Иниго Манрика своим делегатом по приему и разбору апелляций на решения инквизиции, а 2-го августа того же года он поступил уже совсем иначе: 2-го августа 1483 года папа утвердил Фому Торквемаду в звании великого инквизитора Кастилии и предоставил ему право назначать подчиненных чиновников трибунала, иначе говоря, явно способствовал обособлению испанской инквизиции. Оставалось только объединить под одной властью все трибуналы Испании, и тот же папа в том же году новым бреве 17-го октября объявил Торквемаду «великим инквизитором» Арагонии с теми же правами, как и в Кастилии.

Инквизиция торжествовала. По повелению Торквемады, ее судилища были введены в Кордове, Яэне и Сиудад Реале, а по всем епархиям было приказано доминиканцам неусыпно заботиться о поддержании веры. Как высшую инстанцию для управления судилищами и судьями Фердинанд учредил в то же время королевский инквизиционный совет под названием Верховного совета. Дела этого совета решались по голосам, но только в сфере гражданского права и по чисто юридическим вопросам. Великий инквизитор был его президентом, при нем состояли советники: один епископ и два доктора прав.

В 1481 году, не довольствуясь постановлениями своих предшественников, Торквемада собрал в Севилье генеральную юнту инквизиторов. Здесь были выработаны законы испанской инквизиции, 28 пунктов так называемой инструкции.

Первые три пункта ее говорили об устройстве трибуналов, о публикации приговоров против еретиков и отступников и назначали «отсрочку милосердия» для желающих сознаться и обратиться. Шесть последних устанавливали порядок чинопочитания среди инквизиторов; остальные девятнадцать обнимали все случаи инквизиционного процесса. Кто сознавался до срока, тот мог рассчитывать на помилование, если открывал других еретиков. Инструкция допускала в этом случае секретное разрешение, но только при условии полной неизвестности обществу о преступлении раскаявшегося еретика. Всякая должность и право ношения серебра, золота, драгоценных камней, шелковых и тонких шерстяных тканей

обращенному еретiku запрещались, и только в Риме за большие деньги могли уничтожить это постановление. Добровольное покаяние не избавляло от денежного штрафа, а принесших это покаяние после срока милосердия — от конфискации имущества со дня впадения в ересь. При этом требовалось обозначение времени, когда примиряемый с церковью подпал влиянию ереси, дабы инквизиторы могли определить, какая часть имущества этого человека подлежит конфискации. На основании этого параграфа нередко конфисковалось имущество жены за преступление тестя, как приданое от еретика, и детей, как наследство от того же еретика. Начиная с 11-го пункта, инструкция говорила о еретиках упорных. Если такой еретик сознавался после долгого сидения в тюрьме, то его осуждали на вечное заключение. Сознание требовалось полное, а если оно не казалось таким инквизитору, то заключенный отдавался в руки светской власти. Та же мера применялась к лицам, которые вздумали бы похвалиться, что не все открыли на допросе трибунала. Всякий еретик, упорно отрицавший обвинение, считался нераскаянным, и чтобы вырвать у него сознание, при наличии доказательств, его подвергали пытке, а в случае успеха этой меры судили, как уличенного еретика. Уличенным считался также всякий, не явившийся на формальное приглашение трибунала. Допрос свидетелей производился самим инквизитором, его же присутствие требовалось при пытке для принятия показаний. Для облегчения этих показаний подсудимому выдавалась копия с свидетельских ответов, однако не во всей их полноте. По 20-му параграфу инструкции, инквизиционный процесс мог возбуждаться и против умерших, если из книг и жизни этих умерших оказывалось, что они были еретиками. Кости таких людей вырывались из могилы и сжигались во время аутодафе, а имущество конфисковалось. Вассалы и все власти также подлежали суду инквизиции, если оказывали ей сопротивление и покровительство еретикам. Дети осужденных еретиков могли рассчитывать на пособие из конфискованного имущества их родителей, но этот параграф (22) почти никогда не исполнялся.

Эти первые законы испанской инквизиции еще при жизни Торквемады дополнялись другими постановлениями, но произвол по-прежнему оставался основным духом инквизиции. Достаточно указать, например, на право инквизиторов объявлять подсудимого упорным и нераскаянным или держать его в тюрьме до новых доказательств его виновности (по смыслу 11-го пункта), чтобы понять, как легко было этим судьям подводить обвиняемых под категорию еретиков. Могущественным побудителем инквизиторов к многочисленным арестам и обвинениям во что бы то ни стало служило желание пополнить кассу трибунала, потому что жалованье этим ревнителям благочестия уплачивалось на счет конфискаций.

«Сверх покаяний, — говорит Эймерик в своем руководстве, — инквизитор может налагать денежные штрафы на том же основании, как палом-

ничества, посты, молитвы и прочее. Эти штрафы употребляются на дело благочестия, например поддержка и содержание святой инквизиции. Действительно, вполне справедливо, если инквизиция будет оплачивать свои расходы деньгами своих заключенных, потому что, как говорит св. Павел в 9 главе послания к Коринфянам, „никто не может бороться своими силами...” Эймерику принадлежит также установление отношений инквизиции к детям еретиков. «Сострадание к наследникам виновного, — говорит он, — которых доводят конфискацией до нищенства, не должно смягчать этой строгости, так как, по божеским и человеческим законам, дети наказываются за грехи отцов...»

Правительство не противилось постановлениям инквизиции. Оно не меньше ее было заинтересовано в денежных штрафах и конфискации. Правительство получало третью часть этих поступлений и, нуждаясь в деньгах, естественно заботилось о возрастании этого источника дохода. Таково было общее суждение об усердии королей в преследовании еретиков, и сама Изабелла сочла нужным оправдываться в этих обвинениях перед Сикстом IV. Кроме денежных расчетов, личная месть находила в инквизиции прекрасное орудие для своего удовлетворения и все виды насилия над личностью под покровом искоренения ереси. Кодекс Торквемады был встречен поэтому, как посягательство на свободу граждан, особенно в Арагонии, где конфискация имущества была невозможна по давним привилегиям народа. Сейчас по издании кодекса арагонские кортесы обратились к Фердинанду и папе с просьбою остановить применение инквизиционной инструкции. Но аресты и казни еретиков продолжались со всеми последствиями этих казней, и недовольство усилилось. Не видя выхода из сетей инквизиции и думая насилие остановить насилием, арагонцы решились на крайнюю меру — избиение инквизиторов. Душою заговора были мараносы, или, как их называли еще, новые христиане, остальные поддерживали их сочувствием. Чтобы собрать необходимые средства для исполнения предприятия, все мараносы были обложены пеней в пользу убийц. Арагонский дворянин Жан Делабадия руководил всем делом, первой жертвой был назначен Петр Арбуэ в Сарагосе. Шесть заговорщиков искали случая напасть на инквизитора, но слух о заговоре пошел по Сарагосе, и Арбуэ остерегался. он стал носить панцирь под платьем и железную каску под шапкой. Наконец 13-го октября 1485 года заговорщики застали его в церкви во время утрени. Было 11 часов вечера. Арбуэ молился, стоя у колон-

ны, возле него на полу горел фонарь. Первым напал на него Жан Десперендео, но панцирь защитил Арбуэ от сабли убийцы. Тогда Жан Делабадия ударил инквизитора ножом по шее, и Арбуэ упал. Через два дня он умер от раны, но результат покушения обрушился лишь на головы заговорщиков и послужил на пользу инквизиции. Как ни велика была ненависть к трибуналу, старые христиане возмутились при вести об убийстве Арбуэ, и тем же инквизиторам пришлось успокаивать народ и удерживать его от самосуда — обещанием примерного наказания злоумышленников.

Инквизиция пользовалась в этом случае скрытым недовольством бедных и невежественных классов против богатых и образованных, в среде которых только и могла быть, конечно, истинная оценка ее намерений. Убийство Арбуэ дало ей прекрасный повод нанести удар аррагонской оппозиции. Кроме убийц доминиканца, была схвачена масса оговоренных доносчиками, потому что самое ничтожное показание принималось за улику. Сарагосские тюрьмы оказались переполненными узниками, значительная доля которых была виновна лишь в критике инквизиции, большинство же неповинно ни в чем. Достаточно сказать, что в числе заключенных находился дон Иаков Наваррский, сын инфанта дон Карлоса, чтобы представить себе число узников из среды обыкновенных граждан. Путеводною нитью для арестов послужило показание одного из убийц, Видаля Урансо. Главные виновники были наказаны отрублением рук и повешением, после чего их трупы влекли по улицам и затем, разделив на части, разложили на площадях. Жан Делабадия был подвергнут этой казни уже мертвый. Он покончил с собою накануне. Видаля Урансо сперва повесили в награду за выдачу преступников. Менее тяжким наказаниям, конечно на языке инквизиторов, было подвержено более 200 человек, и в том числе Иаков Наваррский. Вместе с другими, получившими снисхождение, его вывели на публичное покаяние. Но одной Сарагосой дело не ограничилось. В Толедо происходили не меньшие бесчинства трибунала. В течение года там было начато и кончено 3327 процессов, и 27 из них окончились сожжением обвиненных. Тем не менее потребовалось еще два года на усмирение волнений народа, не желавшего принять инквизицию, волнений в Теруэле, Валенсии, Лериде и Барселоне. На островах Майорке и Минорке эта борьба тянулась це-

лых восемь лет. Восстание вспыхнуло там еще раньше сарагосского и окончилось лишь в 1490 году торжеством инквизиции.

Что касается Арбуэ, ему устроены были пышные похороны, а могила его — на месте убийства — была украшена монументом с не менее пышной эпитафией. На этом еще не окончились почести, оказанные памяти инквизитора. В 1664 году папа Александр VII причислил его к лику святых, а молва укрепила за ним славу целителя от чумы. Трагическая смерть Арбуэ увековечена также кистью Мурильо. Художник представил событие согласно историческим данным. Лишь ангел вверху картины, как бы принимающий душу инквизитора для водворения ее в рай, является отголоском канонизации Арбуэ и преклонений пред инквизицией.

С развязкой этой трагедии, несомненно, связано имя Торквемады. Как великий инквизитор он, конечно, принимал живейшее участие в жестокостях, которые были ответом на убийство Арбуэ и критику инструкции. ореол кротости и смирения, каким пытаются наделить его биографы вроде Турона, несомненно, должен быть заменен символом совершенно обратного значения. Гораздо вернее, что он был лев, но не лев религии, как аттестует его Флешье, а лев нетерпимости и личного мщения. В этом отношении назначение его великим инквизитором было драгоценною находкою для инквизиции, и сам папа, что бы ни говорили обелители Сикста, благодарил Торквемаду за служение вере.

«Любезному сыну нашему, — писал он Торквемаде, — привет и апостольское благословение. Почтенный брат наш Родриго, епископ Портский, вице-канцлер святой римской церкви, назначенный кардиналом Валенсии, недавно говорил нам с большою похвалою о ваших заслугах и выдающемся усердии, которое вы обнаружили, искореняя ереси в королевствах Кастилии и Леоне. Мы узнали об этом с чувством *полного удовлетворения*, что делает вам честь, и с радостью видим, что, полные знания и облеченные властью в высокой мере, вы пользуетесь этими преимуществами только для преуспевания дел, касающихся славы Бога и святости церкви. Мы можем только предложить вам, любезный сын наш, и ободрить вас в Господе, неуклонно продолжать эту святую обязанность на защиту и распространение правой веры...»

Чтобы оценить вполне, как исполнялась «святая обязанность», по выражению Сикста, необходимо перенестись

мыслью в зал инквизиционного трибунала и в мрачные камеры его темниц, лучшею надписью для которых была бы надпись над воротами ада:

Здесь мною входят в скорбный град мучений,

Здесь мною входят в муку вековой...

Оставь надежду всяк, сюда идущий...

ГЛАВА II

ИНКВИЗИЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Приезд инквизитора.— Извещение жителей.— Отсрочка милосердия.— Настроение общества.— Доносы.— Начало процесса.— Арест.— Инквизиционная тюрьма.— Заседание трибунала.— Первое свидание подсудимого и судей.— Свидетели.— Право отвода обвинителя.— Камера пыток.— Начало применения пыток в религиозных процессах.— Кроткое увещание и отеческое побуждение.— Пытка веревкою, водою и огнем.— Виды преступлений, подлежащих инквизиции.— Пристрастие трибунала.— Категория обвиненных.— Примирение с церковью.— Аутодафе частное и общее.— Приготовление к аутодафе.— Церемониал.— Костюм осужденных.— Сожжение в изображении.— Образчик инквизиторского красноречия.— Чтение приговора.— Сожжение упорных.— Общее число жертв инквизиции.

Во времена первой инквизиции в городах, где не было постоянного трибунала, инквизиторы появлялись наездом. Сейчас по приезде они приглашали к себе коменданта и присягой обязывали его исполнять все их решения, иначе не только ему, но и всему городу грозило отлучение. В ближайший праздничный день инквизитор отправлялся в церковь и объявлял с кафедры о возложенной на него миссии. Он приглашал при этом виновных в ереси явиться к нему без понуждения, в надежде легкого церковного наказания. Затем на месяц давалась отсрочка на размышление, так называемая отсрочка милосердия... Физиономия города сразу менялась. Граждане от мала до велика, по первому звону, спешили на богослужение. Общение с знакомыми ограничивалось самым тесным кругом. Все боялись друг друга, родители — детей, дети — родителей, хозяева — слуг. Беседы велись на благочестивые темы. На каж-

дом шагу слышались религиозные сентенции: *Да сохранит вас Бог, идите с миром, да поможет вам святая Дева...* Между тем помещение инквизиции начинали осаждать разные темные личности. Давнишние счеты с соседом, за-таенное недовольство и злоба — все это сказывалось теперь в приемной инквизитора. Там с охотой выслушивали донощиков и вносили их вести в особую книгу. Кроме этих услуг добровольцев, инквизиции служили еще циркулировавшие по городу слухи, наконец, заранее заготовленное, предвзятое обвинение, и все дело состояло лишь в накоплении судебного материала под благовидным названием доказательств. К тому же многие спешили навстречу желаниям инквизиторов, потому что недонесение издавна считалось преступлением не менее тяжким, чем сама ересь... Наконец «отсрочка милосердия» истекала. Если обвиняемый доносом не являлся сам, по собственному сознанию, то инквизиторы начинали расследование. Прежде всего призывался доносчик. Ему предлагали способы открыть истину — обвинение и простое показание. Обвинение могло не подтвердиться и обрушиться на самого обвинителя, потому выбиралось второе. Оставалось назвать свидетелей. Если эти свидетели подтверждали обвинение, инквизитор приказывал арестовать обвиняемого. Не знакомя его с делом, его запирали в темницу. Имущество его описывалось впредь до разрешения дела, и сам он до того же момента как будто умирал для мира.

Темницы инквизиции были мрачны и сыры. Небольшие камеры, в 5 шагов длины и 4 ширины, наполовину были заняты нарами с грязной, сгнившей соломой вместо постелей. Небольшое окошко чуть освещало это царство страданий. В нем помещалось до 6 и более узников, так что многие спали на полу в отравленной миазмами атмосфере. Первое время мужчины не отделялись от женщин. Жалобы не допускались. Если узники подымали шум или спор, их выгоняли в коридор и, раздев, бичевали, не разбирая ни пола, ни возраста. Все виды насилия, как вороны над добычей, носились над головами этих несчастных. Женщины и девушки насильовались или соблазнялись, конечно коварно, путем позора купить оправдание. Под тем же предлогом у богатых выманивали деньги и только в этом случае допускали их тайное общение с родными. Иначе всякое милосердие к узнику считалось соучастием в преступлении.

Не сразу начинался процесс заключенных. Многие теряли здоровье прежде, чем являлись перед судом инквизиции, живые мертвецы, в самом истерзанном виде. Процесс начинался не иначе как по просьбе обвиняемого. Его побуждали к этой просьбе, когда хотели, при посредстве тюремных агентов. Только после этой жестокой формальности его приглашали в заседание трибунала... Под низким узорчатым потолком в небольшой комнате, слабо освещенной небольшими окнами, его ожидали инквизиторы. Они сидели за длинным столом на широкой лавке, подпоясанные веревками, в белых и коричневых сутанах, с небольшими шапками на головах. Тут же находился епископ в парадном облачении, что, впрочем, практиковалось лишь в начале инквизиционной эпохи, наконец — нотариус и докладчик. В это первое свидание с судьями обвиняемого встречали, как будто ничего не знали о нем, и в то же время различными вопросами старались запутать его и вырвать у него улики. Свидетелей допрашивали отдельно. Обвиняемый их не видел все время допроса. Самые показания их он получал в сокращенном виде, без указания места и времени. Этим предполагалось обеспечить свидетелей от мщения их жертв, когда последние дождутся свободы. Очная ставка свидетелей возбранялась на том же основании, а сами свидетели могли быть люди заведомо преступные и лицеприятные. Два свидетеля по слуху считались равносильными очевидцу. Обвиняемый мог отвергать обвинителя лишь в случае явной вражды к нему последнего. Чтобы узнать, не злоба ли руководила доносом, инквизиторы спрашивали у обвиняемого, нет ли у него врагов и кто они. Если он называл их, не упоминая действительного виновника своего ареста, его лишали права опровергать этого виновника. Он мог иметь защитника, но видеться с защитником ему позволялось только в присутствии инквизитора. Существовало, впрочем, формальное запрещение адвокатам и нотариусам защищать еретиков, но оно, по-видимому, не всегда исполнялось. Если улики против подсудимого казались слишком очевидными или, по личным расчетам инквизиторов, считались такими, трибунал, не медля, произносил приговор и отсылал подсудимого в темницу до исполнения этого приговора. Только полное признание справедливости обвинения могло уменьшить наказание подсудимого, и к этому прибегали часто, чтобы избежать ужасов полного дозна-

ния. Инквизиторы сами решали, действительно ли откровенно и чистосердечно сознание их жертвы...

Кто отрицал обвинение при наличии тяжких улик, того объявляли упорными. Из зала трибунала его дело переносилось в камеру пыток, *in loco tormentorum*. Камера пыток обыкновенно помещалась в подzemелье, узкие коридоры со многими поворотами вели туда, ни один вопль не доносился оттуда наружу... «Такого-то числа, месяца и года», как гласила инквизиционная формула, узник выводился из темницы и водворялся в месте мучений. При пытке, согласно инструкции Эймерика и Торквемады, находился инквизитор, иногда доктор, писец для записывания показаний и слуги трибунала в черных одеждах, с глухими капюшонами на головах, лишь с отверстиями для глаз и рта.

В религиозных процессах пытка впервые применяется в 1114 году. Тогда пытали водою еретиков-катаров. В 1157 году вальденсов пытали раскаленным железом. Иннокентий III запретил было это варварское средство добывать признание, но с 1233 года почти все процессы сопровождались «умалением членов». Сперва, впрочем, уже в месте мучений, опять прибегали к убеждению. Еретика грозили муками ада, наконец, ближайшими муками — пыткой. По совету Эймерика, его раздевали быстро и с выражением печали, чтобы сильнее потрясти его испугом, затем раскладывали перед ним орудия допроса и еще раз убеждали сознаться. Это было так называемое кроткое увещание и отеческое побуждение (*benigne monitus, paterne adhortatus* говорилось об этом в протоколах инквизиции и, между прочим, в процессе Галилея). Неудача убеждений приводила обвиняемого к суровому испытанию, *al rigoro esame*. Ему связывали руки на спине веревкою, другой конец которой пропускался через блок. В таком положении его еще раз увещевали повиниться. Затем слуги вздергивали его кверху и вдруг опускали, не давая коснуться пола. Стремительное падение сразу останавливалось, члены несчастного вытягивались, веревка врезалась в руки. Если среди этих страшных мучений он объявлял о желании дать показание, его опускали на пол, чтобы записать ответы несчастного. В противном случае продолжали «умаление членов», и так не менее часу. Дольше применять одну и ту же пытку запрещалось, но инквизиторы, пользуясь изнеможением жертвы, нередко объявляли, что пытка

была применена не вполне, и потом опять возобновляли ее. Сознание, полученное на дыбе, подтверждалось еретиком по снятии с нее. Этим он свидетельствовал, что не муки, а истина говорила его устами. Если он отказывался от этого или упорствовал, несмотря на первую пытку, его подвергали второй. Второе испытание производили водою. Еретика клали на стол в форме корыта, нередко покрытый гвоздями, связывали его веревками так, что они врезывались в тело, затем, накрыв ему рот и нос мокрой тряпкою, медленно лили на нее воду. Непрерывная струя не давала жертве возможности перевести дыхание, она захлебывалась, кровь выступала у нее из носа и рта. Если и тут подсудимый все-таки отказывался дать требуемое показание, тогда применялось третье умаление членов посредством огня. Ноги несчастного заколачивали в колодку и, смазав подошвы маслом, поворачивали их к огню. Кожа трескалась от жара, кости обнажались при страшных криках мученика, доведенного прежними муками до последней степени изнеможения. Эта пытка нередко кончалась смертью узника тут же в зале мучений или в темнице, куда его относили после каждой пытки. Редко находились герои, выносившие эти терзания. Большинство признавалось после первого умаления в самых нелепых преступлениях, но это подводило их лишь под категорию сознавшихся из страха мучений и одинаково вело на костер. Некоторые налагали на себя руки, не ожидая допроса, но были герои, у которых все истязания не могли исторгнуть отказа от убеждений или сознания в несодеянном преступлении. Это были упорные, предмет глубокой ненависти инквизиторов, как доказательство их бессилия, и жертвы костров.

Не одни еретические заблуждения влекли заподозренных на суд инквизиции. По руководству Эймерика, этому суду подлежали:

- 1) Хулители религии и виновные в ложных понятиях о могуществе Бога, все равно, говорили ли они это в пьяном или трезвом виде.
- 2) Все, занимавшиеся чародейством и гаданием, особенно те, которые употребляли при волхвовании священные предметы и вещества, например святую воду и елей.
- 3) Всякий отлученный, не искавший примирения с церковью.
- 4) Укрыватели и заступники еретиков.
- 5) Лица, сопротивлявшиеся постановлениям инквизиции.
- 6) Города, правители и короли, защищавшие еретиков.

7) Власти, не отменявшие в стране или городе постановлений, несогласных с законами инквизиции.

8) Адвокаты, нотариусы и юристы, защищавшие еретиков (это правило применялось по усмотрению и только в самую раннюю эпоху первой и второй инквизиции).

9) Всякий, отказавшийся от присяги, которую требовала инквизиция.

10) Всякий, умерший в открытом или предполагаемом ерестичесстве.

11) Иудей или мавр, склонявший христиан к отступничеству.

12) Всякий, прикосновенный к ереси словом, делом или сочинением.

13) Все преступления против нравственности, незаконное сожительство, содомия и пр.

Все это рушилось на головы главным образом тех, у кого не было покровителей, чтобы остановить карающую руку, и на людей, заведомо ненавистных инквизиторам. Располагавшие влиянием ускользали от правосудия трибунала, даже в том случае, когда их преступления были известны всему свету. Сами члены трибунала часто были повинны, по инструкции Эймериха, и Вольтер вовсе не инсинуировал, когда изображал великого инквизитора любовником прекрасной Кинегунды совместно с богатым евреем. Лишь в редких случаях, при вопиющем нарушении законов и под непобедимым давлением общества, инквизиторы попадали под следствие, но, как увидим далее, их наказание имело скорее характер попустительства. Иное было положение людей без покровителей и заранее преданных усмотрению инквизиторов. По мере того как двигался процесс, масса этих арестованных постепенно распадалась на категории: легкоподозрительных (*levi*), сильноподозрительных (*vehementi*), обращенных (*reconciliati*), упорных (*obstinati*) и оправданных. Впрочем, оправданные почти всегда считались подозрительными. Им выдавалось разрешение *ad cautelam*, т. е. как подозреваемым в ереси, и горе было этим лицам, если они опять попадали в руки инквизиции. Рецидивистам (*relaps*) не было прощения... Каждый обвиненный и сознавшийся мог просить примирения с церковью. Степень наказания в таком случае уменьшалась, смотря по времени признания и по важности преступления. В период первой инквизиции примирение с церковью совершалось торжественно, в храме и в присутствии народа. В назначенный день перед обедней обвиненный в ереси ставился на амвон с открытой

головую и со свечою в руках. Начиналось богослужение. После чтения евангелия инквизитор произносил речь против ереси, затем осужденный на покаяние перед крестом и евангелием произносил отречение от своих заблуждений и, если мог, подписывал этот акт, и получал разрешение.

«В день всех святых, в праздник Рождества Христова, — говорилось в разрешительной грамоте, — в праздник Сретения Господня и каждое воскресенье Великого поста обращенный обязывается присутствовать в соборе при церемонии в одной рубашке, босиком, с руками, сложенными накрест, и принимает от епископа или пастора удар лозою, кроме Верного воскресенья, в которое будет разрешен. В великую среду он опять должен явиться в собор и будет изгнан из церкви на все время поста, в которое обязан приходить к воротам церкви и стоять во все время богослужения. В святой четверг он станет на том же месте и будет снова разрешен. Каждое воскресенье поста он входит в церковь в надежде разрешения и опять становится у врат церковных. На груди постоянно носит два креста цвета, отличного от платья».

Это покаяние продолжалось от трех до семи лет, смотря по важности преступления, и было самою легкою карой.

В период второй инквизиции примирение с церковью совершалось во время аутодафе. Аутодафе, религиозное действие, дело веры, бывали частные и общие. Первые совершались по мере надобности несколько раз в год, предпочтительно постом; вторые — по случаю важных событий в государственной жизни, восшествия на престол нового государя, рождения инфанта и проч. За месяц до торжества члены трибунала со знаменем впереди отправлялись на главную площадь и объявляли народу о дне аутодафе. То же делали герольды инквизиции при звуках труб и барабанов по всем улицам и площадям. По мере приближения назначенного срока начинались приготовления. На площади против королевского балкона, если предполагалось присутствие короля, возводился помост длиною в 20 шагов. Сбоку, справа от балкона, строили амфитеатр в 25 или 30 ступеней, покрытый коврами, для членов инквизиции, с балдахином на верхней ступени для великого инквизитора. Слева другой такой же амфитеатр, но без всяких украшений, предназначался для осужденных. Посередине помоста ставился меньший помост с двумя рядами деревянных клеток, куда вводили преступников на время чтения приговоров. Прямо против клеток ставили

две кафедры: с одной читались приговоры, с другой произносилась проповедь; перед местами советников воздвигались жертвенники. Для народа тоже устраивались места.

Накануне торжества из церкви выходила процессия, впереди угольщики, как цех, прикосновенный к правосудию инквизиции, — они поставляли дрова, за ними доминиканцы и стража. Дойдя до площади аутодафе, процессия останавливалась, на помосте водружались знамя инквизиции и зеленый крест, обвитый черным крепом. Затем кортеж удалялся, исключая доминиканцев, которые оставались на площади и до глубокой ночи пели псалмы. Рано утром площадь наполнялась народом. В 7 часов на королевском балконе появлялись король и королева, придворные чины и высшие представители духовенства. Церковный благовест возвещал о начале церемонии. Ее открывали сто угольщиков с пиками и мушкетерами, за ними шли доминиканцы, предшествуемые крестом. За братьями-проповедниками несли знамя инквизиции. Оно было красного цвета, из дорогой материи; на одной его стороне был герб Испании, на другой — меч, окруженный лавровым венком, и фигура Доминика. Впрочем, в различных городах оно украшалось различно. После знамени инквизиции появлялись гранды Испании и офицеры трибунала, наконец — вереница осужденных по степеням наказания. Впереди выступали примиряемые с церковью. Они были босы, с непокрытыми головами. На них была одежда кающихся, так называемое санбенито, род льняного мешка с большим желтым крестом на груди и на спине. За примиряемыми следовали обреченные на бичевание и тюремное заключение. Но главный интерес для толпы представляли осужденные на сожжение. Это были упорные еретики и вторично впавшие в ересь. Измученные пытками и тюремным заключением, они шли со свечами в руках, в льняных санбенито, с бумажными колпаками на головах. У несчастных, пытавшихся протестовать и обличать инквизиторов, рот был завязан бычачьим пузырем. Предсмертный костюм этой группы покрывали изображения дьяволов и пламени, направленного вверх. У признавшихся после пытки это пламя направлялось вниз, потому что эти жертвы сперва удавливались и потом сжигались. Около каждого осужденного на смерть находилось по два офицера и по два монаха. В этой же части

процессии на высоких древках несли изображения бежавших от суда инквизиции или умерших в темницах, не дождавшись костра. Их сжигали в изображении, символически, первых — во всяком случае, вторых — если таково было решение трибунала. Кости умерших находились тут же в деревянных ящиках около фигур осужденных и вместе с этими фигурами возлагались на костер. В хвосте процессии ехала кавалькада советников верховного совета, инквизиторов, духовенства и наконец великий инквизитор в фиолетовом облачении, окруженный стражей. Когда процессия достигала площади аутодафе и участники ее занимали назначенные им места, священник начинал обедню и доводил ее до евангелия. Затем великий инквизитор, надев митру, подходил к королевскому балкону и принимал от короля клятву покровительствовать инквизиции и помогать преследованию еретиков. Такую же клятву давали все присутствовавшие при церемонии. Начиналась проповедь...

«Если Бог веками терпит наши беззакония, — говорилось в одной из таких проповедей, — то люди вполне справедливо посвящают хотя один день, чтобы отомстить за поношения Бога. Святой трибунал являет сегодня свое усердие к славе Господа, и это место, покрытое преступниками, ожидающими наказания, — живое представление того, что мы увидим однажды в долине Иасафата. Как царь небесный и земной придет судить людей, окруженный своими силами (оратор выражался даже «грандами» для большого сходства), и все святые с ним, так мы видим на суде святой инквизиции величайшего из монархов света, его советников и всех грандов королевства. Когда евреи, читаем мы в святом писании, выбирали царя, они вручали ему вместе с короною книгу закона, и это означало, что тою же рукой, которою он принимал скипетр, он должен был принуждать своих подданных следовать предписаниям религии»... «Утверждать, — говорил далее оратор, — что люди свободны веровать по желанию и что не следует наказывать еретиков, значит утверждать, что не нужно наказывать грабеж, волшебство и смертоубийство... О ты, святейший трибунал веры, оставайся непоколебимым до скончания веков и сохраняй нас чистыми и твердыми в нашей религии. О, как говорит это зрелище об усердии и заботливости инквизиторов! Их величайший триумф — эта толпа преступников, и я могу сказать о трибунале то же, что сказано о церкви: прекрасна подруга моя, как шатры кедарские, как палатки Соломоновы. Этот день — день торжества и славы трибунала, он наказывает сегодня лютых зверей, врагов религии, и овладевает их достоянием...»

По окончании проповеди началось чтение приговоров. Осужденные поочередно выслушивали их на коленях, входя для этого в клетки на помосте. Великий инквизитор да-

вал затем разрешение примиряемым с церковью, а осужденных на смерть передавал в руки светской власти.

«Мы объявили и объявляем, — говорилось об этом в сентенции, — что обвиняемый (такой-то) признан еретиком, в силу чего наказан отлучением и полной конфискацией имущества в пользу королевской казны и фиска его величества. Объявляем, сверх того, что обвиняемый должен быть предан, как мы его предаем, в руки светской власти, которую мы просим и убеждаем, как только можем, поступить с виновным милосердно и снисходительно...»

Защитники инквизиции ссылаются на эту сентенцию, как на доказательство гуманности инквизиции, но эта ссылка грешит наивностью, потому что инквизиторы, умоляя о снисхождении, соблюдали только лицемерную форму и отлично знали, что костры уже заготовлены и ожидают своих жертв. По окончании церемонии, которой и принадлежит собственно название аутодафе, этих жертв, в присутствии громадной толпы зевак и изуверов, отводили за город на место сожжения. Там для каждого несчастного был отдельный костер. На костре был установлен шест, и к нему привязывали жертву. Желавших умереть, исповедавшись, или, как говорили, по долгу христианскому, и всех сознавшихся после пытки сперва душили, затем под всеми одинаково разводили огонь. Осужденные на сожжение в изображении и кости умерших сжигались в первую очередь, чем, очевидно, только усиливалась нравственная пытка живых страдальцев. Если среди них находились лица духовного звания, тогда церемония усложнялась, к костру являлся папский нунций, епископы и священники. Осужденный стоял среди инквизиторов, в полном облачении сообразно своему сану. После приговора читалась особая сентенция.

«Именем Бога всемогущего, Отца и Сына и Святого Духа, властью апостольскою и нашею, мы, посланные в эти страны, — говорилось в сентенции тулузской инквизиции, — снимаем с тебя твой духовный сан и отрешаем тебя от священнической и других обязанностей, мы низлагаем, лишаем и исключаем тебя от всех церковных бенефиций, духовных прав и привилегий. В силу всего этого мы просим присутствующего здесь благородного сенешала взять тебя в свое распоряжение и настоятельно предлагаем ему, при исполнении наказания, поступить с тобою согласно приговору...»

Таким образом, тулузская инквизиция не прибегала по крайней мере к лицемерию испанской и не просила снисхождения к преступнику.

Сколько людей погибло на кострах испанской инквизиции, и как велико общее число осужденных ею? Льоренте дает на первый вопрос цифру 34 658 и на второй — 290 921 человек. Если верить его словам, один Торквемада сжег 10 220 жертв. В настоящее время эту последнюю цифру уменьшают, но не нужно забывать, что за инквизицией числятся еще многие тысячи униженных, разоренных и изгнанных, и потому итог Льоренте можно считать вполне основательным относительно жертв трибунала и в то же время далеко не выражающим того зла, которое принесла Испании святая инквизиция.

ГЛАВА III

ТОРКВЕМАДА, МАВРЫ И ЕВРЕИ

Торквемада объединитель Испании.— Мавры и их культура.— Влияние их на испанцев.— Начало освобождения испанцев и нетерпимость.— Торквемада как представитель своей эпохи.— Евреи в Испании.— Начало преследований евреев.— Мараносы.— Нетерпимость и объединение Испании.— Начало борьбы с Гренадой.—хлопоты Торквемады и опасения Рима.— Падение Гренады.— Условия капитуляции.— Недовольство Торквемады.— Мнимое святотатство евреев.— Декрет об их изгнании.— Заступничество Абарбанела.— Вмешательство Торквемады.— Исполнение декрета.— Распродажа евреями имущества.— Попытки обойти декрет.— Отъезд и гибель эмигрантов.— Радость Торквемады и заботы о трибунале.— Съезд инквизиторов в Вальядолиде.— Инквизиционный террор.— Торквемада и книги.— Преследование епископов.— Недовольство Рима.— Охрана Торквемады.— Смерть великого инквизитора.

В глазах патриотов Испании жестокость Торквемады несколько умаляется сознанием, что он был одним из объединителей этой страны.

После битвы при Херес де-ла Фронтера, 26-го июля 711 года, Пиринейский полуостров, как известно, оказался во власти арабов, и только в горах Астурии, Бискайи и Кастилии сохранились тогда остатки самостоятельности Испании. Это были зерна, из которых опять развилось ее могущество. В 1212 году мавры были уже оттиснуты на юг полуострова, где за ними осталось лишь халифатство Гранада. В таком положении было дело при соединении Кастилии и Арагонии под властью Изабеллы и Фердинанда V. Этим правителям предстояло закончить соби-
рание испанской земли, и Торквемада, несомненно, был

их деятельным помощником. В лице первого великого инквизитора и его преемников испанское духовенство выделяет с этого времени из своей среды ряд политиков, сторонников идеи: *Испания — для испанцев и все испанцы — католики*, но в применении этой идеи они доходили почти до безумия и в конце концов разрушили то, к чему так ревностно стремились. Первой пробой этой политики было покорение мавров.

Мавры не были варварами вроде татар — завоевателей Руси. Как ни горьки были их победы для испанцев VIII века, это были победы инквизиции. Разбивая противников и вступая в их города, арабы находили какие-то жалкие лачуги, приюты дикарей невежественных и суеверных. Когда же настала их очередь отступать и сдавать свои крепости, они оставляли победителю культурные страны с трудолюбивым и сведущим населением, богатые города с сокровищами знания и искусства. В Кордове было более миллиона жителей и более 20 000 домов. Ее улицы освещались фонарями — неслыханное дело в христианских городах много после падения мавров. Почти то же благоустройство царило в Гренаде, Севилье и Толедо. Роскошные дворцы окружены были там садами, где каждая пядь земли говорила о культуре, университеты являлись средоточием науки, которая долго не снилась европейским схоластам, а потом потянула их на костры инквизиции. Араб Альгазен, живший в VII веке, детально опроверг учение греков, что лучи зрения идут из глаза к предмету, и первый трактовал о волосности, тяжести воздуха, высоте атмосферы и ее плотности в зависимости от высоты. Ибн-Джунис изобрел маятник и ввел так называемую арабскую нумерацию. Аверроэс комментировал Аристотеля и, полагают, первый пришел к открытию солнечных пятен. В арабских университетах преподавали риторику, математику — как известно, арабам принадлежит основание алгебры — и медицину. Про кордовского врача Альбуказиса сохранились известия, что не было операции, которую он не решился бы сделать. У арабов же впервые зацвела та поэзия, которою восхищали провансальские трубадуры и от которой сходили с ума даже монахи, распевавшие по кельям на языке Горация

Умереть мне в кабаке
Решено судьбою,

Пусть же с чашею в руке
Встречу смерть с косою...

Вероятно, это именно нечестие возмущало душу благочестивого приора из Сеговии. В соседстве с арабами испанцы мало-помалу усваивали культуру неверных, но, как всегда бывает в этих случаях, это усвоение распространялось главным образом на худшие стороны арабской цивилизации, на то, что подтачивало уже могущество и значение «учителей». В этом сказалось печальное влияние арабов на испанское общество, они же были косвенными виновниками религиозной нетерпимости последнего.

Спасаясь в горы от арабского владычества, испанцы захватывали с собою церковные святыни, мощи угодников и в самом факте своего спасения уже видели покровительство неба. Первые победы над маврами еще более укрепили это воззрение. Мало-помалу сложились легенды, что сами святые принимали участие в битвах испанцев с неверными. В 844 году апостол Иаков предводительствовал христианским войском, сидя на белом коне и со знаменем с красным крестом на середине. В 1236 году то же сделал св. Георгий: он явился среди сражавшихся и своим мечом даровал испанцам победу... Борьба с арабами велась, таким образом, в союзе с небом, а это очевидно говорило, что враги испанцев были в то же время и врагами Бога. Целые поколения воспитывались на таких легендах, и даже дети принимали участие в кровавых мечтах об истреблении мавров. Лавалле жестоко ошибается поэтому, когда приписывает нетерпимость Торквемады любовной неудаче в Кордове. Эту нетерпимость Торквемада всосал с молоком матери, ее навевали ему каждое семейное предание, каждая церковная проповедь, каждая песня народа. Отсюда эта воинственная складка в характере сурового аскета и политика кровожадных завоевателей — или вырезать, или изгнать покоренное население. Духовная карьера лишь усилила это настроение Торквемады.

Испанское духовенство еще до нашествия арабов влияло на дела государства и едва ли не раньше римских первосвященников претендовало на раздачу корон. Король Эжика в 633 году во время толедского собора припадал к ногам епископов и просил у них совета. Епископы следили в то время за судьями и даже требовали, чтобы ни один

король не вступал на престол, не дав обещания блюсти святую веру. Победоносное нашествие арабов надолго лишало их этого влияния, и, понятно, в их среде не меньше, чем в среде королей в изгнании, таилась глубокая ненависть к завоевателям Испании. Они стремились вернуть себе заманчивое прошлое, отсюда этот тип епископа-воина и политика, ярким представителем которого был Торквемада и затем Хименес. Народные массы естественно разделяли симпатии и антипатии своих руководителей.

«Нашествие магометан, — говорит Бокль, — сделало христиан бедными, бедность породила невежество, невежество породило легкоеверие, лишая людей как способности, так и желания самим что-либо исследовать, усиливало дух подобострастия и поддерживало привычку к покорности и слепое повиновение духовенству».

Борьба за независимость еще более усилила умственное рабство народа, а это рабство подготовило торжество инквизиции. В борьбе с арабами христианская религия, естественно, являлась общепонятным лозунгом, ссылавшим верных под знамена католических государей. Враги их получали поэтому не столько политический, сколько антирелигиозный характер. Это воззрение мало-помалу распространялось и на внутреннюю жизнь народа: все, кто не были христианами, становились врагами этой лучшей из религий, их культы — объектами презрения, их последователи — объектами преследований. В этом отношении инквизицию нельзя рассматривать как нечто, навязанное Испании извне. Как семя, посеянное сеятелем, она упала на разные почвы, среди различных условий гражданской жизни и не везде всходила и приносила плоды.

Лишь в Испании суждено ей было расцвести пышным цветом и отсюда уже заражать другие страны. И здесь она встретила и встречала сопротивление, но эта оппозиция коренилась в интеллигентной среде Испании, где успели уже отрешиться от духа нетерпимости, — и чем дальше от границы Гренады и ближе к северу, тем больше, — и где зрели уже новые силы и новые начинания. Вот почему инквизиция с особенною яростью преследовала лучших представителей испанской нации. Она опиралась при этом на невежественные массы и неумолимо уничтожала все проявления свободной мысли и независимости. В то время как Фердинанд и Изабелла, следуя примеру своих предшественников, сковывали Испанию в одно крепкое це-

лос, Торквемада и его преемники, по-видимому преследуя ту же задачу — духовное объединение страны, на самом деле, лишили ее живого духа и мало-помалу омертвили. Счастливая Испания представлялась им не иначе как единой от Пиринеев до Гибралтара, и они вели ее к этому золотому веку, освещая ей путь кострами, наполняя темницы и изгоняя целые народы. Таковы были, между прочим, отношения Торквемады к евреям и мараносам, а его преемников — к маврам, морискам и лютеранам.

Предполагают, что евреи поселились в Испании еще во времена царя Соломона, вероятно вместе с финикианами. Другие относят начало этой иммиграции к первому веку христианской эры. Во всяком случае, это пришлое население скоро заняло в Испании видное место не только по количеству, но и по влиянию среди христиан. Причина этого влияния, конечно, коренилась в предприимчивости евреев. Люди, добравшиеся из Палестины до далекого Пиринейского полуострова, не могли не отличаться сильной волей, чувством солидарности между собою, упорством в труде, наконец, умственным превосходством над большинством туземцев. Дворяне Кастилии, Арагонии и других местностей Испании занимались главным образом военными подвигами и веселою жизнью. Торговля, служба в правительственных и частных учреждениях и связанное с ними образование оставались на долю духовных, людей простых и в том числе евреев. У евреев были свои школы и даже академии. Питомцы этих заведений становились докторами, аптекарями, финансистами и даже учеными и, между прочим, славились своими астрологическими познаниями. Они широко воспользовались в этом отношении цивилизацией арабов, тем более что завоеватели Испании отличались веротерпимостью и покровительствовали знанию. Высшие правительственные места также часто занимались евреями, между ними насчитывают министров и ближайших придворных испанских королей. Все это не могло не возбудить ненависти и зависти к удачливым пришельцам, а народной массе они казались единственными виновниками ее темноты и несчастья. За евреями, конечно, водились грехи, общие всем богатым и влиятельным классам, притеснение бедных, обход и прямое нарушение законов — особенно когда начались преследования Израиля, — но испанские патриоты только у них видели и хотели видеть эти недостатки, и даже коллеги евреев по

притеснению народа призывали на них внимание законодателей и просили защиты простолюдина. Законодатели не оставались глухи к этим воззваниям, и тем более, чем более влияло на них духовенство. Уже в IV веке эльвирским собором были запрещены браки между христианами и последователями Моисеева закона. В некоторых городах евреям отводились особые кварталы, куда они должны были возвращаться с наступлением ночи и выходить оттуда в платье с установленными знаками голубого или зеленого цвета. Эти меры только увеличили рознь между обоими народами. Обособленность же евреев, как следствие ограничительных законов, породила легенды об их враждебности к христианам и, между прочим, о том, что они убивают христианских детей, чтобы воспользоваться их кровью для приготовления опресноков. В невежественной среде испанцев эти толки встречали полную веру, и само духовенство поощряло чувство ненависти к евреям. Так поступил, между прочим, архиепископ Севильи Ниебла в 1391 году. Под влиянием его проповедей иступленная чернь убила тогда около 7000 еврейских семейств, а других принудила отказаться от своей религии. Во время владычества мавров эта ненависть к евреям в христианском населении только усилилась, потому что у завоевателей Испании евреи пользовались как религиозною, так и гражданскою свободою и вследствие этого сливались в глазах испанца-католика с общею массою врагов христианства.

При таких обстоятельствах евреи не могли, конечно, особенно сочувственно относиться к возрождению Испании, так как опыт прошлого говорил им, что падение мавров будет началом их собственного падения и таких погромов, как севильский в отвоеванной испанцами территории. Чтобы избавиться от этих преследований, евреи часто добровольно принимали христианство и вместе с обращенными силою составляли особую группу населения Испании — мараносов, которые были первыми жертвами испанской инквизиции. Обстоятельства, предшествовавшие крещению и тех и других, не могли, конечно, способствовать их твердости в христианской религии, а отсутствие руководства со стороны невежественного католического духовенства вызывало даже у искренних последователей этой религии невольные отклонения в область еврейских обрядов. Эти отклонения и послужили поводом к преследованию мараносов инквизици-

ей. В 1481 году севильский трибунал издал особую инструкцию, в которой указывалось 36 способов отличия истинных христиан от мнимых сторонников католичества из среды мараносов. Достаточно было, например, мараносу одеть в субботу чистое платье, чтобы навлечь на себя подозрение в тайном иудействе. То же могло случиться, если он пил вино, приготовленное евреем, ел мясо убитого им же животного, читая псалмы, не говорил «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», если он в день рождения ребенка обращался к гороскопу и даже если устраивал прощальный обед, уезжая из города. Система доносов, которою пользовалась святая инквизиция, могла доставить во всякое время обвинительный материал на гибель мараноса, и 36 параграфов севильской инструкции были только канвою для этих доносов.

Для Торквемады это были все палиативы, неспособные залечить разъедающую Испанию язву нечестия. По мнению Торквемады, отступничество мараносов могло прекратиться только с изгнанием евреев из Испании, а так как евреи находили приют и покровительство в Гренаде, то завоевание последнего оплота мавров тесно связывалось в глазах великого инквизитора с очищением родины от сомнительных религиозных элементов. Дело нетерпимости присоединялось, таким образом, к историческому движению испанцев возратить себе прежнее положение на Пиринейском полуострове. Фердинанд V вполне разделял в этом случае общенародные стремления и стремления Торквемады. Он давно собирался разнести по зерну «житницу», как называл Гренаду, а религиозная Изабелла видела в этом деле угодное Богу предприятие. Оставалось лишь приискать предлог к началу военных действий, но мавры сами дали этот предлог, напав в мирное время на испанский город Замору. Весть об этом насилии пробудила энтузиазм испанцев. К Фердинанду и Изабелле отовсюду спешили воины, готовые сразиться с неверными, а Торквемада почти не покидал в это время короля и королеву. Он не переставал побуждать их к продолжению начатого дела, эпилогом которого считал Гренаду. Но Фердинанду нужны были деньги, и тут его выручил великий инквизитор, получив от папы разрешение продавать индульгенции. В Риме даже испугались энергии, с какою повел это дело Торквемада, там опасались за доходы святого престола, и сам папа — доказательство могущества

Торквемады — обращался к советнику «их высочеств» с просьбой не забыть интересов святителя.

В ноябре 1491 года испанцы были уже под стенами Гренады. Два месяца тянулась осада, наконец мавры увидели бесполезность сопротивления. Начались переговоры. Мавры требовали свободного выхода для себя и для халифа Альбухалема, денежного вознаграждения для него же и полной религиозной и гражданской свободы для желающих остаться в Гренаде, и в том числе для евреев. Эти требования побежденных казались испанцам слишком великими, но так как они были изнурены не меньше арабов, то пришлось согласиться. 2-го января 1492 года испанские войска вступили в Гренаду. Во главе передового отряда ехал архиепископ Мендоца, примас Испании, за ним в отдалении, отчасти из опасения засады, надвигались Фердинанд и Изабелла с остальной массой войска и при них Торквемада.

Для великого инквизитора это торжество омрачалось мыслью о праве евреев оставаться в Гренаде. Правда, это право было дано лишь на три года, но великий инквизитор не мирился и с этой отсрочкой изгнания. Весьма вероятно, что евреи не подозревали, какие планы создавались в уме Торквемады. Их представители вступали в Гренаду вместе с победоносным воинством в качестве интендантов, оружейников и казначеев, и существует даже предположение, что они же дали деньги, которые уплатила испания Альбухалему. И вдруг, едва прошли мирные торжества завоевателей, по Гренаде распространилась весть, что жида хотят отравить инквизиторов. Доказательство было налицо. В одной из синагог в священной книге евреев была найдена облатка. Жиды собирались отравить святое причастие. Старый призрак еврейской ненависти к христианам опять восстал в воображении испанцев, древние саги о еврейском святотатстве находили явное подтверждение и зывали к правосудию... 31-го марта 1492 г. правосудие совершилось: евреям повелевалось креститься или оставить Испанию.

Стон и плач наполнил еврейские жилища... Старый раввин Абарбанел, когда-то управляющий денежными делами Фердинанда и Изабеллы и лично известный правителям, бросился в Гренаду умолять их о пощаде Израиля. Три раза падал Абарбанел на колени перед королем и королевой. «Возьмите,— говорил он им в

страстной мольбе о соплеменниках, — возьмите все наше золото и серебро, возьмите все имущество Израиля, но оставьте нам нашу родину!..» Он тут же предлагал им 600 000 золотых дукатов, но ни деньги, ни мольбы не могли умиловать королевского гнева. Абарбанел обратился тогда к советникам правителей и просил их о заступничестве. Корыстолюбие начало было побеждать Фердинанда, он готов был уже отменить исполнение указа, но Торквемада сумел остановить эту меру. Величественный, как ветхозаветный пророк, он пришел к королю и королеве с крестом в руках и сказал:

— Иуда продал Сына Божия за тридцать серебряников, выши высочества, быть может, хотят продать его за триста тысяч. Он здесь. Вот Он, возьмите и, если хотите, продайте...

С этими словами Торквемада положил распятие перед Фердинандом и Изабеллой и затем удалился... Не одно воззвание к чувству правоверных католиков звучало в краткой речи инквизитора. Она могла напомнить Фердинанду и Изабелле о том времени, когда Торквемада принимал участие в свержении «нечестивого» Генриха IV, и даже о судилище инквизиции. Грозная сила, стоявшая за Торквемадой, давила их, оставалось исполнить указ о евреях, и он был исполнен.

К концу июля 1492 года евреи обязывались покинуть Испанию, если не хотели креститься. Государи обязывались с своей стороны снабдить их паспортами и предоставить им корабли для отъезда. Во время отсрочки эмигранты должны были продать свое имущество, но отнюдь не вывозить из Испании ни золота, ни серебра. В то же время Торквемада приказал доминиканцам и другим духовным лицам употреблять все меры к обращению евреев в христианство, а всем верным католикам, по истечении данной евреям отсрочки, под страхом наказания, избегать всякого общения с ними и не продавать им съестных припасов и ничего необходимого для жизни. Как ни тяжело было положение евреев, большинство их все-таки осталось верно своей религии и спешило с отъездом из Испании. Наскоро продавалось ими имущество, дома и поместья уступались за сотую долю стоимости, были даже случаи, что виноградник отдавался за кусок полотна, дом променивался на осла и тому подобное. Чтобы спасти хоть что-нибудь среди этого погрома, некоторые зашивали золото в одежду

или в сбрую выючных животных, другие глотали по тридцати червонцев, разрезав их на кусочки, третьи прятали их в места, куда заглянуть могла не позволить дозору стыдливость. Все эти расчеты, надо думать, не оправдывались, и золото не ускользало от любопытства королевской стражи, да иначе мы и не знали бы об этих проделках евреев... Сборными пунктами эмигрантов были назначены Картагена, Валенсия, Барселона, Кадикс и Гибралтар. И старый и малый — потянулись туда евреи, кто верхом, кто на повозках, кто пешком. Многие умирали, еще не достигнув места отправки, падавших духом ободряли раввины, заставляя женщин петь и бить в тамбурины... Дальше ждали Израиля еще большие испытания, голод и оспа на кораблях, грабежи и убийства на суше. В Генуе их встретила толпа фанатиков, предлагавших получить хлеб ценою крещения; в Неаполь они сами привезли оспу, опустошившую город; в Африке их убивали, женщин и девушек насиловали и продавали в рабство.

Как велико было число этих эмигрантов, различные авторы говорят об этом различно. Льоренте насчитывает их до 800 000 человек. Во всяком случае, эта вынужденная эмиграция, не говоря о ее жестокости и беззаконии, несомненно, причинила ущерб испанской торговле и промышленности. Это была первая причина падения Испании после непродолжительной эпохи могущества. Ослепленные торжеством над маврами и последовавшим открытием Америки, испанцы долго не замечали результатов политики нетерпимости, и только отпадение целых провинций послужило для них поздним указанием на всю пагубность влияния Торквемады и его преемников. Это косвенно признается даже безусловными поклонниками приора из Сеговии, когда они вознаграждают потери Испании тем золотом, которое оставили в стране евреи. Если верить их словам, с эмигрантов брали еще по два дуката за право отъезда и конфисковывали имущество у запоздавших.

Что касается Торквемады, то он ликовал. Еврейские синагоги обращались в церкви, в Гренаде воздвигались стены монастыря во имя святого Доминика, оставалось сохранять и укреплять инквизицию. Среди забот о торжестве испанцев над маврами Торквемада не забывал своего излюбленного детища. Время обнаружило в этом учреждении много недостатков и злоупотреблений, а между тем великий ин-

квизитор хотел видеть его совершенным, достойною опорой религии. Он представлял себе инквизицию олицетворением справедливости, судом строгим для упорных в своих заблуждениях, милостивым для кающихся, священным средством создать наконец в Испании едино стадо с единым пастырем. В заботах об этом в 1488 году, в последних числах октября, Торквемада снова собрал в Вальядолиде генеральную юнту инквизиторов. Здесь были выработаны 15 новых законов в дополнение к изданным в 1484 году. Новые законы предлагали инквизиторам соблюдать в процессах одну общую для всех форму и не откладывать суда над заключенными под предлогом недостаточности улик. Келейный характер инквизиционных процессов законы оставляли в прежней силе. Они предлагали допрашивать свидетелей при возможно меньшем числе присутствующих и запрещали подсудимым видаться с кем-либо, исключая священника, и то возможно реже. Число этих узников инквизиции было громадно. Трибунал не знал наконец, куда поместить осужденных на вечное заточение, и потому генеральная юнта разрешила этим преступникам отбывать наказание на дому, но строго запретила выходить из этих импровизированных тюрем. Не меньше озабочивали юнту расходы на содержание многочисленных заключенных. Чтобы помочь этому горю, решено было ходатайствовать перед правительством об учреждении при трибуналах так называемых домов покаяния, где осужденные могли бы заниматься ремеслами и тем оплачивать свое содержание. Этот проект получил впоследствии осуществление, но зато потерпело фиаско другое постановление юнты — оплачивать расходы трибуналов и жалованье их членам на счет конфискаций прежде удовлетворения королевской казны. Фердинанд увидел в этом посягательство на свои доходы и отказал в утверждении этой меры. Взамен он предложил инквизиторам занять в епархиях по приходу и тем покрывать свои недочеты. Из других постановлений вальядолидской юнты заслуживает внимания распоряжение, запретившее примирение с церковью мужчин моложе 14 лет и женщин 11. Чтобы оценить по достоинству эту меру, необходимо припомнить, что вторично впавшие в ересь заранее осуждались на сожжение и конфискацию. Таким образом, устраняя малолетних от примирения, юнта, очевидно, хотела избавить их от обвинения в рецидиве, так как вопрос об этом мог возникнуть

только после примирения с церковью. Но такова была судьба всех законов инквизиции, что они всегда применялись по усмотрению, и 15 новых постановлений юнты не смягчили суровой гегемонии этих блюстителей веры. Произвол и после 1488 года по-прежнему оставался характерною особенностью инквизиционных трибуналов, жертвы их по-прежнему подвергались жестоким истязаниям под покровом спасительной для свидетелей тайны, а эти свидетели по-прежнему безбоязненно клеветали, на кого хотели.

Такие порядки не замедлили вызвать деморализацию испанского общества. Всякий стал думать о спасении своем и своих, и многие спешили записаться в число офицеров инквизиции, как назывались исполнители ее приказаний, в громадном большинстве шпионы. Посредством этих шпионов судилище зорко следило за всеми проявлениями свободомыслия, самого невинного, и, между прочим, уже при Торквемаде стало преследовать книги, это признанное несчастье для поборников нетерпимости. Усердие в уничтожении книг доходило до последних границ вандализма. На заре инквизиции роль цензоров исполняли епископы, но Торквемада упростил эту процедуру и жег книги, не подвергая их рассмотрению. В 1490 году он сжег таким образом в Саламанке множество экземпляров еврейских библий, затем 6000 книг различных авторов, как опасных для религии, и, наконец, уничтожил всю библиотеку королевского принца Генриха Арагонского. Железные руки инквизиторов простирались даже к высшим представителям католического духовенства. В этой среде не особенно благоволили к трибуналу, помня дни, когда церковный суд принадлежал епископам, и этого было достаточно, чтобы навлечь на них преследование инквизиции. Правда, инквизиция не имела права судить епископов, но она слишком чувствовала свою силу, чтобы останавливаться перед этим, и еще при Торквемаде добилась осуждения епископов Калагоры и Сеговии. Оба епископа были позваны в Рим и там оправданы и даже назначены посланниками: первый — в Венецию, а второй — в Неаполь; но раздраженный неудачей Торквемада доставил новые доказательства их еретичества, и посланники были лишены епископских санов и заключены в темницу. Это новое свидетельство усердия великого инквизитора подняло в Риме прежнее недовольство испанской инквизицией, и только

опасение конфликта с Фердинандом и Изабеллой удержало папу Александра VI от низложения Торквемады. В Риме решились только на полумеру. Под видом заботы о здоровье инквизитора, папа, указом 23-го июня 1494 года, признал необходимым дать Торквемаде четырех епископов в качестве генерал-инквизиторов с правом участвовать в заседаниях трибунала. Эта мера не ограничила, однако, ни власти, ни жестокости Торквемады. Он до самой смерти продолжал очищать Испанию от ереси и возбудил такую ненависть среди современников, что ожидал себе участи Арбуэ. Он ездил с большими предосторожностями: 50 конных офицеров инквизиции и 200 пеших постоянно сопровождали великого инквизитора, а ночью его дорогу освещали, как будто для целого отряда войска. Даже дома он ожидал руки убийцы и постоянно держал на столе рог единорога, которому приписывали силу останавливать действие яда. Торквемада умер 16-го сентября 1498 года и погребен в Авиле, но инквизиция продолжала угнетать Испанию вплоть до первого десятилетия девятнадцатого века.

ГЛАВА IV

ПРЕЕМНИКИ ТОРКВЕМАДЫ

Диего Деца. — Новые законы о конфискации. — Вмешательство в торговые дела. — Новое изгнание евреев. — Начало обращения мавров. — Талавера и Хименес. — Восстание мавров. — Мориски. — Система изоляции и новые изгнания. — Люцерио. — Его жестокости и возмущение кордовцев. — Хименес инквизитор. — Католическая конгрегация. — Испанцы требуют реформы инквизиции. — Хименес защитник трибунала. — Его письмо к Карлу V. — Новый кодекс инквизиции. — Борьба кортесов с Карлом и трибуналом. — Уничтожение сословных привилегий. — Лютеране и инквизиция. — Эдикты Карла V. — Апостольская инквизиция. — Ван дер Густ и Тительман. — Политика Филиппа II. — Борьба с лютеранами в Испании. — Аутодафе 8-го октября 1559 г. — Инквизиция и мориски. — Результаты политики нетерпимости. — Инквизиция и литература. — Инквизиция за пределами Испании. — Иоанн Перец де Сааведра. — Инквизиция в Германии и Франции. — Людовик IX. — Бомарше об испанской инквизиции. — Падение инквизиции в Испании и Португалии. — Всеобщая инквизиция. — Кардинал Караффа и его аксиомы. — Венецианская инквизиция. — Эхо нетерпимости в России. — Заключение.

Вторым великим инквизиторов был Диего Деца, епископ Валенсии, покровитель Колумба и добродушный человек, по словам Геффле; по словам Льюренте, — фанатик, осудивший на сожжение 2592 человека. Недовольство Рима Торквемадой не замедлило сказаться на его преемнике. Там решили раздробить испанскую инквизицию, и потому буллой 1-го декабря 1498 года Деца был утвержден только в звании великого инквизитора Кастилии. Однако эта мера потерпела фиаско. Деца отказался принять эту должность, пока не распространили его власти

и на королевство Арагонию. Папа должен был уступить, такова была сила испанской инквизиции.

В заботах об увеличении этой силы Диего Деца не уступал своему предшественнику. Он издал новые законы о конфискации и вместе с тем увеличил число преступлений, подлежащих суду инквизиции, объявив таким преступлением взимание процентов по ссудам. В силу арагонской конституции, это было нарушением прав арагонцев, но инквизиция, опираясь на сочувствие правительства, не считалась уже ни с правами, ни с привилегиями. В этом отношении она являлась деятельною помощницей королевской власти в стремлении последней уничтожить сословное влияние на дела государства.

Неуклонное продолжение политики Торквемады — такова была программа Диего Децы. По его настояниям, указ 1492 года был применен к евреям, временно пребывавшим в Испании, и хотя это распоряжение наносило новый удар испанской торговле, желание инквизитора все-таки было исполнено. Еще серьезнее по последствиям были начинания Децы в Гренаде. Хотя маврам обещали по договору свободу вероисповедания, однако правительство считало себя вправе распространять христианство в стране неверных, и от мер увещания постепенно перешло к принуждению. Сейчас по завоевании Гренады туда был назначен архиепископ Талавера, но с мирною миссией проповедовать слово Божие и управлять молодою епархией. Талавера не переходил за границы своей обязанности и не замедлил приобрести симпатии мавров, которые называли его «великим альфаки» и с удовольствием слушали его наиздания. В 1499 году к Талавере присоединился Хименес Циснерос, архиепископ Толедский и примас Испании. Первые действия его были осторожны. Он беседовал с мавританским духовенством, осыпал его подарками и, благодаря этим приемам, через два месяца крестил 4000 мавров. В часы молитвы над Гренадой уже разносился церковный благовест, но это доказательство торжества христианства казалось Хименесу слишком незначительным, и он решил поступить энергичней. Он приказал развести костер на площади и сжечь на нем до восьмидесяти тысяч экземпляров корана и других книг арабов, исключая медицинских, которые были перенесены затем в Алькалу в библиотеку основанного Хименесом университета. Результаты этого варварства, вероятно, не предвиделись

Хименесом: мавры возмутились и с оружием в руках кинулись к жилищу архиепископа. Целую ночь защищался он, осажденный в своем доме, и только подоспевшая помощь из Альгамбры спасла его от мести повстанцев, но возмущение продолжалось еще восемь дней. Усмирению бунта помог все тот же кроткий Талавера. В сопровождении одного только капелана, который нес перед ним архиепископский крест, он пришел в ряды повстанцев и произвел своим появлением такую сенсацию, что раздраженные мавры смирились и стали целовать одежду «великого альфаки». Вслед за этой идиллией наступила очередь репрессалий... Ревнителям благочестия восстание послужило на пользу: правительство нарушило гренадский договор и предложило маврам на выбор или креститься, или подвергнуться наказанию за бунт. Часть гренадцев крестились, другие же бежали в горы и вскоре с оружием в руках сделали попытку вернуть себе независимость. После первых удач эта попытка кончилась поражением восставших, большинство которых приняло затем христианство, сохранив язык, одежду и обычаи, и лишь немногие оставили пределы Испании. В среде населения последней мавры-магометане находились теперь в Кастилии, Леоне и Арагонии, но чтобы предупредить их влияние на морисков Гренады, правительство решило образовать между севером и югом государства полосу земли, свободную от магометан, и приказало 12-го сентября 1502 года всем некрещеным маврам Кастилии и Леона — мужчинам с 14 лет, а женщинам с 11 — покинуть Испанию к концу апреля того же года. Таким образом, магометане остались только на севере Испании, в королевстве Арагонии.

Чтобы следить за верностью религии гренадских перекрещенцев, Деца убедил правителей распространить на Гренаду власть кордовского инквизитора. Этот инквизитор был Родригес Люцero, яркий тип служителя нетерпимости. Для Люцero не существовало никаких законов: он и правых, и виновных безразлично заключал в темницы, подвергал жестоким истязаниям и выводил на костры. Его подчиненные шли еще дальше, они неистовствовали по тюрьмам, вымогая деньги и насилуя женщин и девушек. В числе жертв Люцero, или Тенебреро, т. е. Мрачный, как прозывали его за жестокость, оказался даже архиепископ Гренады Талавера. При помощи подкупленных свидетелей Талавера был обвинен в иудействе и, как

еретик, заключен в тюрьму вместе с многими из родственников. Только вмешательство папы избавило его от правосудия Тенебреро.

После смерти Изабеллы, 26-го ноября 1504 года, кастильская корона перешла к зятю покойной Филиппу I. Первым делом нового правителя было устранение Децы. Вместо него великим инквизитором король назначил Гуцмана, но через три месяца Филипп помер, и Деца снова вернулся к власти. Раздраженные этим жители Кордовы решились силою уничтожить инквизицию и, напав на судилище, освободили его узников и прогнали чиновников трибунала. На этот раз Деца добровольно отказался от звания инквизитора. Фердинанд V был в это время регентом Кастилии, Хименес Циснерос был назначен ее великим инквизитором. Третий глава кастильской инквизиции был достойным преемником Торквемады по влиянию на дела государства. Он получал это влияние уже как примас Испании и канцлер Кастилии, но личные таланты еще более способствовали его возвышению. Его считали равным по учености Августину, по религиозной ревности — Амвросию, по аскетизму — Иерониму. Ему принадлежит основание университета в Алькале, как нашему Никону — исправление священных книг и реформы в среде духовенства, где до Хименеса, по словам Мартира, проповедники были так же редки, как белые вороны. В лице Хименеса, едва ли не в последний раз, архиепископ является воином, на собственные средства предпринимает поход в Африку и завоевывает Оран. Ему же принадлежит совет Фердинанду завести постоянное войско, корона Испании обязана ему победою над дворянами, началом разрушения древних вольностей сословий и городов, а инквизиции — энергичной поддержкою в годину всеобщего негодования против нее. Назначение Хименеса великим инквизитором состоялось 18-го мая 1507 года, но только в Кастилии, в Арагонии был свой глава трибуналов — епископ викский Иоанн Энгуэра. Правда, после смерти Энгуэры, в 1516 году, Хименесу предлагали его место, но он не принял этой должности и указал на Адриана, впоследствии четвертого великого инквизитора всей Испании и папу римского.

Тяжелое наследство оставил Хименесу Диэго Деца. Общественный голос требовал суда над Люцеро, и в то же время надо было сохранить неприкосновенным идеал Торквемады. Чтобы выйти из этого затруднения, Хименес

собрал в Бургосе в 1508 году так называемую католическую конгрегацию, инквизиторов Кастилии и Арагонии, епископов и высших чинов Испании. По решению этого съезда жертвы Люцero были оправданы, как живые, так и мертвые, честь их восстановлена, конфискованное имущество возвращено, но сам виновник был только отстранен от должности и, отсидев немного в тюрьме, отправлен в Альмерию, где продолжал исполнять обязанность каноника... Съезд объявил, кроме того, что насилия над узниками инквизиции будут наказываться смертной казнью, но эта угроза никогда не приводилась в исполнение, хотя поводов к тому было немало. Такие распоряжения не могли, конечно, удовлетворить испанское общество. Оно с восторгом встретило оправдание и реабилитацию невинных узников Люцero, но хотело в то же время получить на будущее время гарантию, что кордовские события не повторятся, и потому требовало гласности инквизиционных процессов. Арагонские кортесы с своей стороны жаловались, кроме того, что инквизиторы вмешиваются в сборы податей, обращаются дерзко с городскими властями и претендуют на право судить не только ереси, но и другие преступления, например некромантию. Кортесы просили Фердинанда соблюдать обычаи и законы страны, что было обещано его присягой, но король отложил ответ на два года и затем, опять собрав кортесы и выслушав их проект реформы инквизиции, упросил папу разрешить его от присяги. Однако кортесы так явно выразили свое намерение не подчиняться желаниям Фердинанда, что испуганный король отказался от папского разрешения и даже просил его святейшество утвердить мнение кортесов.

Хименес разделял стремления Фердинанда парализовать давление испанского общества. Когда мارانосы, желая добиться гласности инквизиционного процесса, предложили Фердинанду 600 000 дукатов на военные издержки, он из собственных средств подарил королю не меньшую сумму и сохранил неприкосновенность трибуналов. Точно так же поступил он при Карле V, преемнике Фердинанда. Тогда все университеты и ученые Испании и Фландрии присоединились к оппозиции и ходатайствовали о реформе инквизиционных процессов, а мارانосы опять предлагали деньги, 800 000 золотых талеров, но Хименес и тут оказался победителем.

«Великий католический король и милостивейший государь,— писал он по этому поводу к Карлу V,— ваше величество должно знать, что католические короли (т. е. Фердинанд и Изабелла) занимались трибуналами святой инквизиции с такою заботливостью и изучали ее законы и распоряжения с такою внимательностью, добросовестностью и мудростью, что эти законы не имеют решительно никакой надобности в изменении и не могут быть изменены без нарушения справедливости. Эта реформа тем более опечалила бы меня теперь, что она дала бы каталонцам и папе новое оружие против инквизиции, против которой они так враждебно настроены. Я понимаю, как затруднительно ваше финансовое положение, но в этом случае положение короля Фердинанда, вашего деда, было еще затруднительнее, и хотя новообращенные предлагали ему 600 000 дукатов золотом на войну с Наваррой, он отказался от этих денег, потому что предпочитал любовь к христианской религии всему золоту мира (на самом деле Фердинанд только предпочел деньги Хименеса деньгам мараносов). Я прошу вас поэтому, с верностью подданного своего государства и с ревностью к обязанности, которою облачило меня ваше величество, я прошу вас открыть глаза, подражать примеру вашего деда и не допускать никаких изменений в процессе инквизиционного трибунала. Все замечания, представленные противниками этого трибунала, были уже рассмотрены вашими предшественниками славной памяти, и нельзя нарушить малейшего закона инквизиции, не оскорбляя имени Господа и памяти ваших знаменитых предков. Если же все это не произведет на вас никакого впечатления, я прошу ваше величество обратить внимание на происшествие в Талавере де ла Рейна, где еврей, недавно крещенный, узнав имя доносшего на него инквизиции, выследил этого доносчика и пронзил его копьем. Ненависть к этим доносчикам на самом деле такова, что если открыть их имена, то их будут избивать не только тайно, но на площадях, всенародно, даже в храмах, и никто не решится на будущее время рисковать жизнью, донося инквизиции, и тогда погибнет этот святой трибунал и дело Господа останется без защитников. Я верю, что ваше величество, мой король и повелитель, останется верно крови, которая течет в его жилах, и убедится, что инквизиция — трибунал Бога и одно из самых лучших учреждений ваших предков...»

Карл действительно убедился в этом, но не сразу. Под влиянием своего наставника Вильгельма де Круа и великого канцлера Сельваджио он решил было на реформу инквизиции и дал кортесам торжественное обещание принять новый кодекс трибунала. Еще в феврале 1518 года, когда в Вальядолиде были собраны кортесы Кастилии, святой трибунал инквизиции подвергся дружному натиску представителей государства. «Мы умоляем ваше величество,— говорили эти представители,— настоять, чтобы святой трибунал инквизиции отправлял правосудие по законам, чтобы злые были наказаны, а невинные оправданы, согласно каноническим постановлениям и общему праву...» В подкрепление своей просьбы кортесы послали

королю через Сельваджио 10 тысяч дукатов и обещали дать еще столько же, если будут исполнены их желания. Эти желания выражались в проекте нового кодекса инквизиции. Составители его требовали, чтобы предварительное заключение в тюрьмах не было наказанием, а только заключением, чтобы узники могли видеться с своими родными, друзьями и с теми, кто интересовался их судьбою, и могли бы избирать себе защитника. Кортесы не считали нужным соблюдать таинственность процессов и потому проектом нового кодекса узаконяли выдачу подсудимому копии с обвинения и притом с указанием свидетелей. По их мнению, боязнь обнаружить имена доказчиков могла иметь место разве при суде над высокопоставленными лицами, располагающими властью для мщения обвинителям, но на этот случай кортесы требовали от судей присяги, как гарантии, что тайна свидетелей действительно необходима для спасения последних. Кортесы ограничивали также применение пытки, а вечное тюремное заключение отменяли совсем, потому что, говорили они, там умирают от голоду и не могут молиться. Они просили в то же время уничтожить постановления, которыми запрещалось принимать в монастыри потомков мараносов, и ссылались на пример самого Бога, не взирающего на происхождение, и наконец на то, что это запрещение открыто оскорбляет божественные и человеческие права. Но еще более неприятны были для инквизиторов стремления кортесов ограничить конфискацию и придать ей, до окончательного приговора, характер временной описи имущества, причем подсудимый мог бы расходовать это имущество на содержание детей и жены и на оплату судебных издержек. Эта мера, несомненно, имела весьма важное значение, потому что давала в руки обвиняемого возможность защиты, между тем как, по установившемуся обычаю, заключение в инквизиционной тюрьме было своего рода гражданскою смертью и вследствие этого доставляло обширный простор для всякого насилия над личностью.

Опираясь на присягу короля произвести реформу инквизиции, арагонские кортесы послали проект этой реформы на утверждение папы Льва X. Но пока тянулись двухлетние хлопоты об этом утверждении, инквизиторы не дремали и арестовали в Сарагосе секретаря кортесов. В ответ на это насилие постоянная депутация открыла новое собрание. Карл приказал распустить его, но кортесы отве-

тили, что аррагонские короли не имеют права нарушать законы, и затем издали декрет, запрещающий сбор налогов впредь до исполнения королевского обещания. Папа тоже вооружился в это время против испанской инквизиции и приказал было инквизиторам оставить свои должности, но ему не хватило мужества довести дело до исполнения, и даже, по просьбе Карла, он отменил свое распоряжение. При таких обстоятельствах, конечно, трудно было рассчитывать на исполнение желаний кортесов, и действительно, кроме освобождения секретаря собрания, представители сословий не добились ничего.

Не одно намерение поддержать инквизицию руководило Карлом в столкновении с кортесами. Это было продолжение давней борьбы испанских королей с привилегиями сословий, результат их стремлений сделать свою власть неограниченной и управлять страной по усмотрению.

Возникновение народных привилегий в Испании было тесно связано с освобождением ее от власти арабов. Когда оттесненные в горы предводители испанцев начали первые попытки к этому освобождению, они привлекали к себе воинов, наделяя их льготами, в отвоеванных провинциях создавали города и, в возмещение риска от соседства с арабами, давали их жителям права самоуправления и прочее. Таким образом возникли кортесы, представительные собрания дворян, духовенства и горожан, принимавшие участие в законодательстве, в контроле над финансами и судебною властью. В Аррагонии существовал даже высший судья, великий хустисия, который имел власть призвать граждан к оружию в случае нарушения их прав. Но по мере того как падало могущество арабов, испанские короли стали стремиться уничтожить привилегии сословий. Сама благочестивая Изабелла искала случая нарушить вольности кортесов и говорила, что ее величайшим желанием было бы восстание аррагонцев, что позволило бы уничтожить их права. Этот случай представился Карлу V при деятельном участии инквизиции. В 1520 году недовольные королем и видя его стремление уничтожить старинные привилегии, сословия восстали под начальством Хуана Падильи и после несчастной для них битвы при Вильяларе потеряли всю свою самостоятельность. При Филиппе II и в Кастилии, и в

Аррагонии на развалинах средневековой свободы уже процветала система правления на четырех основах — машинально-пассивном повиновении, страхе инквизиции, конфискации и казнях. На этой тучной почве наследие Торквемады разрослось и зацвело с дотоле невиданным блеском. В 1520 году инквизиция добилась у короля нового указа об изгнании мавров, которые ютились еще в Аррагонии и Кастилии. Разрешение остаться в Испании давалось только желавшим креститься, но мавры попытались силою отстоять свою религию и хотя не успели в этом, однако получили право сохранить язык, одежду, оружие и право платить налоги наравне с коренными испанцами. Получив эти льготы, они крестились, и таким образом все мавры Испании обратились в морисков.

Среди этих домашних хлопот для инквизиции создавалась новая арена для подвигов — к Пиринеям подвигалось лютеранство. Пророчество Гуса сбылось: на смену малой птице «явились другие, которые взмахом своих крыльев поднялись выше западни врагов». Карл V не мог остановить этого полета, он не решился краснеть, подобно Сигизмунду, но зато начал неумолимо преследовать лютеран в своих владениях. 11-го марта и затем в сентябре 1520 года он издал указы с повелением всех, обличенных в ереси, казнить на эшафоте, в яме или на костре, т. е. обезглавливать, зарывать живыми в землю или сжигать. К категории этих еретиков относились все читатели, переписчики и продавцы лютеранских сочинений, участники протестантских сходов, хозяева домов, где устраивались эти сходы, все, спорившие публично или дома о священном писании и защищавшие и проповедовавшие учение лютеран. Имение казненных приказывалось конфисковать и отдавать доносчикам, судебным местам не оказывать преступникам никакого снисхождения, а ходатаев о помиловании наказывать. Специально для борьбы с лютеранами Карл V учредил в Нидерландах так называемую апостольскую инквизицию и назначил члена брабантского провинциального совета Франца Ван дер Густа генерал-инквизитором Брабанта, графства Фландрии, Зеландии и южной Германии. По словам Мотлея, это был злейший враг науки, а его помощник, кармелитский монах Николай Ван Эгмонд, — умалишенный с оружием в руках. Назначение Ван дер Густа состоялось в 1521 году, но через два года его отставили за фабрикацию фальшивых документов. Первос

время лица духовного звания не подлежали суду брабантского советника, но папа Климент VII, во внимание к мудрости и великой религиозной ревности фальсификатора документов, распространил его власть и на служителей церкви. При наследнике Карла, Филиппе II, особенно славился своею жестокостью инквизитор Петр Тительман. «Рассказывают,— говорит про него Мотлей,— будто он день и ночь разъезжал по стране, совершенно один, разможал дубиною головы трепещущим поселянам, далеко распространяя вокруг себя ужас, хватал заподозренных у домашнего очага или с постели, бросал в тюрьму, пытал, вешал, жег без всякой тени следствия или письменного акта...» Впрочем, при Филиппе II испанская инквизиция тоже вмешивалась в дела Нидерландов. 16-го февраля 1563 года, не довольствуясь пролитой уже кровью, она приговорила к смерти всех жителей Нидерландов, как еретиков, а через 10 дней королевская прокламация подтвердила это постановление с указанием не обращать внимания ни на возраст, ни на пол, ни на состояние. Эта мера была достойна Филиппа II, который говорил, что лучше совсем не царствовать, чем царствовать еретиками. Его желание сбылось, хотя против воли и неожиданно: 26-го июля 1581 года Нидерланды объявили себя независимыми, исключая валлонских провинций. Политика нетерпимости начинала приносить плоды.

С меньшей яростью набросился Филипп на протестантов Испании. Из Рима ему помогал папа Павел IV, в Испании — великий инквизитор Фернандо Вальден. Как только были изданы королевские указы о преследовании еретиков, шпионы инквизиции рассеялись по всей стране. Арестовывать было приказано без пощады, по малейшему подозрению, и в первый уже день в одной Севилье арестовали 800 человек. В тюрьмах не оказывалось наконец места для этих узников, в места заключения пришлось обратиться монастыри и частные дома. «Инквизиторы,— говорит Прескот,— были в положении рыболова, который, закинув сеть, с трудом может тащить ее, потому что она рвется от тяжести попавшей в нее рыбы...» Суд над узниками воскресил мрачные времена Торквемады и Люццерио со всеми ужасами пристрастного допроса. Через 18 месяцев после первого ареста испанская инквизиция уже отпраздновала первые аутодафе в Вальядолиде, Гренаде, Толедо, Барселоне и Севилье. Самое торжественное

происходило опять в Вальядолиде в присутствии Филиппа II, 8-го октября 1559 года. На площади перед собором св. Франциска была устроена платформа, покрытая коврами и орнаментами, для членов судилища, против нее королевский балкон, на середине — громадный эшафот. В 6 часов утра со всех церквей раздался благовест, возвещающая о начале церемонии. На площадь в традиционном порядке прибыла процессия монахов, инквизиторов, осужденных и стражи. Филипп сидел на своем балконе, около него принцесса Иоанна, инфант Дон-Карлос, племянник короля Александр Фарнезе, иностранные послы, гранды королевства и духовные особы. Речь произносил епископ Куэнский. Когда он кончил, Вальдец громко воскликнул: «Господи, помоги нам!» и стал приводить короля к присяге. «Ваше величество,— сказал он,— клянетесь ли крестом шпаги, на которой опирается ваша королевская рука, вечно поддерживать святое учреждение инквизиции против еретиков, отступников и покровителей их и доносить о всех действиях и словах их, которые дойдут до вашего высочайшего сведения?» Филипп ответил громко: «Клянусь!..» После чтения приговоров великий инквизитор отпустил грехи примиряемым с церковью, хотя большинство их все-таки было наказано, одни — вечным заключением, другие — продолжительным покаянием и все — конфискацией имущества. Осужденные на сожжение были преданы светской власти. Измученные пытками, они мужественно ожидали смертной казни. Большинство воспользовалось, впрочем, снисхождением, они исповедовались и были удушены перед сожжением. Только двое оказались упорными до конца. Один из них был Дон-Карлос де Сасо, флорентийский дворянин, ревностный лютеранин и проповедник лютеранства. Его вина усиливалась сочинением против католической церкви. 15 месяцев сидел он в тюрьме, но до конца оставался верен своим убеждениям. Когда накануне казни ему прочли смертный приговор, он попросил бумаги и написал обличение католицизма и апологию лютеранства. Отправляясь на костер, Дон-Карлос остановился около королевского балкона и грустно воскликнул: «Зачем ты мучишь своих невинных подданных?..» «Если бы мой сын,— ответил ему Филипп,— был еретик,— я сам сложил бы костер, чтобы сжечь его...» Другой упорный еретик был доминиканец Доминго де Рохало, сын маркиза Позы. Когда после чтения приговора с него сняли монаше-

скую рясу и заменили ее санбенито — со времени Хименеса с андреевским крестом, — он, несмотря на смех невежественной толпы, начал громко обличать жестокости и изуверство Рима. Раздраженный Филипп приказал надеть ему gag, кусок расщепленного дерева, которым захватывали губы. Филипп готов был надеть этот gag всем испанцам, потому что усердие его в преследовании ереси не знало предела и все казалось ему недостаточным. В порыве ревности к религии он учредил даже особую инквизицию галерную и флотскую, как будто боялся, что если не на суше, то на море от него спасется какой-нибудь еретик. Инквизиторы спешили пользоваться изуверством Филиппа и хотели получить от него разрешение образовать особое войнство на защиту религии под названием Ордена Марии белого меча. У них уже была своя стража, которая усвоила себе имя прежней городской милиции, святая Германдала, но учреди король просимый орден, наследники Торквемады могли бы держать в страхе самих королей. На беду святого трибунала, кто-то дал понять Филиппу, какую опасность представляла бы короне инквизиционная милиция, и, привыкший властвовать, король поспешил отказать инквизиторам. Во всем остальном он был рабом трибунала.

Побуждаемый его слугами, он, по примеру своих предшественников, не оставил в покое морисков. В 1566 году он приказал им отказаться от национальной одежды, языка и обычаев и во всем сообразоваться с христианами. В три года они должны были изучить испанский язык и по истечении этого срока не читать и не писать по-арабски. Гренадскому суду было приказано в тридцать дней уничтожить все предосудительные книги, а другие разрешалось хранить, но не более как три года. Даже бани и ванны в частных домах уничтожались, чтобы изгладить всякую память о привычках магометан. При Филиппе III в 1609 году поступили проще, тогда решили совсем изгнать морисков. Об этом ходатайствовал Сандоваль, генерал-инквизитор и канцлер Испании. «Решение великое, да будет оно исполнено», — сказал король на докладе министра Лермы об изгнании морисков. Исполнение этой меры духовенство приветствовало как великое благо Испании. Архиепископ Валенсии сулил испанцам, как результат изгнания морисков, богатство и счастье евреев во времена Соломона.

«Таким же счастьем,— говорил он в своей проповеди,— будем наслаждаться и мы в Испании отныне впредь, благодаря милосердию нашего государя и отеческой заботливости его величества. У нас всего будет в изобилии: земля оплодотворится и благословение низойдет на нее. С тех пор как эти проклятые окрестились, не было ни одного хорошего урожая. Теперь все годы будут урожайные, ибо эти гады навлекли свою ересь и своим богохульством бесплодие на землю. Всего, повторяю вам, будет у нас в изобилии...»

Пророчеству архиепископа не суждено было сбыться. Изгнание миллиона морисков, искусных земледельцев и промышленников, после прежних изгнаний, начиная с евреев, окончательно обессилило Испанию. Целые округа остались пустынными, приютами бродяг и разбойников, промышленность и торговля расстроились, земледелие упало... Политика произвола и нетерпимости принесла наконец все плоды, кроме изобилия, которое обещал архиепископ Валенсии. В 1667 году французский посол писал Людовику XIV, что нужда так велика в Испании, что частных лиц собирают добровольные приношения. В этом же году пришлось отказаться от обложения народа новыми налогами, а старые подати собирать с понуждением силою. В 1680 году общее бедствие дошло до того, что в Мадриде даже торговцы соединялись в шайки и грабили состоятельных граждан. Одна война с Нидерландами стоила Испании 200 миллионов дукатов, а государственный долг возрос в царствование Филиппа II с 35 до 140 миллионов дукатов. Однако политика нетерпимости так въелась в характер испанцев, что в 1619 году профессор толедского университета дон Санчо де Мекало предложил королю довершить объединение страны изгнанием цыган, «потому что,— говорил он,— постыдно терпеть такую вредную и развращенную нацию...» Этот проект профессора как нельзя лучше оправдывал мнение герцога Сен-Симона об испанской науке. Как писал он в 1722 году, наука в Испании была в пренебрежении, а невежество и тупость считались добродетелями.

Среди гонений на свободу совести литература тоже влачила жалкое существование. Еще во времена первой инквизиции в римском, миланском и тулузском трибуналах инквизиторы рассматривали еврейские и латинские сочинения. Если в книге находили что-либо еретическое, или темное, или подозрительное, то ее запрещали совсем или требовали изменений и исключений. Даже отцы церкви не

спасались от усердия инквизиционных цензоров, и целые страницы вырывались из их творений, особенно те, где говорилось о веротерпимости и вообще обнаруживался образ мыслей, способный пошатнуть существующий порядок вещей и ниспровергнуть властей, установленных Богом. Впрочем, светские власти не особенно дружелюбно взирали на претензию инквизиции заправлять литературой и, где могли, уносили от святейших очей возмущавшие их книги. Сами авторы спасались анонимами или более или менее отдаленными путешествиями, что, конечно, не всегда удавалось. Как все проявления нетерпимости, цензура в особенности была строга в Испании и с 1521 по 1525 года рядом декретов была поручена инквизиторам. В 1543 году даже книги о биржевых операциях помечались «цензуровано синьорами инквизиторами» и сами авторы спешили заручиться этой спасительной гарантией. В семидесятых годах XVI столетия книгопродавцы не смели развязывать тюков с книгами, которые присылались из Франции, и должны были ожидать визитации инквизитора. Цензоры были снабжены тогда секретными списками запрещенных книг с приказом никого не знакомить с содержанием этих списков. Таким образом, испанский читатель даже не ведал, что читать и от чего спастись в бегство из страха перед властью инквизиции. Чтобы защитить свои книги от подозрительности трибунала, авторы стали снабжать свои издания подобострастными предисловиями и посвящениями святым и Спасителю. В 1664 году прозаический перевод «Овидиевых метаморфоз» был посвящен «чистой Царице ангелов и людей, святейшей Марии...» Не одни жалкие душонки, полные трепета за свои творения, упражнялись в этого рода литературе, но даже корифеи Испании. «Матери лучшего из сынов, дочери лучшего из отцов,— писал Кальдерон в своем посвящении,— непорочной Деве, башне из слоновой кости, царице ангелов, утренней звезде...» Театр, уступая общему настроению, тоже не оставался свободным от этих порывов ханжества... «Императрице неба, матери вечного Слова, святейшей Деве Марии,— говорилось на одной афише,— посвящают артисты сегодняшнее представление и сыграют в пользу увеличения ее культа занимательную комедию под названием „Всеобщий наследник“... Славный Ромен будет танцевать фанданго, зала будет иллюминирована...» Остается прибавить, что знаменитый Лопе де Вега служил

в инквизиции и, по рассказам, принимал деятельное участие в сожжении еретиков.

Не в одной Испании свирепствовала инквизиция, дух нетерпимости покровительствовал ей и в других странах, но только в одной Испании и подвластных ей землях она превзошла даже идеал Торквемады. Открытие Америки занесло ее в колонии, и еще Карл V, ярый сторонник нетерпимости, приглашал инквизиторов к умеренности в отношении американских туземцев. При Фердинанде V испанцы навязали инквизицию Сицилии, несмотря на многократные восстания населения. То же готовилось и в ту же пору для Неаполя, но энергия неаполитанцев сломила стремления инквизиторов, и Фердинанду пришлось отказаться от удовольствия видеть своих итальянских подданных в когтях трибунала. Он просил в заключение только изгнания евреев, но и в этом ему было отказано. В 1536 году инквизиция была введена в Португалии. Ее насаждению в этой стране помогал Иоанн Перец де Сааведра, так называемый ложный нунций Португалии. Этот предшественник Хлестакова чрезвычайно искусно разыгрывал роль папского нунция и пользовался почетом и поборами во имя апостольской миссии. Его обман был обнаружен, обманщика сослали на галеры, даровав, впрочем, вскоре амнистию за услуги вере, но инквизиция все-таки зацвела в обмороченной им стране и затем распространилась по колониям Португалии. Особенно сурово было ее отделение в Ост-Индии, в колонии Гоа. В Германии инквизиторы появились еще задолго до Торквемады, но торжество лютеранства не замедлило свести ее к чуть заметному существованию по католическим владениям. Гораздо дольше существовала она во Франции. Она нашла здесь покровителя в лице набожного Людовика IX, или Святого. Людовик IX был воплощением благочестия в тесной связи с нетерпимостью. Он говорил, что рыцарь не должен спорить о религии, а поражать на смерть ее хулителей. Он сам поступал по этой программе. В 1259 году он услышал на одной из парижских улиц хулу на Бога и велел сейчас же схватить виновного и заклеить ему губы раскаленным железом, потому что, по его собственным словам, он скорее позволил бы искалечить самого себя, чем допустить такие кощунства. Подобно испанским королям, Людовик ненавидел евреев, а в 1268 году изгнал из своих владений 150 банкиров, как нечестивых

ростовщиков, и конфисковал их имущество. В его нетерпимости не было по крайней мере той холодной жестокости рядом с внутренним нечестием, каким отличались впоследствии инквизиторы Испании. Людовик был скорее монах, чем король. Он шесть раз в году причащался и всякий раз с экстазом верующего первых времен христианства. Он мыл руки и рот, прежде чем подойти к Святому Телу, и подходил на коленях, скрестив на груди руки, с громкими воплями и вздохами. Какая-то женщина в глаза сказала ему с пренебрежением, что было бы лучше, если бы кто другой управлял Францией, а не он, Людовик, король миноритов, доминиканцев и попов, и даже сожалела, зачем не выгонят его из государства. Слуги хотели побить обличительницу, но Людовик запретил это и смиренно согласился с ее словами. «Вы правы, — сказал он ей, — я не достоин быть королем, и, если бы не воля Господа, было бы лучше, если бы более способный управлял королевством...» Преемники Людовика продолжали покровительствовать инквизиции, даже в эпохи раздоров с Римом, и звание инквизитора сохранилось во Франции почти до самого кануна великой революции. Однако уже в XVII столетии французы с нескрываемой ненавистью к инквизиции и вместе с торжеством присутствовали на представлениях «Тартюфа», под светской одеждой которого, только против воли автора, скрылась сутана монаха.

В шестидесятых годах XVIII столетия в высшем мадридском обществе блистал веселый путешественник и прожектор, отозвавшийся с большою похвалой об умеренности инквизиции, с откровенностью о ханжестве и довольно решительно о скверных дорогах. Он не смутился даже при виде списка запрещенных для испанских читателей книг и только довольно язвительно заметил о сокровищах библиотеки Эскуриала, что эти сокровища, драгоценные для французского ученого, в Испании являются предметами бесплодного любопытства. Этот путешественник был знаменитый Бомарше, один из пособников французской революции, по ошибке туриста оказавшийся апологетом инквизиции. Впрочем, к концу XVIII столетия испанская инквизиция была только бледною копией когда-то могучего трибунала. Она существовала еще, но истощенное ею государство уже искало выхода из заколдованного круга узкого национализма и нетерпимости и плохо

питало ревнителей благочестия. Нужен был только внешний толчок, чтобы обрушить еще стоявшие, но уже подгнившие подпорки инквизиции, и этот толчок был дан в 1808 году. Французы отблагодарили тогда испанцев за радушие к Бомарше и властью Наполеона уничтожили инквизицию. В двадцатых годах нашего века она погибла и в Португалии. Святейший трибунал инквизиции совершает с этих пор обратное движение и возвращается в столицу папы.

По испанскому образцу инквизиция была учреждена в Риме 21 июля 1542 года и носила название всеобщей. Главный ревнитель ее основания был кардинал Караффа, впоследствии папа Павел IV. Он так желал насаждения трибунала, что, несмотря на ограниченность средств, на собственные деньги нанял дом, устроил в нем комнаты для служащих, тюрьмы с крепкими замками и пытальную залу со всеми принадлежностями пытки. Ему же принадлежит составление правил римской инквизиции, которые он называл правдивейшими аксиомами, *comi assiomi virissimi*. Аксиома первая говорила, что в деле веры не следует медлить ни минуты, а приступать к розыску сейчас же по обнаружении ереси и притом с крайней строгостью. Аксиома вторая предлагала не обращать внимания ни на герцогов, ни на прелатов, как бы ни были они сановиты, а третья и четвертая грозили покровителям ереси и предлагали «не унижаться ни до какой пощады» в отношении еретиков... Сделавшись папою, Караффа сам воздвиг себе монумент, но после его смерти — в день Вальядолидского аутодафе в присутствии Филиппа — ненавидевшие этого папу народ и дворянство подняли в Риме восстание. Здание инквизиции было разрушено и сожжено, слуги ее избиты, а статуя Павла низвержена. Народ влачил ее голову в тройной тиаре по улицам города, но это поношение инквизиции и ее покровителя далеко не было еще гибелью трибунала. Этот трибунал можно считать существующим и доньше в стенах Ватикана, потому что папы до сих пор не издавали буллы о его упразднении. Последний документ римской инквизиции, обнародованный во всеобщее сведение, помечен 6-го февраля 1857 г. «Мы, брат Гиацинт де Феррари, доминиканец, магистр богословия, генерал-комиссар святой римской и всеобщей инквизиции» — таково начало этого документа. В нем говорится по поводу некоей Катерины Фанелли, выдававшей себя за святую, и объявляется, что святость ее

мнимая и набожность притворная, — содержание довольно скромное для наследников Торквемады... Благодаря стараниям Караффы, римская инквизиция проникла в Неаполь и Венецию. Впрочем, в республике св. Марка инквизиторов постоянно контролировали государственные чиновники и нередко выгоняли за нарушение законов страны. Как на особенность венецианской инквизиции можно указать, что осужденных ею еретиков не сжигали, а топили. Для этого между двумя лодками зажимали доску, на доску сажали еретика и затем, по данному знаку, гребцы принимались за весла, лодки расходились, и правосудие совершалось.

Как эхо западных веяний, в 1714 году звание инквизитора было узаконено в России. По указу Петра Великого, строителя московского Данилова монастыря, иеромонаху Пафнутию, повелевалось именоваться протоинквизитором, а по епархиям учреждались провинциал-инквизиторы. Они должны были выведывать и доносить, хорошо ли исполняют архиереи свои обязанности, не мздоимствуют ли они, правильно ли взимают налоги с раскольников. Им поручалось также следить, не появляются ли новые расколоучители, а также люди, «сказующие видения или слышания чувственные или сонные», которых следовало под караулом отсылать в синод. Право суда дано им не было, им приказывалось «допросов у себя никому ни в чем не чинить, и никого к тому не привлекать и не принуждать, и ничем не озлоблять, а именно не ковать, не арестовывать, не бить...» Нетрудно видеть отсюда, что Петр Великий вовсе не думал насаждать у нас инквизицию по образу католической и только пользовался ее терминологией, занимаясь упорядочением церковных дел. Религиозная нетерпимость существовала у нас задолго до Преобразователя, — это ясно для всякого, хотя несколько знакомого с историей нашего раскола. Конечно, это не была инквизиция в тесном смысле этого слова, но, как известно, дело не в названии, а в сущности. Эта сущность — нетерпимость, стародавняя спутница человечества, далеко не везде покинувшая его и ныне. Кое-кому еще приходится считаться с ее служителями, кое-где она еще готова придти и судить, и если не приходит и не судит всенародно, с прежнею помпою и колокольным звоном, то, конечно, потому, что теперь не те времена и не те люди.

И. ЛОЙОЛА

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. А. Быкова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕН. ТОВАРИЩЕСТВА

«ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА» Больш. Подъяч.. № 39

1894

ГЛАВА I

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Константинополь, столица Византийской империи, был взят приступом турецким султаном Мухаммедом II 24 мая 1454 г. Этим событием заканчивается средневековый период истории. Таким образом, подчинение обессилевшей империи власти турок-османлисов знаменует собою начало новой истории, первое столетие которой носит название эпохи Возрождения, так как человеческий ум, скованный до этого времени произволом римских первосвященников и путами схоластического обскурантизма, впервые почувствовал сознательную потребность скинуть с себя непрошенное иго. Толчок этот был дан греческими эмигрантами, покинувшими свою родину, после потери последнею независимости, и нашедшими в большинстве случаев приют в Западной Европе. Римские папы, усерднейшим образом способствовавшие нравственному разложению и падению Византийской империи, были крайне польщены тем, что «схизматики» обратились к ним за пристанищем и куском хлеба; широкое гостеприимство было предписано везде, где признавалась власть папы, и высокообразованные греки, в числе которых было немало вельмож и принцев крови, поселились в Германии и Франции, но главным образом в Италии.

В это время, когда дитя любви императора Сигизмунда, знаменитый герой Седмиградия и Мадьярии, Ян Гуниад, а потом его сын, не менее знаменитый Матиаш Корвин, доблестно сдерживали напор турецких полчищ вдоль Дуная, родосские рыцари храбро отражали на море нападения самого Мухаммеда II и преграждали ему путь в Западную Европу. Сама же Западная Европа, спасаемая от грозного завоевателя названными героями, утопала в крови благодаря междоусобным войнам честолюбцев. Англия почти погибала из-за распри, поэтически названной войною Алой

и Белой роз; представительница Алой, или ланкастерской, розы Маргарита Анжу, дочь лотарингского герцога Ренэ I и супруга англо-французского короля Генриха VI, лично водила полки в бой, чтобы вырвать мужа из темницы и обеспечить сыну корону Британии; однако беспощадная борьба кончилась победой Белой, или иоркской, розы, занявшей престол в лице Эдуарда IV. Во Франции Людовик XI рубил головы непокорных и гордых вассалов-пэров, стремясь обессилить феодальную систему и прибрать к рукам полунезависимые владения многочисленных французских герцогов, из которых только один являлся достойным противником его; это был бургундский герцог Карл Смелый, прошедший всю свою жизнь в бестолковой войне от устья Рейна до республиканской Женевы. В Германии шли нескончаемые междоусобия между многочисленными князьками, над которыми власть императора была бессильна, тем более что движение гуситов, которым падение Константинополя и интриги Рима помешали слиться с византийским православием, принимало грозные размеры.

На Пиренейском полуострове шла та же борьба честолюбцев. Дон-Карлос воевал с отцом, аррагоно-наваррским королем Хуаном II, из-за наследия матери и погиб от яда; кастильские короли, один другого ничтожнее, вели непосильную борьбу с грандами, добивавшимися полной независимости одновременно с португальскими вельможами. Бедная Италия, разоряемая безжалостно своими и чужими, распадалась на бесконечное число княжеств и республик, оспаривавших друг у друга ничтожные клочки земли с благословения своего владыки, жившего в Риме и не по-христиански принимавшего участие во всех тревожнениях полуострова при помощи наемных дружин, громов отлучения, яда и тайных убийств из-за угла. Магьярия, Чехия, Польша, Литва и Пруссия боролись за преобладание между собою, и эта борьба, в которой принимали участие германские императоры, турецкие султаны и крымские ханы, вела к поглощению Магьярии, Чехии и Пруссии немцами, к политическому разложению Польши и Литвы и к потере независимости всеми ими. Только Московия, как ее называли тогда, пользовалась сравнительно покоем и тишиною, объединяясь под властью Ивана III и готовясь вступить в среду европейских государств с надлежащим блеском; о Московии особенно заговорили после брака Ивана III с племянницею последнего

византийского императора Софиею, надеясь увлечь русских в борьбу с турками и в то же время подчинить духовной власти римского первосвященника.

В только что очерченную эпоху умственное движение Западной Европы и экономическое положение простого народа были крайне незавидны. Народ, угнетаемый тройным игом — духовенства, феодалов и цехов, был лишен всех прав гражданственности и зачастую даже куска хлеба, более или менее обеспеченного; нередко целые деревни десятки лет скрывались в лесных и болотных трущобах, давая повод создавать целые легенды о ликантропах, то есть человеко-волках, и урсогомах, то есть человеко-медведях. Забитый, загнанный, обнищавший народ был вполне во власти умственного невежества и темного суеверия; это было настоящее бесправное темное царство, без малейшего светлого луча надежды на что-нибудь лучшее в будущем. Наука была во власти духовенства, не допускавшего даже самонаименованного отступления от установленных правил при изучении той или другой науки; а все эти науки сводились к тому, что спасение человеческой души мыслимо только в лоне католической церкви и при полном повиновении святейшему наместнику Иисуса Христа на земле, имеющему власть вязать и разрешать все и всех. В силу такой постановки всего дела преподавания, нередко происходили дебаты среди ученых, при самой торжественной обстановке, на тему об осле, помещенном между двумя одинаковыми мерами одинакового овса; требовалось научно решить, откуда сначала возьмет осел свой корм, с правой или с левой стороны? На подобные бессмысленные дебаты тратились умственные силы учащейся молодежи, и только в парижском университете замечалось немного больше жизни, благодаря следам, оставленным альбигойцами, доллардистами и другими учениями.

Образованные греки, поселившиеся в Западной Европе, как выросшие и воспитавшиеся вне католического обскурантизма, всколыхнули и рассеяли немного умственное убожество, господствовавшее в университетах Италии, Франции и Германии. Они дали толчок и новое направление научным работам своих учеников и последователей; к числу их принадлежат Георгий Трапезундский, Теодор Газский, Иоанн Ласкарис, Димитрий Халкокондила и Константин Ласкарис. Все они преподавали греческий язык, научно обработали греческую грамматику и

перевели впервые лучших классиков своей родины. Стоячее умственное болото зашевелилось; из недр его стали появляться талантливые изобретатели, даровитые ученые, выдающиеся художники, смелые реформаторы-мыслители; и все эти люди, к великому изумлению современников, не отличались знатностью происхождения, а выходили преимущественно, если не исключительно, из простого, презираемого народа или из захудавшего, обедневшего дворянства. С этого многознаменательного момента, совпавшего с падением Византийской империи, и началась знаменитая эпоха Возрождения, создавшая полную умственную революцию в Западной Европе и вызвавшая отчаянную борьбу сильного еще обскурантизма с народившимся гуманизмом, — борьбу, не законченную вполне и в настоящее время.

Во главе этой эпохи необходимо поставить обедневшего дворянина из Майнца, Иоганна Гутенберга (род. в 1400 г., ск. в 1468 г.); он изобрел книгопечатание в 1438 г., но по бедности должен был вступить в товарищество с богатым ювелиром из Майнца Фаустом и даровитым писцом Шефером. Втроем они развили и усовершенствовали способ печатания книг, быстро перейдя от китайских резаных досок к набору. После книгопечатания, давшего возможность вырвать из рук католического духовенства исключительное право пользования наукою, наибольшее значение получило мореплавание, благодаря безумно-смелым людям, обессмертившим себя открытием новых земель, на которые жадно набросились поселенцы из задыхающегося под нравственным и физическим гнетом простонародья. Варфоломей Диас, родом португалец, открыл мыс Доброй Надежды в 1486 г.; итальянец Христофор Колумб открыл Багамские острова 8 октября 1492 г., Джiovанни Каботто открыл остров Нью-Фаундленд в 1497 г.; португалец Васко да Гама объехал Африку и показал дорогу в Ост-Индию в 1498 г., Себастиан Кабот объехал восточный берег Америки в 1517 г. и северный берег Европы в 1552 г.; португалец Магеллан обогнул Америку на юге, пробравшись через пролив своего имени, и погиб в марте 1521 г. на Филиппинских островах; Педро-Альварес Кабраль открыл реку Амазонку и приобрел для Португалии Бразилию; Америго Веспуччи объездил и описал Америку, получившую от него свое название; Фердинанд Кортес открыл Мексику и Калифорнию; испанец Бальбоа перешел

Панамский перешеек в 1513 г. и открыл Великий океан; Пизарр из свинопасов сделался вице-королем открытого им Перу, который он покорил для императора Карла V; Орельяна исследовал на огромном протяжении Амазонку; наконец, Альмагро помог Пизарру покорить Перу, исследовал и покорил Чили, но восстал против Пизарра и был казнен.

Громадный политический и экономический переворот, вызванный открытием южной Африки, обеих Америк и новых путей в Ост-Индию, отразился и в области духовного творчества. Изящная литература, поэзия, живопись, ваяние, архитектура, естественные науки и история заняли выдающееся положение в западно-европейском обществе. Итальянцы Амброджини, Барбаро и Мерла приступили к серьезному изучению древних языков, издавая классиков и свои образцовые переводы с греческого. Англичанин Фортескью и француз Кюжас подняли значение юриспруденции и прославились своим ораторским талантом. Леонардо да Винчи создал школу живописи во Флоренции, Барбарелли — в Венеции, а Альбрехт Дюрер — в Нюрнберге.

Блестящие успехи человеческого гения не беспокоили папского престола, потому что не покушались на его права; папы покровительствовали поэтам и художникам, усиливая этим блеск своего двора. Но пытливый ум человека, пробудившись от долгого сна, не мог ограничиваться рамками, указанными властью духовенства, и принялся анализировать; вспомнили Джона Виклефа (род. в 1324 г., ск. в 1387 г.) и мученически погибшего Яна Гуса (род. в 1373 г., ск. в 1415 г.), и сомнение в правах папы на всемирное господство стало все сильнее и сильнее проникать в общество. Выразителем протеста явился августинский монах, сын рудокопа, Мартин Лютер (род. в 1483 г., ск. в 1546 г.), который в 1517 г. обнародовал в Виттемберге 95 тезисов против папской власти; затем он сжег папскую буллу, отлучавшую его от церкви, написал новый катехизис, а затем сумел привлечь к своему учению Швецию, Данию, Франконию, Гессен, Палатинат и Бранденбург. Началась война протестантов с императором Карлом V, продолжавшаяся с перерывами до 1536 г., когда император вынужден был заключить с ними мир в Нюрнберге и дать им права гражданства наравне с католиками. Восстание Лютера было сигналом к появлению других противников

папской власти, из числа которых известнейшими были Ульрих Цвингли, Жан Кальвин и Филипп Меланхтон.

Таким образом, против католицизма или, вернее, против папского произвола поднялось множество врагов; вооружившись силою красноречия или во главе военной силы, все они ринулись дружно на римскую церковь, которая на первых порах гордо улыбалась и считала себя неуязвимой после свидания в Каноссе и сожжения Гуса на костре. В ответ на нападки папы собирали вокруг себя художников и украшали Рим: Браманте положил основание базилики св. Петра, Микеланджело Буонарроти окончил ее, прикрыв пантеоном Агриппы, Рафаэль и Романо покрыли Ватикан своими фресками, а глубокообразованный Пиетро Бембо писал под диктовку Льва X его распоряжения. Умер «божественный» Рафаэль, — его заменили Корреджио, Пармезани, Тициан, Веронезе и Карраччи. Кроме Италии, преданные папскому престолу талантливые люди блистали во Франции, Германии и Англии; из них Приматиччио, Палладио и Гужон созидают множество дворцов; Маро, дю Беллэ и наваррская королева Маргарита Валуа кладут прочное основание французской литературе; Ариосто, Тассо и Камюэн прославили себя поэмами: «Неистовый Орланд» („*Orlando furioso*”), «Освобожденный Иерусалим» („*Jerosolimo deliberata*”) и «Лузиада» („*Lusiadas*”); наконец, Гвиччардини, Макиавелли и Буханан рассказывают народам историю их правителей и возбуждают любознательность.

Но и в лагере, враждебном папскому режиму, не замедлили появиться даровитые представители, тем более опасные, что это были по большей части серьезные мыслители, оставившие глубокие следы в народе. К числу их следует отнести Эразма Роттердармского, Рейхлина, Монтеня, Рабле, Кардана и Шаррона. Богословскими рассуждениями, философскими трактатами, смелыми сатирами и архитрошенными исповедями эти люди много подрывали значение папской власти в народе, почитавшем «святого отца» по традиции. Кроме того, в эту же эпоху появились небесные революционеры, астрономы. Коперник (род. в 1473 г., ск. в 1543 г.), несмотря на запрещение пап, позволил земле вращаться вокруг солнца; Тихо-Браге изучил луну и кометы, хотя не соглашался с Коперником в устройстве солнечной системы, Галилей и Кеплер установили торжество

теории Коперника, хотя первый и пострадал за это, и окончательно отделили науку астрономию от астрологии.

Римские папы и их приверженцы, сознавая свою силу, презрительно улыбались на дерзкие попытки новаторов поколебать их могущество. Не давая себе отчета в важности совершавшегося переворота и веря в силу ватиканских громов отлучения, они спокойно приняли вызов и повели борьбу обычными способами: усовещиванием, угрозами, казнями, военной экзекуцией; но когда Англия, Голландия, северная Германия, Дания, Швеция и Норвегия открыто отпали от римского первосвященника, когда сами католики, благодаря хлынувшей волне свободомыслия, заговорили другим тоном с наместником Иисуса Христа, папа Климент VII глубоко и серьезно задумался. Он понял наконец, что в истории человечества наступил момент освобождения мысли от оков клерикализма и обскурантизма; чтобы бороться за свое существование, папа должен был при новых обстоятельствах изобрести и новое оружие; но, несмотря на всю гибкость ума представителя дома Медичи, оружия не находилось, и Климент VII с грустью сошел в могилу. После него на папский престол взошел 13 октября 1534 г. Павел III. Этому не особенно далекому по уму первосвященнику, но окруженному даровитыми и преданными кардиналами, удалось найти оружие против ересей и свободомыслия прозревшей паствы. Оружием этим явился орден иезуитов, об основателе которого мы намерены теперь повести речь.

ГЛАВА II

ДВОРЯНИН ЛОПЕС ДЕ РЕКАЛЬДЕ

Прежде чем приступить к передаче событий из жизни основателя ордена иезуитов, необходимо сделать серьезную оговорку.

Всякое лицо, обратившее на себя внимание общества и попавшее в историю, имеет свою биографию. Эту биографию пишут или поклонники и приверженцы исторической личности, или его недоброжелатели и враги; первые украшают в жизнеописании своего героя всеми хорошими качествами, приплетают, по мере сил и умения, тьму небылиц, росказней и даже чудес, пропускают все для него неприятное, дурное, смешное и в конце концов создают какое-то идеальное существо, не имеющее ничего общего с действительно существовавшей личностью. Вторые поступают как раз наоборот. Благодаря этому, беспристрастный историк очень нередко оказывается в затруднительном положении, не зная, как из имеющихся под руками исторических материалов восстановить образ исторического деятеля. На помощь ему является историческая критика, дающая возможность разобраться среди противоречивых показаний господ биографов. Но иногда и историческая критика, и чутье историка оказываются бессильными при недостатке материалов или их односторонности; благодаря этому, немало исторических личностей до настоящего времени изображаются в истории в ложном виде, напр. Иван IV Грозный, Ричард III, Людовик XI и многие другие. Подобного же рода затруднения являются и при жизнеописании Лойолы. Почти исключительно его биографами являются иезуиты, и надо видеть, до какой наивности доходят многие из них, рассказывая жизнь основателя их ордена; встречаются указания у них, что с момента появления Лойолы на свет стали совершаться чудеса, выходящие из ряда обыкновенного, а затем каждый

шагмалюги и выказывал его гениальные способности, свойственные лишь божественному избраннику, и явное желание быть служителем единого Бога.

С другой стороны, то есть со стороны врагов иезуитского ордена, серьезный исторический материал так уничтожен, многие из писавших о Лойоле так мало знают о нем лично, так часто смешивают его действия и планы с действиями и планами Клавдия Аквавини, пятого генерала ордена иезуитов, что желающему писать о Лойоле почти не на чем остановиться. Благодаря этому более или менее правдивая биография основателя ордена иезуитов, очевидно, должна быть с пробелами и пропусками, по причине которых самое жизнеописание является неполным, а потому личность Лойолы не вполне выясненной, как это было бы желательно каждому, интересующемуся этим деятелем XV столетия.

Ввиду затруднения, на которые неизбежно наталкивается всякий, взявшийся написать биографию Лойолы по возможности беспристрастно, станем продолжать наш рассказ.

На севере Испании есть небольшая область, называемая Гвипускоа; горная местность на западной границе испанской Наварры, покрытая лесами, способствовала жителям упорно и долго защищать свои права и юридические обычаи, сохранившиеся со времен визиготов под именем фуэросов; сами жители, васконы, или баски, единоплеменные с французскими гасконцами, считают себя потомками кантабров и отличаются личной храбростью и тщеславием. Большой частью бедное дворянство гордилось древностью своего происхождения и жило в небольших замках, служивших защитой в старое время от мавров и арабов, а позднее во время междоусобий мелких владетельных князей, из которых один, Ивьиго Лопес, был даже независимым бискайским графом. Во второй половине XV столетия один из потомков этого графа, Бельтрам Лопес, владел двумя замками, Оньец и Лойола, с небольшим клочком земли. Небольшие материальные средства, большая семья и захудалость рода, давно потерявшего графский титул, ставили сеньора Лопеса в неособенно выгодное положение, и ему оставалось только важничать своим происхождением от владетельного графа да отдаленным родством с кастильским грандом Антонио Манриком, герцогом Нахара и графом Тревиньо, который вел свое родословное дерево от первого астурийского короля Пелахо. Проживал Лопес

преимущественно в Лойоле, расположенном между двумя городишками, Ацпетиа и Асконтия, со всей своей семьей, состоящей из жены и 12-ти детей. В это время Испания впервые объединилась, за исключением султанства Гренада, под скипетром арагоно-наваррского короля Фердинанда III Католика, женатого на кастильской королеве Изабелле, преемнице бездетного брата Энрика IV Бессильного.

За год до взятия Гренады знаменитым генералом Гонзалвом Кордуанским, у сеньора Лопеса родился в Лойоле тринадцатый ребенок, названный Иньиго, то есть Игнатий. Это произошло в 1491 году. Биографы-иезуиты добавляют, что его мать, Марина Соне, желая подражать Богородице, удалилась разрешаться от бремени в хлев и положила новорожденного в ясли; затем, когда возник вопрос об имени, которое следовало дать малютке, то последний громко и отчетливо заговорил: «Меня зовут Иньиго». Как бы то ни было, но тринадцатый ребенок, хотя родившийся при таких чудесных обстоятельствах, являлся обузой для родителей, и те сбыли его отставному королевскому казначею, Хуану Веласко, который, как можно догадаться, был крестным отцом маленького Иньиго. Веласко жил на покое в старокастильском городке Аревало, ничем не выдаваясь в толпе сверстников и выучившись только читать и писать по-кастильски. Благодаря сохранившимся связям при дворе, Веласко имел возможность поместить мальчика-гидальго пажом в свиту Фердинанда III. Праздная жизнь среди спесивых и богатых придворных, множество красавиц, окружавших величественную Изабеллу Кастильскую, и чтение нелепых рыцарских романов, так удачно осмеянных впоследствии Сервантесом, сформировали молодого Иньиго по общей мерке. Это был молодой человек почти высокого роста, стройный, ловкий, находчивый болтун, поклонник женщин, вина и особенно военной славы, для которой впечатлительный и самолюбивый юноша был готов пожертвовать всем. «Амадис Галльский», знаменитый рыцарский роман португальского писателя Васко де Ловеира, постоянно манил его куда-то вдаль к рыцарским подвигам, на добром коне, с хорошо вычищенным оружием и с шарфом или цветком обожаемой дамы. Утомясь бездействием при дворе, Лопес, как истый рыцарь, выбрал себе даму сердца из числа хорошеньких фрейлин и поступил в военную службу.

Слава непобедимого Гонзальва Кордуанского, бывшего в то время коннетаблем, то есть главнокомандующим испанских войск в южной Италии, сильно померкла. Благодаря завистникам и сплетникам. Поэтому, следуя примеру старших родных братьев, молодой Лопес начал свою военную карьеру под начальством дальнего родственника, герцога Антонио Манрик Нахара, покровительствовавшего, как видно, всей семье Лопеса-отца. В царствование Фердинанда III военные действия почти не прекращались, а потому бывший воспитанник казначея Веласко был крайне доволен, попав в свою сферу. С головою, переполненною невероятными подвигами сказочных рыцарей, он окунулся со всем пылом своей страстной подвижной натуры во все превратности военно-походной жизни того времени, переполненной всевозможными приключениями. Подробных сведений о его служебной деятельности не имеется, известно только, что безумной храбростью, энергией и распорядительностью молодой Лопес обратил на себя внимание покровителя-герцога и пользовался славой самого блестящего офицера. В январе 1516 г. скончался Фердинанд III и на престол вступил его внук Карлос I, согласно предсмертной воле его бабки Изабеллы, знавшей, что ее дочь, а его мать, Хуана Безумная, не способна управлять государством. Шестнадцатилетний юноша, так как он родился 24 февраля 1500 г., считал себя и был на самом деле самым могущественным монархом в мире; под его скипетром были: Испания, Балеары, Неаполь, Сицилия, Мексика, Вест-Индия и Перу, а с 12 января 1519 г., по смерти другого деда, императора германского Максимилиана I, он объявлен был императором Карлом V и ему повиновались еще Германия, Чехия, Нидерланды и Бургундия. При таком могуществе не мудрено было закружиться голове, а потому, не обращая внимание на подписанный им 13 августа 1516 года в Нойоне мирный договор с французским королем, по которому Наварра уступалась королю Жану д'Альбрэ Наваррскому, Карл V решился в 1520 г. овладеть спорною областью и объявил Франции войну.

Испанские войска двинулись из Кастилии и Каталонии, быстро покорили южную Наварру и заставили короля Жана д'Альбрэ бежать во Францию; цитадель в Пампелуне, важнейшем городе Наварры, была поручена молодому Лопесу. Уже испанцы собирались двинуться в северную На-

наварру, как с Пиренсеев спустился французский генерал Фуа-Леспарр. Победоносно пройдя всю Наварру, он осадил Памплону и начал ее штурмовать; город, несмотря на усилия испанцев, должен был сдаться победителю. Только комендант цитадели, Иньиго Лопес, решился держаться против вдесятеро сильнеешего врага, с упорством, свойственным горцу и фанатику долга; цитадель ничем не была снабжена, защитников было мало, но Лопес не унывал и, как поклонник Амадиса Галльского, мечтал один бороться со всей французской армией. Желая избегнуть бесполезного кровопролития, Фуа-Леспарр предложил ему через несколько дней сдаться, но упрямец не хотел ничего слушать и смело, с мечом в руке, окруженный горсточкой испанских солдат, ждал в проломе неприятеля. Начался последний приступ. Во время свалки обломок камня от стены перебил Лопесу левую ногу, вслед затем шальной выстрел попал ему в правую ногу, и защитник цитадели упал без чувств, солдаты поспешили сдаться. Уважая отвагу и доблесть коменданта, французы любезно подняли полумертвое тело его, снести в один из уцелевших домов и здесь оказали первую медицинскую помощь. Когда Лопес пришел в чувство, великодушный Фуа-Леспарр дал ему возможность добраться до Лойолы.

Это произошло в начале 1521 г. Таким образом, только тридцати лет от роду Лопес увидал родительский дом, так как раньше вряд ли он бывал в нем. 30 июня 1521 года французы потерпели страшное поражение под Эсквиромом, бежали за Пиренсы и испанская Наварра была окончательно присоединена к владениям Карла V. Пока совершались эти события, бедный Лопес был прикован к постели и с грустью сознавался, что его военная карьера окончена. Дело в том, что левая нога плохо срасталась, и призванные хирурги нашли необходимым вторично ее сломать, чтобы срастание шло успешнее; перед этой ужасною операциею у больного был бред, ему явился апостол Петр и обещал сам лечить храброго рыцаря. В благодарность за лестное покровительство хранителя райских ключей, Лопес ту же, в бреду, сочинил по-кастильски гимн в честь св. Петра, кем-то из домашних записанный на бумагу. Придя в себя, больной самоуверенно выразил непоколебимое убеждение, что он обязательно выздоровеет, так как он не все еще совершил из того, что ему предназначено свыше. В силу этого Лопес перенес операцию томания ноги с пол-

ным спокойствием, как бы пренебрегая страданиями; какая-то косточка высунулась из мяса выше колена и больной настоял, чтобы ее отпилили, хотя сами врачи опасались за исход этой операции. Когда оказалось, что, благодаря ранам, одна нога стала короче другой, то Лопес, надеясь их сравнять, согласился, чтобы ему вытягивали ногу какою-то особенною железною машиною. Эта попытка продолжалась долго, но пользы не принесла, и бывший комендант на всю жизнь остался хромоногим.

Прошло время острых страданий и тяжелых операций, но больной не мог покидать постели, ожидая окончательного выздоровления ноги. Ясность мыслей и жажда деятельности вернулись, но приходилось спокойно и неподвижно лежать, чтобы не бередить раны. Тогда Лопес накиннулся на единственное, что ему позволялось — на чтение — и потребовал рыцарских романов, чтобы хотя мысленно принимать участие в славных боевых подвигах. В жилище каждого гидальго эти романы были обязательны в библиотеке; очевидно, они были и в Лойоле, но чья-то рука, быть может матери, потрясенной болезнью сына, подала ему, вместо произведений Терульда, Ловеяры и Вистаса, житие святых, жизнеописание Иисуса Христа и «Цветок святых». С тоски рыцарь Лопес принялся и за такое чтение, но вскоре оно его заинтересовало; особенно он стал внимательно читать про земную жизнь Спасителя и про святых Доминика (род. в 1170 г., ск. 4 августа 1221 г.), основателя ордена доминиканов, или братьев-проповедников, и Франциска Ассизского (род. в 1182 г., ск. 4 октября 1226 г.), основателя ордена францисканов, или меньших братьев. Долгие дни своего невольного плена Лопес зачитывался принесенными книгами, и его пылкое воображение, а также свойственная всем васконам страсть к чему-нибудь особенному, способному выделить из толпы и прославить, внушили ему мысль бросить греховную светскую жизнь и отдаться христиански-духовной деятельности. Он стал обсуждать эту мысль, развивать ее — и в нем началась внутренняя борьба: с одной стороны удовольствия жизни, жажда рыцарской славы, ласки женщин и все то, что может привлекать 30-летнего мужчину; с другой — полное одиночество, подвиги религиозного рвения и самоотвержения, разрыв с прошлым, подражание угодникам, возможность обратить на себя милости самого Бога. Борьба была продолжительная и упорная во время печальных зимних

месяцев. Наконец мысль о возможности прославиться на духовном поприще, а также мысль о покровителе св. Петре, который, конечно, являлся ему не зря, одержали верх, и Иньиго Лопес, со всею непреклонною решимостью горца или, лучше сказать, со всем упрямством васкона, окончательно остановился на намерении отказаться от всего прошлого и начать новую, еще неведомую ему жизнь во славу Господа Бога, Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии, рыцарем которой он решил объявить себя.

ГЛАВА III

РЫЦАРЬ СВ. ДЕВЫ МАРИИ

Не зная ничего из того, что должен проповедник слова Божия знать обязательно, не выработав ничего определенного относительно своих отношений к обществу, без ясного плана своих будущих действий, бывший светский кабаллеро и полезный офицер захотел, так сказать, покорить уничижение, испытать на себе все невзгоды подвижничества. Со времени знакомства с книгами духовного содержания он стал верить в Бога, хотя крайне своеобразно, как это будет видно впоследствии. Приняв твердое намерение начать новую жизнь, Иньиго Лопес в половине марта 1522 г. покинул родительский замок Лойолу тайком, не сказав никому ни слова. Правда, что родные устроили над ним тайный надзор, видя его восторженное настроение и зная его сумасбродство, но мнимый больной обманул их бдительность. Выбравшись рано утром на дорогу, Лопес направился сначала на своем муле к Монтесerratскому монастырю, куда стекались многочисленные богомольцы поклониться чудотворной иконе Богородицы, долженствующей сделаться патронессою новообращенного рыцаря. По дороге Лопес догнал какого-то мавра, с которым вступил от нечего делать в разговор; зашла почему-то речь о Богородице, и дерзкий мавр стал отзываться о ней непочтительно. Сначала Лопес пробовал подействовать на мусульманина силою убеждения, но возражения рассердили его, в проповеднике проснулся энергичный офицер — и он выхватил шпагу, чтобы наказать дерзкого. Испуганный мавр обратился в бегство на своей лошади, а рыцарь пустился догонять его; однако быстрее движение охладило его, и он стал рассуждать о неуместности своей вспышки. Впереди дорога раздваивалась: вправо виднелось селение, где жил мавр, а влево — монастырь, куда направлялся рыцарь; фаталист, как большинство васконов, Лопес решил поло-

житься на волю мула; если он повернет к селению, значит рыцарский обет можно не исполнять, а если повернет к монастырю, значит, так угодно Св. Деве. Мул бойко доскакал до разветвления дороги и... взял влево.

Прибыв к часовне Богоматери, Лопес нашел необходимым поступить по всем правилам рыцарского кодекса и, прежде чем окончательно посвятить себя в рыцари Св. Девы Марии, продежурил всю ночь перед изображением своей патронессы. С этой целью он, при наступлении вечера, облачился в вычищенные рыцарские доспехи и при полном вооружении стал на страже перед образом; всю ночь провел он в молитве, обливаясь слезами о своих грехах и давая обеты быть нелицемерным и преданным рыцарем избранной им «дамы» и совершать все только во славу ее. Утро застало его бодрствующим. Прочитав последнюю молитву, Лопес принес в жертву Богородице свою шпагу, повесив ее на одну из колоннок часовни, снял с себя весь дорогой рыцарский наряд, остаток презиравшего им отныне богатства, и подарил его стоящему вблизи нищему. Затем надел нищенское рубище, подпоясался веревкою и пешком направился в близлежащий городок Манресу. Все, только что рассказанное, он, как вежливый и деликатный caballero, проделал на 25 марта, день Благовещения Богородицы. По прибытии в город Лопес приютился при монастырской больнице и начал свой искуc. Первое время монастырская братия не хотела принимать его, так как Лопес не сделал никакого вклада, но потом помирилась с ним во время его новой болезни. Посвятив себя посту и молитве, он находил скудный больничный стол даже чересчур роскошным и часто отказывался от него; дни он проводил в молитве или просил подаяние, одетый в рубище, под которым навешивал камни и вериги, становясь при этом, и даже с наслаждением, предметом насмешек праздных ребятишек и взрослых зубоскалов; по ночам же, с теми же веригами, он ложился спать на голой земле, но отгоняя от себя сон молитвами и размышлениями. Уничижая себя в своем фанатизме, он дошел до мысли, что всего этого мало, так как все это в недостаточной степени умирало его страстный, пылкий темперамент, и ему казался необходимым искуc посуровее, порезче и подействительнее.

С этой целью он отправился на поиски и, в 600 шагах от Манресы, на скалистом берегу реки Льобрегат, впадающей в Средиземное море, разыскал почти неприступную пе-

щеру, в которую можно было забраться чуть не ползком через колючие кустарники. Рыцарь св. Девы расположился в этой пещере и устроился вполне по своему вкусу. Все время он проводил в религиозном созерцании божественных качеств небесного Учителя или в самых тяжелых грубых работах, утомляя и ломая себя наподобие пустынножителей первых веков христианства. То борясь с чёртом, который самолично являлся искушать и совращать его во всевозможных видах, то охваченный неземным восторгом при виде небесных наслаждений и явлений, то изнемогая в обмороке после подобных потрясений и беседуя в это время с Богом, Лопес достиг постепенно такого состояния, когда он сделался не от мира сего или, лучше сказать, самым высокопробным фанатиком, для которого понятия о времени, пространстве и логике не существовали. В своем дико-восторженном настроении, он, не имевший раньше ни времени, ни охоты учиться по книгам, пришел к сознанию, что теперь, при помощи свыше, он сразу усвоил науку познания людей: под горячим впечатлением, не выходя почти к людям и любуясь только небом и водою, он написал первый свой литературный труд по-кастильски — «Духовные упражнения», отразившиеся на всей его дальнейшей жизни, а также на истории ордена иезуитов. Не входя в оценку этой книги, составленной в духе и форме рыцарских романов, единственных литературных произведений, хорошо знакомых Лопесу, — заметим только, что по ней можно убедиться, как сбивчивы и смутны были у отставного офицера понятия о христианских догматах, как своеобразно понимал он личность Иисуса Христа и как легко он мог быть обвинен за эту книгу в несторианстве, если бы за него покруче взялись доминиканцы-инквизиторы.

Между тем молва о пустыннике, обитателе пищеры, разошлась по окрестностям, чему, конечно, содействовали и друзья Лопеса, бенедиктинцы, жившие в Монте-серратском монастыре. Наконец известие о нем достигло замка Лойолы, где мирно жили его родители и братья. Старший из последних, Мартин-Гарсиас Лопес, немедленно явился в Манресу, чтобы вернуть брата на путь истины; однако все его просьбы и убеждения не привели ни к чему. Иньиго Лопес был в том душевном настроении, которое в настоящее время называли бы психопатическим, и оставался глухим к речам брата. Побившись несколько дней и видя, что ему не добиться толку, Мартин-Гарсиас махнул рукою

и опечаленный вернулся домой. Тем временем Иньиго перечитал свои «Духовные упражнения», убедился в их полной доброкачественности и решил про себя, что если он много дал Богу, то и получил от Него с процентами, так как написать такую превосходную книгу без непосредственного содействия Бога невозможно, а между тем «при такой книге даже Евангелие становится излишним». Покончив с этим, Лопес объявил своим друзьям-бенедиктинцам о своем намерении отправиться на поклонение гробу Господню в Иерусалим и затем обратиться в христианство всех сарацин-мусульман. Монастырская братия одобрила это благочестивое желание пустынножителя, и, кажется, в феврале 1523 года Лопес, совершенно приготовленный для единоличной борьбы со всеми врагами Бога, покинул Мауресу и пустился со своими «Духовными упражнениями» в свет.

Побираясь Христовым именем, бывший герой Пампелуны достиг в своем рубище Барцелоны, следуя по течению Льюбрэгата, и тут ухитрился попасть на галеру, отправляющуюся в Италию. Жестокая буря долго носила по Средиземному морю корабль, и только на пятый день ему удалось пристать к Гаэте. Разбитый и утомленный переездом, Лопес должен был несколько дней отдыхать, а затем отправился пешком в Рим, желая получить благословение папы перед путешествием в Святую землю. В Вербное воскресенье достиг он вечного города и вскоре удостоился приложиться к туфле папы Адриана VI, бывшего воспитателя Карла V и вице-короля Испании. Запыленный странник прошел незамеченным, получил заодно с другими общее благословение и, с облегченным сердцем, покинул Рим, направляясь к Венеции. В это время в Италии свирепствовала чума. Села и города подвергались действию этой заразы, и люди сотнями умирали в домах, на улицах, на полях; утраченный народ прятался ото всех, и каждый безобидный странник внушал страх, так как его считали вестником чумы. Тем более внушал страх Лопес, исхудавший от подвижничества, с мертвенно бледным лицом и фосфорически-сверкающими глазами; ему под носом запирали двери, за которыми он рассчитывал найти ночлег и кусок хлеба, так что ему зачастую приходилось ночевать под открытым небом, на сырой земле. Как ни закалил себя рыцарь св. Девы в лишениях, но такое странствование надломило его настолько, что около Падуи он был близок к

смерти от истощения. Но тут явился «добрый товарищ», сам Иисус Христос. Он одобрил ослабевшего, обещал ему свою помощь и так подкрепил Лопеса своим появлением, что тот благопослучно и невредимо достиг адриатической столицы на лагунах — Венеции.

Здесь, в главном средоточии западно-европейской торговли того времени, Лопес мог бы затеряться в толпе равнодушных торгашей, если бы в нем не принял случайно участия какой-то зажиточный земляк. Узнав о цели его паломничества, испанец выхлопотал ему местечко на правительственной галере, отправлявшейся к берегам Сирии, и снабдил кое-какою провизией. Освежившийся и отдохнувший Лопес бодро занял свое место на галере и решил немедленно приступить к исправлению нравов разгульных матросов. Наивный до ребячества, самоуверенный до крайности, неопытный в житейском отношении, так как он знал только лагерную жизнь, Лопес воображал, что стоит только захотеть чего-нибудь ему, — и он непременно добьется желаемого. Первое же практическое столкновение на избранном им самим поприще показало ему всю трудность предпринятого дела. На первых порах, напуганные его страстными и малопонятными речами, матросы покаялись и устарились, но потом им это надоело, они стали возражать и наконец единодушно подняли проповедника нравственности на смех. Задетый за живое, рыцарь св. Девы стал угрожать им наказанием свыше; тогда озлобившиеся матросы уговорились, при первом же удобном случае, посадить его на какой-нибудь необитаемый островок. К счастью для Лопеса, этой грубой шутки не пришлось исполнить, потому что по выходе галеры из Адриатического моря пришлось бороться с сильным волнением и стараться не сбиться с курса. Обновив свои запасы на острове Кипре, галера благополучно достигла Яффы, откуда Лопес с толпою богомольцев добрался 4 сентября 1523 года до Иерусалима.

С благоговением посетил он все места, освященные воспоминанием о земной жизни Спасителя, наплакался, помолился и затем решил заняться главной своею задачею — обращением мусульманского Востока в христианство. Как солдат, привыкший к дисциплине, прежде чем взяться за дело, усердный рыцарь обратился за благословением к провинциалу (т. е. начальнику отдела) ордена францисканов, имя которого, к сожалению, неизве-

стно. Умный и осторожный провинциал, прежде чем дать благословение на такое опасное дело, решился проэкзаменовать проповедника, ему незнакомого; с удивлением увидел он, что Лопес местных языков не знает, с мусульманским вероучением не знаком и, наконец, в христианском богословии более чем неуч. Изумленный и раздосадованный этой фантастическою смелостью, провинциал бесцеремонно выпроводил рыцаря из Иерусалима и энергично подтвердил ему убраться, откуда он пришел, если не хочет бесполезно рисковать жизнью. Ошеломленный таким жестким уроком и потеряв еще на галере большую часть своей слепой самоуверенности, Лопес покорно выполнил приказание и покинул Палестину. Ободренный, голодный, полузамерзший, он каким-то чудом остался в живых и ухитрился вернуться в январе 1524 года в отчасти знакомую ему Венецию. Нисколько не поколебленный целым годом неудач, упрямый васкон, едва отдохнув от тяжелого переезда, решился обращаться в христианство — христиан венецианских, забывших, по его мнению, все учение Христа.

Однако его и тут ждало разочарование. В нескольких диспутах, на которых он смело выступил, его унизили, осмеяли и опозорили, доказав целым рядом доводов и цитат, что он — круглый невежда, которому нужно не проповедовать слово Божие, а сесть за букварь. У сконфуженного рыцаря св. Девы открылись наконец глаза, и он понял свой промах; другой на его месте махнул бы рукою на свою проповедническую страсть и, быть может, вернулся бы в военную службу, но Иньиго Лопес был не из таких. С упрямством и настойчивостью герцога-васкона он соединял страшную силу воли и изумительное терпение. При знакомстве с такими характерами становится вполне понятной итальянская поговорка: «Если испанцу нужно вбить в стену гвоздь, а молотка под руками не будет, то он заменит его своей головой и вобьет гвоздь в стену». Лопес стал обдумывать свое положение и изыскивать способы достичь намеченной еще в Лойоле цели: укрепить веру в Бога и этим приобрести известность и славу. Неудача его посланничества происходил от двух причин: он был вполне необразованный человек и действовал до сих пор один; следовательно, ему необходимо получить научное образование и создать духовное братство, воинствующее во славу Божию. Таким образом, в Венеции пришла Лопесу

впервые мысль об ордене иезуитов, а не в пещере Манресы, как уверяет не в меру усердствующий биограф Лопеса, иезуит Рибаденейра, старавшийся доказать, что чуть ли не со дня рождения предназначение великого человека было ясно до очевидности. Непосильная задача для 33-летнего рыцаря св. Девы нисколько не устрасила и не поколебала его. «Это нужно — значит, это должно быть сделано» — вот, вероятно, как формулировал Лопес свою новую задачу. А раз решившись, он не откладывал дела. Учиться латыни, этому первоисточнику всей премудрости того времени, Лопес не хотел в Италии, так как он никогда не владел хорошо итальянским языком; поэтому он нашел необходимым возвратиться в Испанию, а именно в Барселону, в которую он не мог попасть по причине чумы два года тому назад, то есть при бегстве из замка Лойола. Но чтобы скорее попасть туда, надо было добраться до Генуи, а как раз в это время северная Италия сделалась театром войны Карла V с французским королем, неукротимым воителем и блестящим баловнем женщин, Франциском I.

Люди, сочувствующие Лопесу, советовали ему избрать более безопасный, хотя и более кружной путь, чтобы добраться до одного из средиземных портов; но он нашел это как бы унижительным для себя, бывшего офицера, и смело покинул Венецию в своем рубище, питаясь подающим и прямолинейно направляясь в Геную. Передвижения войск, сторожевые цепи, сражения, взятие городов приступом, преследование бегущего неприятеля — все это страшно задерживало путешественника, а подчас ставило его в опасное положение: его могли нечаянно убить и могли расстрелять, как шпиона. В одной деревне его арестовал испанский отряд, считая его подосланным французами; едва убедив начальника отряда, Лопес не избег-таки глумления расхаживавших солдат: его раздели и голого водили долгое время по всей лагерной стоянке. Едва вырвался от них знаменитый герой Пампелуны и поспешил наверстать потерянное время. Наконец он добрался, к великому своему удовольствию, до Генуи, где ему удалось найти место на одном из кораблей, совершавшем рейсы до Барселоны, благодаря содействию Портунде, начальника испанской эскадры, с которым он познакомился, будучи еще придворным пажом. С небольшим через год возвратился Лопес на родину, значительно умудренный жизненным

опытом, но по-прежнему непреклонный в достижении раздуманного.

Прибыв в Барселону, Лопес прямо отправился в одну из обыкновенных школ для детей, объяснил учителю свое желание, попросил его не стесняться в обращении и ничем не отличать взрослого ученика от остальных. Набожный преподаватель Ардебаль, умиленный желанием отставного офицера, согласился учить его даром, а добродушная Изабелла Розель вызвалась кормить его бесплатно в течение всего учебного времени. Тяжело приниматься в 33 года за латинскую грамматику, но отступать было стыдно, поэтому с полным самообладанием и охотой занял Лопес место на школьной скамье и принялся за незнакомую ему до сих пор премудрость, не обращая внимания на насмешки ребятишек и зубоскальство взрослых. Последовательный теперь в своих поступках, рыцарь св. Девы, параллельно с учением, начал приводить в исполнение свой другой план — вербовки сотоварищей: мало того, он не оставил старой привычки исправлять согрешивших поучениями и проповедями, подавая пример строгим образом жизни, постами и самобичеванием. Умерщвляя в себе все плотское и греховное, он изучал склонения и спряжения по грамматике, а затем пылкими, страстными речами заставлял каяться провинившихся перед Богом и исправляться на самом деле. По странной случайности, духовные власти города не обращали внимания на незнакомого для них проповедника и не стесняли его миссионерской деятельности; благодаря этому, в городе скоро заговорили о суровом проповеднике нравственности и вокруг него стал образовываться кружок ревностных последователей. Удачно пользуясь обстоятельствами, Лопес выбрал себе четырех учеников и этим положил основу проектированному им духовному товариществу. Эти ученики были: три каталонца — Артиага, Каллист и Кацерес да паж Жеган из французской Наварры; все четверо — малоопытные и малосведущие молодые люди, увлекшиеся аскетизмом и пламенными речами Лопеса, не перестававшего усердно зубрить латинскую грамматику. Так прошло два года, и Лопес, не желавший даром терять времени, решил, что он достаточно подготовлен для поступления в высшее учебное заведение.

Уговорив учеников следовать за ним, Лопес покинул Барселону и направился в Алкала-де-Генарес, где

процветал юный университет, основанный знаменитым кардиналом и регентом Кастилии во время детства Карла V, Франциско Хименс де Чиснерос, в 1498 г.; местопребывание архиепископа, средоточие кастильской образованности, Алкала была в то время многолюдна, богата и оживлена. Лопес поступил на курсы в университет и повел тот же образ жизни, какой он вел в столице Каталонии. Вокруг него стали собираться кающиеся, о нем заговорили по городу, и общее внимание обратилось на незнакомого студента в черном плаще и сомбреро; благородные кастильянки решили бесповоротно, что это святой, и наперерыв принялись приглашать его в качестве исповедника. Две из них, воспламененные его рассказами о страннической жизни во славу Божию и о задуманном духовном воинствующем братстве, решились проделать то же самое и тайком бежали из Алкалы, покинув мужей и семьи. Скандал вышел громадный, и инквизиция, давно уже следившая за рыцарем св. Девы, немедленно арестовала его и подвергла допросу, считая его сочленом опасной в то время религиозно-мистической секты иллюминатов. Старший инквизитор и великий викарий доминиканцев, Фигвероа, убедился в своей ошибке после самого поверхностного допроса и выпустил на свободу студента-проповедника, но в это время поступили жалобы оскорбленных мужей, и Лопеса вторично арестовали. Две дамы высшего круга, Тереза Карденас, мать герцога Дизго Макведа, и статс-дама Алионора Маскареньяс, бывшая кормилица наследного принца Филиппа, приняли живое участие в святом проповеднике и выразили желание взять его на поруки, но нелюбезный Фигвероа отказал им в этом. Дело могло бы принять очень дурной оборот для очистителя нравов, если бы взбалмошные кастильянки не вернулись домой после целого ряда курьезных приключений. Они удостоверили под присягою, что «дон-Иньиго Лопес де Рекальде» отговаривал их от поездки, и они поступили против его настоятельных советов; тогда Фигвероа освободил Лопеса, посоветовав ему прилежнее учиться, а не баламутить народ. Как бы то ни было, кредит рыцаря св. Девы был подорван, ученики отреклись от него, опасаясь инквизиции, и он в досаде покинул Алкану, чтобы продолжать учение в Саламанке. По дороге Лопес остановился в Вальядолиде, где обратился за советом к толедскому архиепископу Фонске; последний благословил его и даже дал денег, чтобы ревностный сту-

дент мог беспрепятственно добраться до университетского города.

«Маленький Рим», как долго называли Саламанку, обладал старинным университетом, основанным в 1239 году леоно-кастильским королем Фердинандом III Святым. Записавшись на университетские курсы, неугомонный Лопес повел тот же образ жизни, как и в Алкале; поэтому немудрено, что в городе скоро заговорили о суровом ревнителе нравственности и благочестия. К тому же из Алкалы прибыли раскаявшиеся Артиага, Каллист, Кацерес и Жеган. Инквизиция всполошилась, и великий викарий доминиканцев, Фриас, велел арестовать всех пятерых. Относясь почему-то к Фриасу с большим уважением, чем к Фигвероа, Лопес на допросе показал ему свои «Духовные упражнения». Великий викарий пригласил экспертами трех докторов богословия и поручил им рассмотреть произведение студента Лопеса де Рекальде; доктора прочитали книгу и объявили, что в ней противохристианского в духе католицизма ничего нет, но видно полное неумение владеть пером, а потому слог сбивчивый и неясный. Тогда Фриас выпустил на волю злосчастного рыцаря, внушительно «посоветовав» ему учиться, так как он мало искусен в риторике и может впасть в ересь. Вzbешенный таким советом, Лопес объявил одновременно с ним выпущенным ученикам, что в Испании учиться нечему, что здесь не понимают его великих идей, а потому им следует отправиться в Париж. Злосчастные ученики потеряли терпение и наотрез отказались следовать за учителем, из-за которого они перенесли только массу неприятностей. Тяжело вздохнул покинутый всеми и непризнанный рыцарь св. Девы, нагрузил свои скромные пожитки на осла и, подгоняя его, отправился пешком из Саламанки в Париж.

ГЛАВА IV

ПРОПОВЕДНИК ЛОЙОЛА

Парижский университет, первый по времени в Европе, был окончательно учрежден в 1200 г. французским королем Филиппом II. Ученый англичанин Курсон написал для него устав, который был утвержден королем в 1205 г., а со времен короля Карла V Мудрого университет получил титул «старшей дочери французских королей». Самое название «университет» было впервые применено к парижскому, так как, по идее Курсона, здесь было всемирное сосредоточие преподавателей и учащихся. Владея с самого начала обширными привилегиями, университет в Париже приобрел значение особенно в XIV и XV столетиях, вмешиваясь в политические события Франции и имея своих представителей в генеральных собраниях. Из четырех факультетов первенствующую роль играл богословский, преобразованный в 1252 г. Робертом Сорбоном в высшее учреждение, с гордостью называемое «непрерывным галльским собором». Эта Сорбонна всегда стояла на страже чистоты католической религии, была верною помощницею пап в борьбе с ересями, первая начала опровергать Лютера, Кальвина и Цвингли и первая же впоследствии вооружилась против иезуитов. Философская диалектика, преподаваемая в высших учебных заведениях, с давних пор слилась с богословием под общим названием схоластики и достигла своего апогея в XIII и XIV столетиях, но в первой четверти XVI столетия схоластика стала падать, благодаря нападкам Оккама, Бюридана и других. Однако парижский университет и Сорбонна продолжали еще привлекать тысячи слушателей, желавших работать под руководством Гомбо, Буханана, Говеа, Латомуса, Гильома Бюде, Пьера Данеса, Ласкариса, Жана Салиньяка, Рамуса и других светил науки той эпохи. Правда, все ученые и профессора подчинялись строгому ригоризму схоластики в

своих лекциях, не смея на волос уклониться от предначертанных рамок; тем не менее любознательная молодежь стекалась в Париж со всех сторон; одни жаждали укрепиться в догматах веры, другие же, наоборот, стремились ознакомиться с идеями Лютера, Цвингли, Кальвина и Меланхтона.

В этот-то центр умственной кипучей деятельности прибыл в январе 1528 г. испанский дворянин Иньиго Лопес, начавший теперь именоваться Лойолою, в честь замка, где он родился; поэтому и мы начнем называть его теперь этим новым именем. Как совершил свое путешествие Лойола, что случилось с ним замечательною дорогою, остается неизвестным, хотя со времени своего появления в Париже он во многих отношениях сильно изменился. Оставаясь прежним пламенным ревнителем своеобразно понимаемого христианства и нравственности, Лойола как-то практически поумнел, перестал подвергать себя публичному осмеянию, как это было в Алкале и Саламанке, резкие психопатические выходы прекратились, а шероховатости упрямого васкона сгладились. Он стал упорно, настойчиво, но осторожно и умно, добиваться своей заветной идеи, ясно сформулированной в Венеции: создать духовное братство для борьбы с врагами католической церкви. Рыцарь св. Девы Марии ступал куда-то бесследно; явился проповедник нравственности умственной и телесной, будущий основатель ордена иезуитов. Что повлияло так на Лойолу, остается неразгаданным, потому что биографы его проходят полным молчанием эту эпоху его жизни. Криминалисты в подобных случаях говорят: «*Cherchez la femme*», и кажется мы будем очень близки к истине; если укажем на Алиенору Маскареньяс, как на тайную вдохновительницу Лопеса; познакомься с ним в Алкале, а может быть и раньше, эта дама поддерживала с ним оживленную переписку до самой его смерти.

Явсья в Париж, Лойола поступил 1 февраля 1528 г. почему-то не в университет, а в коллегию Монтегю на улице «Семи дорог», желая ознакомиться с гуманитарными науками. Одновременно с этим он опять взялся за исправление нравов и на первых же порах был схвачен служителями инквизиции; верховный инквизитор парижский, доминиканец Ори, допросил его, удовлетворился представленными объяснениями и отпустил с миром после нескольких дней ареста. Обрадованный успехом, Лойола продолжал

ревностно свои проповеди, привлек трех новых учеников, имена которых неизвестны, и устроил общежитие. Благотворительность в Париже была очень ничтожна, так что вновь образовавшееся общежитие буквально голодало. Серьезно озабоченный этим, а может быть, и по другим причинам, в том же 1528 г. Лойола предпринял таинственную поездку во Фландрию и Англию, откуда возвратился с богатым подаением, которого могло хватить общежитию на несколько лет. После того он начал усердно заниматься и даже для большей успешности сократил число часов, посвящаемых молитве, что для человека набожного, каким был, несомненно, Лойола, считалось большою жертвою. Однако из восемнадцати месяцев, проведенных в коллегии Монтегю, Лойола мог посвятить собственно учению только шесть; целый год был истрачен на различные поездки, житейские хлопоты и проповеди. Считая себя все-таки достаточно подготовленным, Лойола перешел на философские курсы в коллегию св. Варвары на Реймской улице; эта коллегия была основана в 1460 году профессором из Наварры Ленорманом и управлялась особым советом из монахов, тогда как коллегия Монтегю, основанная в 1314 г. руанским архиепископом Жиллем Айселэн де Монтегю, имела характер более светский и управлялась единолично провизором.

Три ученика, завербованные Лойолою, не удовлетворяли его, и он решил усилить состав общежития. С этой целью он начал пропаганду среди товарищей по коллегии. Ораторский талант, несомненно развившийся к этому времени у Лойолы, привлек к нему множество слушателей заинтересованных живым словом, а не схоластической риторикой, лишенной глубины и мысли. Случилось однажды, что целый курс собрался слушать проповедника, оставив старичка-профессора одного в зале; оскорбленный преподаватель пожаловался приору коллегии, что Лойола бунтует студентов, и приор внес в совет монахов требование высечь виновного. Председательствующий монах Говеан, родом из португальских дворян, потребовал Лойолу, выслушал его оправдательную речь, пришел в умиление, расплакался и объявил в совете, что перед ними святой человек. Отпущенный с честью, Лойола тем не менее потерял кредит среди товарищей, которые от него отвернулись, как от предназначенного к сечению. В это же время покинули по неизвестным причинам общежитие и

три ученика, быть может недовольные строгостью своего старшего. Огорченный этими неудачами, Лойола усердно начал заниматься науками, окончив курс коллегии св. Варвары с ученою степенью того времени и в 1532 году поступил на богословские курсы в доминиканский монастырь на улице св. Иакова. Таким образом, за все свое пребывание в Париже Лойола почему-то не нашел нужным слушать лекции сначала в Алкале, а потом у доминиканцев вместе с Лойолою; начитанный, скромный по наружности, с вкрадчивыми манерами и увлекательным красноречием, Лайнес лучше многих оценил достоинство задуманного дела и увлек за собой Сальмерона; последний родился в 1516 г. в Толедо и также учился в одно время в Алкале. Привлеченные слухами о проповеднике нравственности, к союзу примкнули Альфонс, прозванный по месту рождения Бобадиля, и Родригес, родом из Буцеллы. Таким образом, вокруг Лойолы сошлись шесть молодых людей с пустыми карманами, но религиозные, послушные воле старшего, преданные католической церкви и готовые бороться за нее с кем угодно. Союзники часто сходились вместе и вели беседу о том, как они покорят без оружия всю Палестину, откуда десять лет тому назад был выгнан печальный рыцарь св. Девы Марии.

Умудренный опытом прошлого, Лойола не хотел снова терять учеников-союзников и решил торжественно закрепить их, убедившись, что вся эта молодежь религиозна и совестлива. С этой целью, по его приглашению, все семеро собрались 15 августа 1534 г. в одном из подземелий Монмартра, в котором, по преданию, был замучен 9 октября 1272 г. первый епископ парижский, св. Дионисий, с товарищами Рустиком и Элевферием. В день Успения Богородицы Лефевр, в качестве священника, отслужил обедню, и затем все поочередно дали перед алтарем обет целомудрия и вечной бедности; кроме того, обещались по окончании ученья ехать миссионерами в Палестину; если же это окажется невозможным почему-нибудь, то явиться в Рим, дать папе клятву безусловного повиновения и отдаться в его полное распоряжение. Относясь серьезно к принятым на себя обязательствам, Ксавье, Сальмерон и Лайнес заговорили о необходимости ехать в Испанию для ликвидации своих имуществ, так как трудно было предпринимать заранее, кто из них и когда вернется из Палестины, да еще и вернется ли. Но верховный глава но-

вого союза не хотел отпускать их на родину, откуда они могли и не вернуться, а потому, после зрелого обсуждения, решено было, что вместо них поедет сам Лойола и устроит все дела; духовное же братство, на время его отсутствия, останется под руководством Лефевра, которому Лойола доверял больше, чем остальным. Кроме того, все согласились ожидать Лойолу не в Париже, а в Венеции, куда следовало собраться к 25 января 1537 г., чтобы затем немедленно отправиться к берегам Сирии. Покончив все эти дела, Лойола бросил ученье у доминиканцев и, снабженный полномочиями товарищей, уехал из Парижа 25 января 1535 г. на родину.

В жизни Лойолы наступил для биографа новый пробел, так как нет положительных сведений о том, что он делал в продолжение двух лет, оставаясь в Испании. Не в меру усердные биографы его, иезуиты Рибаденейра, Маффеи и Бугур, рассказывают, что это было вполне триумфальное шествие будущего святого. Лишь только он въехал в Гвипускоа, его встретили чуть не крестным ходом жители Ацпетии, имея во главе Бельтрама Лопеса, племянника Лойолы и старшего представителя дома Лопесов в то время. Прибыв в Гвипускоа, Лойола повидался со своими братьями, которые, конечно, принялись уговаривать его бросить свое ханжество и сделаться достойным своего имени гидальго, но Лойола остался непоколебим в своем решении и не захотел даже жить в замке Лойолы, а поселился временно в близлежащем городке Ацпетиа, в приюте для бедных. Тут он со всем жаром принялся за проповеди против распущенности, маловерия и безнравственности. Успех превзошел всякие ожидания, и имя Лойолы приобрело громкую известность; многих он спас от греха, даже подействовал на обленившееся местное духовенство и, так сказать, подтянул его к более ревностному исполнению своих обязанностей. Присоединяя к словам поступки, Лойола роздал бедным свое имущество, которое, как надо полагать, досталось ему по смерти родителей; раздача эта состоялась в виде милостыни просящим бедным и в виде небольших пенсий стыдящимся просить. Кроме того, добавляют биографы-иезуиты, Лойола установил чтение молитвы «Angelus», принятой впоследствии всей католической церковью. Совершив все это на родине, Лойола поехал в Пампелуну, Алмацан, Толедо и Сигвенцу ликвидировать дела товарищей, а покончив с этим,

прямо выехал в Венецию, куда прибыл в конце декабря 1536 года.

Насколько в этом рассказе правды и лжи, решить в настоящее время затруднительно. Во всяком случае более чем странно, что Лойола, сжигаемый нетерпением осуществить давно лелеемую мысль — создать духовное братство для борьбы с врагами церкви, решился праздно слоняться с лишком полтора года по деревням Гвипускоа. Очевидно, что цель поездки в Испанию Лойолы была гораздо серьезнее. Во-первых, биографы сами проговариваются, упомянув об имуществе. Как Лойола ни проповедовал усердно о бескорыстии и вечной бедности, но вся деятельность его, а особенно дальнейшая, указывает, что он был не прочь от земного богатства. Тем более, освободившись за десять с лишком лет от психопатического изуверства и фанатизма, хотя он носил маску того и другого, практически оценивший значение денег, Лойола не мог накануне осуществления своей идеи оставаться нищим. Вероятно, еще в Париже он узнал о выпавшем на его долю наследстве, а потому и поспешил явиться лично, чтобы свести счета с братьями. Во-вторых, Лойола лично изведal на личном опыте силу и власть инквизиции, сосредоточенной с 1232 г. в руках доминиканцев; зная, что его и в Италии, и в Палестине могут обвинить в ереси, предусмотрительный васкон мог вступить в переговоры с инквизиционными судилищами в Алкале и Саламанке, чтобы заручиться своевременно оправдательными документами от лиц, судивших студента Лопес де Рекальде. В-третьих, надо с большим вероятием допустить, что в Испании жил тот неизвестный покровитель и вдохновитель, с которым Лойола сошелся во время путешествия из Саламанки в Париж и который сумел из беспокойно-метавшегося психопата восстановить лукавого васкона.

Как бы то ни было, в конце декабря 1536 г. Лойола поселился в Венеции ожидать товарищей. Между тем оставшийся в Париже кружок не терял времени напрасно. Кроткий и симпатичный Лефевр сумел привлечь к союзу еще трех членов: своего земляка де Жэ, родом из Аннеси в Савойе; Кодюра, родившегося в Эмбрюне, небольшом городке в Дофине; и Брузэ, пикардийца из Бретанкура возле Амиена. Когда учившиеся члены маленькой общины окончили курс наук, то все девять отправились, согласно договору, в Венецию, избрав для этого кружной путь через

Германию, чтобы испытать свои силы в словесной борьбе с лютеранами и другими, отпавшими от католической церкви. В это время враги папы и католицизма держали голову очень высоко, так как протестантские князья силою оружия принудили императора Карла V признать за ними все права гражданства, несмотря на отпадение от Рима. Понятно, что в упоении своей победы половина Германии принялась с горячностью судить и рядить о религии и догматах, хотя многие из рассуждающих были недоучками, даже прямо неучами. Нет ничего удивительного, что небольшая кучка, во главе которой стоял Лефевр, проходя по Германии, часто имела блестящий успех в спорах по религиозным вопросам с тяжеловесными немцами, сбиваемыми с позиции искусной диалектикой и пламенным красноречием. Слава о духовных ратоборцах достигла до императора, а от него было сообщено его уполномоченному при ватиканском дворе, Ортцу, так как сделалось известным, что студенты-богословы направляются в Италию. Действительно, пройдя Бургундию, Баден, Вюртемберг, Баварию, Зальцбург, Тироль, 8 января 1537 г. ядро и фундамент будущего ордена иезуитов прибыли в Венецию, где почтительно приветствовали своего владыку Лойолу.

ГЛАВА V

ПАВЕЛ III И ЕГО КАРДИНАЛЫ

Эпоха, когда Лойола сошелся с товарищами в Венеции, была очень замечательна. В первой главе мы упоминали, что Мартин Лютер нанес страшный удар власти римского папы над христианским миром, наглядно доказав, что можно быть хорошим христианином и не признавать папу абсолютным владыкою над душою и совестью каждого. С тех пор прошло 20 лет, и заразителный пример Лютера вызвал появление сотни религиозных реформаторов, благодаря которым престол римского первосвященника заколебался в своем основании. У наместника Иисуса Христа отняли Англию, Швейцарию, Палатинат, Франконию, Гессен, Бранденбург, Данию и Швецию с Норвегией; но этого было мало: идеи преобразователей католицизма стали находить доступ в Пьемонте, Савойе, в долинах Альпийских гор, на берегах Рейна, во Франции и даже в Польше. Олеронский епископ Руссель подготовлял Наварру к отпадению от Рима, пользуясь покровительством королевы Маргариты, которая в своей столице Нерак открыто принимала Кальвина, под предлогом примирения его с Римом. В самой Италии дела были плохи, так как даже феррарская герцогиня Ренэ, кузина Маргариты Наваррской, училась богословию у того же Кальвина: отважные новаторы рассыпались по всему полуострову, постепенно охватывая кольцом вечный город, и даже появлялись в его церквах. Во всем этом антикатолическом движении народ, еще не приученный к самостоятельности и собственному почину, шел покорно по следам своих правителей, которые давали тон и направление борьбе против папского абсолютизма, громко указывая все грехи римской курии. Положение папы становилось крайне печальным, он терял под ногами почву, не знал, за что ухватиться для спасения своего престола; все средства, считавшиеся прежде не-

отразимыми, были перепробованы и оказались бессильными помочь горю.

На римском престоле в это время был Павел III из дома Фарнезе. Добродушный и недалекий, он додумался, однако, до смелой решимости заглянуть в пропасть, куда начинало скользить католичество, и с этой целью назначил особую верховную комиссию, которой поручил расследовать и донести ему о причинах упадка веры, а также о мерах, которые, по мнению комиссии, следовало принять для исправления совершающегося зла. В эту комиссию вошли: кардиналы Караффа, Контарини, Садолет и Поль, кроме того: салернский архиепископ Фрегозо, бриндизский архиепископ Алессандри, веронский епископ Джиберто, аббат венецианского монастыря св. Георгия Кортези и доминиканец Бадиа. Перечисленные лица, образованнейшие и преданнейшие римскому престолу в ту эпоху, выполнили возложенную на них щекотливую задачу с величайшей добросовестностью и составили обширную докладную записку, в которой изобразили действительное положение папской столицы. Картина, набросанная ими, превзошла своими мрачными красками все, что когда-либо осмеливались говорить лютеране, кальвинисты, англикане, реформаты, цвинглиане и другие враги католической церкви. Павел III ужаснулся, читая одно перечисление двадцати восьми главнейших зол, превращавших Рим в разнузданный лагерь тунеядцев, развратников и преступников, одно перечисление самых необходимых, по мнению комиссии, мероприятий для поддержания престола св. апостола Петра давало ясное понятие о том, что делалось среди близорукого католического духовенства в первой половине XVI столетия. Требовалось следующее: суровая цензура над позорным поведением монахов; старательное искоренение предрассудков, поддерживаемых и усиливаемых монастырями; обязательное прекращение развращающей весь причт симонии, или торговли церковными должностями; освобождение духовенства от обетов безбрачия, так как внебрачное сожитие сделалось вполне обыденным явлением, и зачастую видели епископов, у которых отец и дед, а иногда мать и бабка, были прелатами и князьями церкви; коренное изменение духа и направление университетского образования, подрывавшего в корень авторитет церкви; запрещение торгашеского произвола при продаже отпустительных

грамот, или индульгенций; назначение священникам и капелланам определенного жалованья, для уничтожения их алчного лихоимства и мздоимства. Вникнув серьезно в содержание докладной записки, Павел III испугался громадности задуманной реформы и, по обычаям многих своих предшественников, отложил дело в долгий ящик, передав исторический документ комиссии на сохранение в ватиканский архив, где он лежит до сих пор.

В это-то тревожное для католической церкви время Лойола поселился в Венеции, ожидая товарищей. Вид республиканского и торгового города напомнил ему минувшие годы, когда он ездил в Иерусалим, и ему очень не хотелось предпринимать поездки в святую землю, где гордого и самолюбивого васкона могли опять встретить унижения и оскорбления. В конце концов он решил не ездить туда. Когда прибыл Лефевр с товарищами, Лойола представил им трех новых сочленов, завербованных в самой Венеции его стараниями; это были: два зажиточных брата из испанской Наварры, Эстебан и Хаим Эгвиа, и талантливый богослов Госец, родом андалузец из полумавританской Малаги. На расспросы прибывших Лойола рассказал, что, покончив дела в Испании, он заехал почему-то в Валенцию, оттуда на корабле достиг Генуи, а затем пешком, побираясь Христовым именем, поплелся на место свидания; так как подаяния были очень скудны, то очень часто приходилось Лойоле голодать, а под Болоньей он едва не умер от истощения. Трудно верится этому рассказу, так как известно, что у Лойолы в это время были значительные деньги, собранные с собственного наследства и после ликвидации имущества Ксавье, Лайнеса и Сальмерона. На вопрос товарищей, когда же они отправятся в Палестину, он уклончиво объяснил, что теперь зима, и потому переезд может быть крайне тяжелым, а лучше всего обождать до весны, то есть марта и апреля. Вслед затем Лойола предложил членам братства не терять даром времени, а принять на себя уход за больными в госпиталях св. Иоанна, св. Павла и для неизлечимых; те последовали безропотно этому приказанию и усердно взялись за дело, причем больше всех прославился Ксавье. Оставшись один, Лойола принялся исправлять и наставлять в делах веры венецианцев, когда-то осмеявших его.

Такое специальное занятие для светского человека не могло остаться безнаказанным. Встревоженные вторжением какого-то иностранца в их область, венецианские священники ополчились против Лойолы и привлекли его к ответу перед духовным судом. Однако глава зарождающейся новой общины не был уже тем наивным рыцарем св. Девы, который заставлял смеяться судей над своими выходками; он быстро сообразил шансы борьбы и тайно вступил в переговоры с архиепископом театинским Карафой. В чем состояли эти переговоры, осталось тайною, но только талантливый и образованный Караффа принял сторону васконского гидальго против венецианских священников и в этом смысле подействовал на папского нунция при республике Вералли, который председательствовал в суде. Когда наступил день разбирательства, священники просили запретить Лойоле поучать в их приходах, тем более что он — не духовное лицо и, кроме того, отъявленный еретик, с позором уже изгнанный из Франции и Испании. Обвиняемый представил свои объяснения, Караффа официально подтвердил их, и Вералли торжественно произнес оправдательный приговор; Лойола вышел из суда с гордо поднятой головой. Вскоре затем Караффа, основавший незадолго на средства графа Гастано Тини орден театинцев, или «настоящих клириков», в видах исправления приходского духовенства, начал убеждать Лойолу поступить со всеми его товарищами во вновь учрежденный орден, так как их цели казались одинаковыми. Но Лойола сам желал основать орден, в котором он был бы полным хозяином, а потому ответил архиепископу решительным отказом. Дружба с прелатом кончилась, но Караффу вскоре вызвали в Рим, сделали кардиналом и назначили в комиссию, о которой было говорено раньше; поэтому размолвка его с Лойолою кончилась пока ничем.

Подошла весна, и члены кружка снова заговорили о поездке в Иерусалим. Зная через Караффу, что на море вскоре возгорится серьезная война против мусульман и, следовательно, переезд будет немислим, Лойола не противоречил, но доказал на общем собрании, что без благословения святейшего отца предприятие невозможно, иначе в Палестине им будут мешать на каждом шагу. С такими доводами пришлось согласиться и сообща постановили командировать в Рим Лефевра и Ксавье за

благословением всей общины и за разрешением рукоположения в священники светским членам этой общины. Сам Лойола побаивался ехать в Рим, не зная, как отнесется к нему кардинал Караффа. Посланцы прибыли в вечный город и обратились за содействием к имперскому уполномоченному Ортицу, которого Лефевр знал лично. Ортица принял их очень ласково и хлопотал им аудиенцию у Павла III, рассказав ему, вероятно, о подвигах Лефевра с товарищами в Германии. Первосвященник принял Лефевра и Ксавье благосклонно, благословил их на миссионерский труд в Палестине, подарил им на дорогу 60 дукатов и разрешил принять рукоположение у любого епископа. Вполне довольные посланцы стали собирать деньги на дорогу, преимущественно среди испанских купцов, живущих в Риме, набрали около 150 дукатов и радостно возвратились в Венецию к Лойоле.

Решено было без замедления всем принять священнический сан, кроме Лефевра и Лайнеса, которые были рукоположены еще во Франции. Однако сделавшийся подозрительным Лойола не хотел обращаться к подчиненным Караффе епископам и воспользовался приездом в Венецию арабского епископа из Далмации; тот немедленно согласился, и 24 июня 1537 г. состоялось торжественное рукоположение в священники самого Лойолы, Ксавье, Сальмерона, Бобадильи, Родригеса, де Жэ, Кодюра, Брузэ, Госеса и братьев Эгвиа. Тринадцать священников, связанных между собою клятвою в монмартрском подземелье, были готовы ехать в Обетованную Землю проповедовать сарацинам учение Христа, но в это время наступательный союз папы, венецианского дожа и Карла V был формально заключен, и турецкому султану была объявлена война. Хитрость Лойолы удалась, так как пассажирское сообщение с Азией было прекращено и нежелательная для него поездка отлагалась на неопределенное время. Тогда Лойола предложил рассеяться по всей Италии для вербовки новых членов, а затем, выбрав удобное время, отправиться в Рим и исполнить вторую часть монмартрского договора, то есть поступить в полное распоряжение папы. В скором времени последователи Лойолы появились в Виченцо, Тревизо, Бассано, Падуе, Вероне и других городах, проповедуя против ересей, волнующих католический мир, против распушенности духовенства, против индифферентизма

светских лиц и вербуя в то же время новых сочленов в свой кружок.

Сам Лойола, в силу своих тайных соображений, избрал местопребыванием Альбанетту, расположенную под стенами аббатства Монте-Кассино в области Терра-ди-Лаворо, принадлежащей к Неаполитанскому королевству. С этих пор бывший товарищ превращается в полновластного владыку и начинает поступать, как подобало генералу будущего всемирного ордена; всеми способами, бывшими в его распоряжении, он старается внушить прежним товарищам, что только он один пользуется благоволением свыше, он один обладает даром предвидения и только ему Бог открывает свои тайные намерения. Когда перед разлукою в Венеции захандривший Родригес задумал уйти из кружка, но не говорил об этом никому, Лойола как-то проведал его тайну, но молча уехал в Альбанетту. Родригес собрался уехать из Венеции, но вдруг ему явился неведомый исполнитель с мечом в руке и именем Бога запретил ему покидать ряды лойоловой дружины; напуганный страшным ночным посещением, невежественный Родригес покорно сдался, а Лойола из Альбанетты немедленно известил об этом чуде остальных. Затем Лойола чрез откровение свыше узнал и заявил окружающим, что в ту минуту скончался в отдаленной Падуе Госес, душа которого явилась к Лойоле перед отлетом на небо. При этом совершилось новое чудо. Госес, трудившийся с Кодюром в Падуе, отличался темнокожим цветом лица и был очень безобразен собою; после же смерти лицо его просветлело и он сделался поразительным красавцем. Таким проявлением своего наземного могущества Лойола действовал на религиозно-суеверных сочленов и убеждал их, что его предприятие находится под специальным покровительством Иисуса Христа и св. Девы. Тем не менее, по внешности, Лойола оставался по-прежнему тихим, мягким, ласковым и скромным в costume и привычках; в случае надобности только обнаруживал он неуправляемую стойкость и пламенное красноречие.

Так провела «боевая дружина», как ее называл сам Лойола, вторую половину 1537 г. и большую половину 1538 г. Проповедуя усердно против ересей и заблуждений, члены дружины громогласно заявили всем: «Мы соединились под знаменем Иисуса Христа, чтобы бороться с ересями и пороками, поэтому мы образуем товарищество Иисуса». Итальянцы привыкли, таким образом, видеть во главе духовных борцов за чистоту веры товарищество Иисуса. К ним присоединился, на место умершего Госеса, первый

итальянец, по имени Страда, составивший уже себе имя ораторским талантом. Чем занимался все это время глава дружины, остается неизвестным, хотя он, конечно, постоянно следил и руководил действиями сочленов, направлял их в ту или другую сторону, — словом, вырабатывал из них достойных представителей будущего ордена иезуитов. Только осенью нашел Лойола уместным отправиться в Рим и для этого вызвал к себе Лефевра и Лайнеса, а остальным предписал также явиться в Рим, но несколько позднее. Чтобы поддержать мужество и энергию в Лефевре и Лайнесе, своих ближайших сотрудниках, Лойола прибегнул опять к чудесам. Не доходя милей двух до Рима из Альбанетты, они остановились в ла-Сторта, небольшом селении, на выезде которого стояла полуразвалившаяся часовня. По своему обыкновению, Лойола забрался в часовню, чтобы помолиться и поручить себя и нарождающееся общество милосердию Бога; долго пробыл он там, так что товарищи стали беспокоиться; наконец Лойола вышел с сияющим, вдохновенным лицом и объявил, что он сейчас удостоился разговаривать с Богом. Бог явился ему со своим Сыном и поручил последнему покровительствовать новому товариществу и его старшине; согбенный под тяжестью креста, Спаситель кротко принял изъявления преданности со стороны Лойолы и мягко произнес: «В Риме я буду благоприятствовать тебе». Ободренные таким небесным явлением, спутники, с верою в успех задуманного предприятия, вошли в октябре 1538 г. в вечный город.

При содействии того же Ортицы странники скоро получили аудиенцию у Павла III, который принял их благосклонно, будучи польщен покорностью людей, уже приобретших себе некоторую известность. Лойола выразил желание создать духовный орден, члены которого имели бы своею задачею обходить весь свет, поражать дурных людей словесным мечом, исправлять возникающее зло, разрушать дьявольские наваждения и стараться всеми силами возвратить католической церкви ее блеск и величие. Папе понравилась мысль, и он обещал подумать, так как в принципе он всегда был против учреждения новых духовных орденов, сознавая всю их бесполезность и даже вред для церкви. На время же Павел III предложил Лефевру и Лайнесу поступить в университет Ла-Сапиенца в качестве преподавателей: первый — священного писания, а второй — схоластики. Что касается Лойолы, то он сам вызвался исправлять нравы римлян: папа согласился на это, поручая ему разделить этот труд с театинцами Караффы,

вызванными уже с этой целью из Венеции. Довольный результатами аудиенции, Лойола поселился в доме испанского гидальго Гарцонио и приступил к исправлению римских нравов. Он неутомимо посещал церкви, хотя чаще всего был в церкви Богоматери монтецерратской, поучал по-кастильски народ и обличал еретиков в самой резкой и беспощадной форме. Постепенно стали подходить «дружинники» из разных городов, и Лойола распределял между ними городские участки, в пределах которых те занимались также исправлением нравов и обличением еретиков. О них заговорили в Риме и заговорили с уважением, как о безупречных людях.

В Риме славился в это время проповедник Аостино, родом из Пьемонта, монах ордена августинцев, привлекавший многочисленную толпу благочестивых слушателей. Лойола восстал против этого лукавого и снисходительного проповедника, доказывая, что он, под маскою ложного усердия к престолу св. Петра, сеет в народе ересь Кальвина. Задетый Аостино стал возражать, и между ними возгорелся отчаянный словесный поединок, окончившийся через некоторое время полною победою Лойолы. Тогда униженный августинец сделал донос властям, указывая, что сам Лойола — еретик, осужденный инквизиционными судами в Алкала-де-Генаресе, Париже и Венеции, где его восковое изображение было предано сожжению, так как сам виновный спасся бегством. Этот донос скоро сделался известен по всему городу, и Лойола потерял то уважение и обаяние, какими он пользовался до сих пор. Глубоко оскорбленный в своей гордости, Лойола обратился к бертинорийскому епископу Конверсини, исправлявшему должность римского губернатора, с просьбою ускорить по возможности судопроизводство. Папы в это время не было в Риме, он находился в Ницце, где старался помирить германского императора с французским королем. Конверсини, зная, что Лойола пользуется благосклонностью Павла III, исполнил его желание и окончил следствие довольно быстро. Донос не подтвердился, а находящиеся почему-то в Риме инквизиторы Фигвероа, Фриас и Ори, а также легат в Венеции Верали, лично подтвердили на суде, что Лойола был оправдан ими. Суд торжественно оправдал обвиняемого, и Аостино должен был спастись бегством в Женеву, где вскоре выступил явным врагом католицизма.

УЧРЕЖДЕНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА ИИСУСА

Между тем еще в посту 1539 г. вся «боевая дружина» Лойолы собралась в римском доме гидальго Гарцонио, где начались правильные заседания защитников католической религии. В первом заседании Лойола сказал: «Небо закрыло нам путь в Землю Обетованную с той целью, чтобы отдать нам весь мир. Немного нас теперь для такого дела, но мы умножаемся и начинаем формировать батальон. Однако никогда отдельные члены не окрепнут в достаточной степени, если между ними не будет общей связи; поэтому нам необходимо создать устав для семьи, собранной здесь во имя Бога, и дать не только жизнь новоучреждаемому обществу, но и вечность. Помолимся же все вместе, а также и каждый отдельно, чтобы воля Господня исполнилась». В одном из следующих заседаний Лойола подтвердил свои гордые слова: «Мы, рыцари, призваны самим Богом, чтобы духовно покорить весь мир; поэтому вполне необходимо, чтобы наше товарищество образовало боевую дружину, способную просуществовать до конца мира. Сомневаться же в вечности мы не имеем права, потому что она формально обещана нам Господом Богом и Иисусом Христом». Единогласно было решено в заседании побудить папу дать согласие на учреждение их товарищества, несмотря на то, что Павел III был вообще против духовных орденов. При этом зашла речь о названии. «Если вы мне доверяете, — заявил Лойола, — то мы назовем наше общество товариществом Иисуса. Это название выше других, и оно внушено мне двукратно свыше: в моем манреском убежище и в последнем видении близ Рима, когда Предвечный Отец сделал меня товарищем Своего Сына (*quando el Padre Eterno me puso con su Hijo*). Поэтому, дорогие братья, не ищите другого названия». Из этих речей становится очевидным, что в альбанеттском

убежище Лойола выработал не спеша и обдуманно полную программу своих будущих действий.

Приближалась суровая и беспощадная зима 1539 г., долго остававшаяся в памяти римлян по своим последствиям: начался голод и бедняки десятками замерзали на улицах и площадях. В это-то время выступил полузабытый и обгаемый со времени процесса Аостино нищий проповедник Лойола. Он понял, что наступил удобный момент вернуть необходимые ему симпатии жителей Рима, и не пожалел для этого накопленных сообща денежных средств. Его последователи ходили по всему городу, подбирали замерзающих и относили в дом Гарцонио, временно превращенный в обширный приют; здесь их отогревали, кормили, поили, давали одежду и небольшие суммы денег. Затем, в свободные минуты обходили дома богачей и собирали щедрое подаяние во имя голодающих; таким образом, весь Рим знал, чем занимается общество Лойолы. Не мудрено, что по окончании бедствия, уже весной 1540 года, благодарность народа не знала границ и все подозрения в ереси, возникшие еще при Аостино, рассеялись бесследно.

Политические затруднения продолжали удерживать Павла III в Ницце, а потому, чтобы не терять бесполезно времени, Лойола составил сжатый проект устава будущего общества и через кардинала Контарини отослал его в собственные руки папы. Последний прочел внимательно проект и радостно воскликнул: «Здесь виден перст Божий!» Дело в том, что, кроме трех обычных монашеских обетов, в проект был помещен четвертый: «Посвятить свою жизнь постоянному служению Христу и папе, исполнять военную службу под знаменем креста, служить только Иисусу и римскому первосвященнику, как его земному наместнику; таким образом, только настоящий папа и его преемники будут повелевать орденом в делах спасения душ и распространения веры, и в какие бы он страны для этого их не посылал, они, без малейшего замедления и без всяких отговорок, насколько только позволяют им силы, обязаны немедленно исполнять». Папа понял, что он приобретает могущественного союзника для борьбы с врагами его престола. Не желая, однако, решать такого важного дела единолично, Павел III переслал проект на рассмотрение лучшему богослову и канонисту, кардиналу Гвидиччиони, сам же нашел целесообразным испытать на деле силы нового общества.

С этой целью, для борьбы с ересями и религиозными новшествами, Лайнес и Лефевр были посланы с кардиналом Филонарди в Парму, Бобадилья — на остров Искию, де Жэ — в Бресча, Кодюр — в Падую, Бруэ и Страда — в Сиенну, Ксавье и Родригес — в Лиссабон. Во всех названных городах поручения Павла III были исполнены в высшей степени удачно, и общее внимание обратилось на этих даровитых и пока вполне скромных слуг папского престола. Лойола же с Сальмероном и братьями Эгвиа оставался в Риме, где продолжал приобретать симпатии жителей и очищать столицу от свободомыслия.

Проект устава между тем сел на мель. Кардинал Гвидиччиони, суровый пурист, придерживающийся буквы закона, отказался даже просмотреть присланный папою проект, опираясь на постановления латеранского и лионского соборов, состоявшихся в 1215 году при Иннокентии III и в 1274 г. при Григории X, которыми прямо воспрещалось учреждение новых орденов. Однако Лойола не унывал, извещаемый своевременно многочисленными друзьями, которых он сумел приобрести повсюду, о том, что делается против него и за него, какие средства были употреблены, чтобы повлиять на строгого кардинала, осталось неизвестным; явно же Лойола ничего не предпринимал; он только молился, чтобы Бог вразумил Гвидиччиони. Наконец он торжественно обещал отслужить три тысячи обедней, и на кардинала вдруг снизошло наитие свыше: неожиданно для всех, он тщательно прочел проект и нашел его превосходным; два другие кардинала, составившие с ним комиссию по воле папы, немедленно согласились с его авторитетным мнением, и судьба Лойолы была решена.

Возвратившийся из Ниццы Павел III, которому удалось хотя на время примирить Карла V с Франциском I, был очень доволен согласием кардинальской комиссии. 27 сентября 1540 г. была подписана булла «*Regimine militandis ecclesiae*», которою учреждалось «товарищество Иисуса», или «орден иезуитов». В этой довольно пространной булле сказано, между прочим: «Товарищество, или общество, Иисуса состоит из тех, которые во имя Бога желают быть вооруженными под знаменем креста и служить единому Господу и первосвященнику римскому, Его викарию на земле. Принятые в товарищество должны дать обет целомудрия, бедности, послушания генералу ордена и повиновения правящему церковью папе. Генерал ордена не-

ограничен в своей власти, но он обязан составить конституцию, или устав, общества с согласия большинства сочленов, в управлении же делами товарищества не должно превышать шестидесяти». Одна уже эта выдержка дает полное право предположить, что черновую этой буллы составлял гибкий и изворотливый Лайнес под диктовку Лойолы, так-таки и не выучившегося излагать свои мысли по латыни. Кроме того, почти в самом начале буллы сказано, что Лойола с товарищами окончили курс парижского университета; между тем мы видели раньше, что университета Лойола не посещал вовсе и даже не окончил курса в доминиканской коллегии. Употреблено ли это выражение так себе, для большей важности, или васконский гидальго представил подложный диплом, остается для нас вполне неизвестным.

Окончив все возложенные на них поручения, большинство иезуитов, как мы должны теперь называть сподвижников Лойолы, возвратились в Рим, чтобы принять участие в радости своего владыки, заветная мечта которого наконец осуществилась. Не явились только: Родригес, снискавший в Лиссабоне полное доверие португальского короля Хуана III и почти неограниченно распоряжавшийся церковными делами Португалии, и Ксавье, отправленный в качестве апостольского легата в Ост-Индию, что всегда составляло его пламенную мечту. Но папа спешил пользоваться трудами «боевой дружины», овладевшей уже его полным доверием. Вскоре после обнародования буллы Лефевр был командирован с особым поручением в Испанию, Сальмерон и Бруэ отправились в Ирландию поддержать католиков в борьбе с английским королем Генрихом VIII. Бобадилья и де Жэ были посланы в Германию бороться с протестантизмом, а Лайнес поехал в Венецию улаживать какие-то недоразумения. Благодаря их повсеместному появлению, в Европе скоро заговорили о иезуитах, называя их первое время разными именами: в венецианской республике их называли театинцами, по сходству первоначальной деятельности с орденом, созданным кардиналом Караффою; в Терра-ди-Лаворо — езуинами; в Романье — священниками св. Лучии, так как впервые они стали проповедовать в болонской церкви этой святой; в герцогстве феррарском — скофиотти, от головного убора; в Испании — иньигистами, в честь основателя ордена; только во Франции и в Риме их сразу стали называть иезуитами.

Что касается Лойолы, то он тихо и спокойно сидел в Риме, продолжая воздвигать и укреплять новое здание, созданное исключительно его заботами и настойчивостью. Наступило время избрания генерала ордена иезуитов, и по воле Лойолы все его сподвижники вернулись в дом Гарцонио, за исключением Ксавье, уже уезжавшего в Ост-Индию, и Родригеса, которые прислали свои голоса из Лиссабона. С молитвою приступили иезуиты к баллотировке по запискам и, конечно, единогласно избрали Лойолу, который ни с того ни с другого, начал скромничать, отказываться от высокой чести и уверять, что такая задача ему не по силам. Хитрый гидальго заставил еще два раза повторить баллотировку и только тогда, видя в единодушие бывших товарищей неисповедимую волю Божию, согласился принять должность генерала. На страстной неделе, 17 апреля 1544 г., этот выбор был утвержден Павлом III, и иезуитам оставалось только исполнить еще одну формальность.

22 апреля все наличные иезуиты собрались к обедне в церковь св. Павла, расположенную вне городских стен и называемую поэтому *chiesa extramuros*. Обедню служил впервые генерал ордена, который перед раздачею причастия громкогласно прочел буллу, учреждающую орден, и затем всенародно произнес обеты, указанные в булле. Перед окончанием же обедни Лойола принял перед главным алтарем присягу от своих сочленов, причем последние, в знак покорности, целовали его руку. С этого дня орден иезуитов официально стал существовать и с первых же дней нарушил данный обет быть бедным, так как Пиетро Кодаче, богатый римский дворянин и офицер папской гвардии, давно сделавшийся покорным слугою Лойолы, пожертвовал ордену все свое значительное имущество и сам поступил в иезуиты. В эту эпоху, на пятидесятом году жизни, Лойола вовсе не был похож на brave когда-то офицера Лопеца де Рекальде; в настоящее время это был человек среднего роста, слегка прихрамывающий, лысый, с лицом оливкового цвета, впалыми щеками, большим лбом, сверкающими и глубоко сидящими глазами; общее выражение лица было несколько загадочно-странное: по мнению друзей, на нем лежал отпечаток святости; враги же утверждали, что это просто помешанный человек. На самом деле это был упрямый васкон, задумавший и создавший грозную боевую дружину для защиты католицизма, могучий оплот обскурантизма и религиозного фарисейства.

УСТАВ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ

Ни одна конституция европейского государства не заставляла так много говорить и писать о себе, как конституция, или устав, ордена иезуитов. Ее разбирали по косточкам, обсуждали каждую фразу и высказывали самые разнообразные суждения о ее достоинствах и недостатках; а из этих суждений делали те или другие выводы о личности автора конституции, Игнатии Лойоле: одни считали его мировым гением, создавшим устав, выше которого ничего не было и не будет в человеческом обществе, другие высказывали убеждение, что этот устав слеплен из кусочков, сочиненных разными людьми и в разные времена, так что на долю Лойолы приходится самая ничтожная часть. Причина подобных разногласий кроется в том, что Павел III разрешил существование общества, устав которого он не знал, так как этого устава еще не было. Лойола только начал составлять устав в половине 1541 г. при содействии Лайнеса и своего секретаря Паланки, переводившего с кастильского на латинский; когда была окончена работа — неизвестно; но обнародован печатный устав был после смерти Лойолы, по одним сведениям в 1558 г., а по другим — в 1584 г. Таким образом, не имея перед собою кастильского текста, в настоящее время невозможно отграничить произведения Лойолы от позднейших вставок и добавлений его преемников в должности генерала ордена. Приходится делать это наугад, ощупью, соображаясь с характером Лойолы, насколько он известен из разноречивых показаний. По нашему мнению, большинство добавок в уставе относится к правам и обязанностям генерала; остальное, почти целиком, должно быть приписано исключительно Лойоле. Дело в том, что, как кажется, Лойола схитрил перед папою, уверяя его, будто он приступил к составлению устава только после утверждения ордена; на самом деле он занялся

этим трудом с половины 1537 г., тотчас по переселении в Альбанетту. Окончив работу, он не показывал ее, а несколько лет исправлял, проверяя сам на практике ее хорошие и дурные стороны. Только таким способом можно объяснить цельность, стройность и живучесть организации, существующей до сих пор и создавшей одно время ордену иезуитов всемирную монархию.

Видя печальное положение католической церкви, поколебленной отпадением нескольких миллионов людей почти одновременно, так что римские первосвященники становились в тупик, не зная, как помочь беде, Лойола или сам додумался, или понял из докладной записки верховной комиссии кардиналов в 1537 г., где находится корень всего зла. Павел III отступил перед исполненной задачей, естественно вытекающей из смысла докладной записки: перевоспитать все католическое общество; самолюбивый васкон отважно и уверенно принял эту задачу на себя и начал приводить ее в исполнение так умело и последовательно, что, не встречая орден иезуитов стойкого отпора во Франции, северной Германии и России, то легко могло бы случиться, что весь христианский мир сделался бы католическим. Система, принятая Лойолою, была очень нехитрая, но в этой простоте и заключалось все ее величие; придя к убеждению, что воспитание и образование, даваемое пастве без строгого контроля пастыря, ведет к вольнодумству, свободомыслию и неповиновению, он решил, что воспитание и образование должны быть сосредоточены в одних руках, но в руках надежных. А для того чтобы орден иезуитов и был «этими надежными руками», Лойола создал образцовую организацию внутреннего устройства ордена. Таким образом, главной задачей товарищества Иисуса было овладеть воспитанием и образованием молодежи, преподаванием в низших, средних и высших учебных заведениях, — словом, переформировать вполне умственный ценз христианского мира; поэтому благотворительность во всех видах, миссионерство среди не христиан, разъяснение богословских истин в исповедальне и с церковной кафедрой — все это становилось для иезуитов второстепенной задачей, на которую они, сравнительно, и не налегали особенно. Не доверяя такого дела папе, находящегося силою обстоятельств под всеобщим контролем, Лойола создал независимого от него владыку, «черного папу», который по уставу вполне самостоятельно шел к намеченной цели; и

если, по логическому ходу обстоятельств, папы очутились в зависимости от иезуитов, а последние сознательно стремились к всемирному господству, к всемирной монархии, то винить в этом Лойолу нельзя, как нельзя обвинять огонь, что он сжигает все органические тела, оставляя после себя пепел. Своеобразная задача потребовала и своеобразного решения.

Обратимся теперь к уставу, определяющему внутреннее устройство общества, созданного Лойолою. Орден иезуитов распадается на шесть классов: «послушники», «ученики», «светские кандидаты», «духовные кандидаты», «исповедники трех обетов» и «исповедники четырех обетов». Эти классы не представляют из себя замкнутых каст, но переход из одного класса в другой вполне зависит от способностей и степени развития экзаменуемого. Низший класс, послушники, или новиицы, распадается на три параллельных отделения: светские, духовные и безразличные; первые готовятся быть учителями, чиновниками, бухгалтерами и т. д.; вторые — священниками, миссионерами, монахами; третьи — наклонности и дарования которых еще не выяснились. Большой частью это дети и юноши, воспитываемые в духе, желательном ордену; поступить в этот класс извне может всякий, кроме бывшего уже послушником в каком-нибудь духовном ордене. Поступающий в послушники отрекается от своей воли, от своей семьи, от всего, что вообще дорого свободному человеку; он становится рабом ордена, который имеет право помыкать им, как вздумается; вступительные три обета, правила повседневной жизни, одежда, пища, жилище — для всех послушников одинаковы безусловно; испытания их полной подготовленности производятся преимущественно в возрасте от 15 до 18 лет. Приносящие с собою движимое или недвижимое имущество имеют право им пользоваться на свои личные потребности, но отчуждать не смеют, так как этим имуществом распоряжаются старшие начальники. Если послушник почувствует себя неспособным продолжать дальше жизнь в установленных рамках, то заявляет об этом одному из начальников и тот может его уволить из ордена без всяких стеснений и церемоний.

Второй класс, ученики или схоластики, мало чем отличается от первого: только научные занятия происходят в усиленной степени и дисциплина немного строже. Ученики

подготавливаются к произнесению данных уже ими обетов при более торжественной обстановке; однако, если принятая ими на себя задача окажется непосильной, то их также могут уволить из ордена. Нет возврата в мир из третьего класса, светских кандидатов, и параллельного с ним четвертого, духовных кандидатов. Эти два класса подвергаются испытаниям по всевозможного рода занятиям, конечно, сообразуясь со способностями каждого отдельного лица; не менее десяти лет испытаний, при расчете, чтобы испытуемый был не моложе полных 30 лет, дают право произнести свои обеты при торжественной обстановке, в присутствии высшего начальства. Во время испытаний кандидаты духовные могут быть, с разрешения властей, священниками, принимающими исповедь посторонних, миссионерами, пользующимися большой свободой действий, и начальниками иезуитских коллегий; светские кандидаты также, в случае надобности, могут исправлять более или менее ответственные должности, по указанию ближайшего своего начальника.

Произнеся торжественно обеты, кандидаты переходят в пятый класс, исповедников трех обетов, не подвергаемых уже испытаниям, а сознательно несущим свою службу на пользу и процветание ордена. В этот класс принимают на 33-м году жизни, когда характер человека вполне установится и на него можно положиться. Исповедник трех обетов трудится усиленно в различного рода должностях, согласно данной ему инструкции, но, как не подготовленный вполне, часто не знает мотивов того или другого распоряжения. Для того чтобы знать все тайные намерения, планы и соображения распорядителей судьбами ордена, необходимо удостоиться полного доверия со стороны генерала и перейти в последний, шестой класс, исповедников четырех обетов. Право произнести четвертый обет, повиновения римскому папе, предоставляется только лицу, доказавшему свою преданность генералу и ордену, — такому лицу, который не станет повиноваться папе в ущерб интересам своего ордена и сумеет дипломатично вывернуться в затруднительном положении. Строго говоря, единственно шестой класс и заслуживает названия настоящих иезуитов; в их руках находится вся судьба ордена, так как только они распоряжаются низшими классами бесконтрольно, из их среды избираются все высшие начальники, и они одни знают все тайны ордена. Поэтому понятно, что число исповед-

ников четырех обетов довольно ограничено, и в самую блестящую эпоху развития могущества ордена иезуитов их не бывало больше 50 человек. Но достичь такого блестящего положения можно только после длинного ряда годов, проведенных в трудах и искусствах.

Кроме перечисленных шести классов, составляющих собственно орден, в распоряжении иезуитов были и есть так называемые привлеченные, или светские иезуиты. Эти лица, очень многочисленные, не принадлежат ни к одному из классов и без всякой видимой связи с орденом занимают в обществе самые разнообразные положения; тут являются чиновники, священники, военные, профессора, адвокаты, медики, юристы, кокотки, дипломаты, помещики, великосветские дамы, моряки, придворные, писаря, модистки, газетные репортеры, нищие, полицейские чины, торговцы, художники, актрисы, литераторы и мастеровые. Большая часть из них воспитывалась в иезуитских учебных заведениях и сохранила связи с бывшими своими наставниками и воспитателями; другие привлечены прямо подкупом, или же им обещаются и исполняются различного рода домогательства, не достижимые обыкновенным путем. В большинстве случаев привлеченные так или иначе зависят от ордена, который ничем не связан с ними и всегда может отречься при промахе или скандалах с их стороны. Между тем польза от привлеченных очень велика и понятна.

Что касается внутреннего управления ордена, то во главе его состоит генерал, избираемый верховным советом, или конгрегацией, пожизненно и утверждаемый папою; это утверждение обратилось впоследствии в пустую формальность. Все члены ордена повинуются генералу беспрекословно, слепо, не позволяя себе рассуждать; прием и удаление членов вполне зависит от него, он созывает верховный совет, председательствует в нем и пользуется двумя голосами. Ничто не может совершиться в ордене без ведома и согласия генерала, от которого зависят назначения на все должности; только его «ассистенты» и советник, или «адмонитор», назначаются верховным советом после его избрания. Если генерал уезжает по важным делам из Рима или почему-нибудь не может исполнять своей должности, его замещает им же избранный генерал-викарий; перед смертью генерал назначает своего преемника, но если он не успеет этого сделать, то исповедники четырех обетов собираются и немедленно избирают генерала, чтобы

орден ни секунды не оставался без главы. Избираемый не имеет даже права отказаться от ответственной должности. По идее Лойолы, суммы, отпускаемые на содержание генерала, расходуются верховным советом, который имеет право, в случае растраты и явно соблазнительного образа жизни, немедленно сместить генерала. Деятельность главы ордена заключается в непрерывном руководстве и контроле всех действий членов, для чего он поддерживает постоянную переписку, причем каждый иезуит имеет право, по делам ордена, прямо адресоваться к генералу, единственной заботой которого должно быть развитие его всемирной монархии, его государства в государствах; он может обладать научным образованием, но важнее всего для него знание человеческих слабостей, неустанная деятельность, отважная решимость, мудрая осторожность и железная сила воли для достижения намеченной цели.

Ассистенты генерала составляют его тайный совет; это — его министры; они являются, в числе пяти, представителями орденовых провинций, по именам которых и называются. Они созданы не только для помощи генерала, но и для надзора за ним, поэтому ассистенты могут, в случае серьезной необходимости, созвать верховный совет помимо генерала, даже низложить последнего, заручившись письменным согласием провинции. Шестой член тайного совета, адмонитор, дает секретные советы «в почтительной форме» генералу, в случае его промахов во вред ордена, и также избирается верховным советом. Такая система шпионства, примененная к властелину ордена, применяется последним ко всем подчиненным ему в орденовые лица, а при содействии всех членов и «привлеченных» к заслуживающим внимание лицам вне ордена, почему генерал постоянно знает все, что делается на свете. Необходимо заметить при этом, что шпионство над поведением генерала мало опасно ему в силу его неограниченной власти; весь тайный совет находится прямо в его руках; он может его разогнать, арестовать, наказать, наконец, генерал в силу папской буллы 14 марта 1543 г., может самостоятельно изменить статьи устава и сделать из членов тайного совета прямых исполнителей своих распоряжений. Таким правом пользовались преемники Лойолы, генералы Лайнес, Борджиа и Аквавива.

Вся иезуитская монархия, для удобства управления, разделяется на провинции, которых по смерти Лойолы уже

было двенадцать. Во главе каждой провинции находится «провинциал», или губернатор, заботящийся о процветании вверенной ему области и получающий приказания прямо от генерала; он назначает преподавателей для «послушников» и «учеников», прокуроров, ведающих имущественные дела провинции, священнослужителей, светских префектов, научных префектов, санитарных префектов, исповедников, проповедников, совещательных членов, «регентов» или администраторов коллегии, профессоров и членов совета в коллегиях. Только назначение вице-провинциала, старшин домов «исповедников» и «послушников», ректоров и канцлеров коллегий принадлежит генералу; иногда провинциал может и их назначать, но везде и всегда необходимо утверждение со стороны генерала. Чтобы последний лучше знал, на ком остановить свой выбор, провинциал через каждые три года посылает ему самый полный список всех подчиненных ему лиц, с подробным разъяснением характера, способностей, наклонностей, общественных связей и познаний каждого. На помощь провинциалу существует его тайный совет, состоящий из 3 ассистентов и 1 адмонитора. В соответствующих условиях асходятся старшины, или «настоятели» домов, исповедников трех обетов и ректоры коллегий, равноправных, в силу папского разрешения, всем католическим университетам.

Кроме шпионства тайного, но повсеместного, генерал посылает в провинции по временам «комиссаров» и визитаторов для ревизий, исправления нанесенного вреда, приема жалоб и подробного донесения о положении дел. Старшины и ректоры докладывают провинциалу письменно каждую неделю о своих делах, провинциал докладывает генералу ежемесячно, а в январе представляет годичный отчет. Раз в три года созывается провинциальная конгрегация из «исповедников» для обсуждения нужд и потребностей местных; особый депутат отвозит лично генералу полный журнал заседаний и докладывает словесно о том, что опасно доверить бумаге. Общеиезуитский официальный костюм напоминает васкона; сомбреро, или шляпа с полями, старинный черный плащ и под ним черная сутана; в случае же надобности иезуит может явиться в омофоре епископа, мантии кардинала, мундире офицера, сюртуке частного лица и фраке светского щеголя. О наружности иезуита есть предписание Лойолы: «Голова слегка наклонена вперед, но

не свешена вправо или влево; глаза опущены на столько, чтобы не смотреть на собеседника, а искоса следить за ним; хмуриться и морщить нос не следует, вообще сохранять невозмутимость, но при этом внешний вид иметь больше ласковый и довольный, чем печальный; не разевать рта и не поджимать губы; ходить по возможности всегда степенно». Прежде чем постановить это правило, Лойола долго обдумывал его, плакал и семь раз обращался с молитвою к Богу.

ГЛАВА VIII

ГЕНЕРАЛ ИНЬИГО ЛОЙОЛА

Уступая «настояниям» своего духовника, священника Теодосио при церкви св. Петра монторийского, Лойола принял должность генерала ордена после третьей баллотировки и, чтобы публично показать пример смирения, первые дни исполнял должность кухонного мальчика. Затем он вернулся к своим обычным занятиям в созданной им школе, где обучал очень успешно мальчиков, несмотря на плохое знание итальянского и латинского языков. Бывший офицер приобрел такую славу своими педагогическими приемами, что даже богатые родители охотно помещали своих детей в его скромную школу. Кроме того, он почему-то полюбил евреев и ревностно старался обращать их в христианство; успех подстрекнул его идти дальше, и он нашел новую специальность: исправлять и обращать на путь истины падших женщин. Почти ежедневно он посещал площади, базары, рынки, дома терпимости и разные притоны вечного города; везде раздавалась его страстная, вдохновенная речь, и почти всегда ему удавалось увести раскаявшуюся в особо устроенный им приют, где он также поучал женщин христианским добродетелям и евангельскими истинам. Вслед за тем Лойола создал второй приют, где находили убежище одинокие благородные девушки и молодые женщины, спасаясь от мирских соблазнов, а подчас и нищеты. Многие женщины из обоих приютов посвящали себя Богу, поступали в монастыри, принимали на себя обучение детей, и легко понять, как эти «привлеченные» ревностно служили целям ордена, поддержавшего их в тяжелую минуту. Только со вторым приютом случился скандал. Туда попала замужняя женщина, и ее родственники распустили по Риму слух, что она находится в любовной связи с Лойолою и некоторыми его друзьями; весь город заговорил об этом, и сконфуженный генерал вы-

нужден был прибегнуть к декрету Павла III, чтобы разъяснить дело и успокоить общество.

Одновременно с этими делами Лойола составлял по-кастильски конституции, или устав, своего ордена. Поклонники его уверяют, будто во всех мало-мальски затруднительных вопросах генерал обращался за разъяснениями непосредственно к Богу, благодать которого, видимо, почивала на нем. Обыкновенно, как рассказывают, Лойола излагал сомнительный для него параграф на бумаге, которую помещал на престоле на все время обедни; если по окончании обедни текст оставался без изменения, то Лойола считал одобрение Бога несомненным. Рассматривая этот устав, составленный при божественном сотрудничестве, можно видеть, что главными консервативными тормозами, предохраняющими орден иезуитов от распада, были следующие пункты: система взаимного шпионства, доведенная до виртуозности; формальное запрещение членам ордена принимать должности и звания вне ордена; учреждение цензурной комиссии из трех делегатов, без одобрения которой ни один иезуит не смел напечатать что бы то ни было. Благодаря этим основным правилам, орден иезуитов, несмотря на значительные промахи своих отдельных членов, имеет возможность существовать до настоящего времени, правда, не признаваемый многими *de jure*, но фактически пользующийся большими богатствами, властью, силою и несомненным влиянием.

Занимаясь всем вышесказанным, Лойола зорко следил за первыми шагами в свете своих сочленов, ободряя одних, сдерживая других, исправляя промахи третьих; главная задача ордена преследовалась им неумолимо, и многие из его подчиненных действовали в этом отношении единодушно и с блестящим успехом. Желая поддержать доверие к себе, генерал повторил чудо 1537 г.: проезжая с Виоле 29 августа 1541 г. по мосту Сикста, он вдруг остановился и с молитвою объявил, что видел улетающую душу Кодюра, который умер в это время в Падуе. Видя рвение и усердие Лойолы в исполнении принятого им на себя обязательства бороться с врагами католической церкви и папского престола, Павел III обнародовал 14 марта 1543 г. буллу «*Injunctum nobis*», в которой разрешил ордену иметь неограниченное число членов и, кроме того, в знак полного своего доверия, дал право генералу изменять статьи устава,

сообразно с обстоятельствами и требованиями времени, без ведома самого папы. В силу такого обширного полномочия, Лойола сделал некоторые изменения во внутреннем устройстве ордена; до сих пор члены ордена делились на два класса: послушников и исповедников четырех обетов; находя это не соответствующим действительным потребностям растущего не по дням, а по часам ордена, Лойола ввел постепенно еще два класса, духовных и светских кандидатов. Эта реформа была одобрена новой буллой 5 июня 1546 г. «*Exponi nobis*». Затем для послушников Лойола сделал обязательным изучение его «Духовных упражнений», написанных по-кастильски еще в Манресе. Когда враждующий с иезуитами архиепископ толедский Силичео запретил формально употребление этой книги, переполненной описаниями военных действий Иисуса Христа против сатаны, неугомонный генерал вызвал к себе наиболее образованных «кандидатов» и велел им сделать перевод по-латыни; лучшим переводом оказался труд француза Андре Фрюза. Его перевод напечатали и передали покровителю испанских иезуитов, герцогу Франциску Борджиа-Гандиа, а тот представил его Павлу III; папа рассмотрел и одобрил «Духовные упражнения», о чем и заявил 31 июля 1548 г. в булле «*Approbatio exercitiorum*», настоятельно рекомендуя их всем набожным людям и порицая сурово хулителей книги.

Родригес и Ксавье были избраны самим Лойолою, когда португальский король Хуан III, снесшись письменно со своим другом Говеаном, провизором коллегии св. Варвары в Париже, обратился через своего посланника в Риме Маскареньяса, родственника Алиеноры Маскареньяс и духовного сына самого Лойолы, к папе с просьбою прислать иезуитов для исправления веры и нравов португальцев. Потрудившись сначала совместно и овладев доверием слабохарактерного и недалекого по уму Хуана III, Ксавье отправился в португальскую Ост-Индию в качестве папского легата. Это было в мае 1541 г. Побывав в Мозамбике, Ксавье прибыл в Гоа и принялся ретиво и своеобразно обращать туземцев в христианство; он учил детей молитвам, платя за это сладостями, а когда те твердо отвечали урок, приказывал учить родителей и заносил семью в список христиан. Индусы смеялись над оригинальным миссионером и прятались от него, если он являлся с военным конвоем. Недовольный сдержанностью вице-короля, не давав-

шего ему батальонов, Ксавье заставил Хуана III сместить его, а затем, воспользовавшись случаем, отправился в Индокитай, на полуостров Малакку, на Зондские, Молуккские и Филиппинские острова, долго жил в Японии и умер 3 февраля 1552 г. на южной границе в заветный для него Китай, обратив по своему способу почти 200 000 человек в христианство и вытребовав в Гоа доминиканских инквизиторов для поддержания повиновения среди бунтующих туземцев. Ксавье признан, однако, папою святым и прозван апостолом Индии.

Родригес, сын сапожника из Буцеллы, остался один при Лиссабонском дворе и повел иезуитскую пропаганду со всей наглостью зазнавшегося простолюдина, попавшего в барские хоромы. Пользуясь покровительством короля, он немедленно, исполняя завет Лойолы, основал в университетском городе Коимбре первую в Европе иезуитскую коллегия, чтобы бороться со светскими преподавателями; после отъезда Ксавье явилась вторая коллегия в Оporto. Исполняя второй завет Лойолы, Родригес старался снизить расположение знатного дворянства и для этого всеми дозволенными и недозволенными средствами привлекал знатных юношей в ряды иезуитов; таким образом в списке членов появились в короткое время Баретто, Сильвейра, братья Менесес, Камара, Энрикес и даже Браганса. Последнего, близкого родственника Хуана III, Родригес насильственно увез в дом «исповедников» и заставил принять пострижение. Дворянство, оскорбляемое иезуитами, почти взбунтовалось и подало королю петицию; король стал упрекать Родригеса, но тот с неподражаемой дерзостью обругал за это его и заявил, что если король посмеет настаивать, то он сам уедет и увезет всех иезуитов из Португалии. Хуан III испугался, уступил и стал еще более раболепным; когда Родригес захворал в Альмейрике, то король со всем двором навещал его несколько раз, недовольных иезуитами сажал в тюрьму, поручил Родригесу воспитание своего сына и наследника престола, принца Хуана, и дал средства устроить третью коллегия в Эворе. После 1543 г. у большинства аристократов духовниками были иезуиты. Вскоре затем иезуиты проникли в Бразилию, в 1549 г. утвердились там, а в 1553 г. Лойола должен был назначить туда особого провинциала. Понятно, что Родригес зазнался и начал пренебрегать своими прямыми обязанностями настолько, что коимбрская колле-

гия, вместо соперничества с университетом, была заброшена и почти развалилась. Долго переносил Лойола своеволие своего любимца, но последнее обстоятельство вывело его из терпения, и Родригес был смещен из провинциалов, чем крайне огорчился португальский король. Подстрекаемый Родригесом, Хуан III поссорился с Лойолою, но последний сумел внушить к себе доверие и помирился.

Сальмерон и Бруз были отправлены папою в качестве легатов в Ирландию; злоупотребляя своим положением, они так бесцеремонно и нахально обращались со свободолюбивыми ирландцами, что те несколько раз покушались на их жизнь. Не принеся пользы и спасая свою жизнь, достойные легаты тайком бежали из Дублина в Италию, где дела ордена процветали. Лайнес тактично повел дело в Венеции и снискал доверие общества; Липпомани подарил ордену дом и землю в Падуе, чтобы устроить первую в Италии иезуитскую коллегию, которою первое время руководили Паланка и Фрюз; то же самое сделал Мендози в Тиволи, Дория в Генуе и кардинал Карпи в Лоретто. Постепенно основались коллегии в Мессине, Палермо, Неаполе, Турине, Мантуе, Флоренции, Ферраре, Болонье, Парме, Сиенне и Авиньоне; благодаря такому успеху, Лойола нашел необходимым разделить Италию на три провинции. Папа разрешил выстроить в Риме огромный дом для надобностей ордена и радовался успеху исполинского предприятия. По указанию Лойолы, Сальмерон стал руководить пропагандою в Модене, Бруз в Сполето, а Лайнес и Араоц в качестве провинциалов, в Венеции, Падуе и Неаполе. По недостатку рук Лойола захотел облегчить условия зачисления в «исповедники», но случай с Постелем вынудил его оставить прежние условия. Вильгельм Постель, из подонков немецкого бюргерства, обратил на себя внимание генерала и быстро был переведен в старший класс; почувствовав свою силу, он сделался так дерзок и груб, как только может быть зазнавшийся немец, поэтому Лойола вынужден был торжественно выгнать его из состава ордена и удалить даже из Италии. 3 июня 1545 г. была обнародована булла «Cum inter», которою Павел III разрешал любезным его сердцу иезуитам совершать богослужения во всех церквах, селениях, на всех дорогах, площадях, не испрашивая разрешения местного духовенства, повсеместно проповедовать, поучать, исповедовать, отпускать грехи,

кроме указанных в особом списке, изменять сущность даваемых частными лицами обетов и подвергать безапелляционно провинившихся духовному наказанию.

Португальская принцесса Мария, дочь короля Хуана III, выданная по настоянию Родригеса замуж за испанского принца Филиппа, сына Карла V, в 1543 г., привезла с собою в Вальядолид, тогдашнюю столицу Испании, Лефевра и Араоца. Эти два даровитых иезуита приобрели покровительство вице-короля Каталонии, герцога Франциска Борджиа-Гандиа, правнука по матери короля Фердинанда-Католика; этот знатный вельможа, правнук по отцу папы Александра VI и брат двух кардиналов, был ревностный католик и, заботясь о спасении своей души по рецепту Лойолы, дал широкий простор иезуитам в управляемых им областях и поддерживал их при каждом случае. В скором времени в университетском городе Алкала-де-Генарес была учреждена первая в Испании иезуитская коллегия, а затем коллегии появились в Малаге, Гренаде, Кордове, Севилье, Бургосе, Барселоне, Мурсии и пр., и пр. Блестящи были успехи Лефевра, оставшегося провинциалом после перевода Араоца в Неаполь, но упорна была и борьба его с врагами иезуитов. Кардинал Мендоза дал средства на устройство коллегии в Саламанке, но против этого восстали все профессора университета, с Кано во главе; этот знаменитый богослов без стеснения заявил всем, что приближается конец света, так как появились иезуиты, «предтечи антихриста». Толедский архиепископ Саличео принял сторону университета, и его викарий принялся выживать последователей Лойолы, подвергнутых отлучению от церкви, из всей саламанкской епархии. Лойола, интересуясь особенно своею родиной, принял деятельное участие в борьбе, и последствия не замедлили показать его могущество: профессор-богослов Кано был командирован представителем Испании на тридентский собор, а затем был назначен епископом Канарских островов; архиепископ Силичео смирился перед буллой 18 октября 1549 г. «*Licet debitum*», объявившей иезуитов под особым покровительством папского престола, и вскоре почему-то скончался. Провинциал Страда, заменивший Лефевра, отправленного в Германию, с торжеством вернулся в Саламанку, в сопровождении гускского епископа, освятившего лично здание коллегии. Торжество иезуитов было полное, и даже малограмотный

ректор барселонской коллегии, Виллануово, приобрел множество новых членов ордену.

В Нидерланды, подчиненные также скипетру Карла V, иезуиты попали через Францию и раньше всего основали свою коллегию в Турне, а затем постепенно устроились в Антверпене, Брюгге, Люттихе, Генте, Брюсселе, Монсе, Лилле, Дуэ и Маастрихте; первое время коллегии в этих городах были скромно и даже бедно обставлены, так как духовные ордена не имели права приобретать имущества в Нидерландах, но впоследствии иезуиты сумели обойти этот закон и приобрели дома и земли среди фламандцев и валлонов. В Германии, главном очаге протестантизма, первое время успехи пропаганды были очень слабые. Первыми явились туда ле Жэ и Бобадилья, затем к ним присоединился Лефевр; они участвовали в переговорах на рейхстагах в Регенсбурге и Вормсе, где простой народ был до такой степени раздражен против ле Жэ, что хотел утопить его в Дунае. Пришлось спасаться бегством, и ле Жэ нашел приют в Ингольштадте, где баварский герцог Вильгельм II дал ему профессиру. Бобадилья устроился в Вене под покровительством эрц-герцога Фердинанда, брата императора, а Лефевр поселился в Кельне, начав серьезную борьбу с антикатолическими идеями; при этом он привлек под знамя Лойолы голландца Канисиуса, настоящая фамилия которого была ван Гондт. Этот уроженец ганзейского города Нимвегена пользовался репутацией дельного преподавателя и впоследствии прославился «кратким катехизисом», принятым во всех учебных заведениях католической Германии. Медленно воздвигались иезуитские коллегии в Вене, Инсбруке, Праге, Мюнхене и Ингольштадте, но со вступлением на императорский престол Фердинанда I дела изменились и быстро появились коллегии в Майнце, Трире, Граце, Галле и Диллингене; затем иезуиты вторглись в Чехию, Магьярию, Литву и Польшу.

Неурядица в Германии, вызванная религиозным движением, заставила немецких князей просить папу о созыве собора, чтобы разрешить массу возникших вопросов. Долго уклонялся от этого Павел III, сознавая предстоящие затруднения с епископами Германии и Франции, стремящимися свергнуть с себя иго римского первосвященника, но наконец уступил и 31 декабря 1545 г. открыл XIX вселенский собор в епископальном городе Триденте. Чтобы отстаивать первенство папского

престола, Павел III прислал множество своих приверженцев под видом легатов, а кроме того, просил Лойолу командировать на собор лучших богословов; выбор генерала пал на Лайнеса и Сальмерона, которым он дал особую инструкцию, рекомендуя в ней удерживаться от прений с лучшими богословами Европы, чтобы не обнаружить своего невежества. Хитрый Лайнес лучше понял тайное желание папы и оставил инструкцию своего генерала без внимания. Иезуиты явились в Тридент, где встретили ле Жэ, приехавшего официально от аугсбургского епископа, скромно поселились в госпитале и нахально стали вмешиваться во все учебно-богословские споры, поднимая тьму вопросов по предметам, не относящимся до прямого назначения собора. Своими схоластическими рассуждениями о непорочном зачатии и свободной воле Лайнес вывел епископов из терпения и те пожаловались Павлу III; папа воспользовался этим и, под предлогом лучшего руководства, перевел заседания в Болонью; однако многие остались в Триденте, и таким образом собор затянулся на неопределенное время. Ле Жэ между тем снискал расположение эрцгерцога Фердинанда, и тот стал просить папу назначить его епископом триестским; обратились к Лойоле, но генерал формально запретил ле Жэ и думать об епископии, из принципа не желая отпустить из ордена талантливых членов. В то же время, в 1548 г., Бобадилья попал в Аугсбурге на интерим, или соглашение католиков с протестантами, грубо удержал баварского курфюрста Фридриха II от перехода в лютеранство и наговорил дерзостей Карлу V; император выгнал его из Германии, и Бобадилья прибыл в Рим, где Лойола громогласно осудил его, чтобы только не раздражить Карла V, хотя тайно одобрил поведение сочлена.

Хуже всего для иезуитов дела шли во Франции. Не имея в своих рядах французов, первое время иезуиты бесцеремонно выгонялись за границу, как испанские подданные, по случаю войны между Карлом V и Франциском I. Наконец, они втерлись под прикрытием первых французов, привлеченных в орден, Виоле и Пеллетье; те познакомились в Триденте с клермонским епископом Гильомом Дюпра, сыном знаменитого канцлера Франции, кардинала и архиепископа санского Антуана Дюпра, и тот подарил Виоле принадлежащее ему здание сенженевьев-

ского аббатства в Париже, где немедленно возникла коллегия. Против такого захвата восстал парижский университет, поддержанный парламентом и парижским епископом, энергичным Эташем дю Белле; пока шла словесная война, иезуиты учредили коллегии в Билломе и Мориака. Интересуясь Францией, где собственно орден и был основан, Лойола воспользовался приездом в Рим кардинала Шарля Лоррень-Гиза и сумел заручиться покровительством этого гордого вельможи для ордена. Кардинал расположил к иезуитам самого короля Франсиска I, но враждебная партия взяла верх, и парламент осудил последователей Лойолы, назвав их «безнравственным скопищем, в среде которого множество преступников, заведомых негодяев и незаконнорожденных отпрысков». Виоле явился в Рим, где состоялось тайное совещание. Мнение генерала одержало верх: он предложил стусеваться и притаиться, пока не уляжется возбуждение и не успокоится общественное мнение. Расчеты Лойолы оправдались: 31 марта 1547 г. скончался Франциск I и на престол вступил его сын Генрих II, муж знаменитой Катарины Медичи; благодаря итальянской принцессе, иезуиты нахлынули во Францию и долго пользовались громадным политическим влиянием.

Таковы были первые годы жизни ордена иезуитов, созданного Лойолою. Старик продолжал жить в Риме, ревниво оберегая свое детище от возможного крушения. Умер в 1549 г. Павел III, и на престол вступил Гиоччи, под именем Юлия III; этот папа также покровительствовал ордену и дал ему еще несколько привилегий. Юлия III сменил Марцелл II в 1555 г., проживший на престоле всего 23 дня, а затем был избран папою недруг Лойолы, кардинал Караффа, под именем Павла IV. Новый первосвященник относился к ордену сдержанно и холодно. Огорченный и больной генерал стал хиреть, перебрался в новое здание, им же выстроенное, спасаясь от повальной болезни, косившей римлян, и тут скончался на руках своего секретаря Паланки 31 июля 1556 г., не назначив себе преемника. Претендентами на главенство в орден явились Паланка, Бобадилья и Лайнес. Последний, как самый коварный, одержал верх на выборах 2 июля 1558 г., и Павел IV признал его вторым генералом иезуитов.

Приводим список генералов ордена иезуитов: 1) Игнатий Лойола, испанец, 1541—1556 г.; 2) Яго Лайнес, испа-

нец, 1558—1565 г., уничтожил в уставе многое, стеснявшее неограниченную власть генерала; 3) Франческо Борджиа-Гандиа, испанец, бывший вице-король Каталонии, 1565—1572 г., первый начал вмешиваться в европейскую политику; 4) Эверард Меркуриан, бельгиец, 1572—1580 г.; 5) Клавдио Аквавива, неаполитанец, сын герцога Антонио Аквавива-Конверсано, 1580—1615 г., дал окончательную редакцию уставу ордена; при нем значилось официально 10 600 иезуитов; 6) Муцио Вителлески, римлянин, 1615—1643 г., при нем папа Григорий VI признал 12 марта 1622 г. Лойолу святым; 7) Виченцо Караффа, римлянин, 1643—1649 г.; 8) Франческо Пикколомини, флорентиец, 1649—1651 г.; 9) Александр Готифредо, римлянин, 1651—1652 г.; 10) Госвин Никкел, баварец, 1652—1664 г.; 11) Джанпаоло Олива, генуезец, 1664—1681 г.; при нем иезуитов было 17 655 человек; 12) Шарль де-Нойелль, бельгиец, 1681—1686 г.; 13) Тирсо Гонзалес, испанец, 1686—1705 г.; 14) Микеланджело Тамбурины, моденец, 1705—1730 г.; при нем было иезуитов 19 988 чел.; 15) Франциск Ретц, чех, 1730—1750 г.; 16) Игнатий Висконти, ломбард, 1750—1755 г.; 17) Луиджи Чентуриони, генуезец, 1755—1757 г.; 18) Лоренцо Риччи, флорентиец, 1757—1773 г.; при нем орден был официально закрыт, имея в своих рядах 22 589 чел.; 19) Станислав Черневич, литвин, 1773—1782—1785 г.; 20) Гавриил Ленкевич, поляк, 1785—1798 г.; 21) Франциск Карё, немец, 1798—1802 г.; 22) Гавриил Грубер, австриец, 1802—1805 г.; 23) Таддеуш Бржозовский, поляк, 1805—1820 г.; при нем орден был официально восстановлен; 24) Людовик Фортис, ломбард, 1820—1839 г.; 25) Иоганнес Роотгаан, голландец, 1839—1853 г.; при нем иезуитов числилось 5510 чел.; 26) Иоганн-Петр Бёкс, бельгиец, 1853—1884 г.; увеличил число иезуитов до 8000 чел. с лишком, а в религиозно-политической борьбе с Германией, известной под именем «Kulturkampf», одержал победу над князем Бисмарком, заставив его отменить «майские законы»; 27) нынешний генерал ордена Антоний Андерледи с 1884 года, избран после отречения Бёкса, родом ирландец.

Носятся слухи, что после Лоренцо Риччи иезуиты избирают двух генералов: один — настоящий властелин ордена, живущий в настоящее время со своим тайным советом в Америке, а другой — подставной, вроде громоотвода, живет в Риме и руководит

политикой пап. Насколько это верно, решить, конечно, трудно.

Однако наблюдения некоторых лиц, имеющих возможность близко следить за деятельностью ордена, подтверждают отчасти это предположение.

ГЛАВА IX

ИЕЗУИТЫ В РОССИИ

Умирая, Лойола оставил 12 иезуитских провинций и 35 «исповедников четырех обетов»; умно заведенная машина пошла в ход и, несмотря на громадные препятствия, орден рос, развивался и богател, приобретая земные сокровища во всех частях света, пока единодушный взрыв народного негодования по всей Европе не заставил папу Климента XIV уничтожить это темное царство, эту шайку алчных и развратных интриганов; его булла 21 июля 1773 года, «*Dominus ac Redemptor noster*», прекращавшая официально существование ордена иезуитов, была встречена с восторгом и благословениями, хотя самому папе стоила жизни, так как он скончался от отравы 22 сентября 1774 г. Но орден продолжал существовать, так как его зависимость от папы была лишь пустым звуком. «Черный папа» фактически гораздо могущественнее «белого папы», так как он опирается на мастерски выдрессированную боевую дружину, рассеянную по всему свету и скрывающуюся под самыми разнообразными нарядами. Уже покорный слуга «черного папы», кардинал Чиарамонти, едва вступил на папский престол под именем Пия VII 14 марта 1800 г., как немедленно разрешил существование ордена, но дал свое согласие тайно, опасаясь Наполеона I; 17 августа 1814 г., видя политический хаос в Европе, Пий VII смело обнародовал буллу «*Sollicitudo omnium ecclesiarum*», в которой восстанавливал орден во всех правах и привилегиях.

После буллы Климента XIV только два государства дали иезуитам позволение существовать официально: Пруссия и Россия. Прусский король Фридрих II, друг Вольтера и д'Аламбера, смотрел не очень благосклонно на последователей Лойолы и собирался выгнать их из своего государства; когда в 1772 г. иезуиты стали просить позволения расселиться по всей Пруссии, Фридрих II ответил

едкими насмешками и категорично отказал. Но, при обнародовании буллы, он вдруг признал их педагогические способности и дал им, к удивлению всей Европы, права гражданства. Честолюбивый провинциал Силезии, Троиль, возмечтал сделаться главою ордена и принудил провинциальную конгрегацию избрать его генерал-викарием после арестования Риччи в Риме. Конечно, такой мятеж в благоустроенной иезуитской монархии не мог быть терпим, и Троиль вскоре скончался, громогласно каясь в своей дерзкой выходке; но это не спасло силезской провинции ордену. Уже в 1776 г., удовлетворясь унижением римской курии, Фридрих II принялся бесцеремонно выгонять иезуитов, заявляя, что они — плохие преподаватели, а в 1781 г. силезская провинция прекратила официально свое существование, хотя, конечно, иезуиты существуют там и до настоящего времени.

В Россию иезуиты попали при совершенно других обстоятельствах. Овладев окончательно Польшей при Стефане Батории, они уже с тех пор стали стремиться в Москву, хотя крайне неудачно; иезуит Антоний Поссевин, в качестве королевского посла, вел богословские споры с Иваном IV, который одержал верх, благодаря сочинениям какого-то книжника Никиты; папский легат Рангони почти создал в России смутное время, поддерживая Лжедмитрия I, но и тут пропаганда иезуитизма потерпела крушение. Первые Романовы также не впускали это «темное царство» в свое государство, и только при царевне Софии, благодаря князю Василию Васильевичу Голицыну, иезуиты устроились в Москве; однако указ императора Петра I, от 18 апреля 1719 г., заставил их покинуть Россию и прекратить свою пропаганду. Признавая вредное влияние ордена, преемники Петра I держались той же консервативной политики до 1772 г., когда состоялся первый раздел политически умиравшей Польши; под скипетром Екатерины II очутилась вся Белоруссия с католическим, униатским и полузадушенным православным населением. То, что казалось естественным и возможным при польских королях в этой издревле русской и православной области, сделалось невозможным при русской императрице, и Екатерина II деятельно принялась за религиозно-политическую реформу.

Весь присоединенный край был разделен на семь провинций, из которых четыре образовали Могилевскую

губернию, а остальные три были присоединены к Псковской губернии. В этих семи провинциях процветали все католические духовные ордена, разрешенные папами в числе 23, но наибольшим значением пользовались иезуиты, создавшие пресловутую унию, как переходный мостик для легчайшего совращения православных в католицизм. Еще до присоединения Белоруссии скончался 14 октября 1754 г. могилевский епископ Иероним Волчанский, и католики хотели упразднить православную кафедру, но св. синод назначил 20 августа 1755 г. епископом Георгия Конисского и этим спас «схизматиков» от окончательной гибели. С 1772 г. дела, конечно, переменялись, и Екатерина II сразу показала, что она не допустит вмешательства папы в ущерб своим самодержавным правам, хотя желала быть вполне веротерпимой. Униатский епископ Смогоржевский уехал в Варшаву и хотел оттуда управлять епархией, но правительство отказалось признавать его и велело избрать Ираклия Лисовского; с католическим епископом Массальским, жившим постоянно в Вильно, поступили точно так же, и на его место был избран могилевским епископом глубокообразованный Станислав Сестренцевич-Богуш. Все иноверное духовенство почувствовало над собою властную руку императрицы, и папы приходили в отчаяние, видя, что целый край эмансипируется от их произвола.

На Литве и Белоруссии при польском владычестве числилось официально 1077 иезуитов; после раздела на долю России пришлось 32 «ученика», 98 «духовных кандидатов» и 48 «исповедников»; у них было шесть коллегий: в Полоцке, Витебске, Динабурге, Орше, Мстиславе и Могилеве; кроме того, — до десяти миссий и резиденций в других местах. Провинциал Казимир Соболевский имел постоянное местопребывание в Варшаве, откуда управлял Польшею, Литвою и Белоруссиею, составлявшими одну иезуитскую провинцию; после обнародования буллы Климента XIV Соболевский скромно отрекся от власти, и главою иезуитов в России сделался его вице-провинциал Станислав Черневич. Родом литвин, Черневич получил образование в Вильне и долгое время состоял польским делегатом при генерале Риччи в Риме, где и был допущен в шестой класс; возвратясь из Италии, Черневич поступил ректором полоцкой коллегии и совместно с этим сделался вице-провинциалом. Задача, выпавшая на его долю, была не из легких: он видел надвигавшуюся на орден грозу и силою об-

стоятельств сделался подданным государства, крайне не расположенного к иезуитам; талантливый литвин блестяще решил сложную задачу.

Черневичу нужно было поддержать во что бы то ни стало существование крайне потрясенного ордена, добиться официального признания самого права на его существование, доказать римскому первосвященнику все его бессилие перед «товариществом Иисуса» и убедить католический мир в могуществе и несокрушимости общества Лойолы, — а для всего этого необходимо было одурачить властных людей России, начиная с дальновидной и самодержавной императрицы и кончая мелкой сошкой, окружавшей белорусского генерал-губернатора, графа Захара Григорьевича Чернышева. С этой целью первым делом Черневича было внушить правительству, что иезуиты — самые вернопреданные подданные императрицы; пока католическое духовенство Белоруссии медлило присягать «схизматической» монархии, Черневич собрал всех иезуитов в своей столице, Полоцке, и торжественно привел их к присяге 24 ноября 1772 г., в день ангела Екатерины II, причем патер Катебринг произнес блестящее похвальное слово русской императрице. Такой всенародный поступок богатого и влиятельного ордена произвел сильное впечатление на католиков, и к новому году все белорусское духовенство было приведено к присяге. Затем Черневич с Катебрингом и ректором полоцкой коллегии, Ленкевичем, приехал в Петербург присягать не только за свою провинцию, но и за заграничных иезуитов; политический нарек на иезуитов Польши и Литвы понравился Екатерине II, граф Чернышев был очарован и вскоре подпал влиянию умного и энергичного Черневича.

Существование ордена было обеспечено вполне своевременно, потому что 23 июля 1773 г. грянула булла об уничтожении ордена. Епископ Сестренцевич повез ее в Петербург, но Черневич приехал раньше его, побывал у Чернышева, и в результате явилось распоряжение императрицы, не допускающее обнародования буллы. Папские нунции в Варшаве, Гарампи и Аркетти, поддерживаемые из Рима, напрягли все усилия, заодно со Сестренцевичем, чтобы сломить явных ослушников папской воли, но все их усилия разбились о стойкость и энергию изворотливого провинциала. Устроив арест священника, подосланного в Полоцк из Варшавы нунцием

Аркетти, Черневич воспользовался приездом генерал-губернатора и стал официально хлопотать об устройстве новициата, для приема «послушников». В Риме всполошились, и конгрегация «*de propagandae fidae*» решилась в начале 1777 г. на крайнюю меру, предоставив Сестренцевичу, заклятому врагу иезуитов, звание апостольского делегата над всеми католическими орденами в России, в том расчете, что он сумеет тогда прекратить существование «товарищества Иисуса». Между тем изворотливый Черневич заручился содействием возвышающегося Григория Александровича Потемкина и устроил так, что императрица прямо приказала Сестренцевичу открыть новициат в Полоцке; злосчастный епископ вынужден был 30 июня 1779 г. подписать окружное послание в пользу иезуитов, а 2 февраля 1780 г. состоялось самооткрытие новициата при торжественной обстановке, и в Полоцк нахлынули «послушники» из Польши, Германии, Австрии, Италии и даже Америки; выбирались, конечно, самые богатые и знатные, причем Черневич ставил обязательным условием изучение русского языка.

Добившись одного, иезуиты задумали восстановить должность генерала ордена. Снова начался ряд интриг: Екатерину II, проезжавшую через Полоцк, приняли среди утонченной лести и роскоши, окончательно овладели Потемкиным, который действовал заодно с Чернышевым, и связали руки Сестренцевичу, выхлопотав ему звание могилевского архиепископа, но приставив ему коадьютором иезуита Бениславского. Архиепископия дана была в январе 1782 г., а уже 17 октября Черневич был избран генералом ордена иезуитов, 1-го же марта 1783 г. Бениславский явился в Рим в качестве русского посланника. Для ответного посольства был избран бывший нунций Аркетти, злейший враг иезуитов; он явился через Тульчин, осыпал укоризнами Сестренцевича и принялся беспощадно бранить всех последователей Лойолы, однако в Петербурге и ему пришлось смириться под давлением Потемкина и Безбородко; кроме того, ему обещали выхлопотать кардинальскую шляпу, и сбитый с толку посол передал 18 октября архиепископский паллиум Сестренцевичу, а Бениславского посвятил в епископа гадаринского. За такую покорность Аркетти получил 14 июля 1784 г. наперстный крест, стоимостью в 10 000 руб., и драгоценные меха в подарок от Екатерины II. Волею-неволею, сознавая свое бес-

силе, римская курия должна была оставить в покое иезуитов, ставших твердою ногою в России.

Со смертью Черневича в июне 1785 г. окончился первый, подготовительный период пребывания иезуитов в России. Им нужно было найти место, где они могли бы сплотиться против ватиканских громов, и, благодаря Черневичу, задача была выполнена блестяще; умирая, он оставил орден сильным и богатым: официально существовали 6 коллегий, 2 новициата, 10 миссий, разного имущества на 3 000 000 с лишком и 14 000 крепостных крестьян, освобожденных от казенных налогов. Преемник Черневича, Габриэль Ленкевич, спокойно и уверенно перешел в наступление, следуя традиционному завету Лойолы стремиться ко всемирной монархии. Началась серьезная пропаганда среди униатов и евреев, привлечен в союз орден базилиан, и иезуиты ретиво принялись совращать православных в католичество; первым был совращен граф Чернышев, выстроивший в своем имении Чашниках католическую церковь. Явился венский уроженец Габриэль Грубер с изумительно разносторонним образованием, и пропаганда перебралась незаметно в Петербург, где иезуиты овладели церковью св. Екатерины на Невском проспекте, втерлись в доверие императора Павла I и его супруги, императрицы Марии Феодоровны, переполнили собою ряды мальтийских рыцарей, а в то же время иезуит Зенович приготавливал русские фальшивые ассигнации, Шуазель Гуффье грабил казну, а д'Огард и Чацкий воровали лучшие книги в императорской публичной библиотеке, пользуясь своим официальным положением. Совращая русских аристократов и богачей, иезуиты рассыпались по всей России, не обращая внимания на закон, ограничивающий их пребывание одною Белоруссиею; следы их темной деятельности отразились в обеих столицах, на Кавказе, в Сибири, в Новороссии, Поволжье и Лифляндии; в благодарность за поддержку России в тяжелую для них минуту, иезуиты по своему выразили признательность: они перевоспитали в антигосударственном духе Белоруссию, Литву и Польшу.

Когда началась французская революция, в европейском обществе повело реакцией против свободомыслия и либерализма; иезуиты воспользовались умело новыми веяниями, и их влияние возросло. Несколько иезуитов основали в бельгийском городе Лувэне «Общество св. Сердца» и, спа-

саясь от французов, перешли в Лейтерсгофен, возле Аугсбурга, где открыто заявили свою солидарность с белорусскими иезуитами, а затем совершенно слились с ними при генерале Бржозовском. Пармский герцог Фердинанд Бурбон, напуганный революцией, попросил у Ленкевича 23 июля 1793 г. помощи, и ему дали Паниццони с несколькими сочленами: Паниццони выгнал из герцогства «паканаристов», выдававших себя за иезуитов, овладел воспитанием юношества, основав пять коллегий, и сделался всемогущим. Какой-то образованный москвич, возмущенный наглостью иезуитов, издал брошюру, в которой метко очертил всю их деятельность в прошлом и настоящем; оскорбленный Грубер добился полного изъятия этой брошюры из обращения. Преемник его, Тадеуш Бржозовский, стал хлопотать о предоставлении государственных прав кончающим курс в иезуитских коллегиях и достиг того, что 10 июня 1812 г. полоцкая коллегия была торжественно переименована в академию, а через два года Пий VII вернул иезуитам все их права и привилегии.

Император Павел I скончался 11 марта 1801 г., и на престол вступил его сын, Александр Павлович, воспитанный Лепарпом и Самборским в религиозном индифферентизме, но с наклонностью к мистицизму. Понятно, что с гуманными воззрениями, заимствованными у Локка и Руссо, не могло связываться покровительство товариществу Иисуса, и действительно император Александр I никогда не был расположен к ним, но терпел их до поры до времени, тем более что характер императора всегда выражал нерешительность, неуверенность в себе и мнительность. Ректор Петербургской коллегии, Грубер, хотел воспользоваться переменой монарха и заговорил грубо и дерзко; в ответ на его письмо последовало высочайшее повеление об освобождении митрополита Сестренцевича от полицейского надзора, под который он попал, благодаря иезуитам, потеряв все должности и звания; затем, благодаря настойчивости генерал-прокурора Беклешова, митрополит был восстановлен во всех своих правах. Груберу приходилось вести тяжелую борьбу также за обладание церковью св. Екатерины, в чем ему немало помогал купец Пирлинг, отец нынешнего старшины русских иезуитов в Париже. Кончилась на первых порах эта борьба тем, что в России было обнародовано бреве папы о восстановле-

нии ордена, хотя в самой Италии Пий VIII не решался обнародовать об этом буллы.

Умер генерал Карё и, благодаря содействию князя Кочубея, Грубер был избран генералом 10 октября 1802 года, почти без ведома Сестренцевича. Вскоре он перенес свое местопребывание из Полоцка в Петербург и здесь открыл аристократический пансион аббата Николя, с платою по 1500 руб. с каждого воспитанника; в пансионе очутились князья Юсуповы, Голицыны, Орловы, Гагарины, Меншиковы, Волконские, сын принца вюртембергского, Нарышкины, Бенкендорфы, Полторацкие, Плещеевы, Дмитриевы и другие. Но этот пансион был замаскированно иезуитский, а потому Грубер открыл и явно иезуитский, куда поступили Толстые, Голицыны, Гагарины, Кутузовы, Строгановы, Растопчины, Шуваловы, Вяземские, Северины, Одоевские, Пушкины, Глинки, Рюмины, Новосильцевы и Каменские. После того началась вербовка членов за границей, и все, что было иезуитски умного в Европе, все хлынуло в Россию. Сначала соблюдались церемонии и вежливые обходы законов, но потом перестали заботиться об этом: не принимали русского подданства, являлись с фальшивыми паспортами, занимали должности священников, не имея на то никакого права, и т. д. Грубер случайно сгорел в пожаре, но Бржозовский продолжал деятельно пропаганду окатоличения России, поддерживая усердно снова рассыпавшихся по Европе иезуитов.

Чаша терпения императора Александра I переполнилась, и 20 декабря 1815 г. последовал указ сенату об изгнании иезуитов из пределов России. Ввиду упорства сильно присосавшихся членов «темного царства», этот указ пришлось повторить в 1817 г., но только благодаря энергии министра духовных дел и народного просвещения, князя Голицына, доклад которого был высочайше утвержден 13 марта 1820 г., удалось официально очистить Россию от иезуитов. С этого момента начинается третий период их деятельности в русских пределах — период тайной пропаганды. Из Галиции, из Вены, из Парижа и других мест иезуиты стали вторгаться в Россию под всевозможными видами, с поддельными паспортами, вмешиваясь везде и во все; они до настоящего времени рассеяны по всему нашему отечеству под различными названиями и узнают друг друга по условному сгибанию

пальцев правой руки. В 60-х годах была обнаружена их пропаганда, направленная из Норвегии к совращению поморов в католичество; обстоятельство это вызвало появление ответных писем Ю. Ф. Самарина иезуиту из русских, Мартынову, в которых мастерски были очерчены последователи Лойолы. История с католическим священником, выпущенным в 1882 г. из тюрьмы в Авлонах, после многолетнего заключения, снова обратила внимание на иезуитов. Наконец, длинный ряд чисто русских имен в списке иезуитов, остановившемся на рюриковиче, потомке рязанских князей, принявшем в марте 1890 г. католичество, постоянно напоминает нам, что Россия не скоро еще избавится от служителей «черного папы», пользующегося каждым случаем, чтобы попытаться вернуть свое прежнее значение в России.

СОДЕРЖАНИЕ

САКИА-МУНИ (БУДДА)

Его жизнь и философская деятельность

Предисловие	5
Введение. Краткий очерк социального и политического быта Индии до Сакиа-муни. Религия, мораль и философия Индии до Сакиа-муни	7
Глава I. Жизнь Сакиа-муни до открытия им основ его учения. Место рождения Сакиа-муни, его генеалогия, рождение, детство, воспитание.— Вступление в брак.— Нравственный кризис.— Причины его, по буддийским и историческим данным.— Сакиа-муни отшельник.— Его жизнь в отшельничестве. Открытие им основных истин его учения	26
Глава II. Сущность учения Сакиа-муни. Сходные черты учения Сакиа-муни и браманов.— Догматическая часть его учения: 4 основные истины о страдании и избавлении от них.— Нирвана.— Закон непостоянства.— Закон воздаяний и справедливости.— Мораль, или аскетика, учения.— 10 нравственных правил.— 10 цепей. Отношение к кастам.— Взгляд на некоторые метафизические вопросы.— Форма изложения учения.— Односторонность учения Сакиа-муни	36
Глава III. Учительская деятельность. Ее неудачное начало, причины неуспеха.— Касьяпа-огнепоклонник и его ученики.— Сакиа-муни склоняет к принятию своего учения Касьяпу и делается главой 600 учеников.— Вторичное вступление на арену учительской деятельности.— Ложные слухи о политических замыслах Сакиа-муни и опровержение им этих слухов.— Смерть отца Сакиа-муни.— Покровители и враги его.— Диспуты с антагонистами.— Преследования со стороны браманов и Девадатты, одного из учеников Сакиа-муни.— Девадатта — основатель секты	48
Глава IV. Распространение учения Сакиа-муни. Успех учения.— Причины этого успеха.— Духовные и светские по-	

следователи Сакиа-муни.— Бикшу и бикшуни.— Община.— Правила приема.— Правила общежития.— Образ жизни Са- киа-муни и его учеников	59
--	----

Глава V. Последние события из жизни Сакиа-муни. Заклю- чение. Гибель родины Сакиа-муни.— Он — свидетель разру- шения родного города.— Его последние странствования.— Болезнь.— Завещание ученикам.— Путешествие в Кусинага- ру.— Смерть и сожжение его праха.— Спор учеников об останках учителя.— Дальнейшая судьба учения Сакиа- муни	65
--	----

К О Н Ф У Ц И Й

Его жизнь и философская деятельность

Предисловие	73
В в е д е н и е. Краткий очерк истории Китая до Конфуция . . .	74
Глава I. Генеалогия Конфуция.— Его рождение, детство и юность.— Поступление на службу.— Служебные успе-	84

Глава II. Смерть матери.— Отставка.— Первое выступление Конфуция как общественного учителя.— Трехгодовой траур.— Занятия наукой и искусствами.— Конфуций де- лается известным и приобретает последователей.— Его первое путешествие и применение его теоретических по- знаний на практике.— Занятия музыкой	90
---	----

Глава III. Возвращение в Лу.— Продолжение у ч н ых заня- тий.— Путешествие в княжество Тси.— Встреча на пути.— Пребывание в княжестве Тси.— Поездка в княжество Чжеу.— Отзыв Конфуция о его учении.— Изречения древних китайских мудрецов и мнение о них Конфуция.— Свидание Конфуция с Лао-Цзы	95
---	----

Глава IV. Возвращение в княжество Тси и затем в Лу.— Бесе- ды с учениками.— Исправление священных книг.— Конфу- ций начинает исторический труд «Чунь-цю» и другие	104
--	-----

Глава V. Новые путешествия в княжества Чжунь и Тси.— Взгляд Конфуция на охоту.— Прозорливость Конфуция и его великодушие.— Беседа с учениками о средствах избавления родины от бедствий	109
---	-----

Глава VI. Конфуций — государственный деятель.— Меры, предпринимаемые им для увеличения благосостояния граждан.— Назначение его верховным судьей.— Козни врагов и отставка Конфуция.— Пребывание Конфуция в кня- жествах Вей и Сунг.— Скорбь Конфуция о постигающих его неудачах.— Учение Конфуция о браке, семье и т. д. . . .	116
--	-----

Глава VII. Возвращение на родину.— Последние годы жизни Конфуция.— Окончание его исторических трудов.— Смерть его и погребение.— Почести, оказанные Конфуцию после смерти	125
---	-----

Глава VIII. Успех учения Конфуция.— Причины этого успеха.— Характеристика Конфуция и его учения	131
---	-----

САВОНАРОЛА

Его жизнь и общественная деятельность

Глава I. Разъединение Италии в XV веке.— Борьба между правителями отдельных итальянских государств.— Деморализация всех классов общества, высших и низших	143
---	-----

Глава II. Детство Савонаролы.— Придворная жизнь в Ферраре.— Бегство Савонаролы из родного дома и поступление в монастырь	150
--	-----

Глава III. Деятельность Савонаролы в Болонском монастыре Сан-Доминико.— Первое путешествие во Флоренцию.— Неудачное проповедничество в этом городе.— Успех проповеди в Сан-Джмениано и в Брешии.— Собрание в Реджио.— Джованни Пико.— Возвращение во Флоренцию.— Религиозные и нравственные взгляды Савонаролы.— Отношение к нему Лоренцо Медичи.— Смерть Лоренцо и его исповедь у Савонаролы.— Удаление из Флоренции	157
---	-----

Глава IV. Карл VIII французский.— Пиза.— Карл VIII и Савонарола.— Карл VIII во Флоренции.— Флоренция после Медичи.— Новое законодательство.— Отношение к нему Савонаролы	173
--	-----

Глава V. Партии во Флоренции.— Проповеди Савонаролы.— Карл VIII в Италии.— Людовик Сфорца.— Папа и Савонарола.— Преобразование детей.— Новые проповеди Савонаролы.— Опасности, которым он подвергается.— Валери и кампаньянци.— Система налогов.— Карнавальные празднества.— Сопrotивление Риму.— Враги Савонаролы во Флоренции.— Отлучение Савонаролы от церкви	184
--	-----

Глава VI. Перемена в настроении во Флоренции.— Заговор Петра Медичи.— Протест Савонаролы против отлучения.— Возбуждение против Савонаролы.— Его отношение к враждебным проиcкам.— Намерение созвать собор.— Перехваченное письмо к Карлу VIII.— Предложение огненной пробы.— Осада и взятие Сан Марко.— Плен Савонаролы	200
---	-----

Глава VII. Следствие над Савонаролою.— Пытки.— Казнь.— Обвинения против Савонаролы.— Общая оценка его деятельности	209
--	-----

ТОРКВЕМАДА («Великий инквизитор»)

Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции

Введение. Апологеты инквизиции.— Веротерпимость первых веков христианства.— Начало гонений и первые законы против еретиков.— Августин и его проповедь нетерпимости.— Возвышение папства и крестовые походы как причина зарождения инквизиции.— Лангедок и графы Тулузские.— Альбигойцы-катары и альбигойцы-вальденсы.— Первые сожжения еретиков.— Третий Латеранский собор.— Постановления собора.— Первый поход против альбигойцев.— Веронский собор.— Иннокентий III.— Легаты и миссионеры.— Св. Доминик.— Петр Кастельно.— Четвертый Латеранский собор.— Падение Лангедока.— Первая инквизиция . 215

Глава I. Великий инквизитор. Иоанн Торквемада.— Рождение Фомы Торквемады.— Два рассказа о первых годах его жизни.— Назначение его приором.— Торквемада духовник Изабеллы.— Соединение Кастилии и Арагонии.— Роль Торквемады в этом событии.— Значение Торквемады в истории инквизиции.— Первые трибуналы в Испании.— Инквизиция в Кастилии.— Булла 1478 г.— Катехизис Мендоцы.— Севильская инквизиция.— Грамота милосердия.— Квемадеро.— Бегство мараносов.— Апелляция в Рим.— Протест Сикста IV.— Торквемада великий инквизитор.— Генеральная юнта инквизиторов.— Недовольство испанцев.— Убийство Арбуо.— Роль Торквемады в подавлении недовольства.— Письмо Сикста 233

Глава II. Инквизиционный процесс. Приезд инквизитора.— Извещение жителей.— Отсрочка милосердия.— Настроение общества.— Доносы.— Начало процесса.— Инквизиционная тюрьма.— Заседание трибунала.— Первое свидание подсудимого и судей.— Свидетели.— Право отвода обвинителя.— Камера пыток.— Пытка веревкою, водою и огнем.— Виды преступлений, подлежащих инквизиции.— Категория обвиненных.— Аутодафе частное и общее.— Общее число жертв инквизиции 247

Глава III. Торквемада, мавры и евреи. Торквемада объединитель Испании.— Мавры и их культура.— Влияние их на испанцев.— Начало освобождения испанцев и нетерпимость.— Евреи в Испании.— Нетерпимость и объединение Испании.— Начало борьбы с Гренадой.—хлопоты Торквемады и опасения Рима.— Падение Гренады.— Мнимое святотатство евреев.— Декрет об их изгнании.— Заступничество Абарбанеля.— Вмешательство Торквемады.— Исполнение декрета.— Отъезд и гибель эмигрантов.— Радость Торквемады и заботы о трибунале.— Съезд инквизиторов в Вальядолиде.— Инквизиционный террор.— Смерть великого инквизитора 258

Глава IV. Преемники Торквемады. Диэго Деца.— Талавера и Хименес.— Мориски.— Люцero.— Хименес инквизитор.— Испанцы требуют реформы инквизиции.— Новый кодекс инквизиции.— Уничтожение сословных привилегий.— Лютеране и инквизиция.— Политика Филиппа II.— Борьба с лютеранами в Испании.— Аутодафе 8 октября 1559 г.— Инквизиция и мориски.— Результаты политики нетерпимости.— Инквизиция и литература.— Инквизиция за пределами Испании.— Иосин Перес де Сааведра.— Инквизиция в Германии и Франции.— Падение инквизиции в Испании и Португалии.— Всеобщая инквизиция.— Венецианская инквизиция.— Эхо нетерпимости в России.— Заключение	271
--	-----

ИГНАТИЙ ЛОЙОЛА

Его жизнь и общественная деятельность

Глава I. Эпоха Возрождения	291
Глава II. Дворянин Лопес де Рекальде	298
Глава III. Рыцарь св. Девы Марии	305
Глава IV. Проповедник Лойола	315
Глава V. Павел III и его кардиналы	322
Глава VI. Учреждение товарищества Иисуса	330
Глава VII. Устав ордена иезуитов	335
Глава VIII. Генерал Иньиго Лойола	343
Глава IX. Иезуиты в России	354